

3

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

9/93

Печать
1993

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

- А. П. Бородин** — Объединенное дворянство и аграрная реформа 33
И. В. Михутина — СССР глазами польских дипломатов (1926—1931 гг.) 45

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А. И. Немировский** — Иоанн Креститель 59

ВОСПОМИНАНИЯ

- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 73

ПУБЛИКАЦИИ

- Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р. В. Малиновского (май — ноябрь 1914 г.). (Вступительная статья **Ю. Н. Амиантова** и **З. Н. Тихоновой**). 104

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал **А. И. Деникин** — Очерки русской смуты 126

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- Е. Ф. Шмурло** — С. М. Соловьев. (Вступительная статья **С. Г. Яковенко**) 151

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А. Н. Ерошкина** — Деятель эпохи просвещенного абсолютизма И. И. Бецкой 165
- А. С. Ходнев** — Закат Лиги Наций 170

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В. А. Муравьев, А. Д. Степанский** — Американский историк о первой российской революции 174
- И. Е. Зеленин** — М. Н. Денисевич. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930—1985 гг.) 179
- В. В. Тимофеев** — Р. Дебо. Выживание и консолидация. Внешняя политика Советской России. 1918—1921 181
- К. В. Гусев** — Г. А. Герасименко. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.) 182
- В. В. Шелохаев** — Н. Г. Думова. Либерал в России: трагедия несовместимости (исторический портрет П. Н. Милюкова) 184
- Д. В. Чернышевский** — Е. Л. Рудницкая. Русский бланкизм: Петр Ткачев 185
- К. Е. Рогачев** — В. Т. Пашуто. Русские историки-эмигранты в Европе 187

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- М. М. Бондарь** — С больной головы на здоровую 189

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

28 февраля 1937 г. Вечернее заседание

А н д р е е в (председательствующий). Заседание открывается. Слово по пункту «б» порядка дня имеет тов. Каганович.

Каганович¹. Товарищи! Сама формулировка 3 пункта порядка дня пленума ЦК определяет и содержание доклада, и характер его практических выводов. Мы обсуждаем не отчет о работе наркомата в целом. Мы здесь обсуждаем не доклад о выполнении планов годовых, равно как и выполнение пятилетнего плана, который железнодорожный транспорт выполнил так же, как и тяжелая промышленность, в четыре года. Мы обсуждаем здесь уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. Это означает, что мы должны вскрыть особенности этого вредительства, его приемы борьбы, а главное — вскрыть наши ошибки, ошибки хозяйственных руководителей, хозяйственных работников, партийных и беспартийных, начиная от низового хозяйственного работника и кончая народным комиссаром, которые вовремя не разоблачили вредительских действий врагов.

Корни и характер японо-немецко-троцкистского вредительства на железнодорожном транспорте те же, что и в промышленности, о которой здесь докладывал т. Молотов. Мы имеем дело с бандой оголтелых разведчиков-шпионов, озлобленных растущей мощью социализма в нашей стране и применяющих поэтому все средства изуверской борьбы с Советской властью, с Советским Союзом, какие имеются в арсенале шпионов, диверсантов и разведчиков. К железнодорожному транспорту в особой мере применимо то, что указано в первом абзаце проекта резолюции пленума ЦК, что «троцкисты, ставшие наемным отрядом фашизма, восприняли приемы вредительства всех ранее раскрытых вредительно-шпионских организаций в промышленности и на транспорте».

По отношению к железнодорожному транспорту можно даже сказать, что они восприняли не только приемы, они восприняли значительную часть неразоблаченных людей и даже сохранившихся в течение ряда лет целых организованных групп. Процесс ликвидации последствий вредительства шахтинцев, Промпартии, фон-мекковской японской шпионской организации и ряда других вредительских организаций на транспорте шел медленнее, чем этот процесс шел в промышленности. В результате этого в тяжелой промышленности производственный подъем начался гораздо раньше, чем на железнодорожном транспорте.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1992, №№ 2—12; 1993, №№ 2,5—8.

На железнодорожном транспорте вредительские организации, которые я перечислил, не были ликвидированы до конца. Остались не только люди, но и организованные люди, не только на местах, но и в центре, в Народном комиссариате путей сообщения. Вот почему троцкисты, особенно развернувшие свою работу в 1931 г., на железных дорогах не только восприняли приемы старых вредителей, а получили в лице вредительских групп готовые организации, с которыми они слились, с которыми они заключили союз. Этот союз оказался исключительно выгодным для троцкистов, потому что специалисты вредители-шпионы занимали в НКПС и на дорогах как раз те официальные посты, которые давали им возможность, прикрываясь техническими и теоретическими формулами, путать технические планы железнодорожного транспорта и тем самым легально, открыто срывать государственные планы перевозок и тормозить развитие транспорта.

Вот что показывает по этому поводу Серебряков: «В конце декабря 1933 г. для встречи с Арнольдовым я направился к нему в НКПС... Я сказал ему, что помню его «троцкистские грехи», относящиеся к 1927—1928 г. и более позднему времени, и спросил его, не изменил ли он своих политических позиций теперь. Арнольдov мне заявил, что если он раньше просто сочувствовал троцкистам и не принимал активного участия в их борьбе с партией, то теперь его настроения таковы, что он хотел бы действовать активно... Вслед за этим я предложил Арнольдovu принять участие в деятельности организации.

На вопрос Арнольдова, какие функции будут возложены на него, я ему указал, что организация ставит перед собой задачу дезорганизации и развала транспорта, для чего ему, занимающему руководящее положение в НКПС, нужно будет вести вредительскую работу так, чтобы добиться срыва перевозок путем: уменьшения суточной погрузки за счет установления заниженных норм пробега вагона и паровоза; увеличения процента порожнего пробега вагонов; недоиспользования тяговой мощности паровозов как по скорости, так и по весу поезда; увеличения парка «больных» вагонов и паровозов путем недоброкачественного их ремонта; создания искусственных пробок в ответственных узлах и направлениях и приведения путевого хозяйства в состояние, угрожающее безопасной эксплуатации, т. е. создания условий, способствующих увеличению количества крушений и аварий.

Более подробных указаний я Арнольдovu не давал, так как он являлся опытным транспортником и в подробных указаниях не нуждался. Арнольдov сказал мне, что мои указания в значительной части совпадают с точкой зрения реакционной части специалистов-транспортников, «теоретически» обосновавших заниженные показатели деятельности транспорта и внедрявших их в практику работы железных дорог. Арнольдov разъяснил мне, что он лично как троцкист не считал своей обязанностью противодействовать вредительской работе этих людей, что теперь он с ними установит контакт. Вскоре после моего свидания с Арнольдovым у меня состоялась встреча с Лившицем. Это было, по-видимому, в самом начале 1934 года». Лившиц показывает то же самое: что он держал связь с Арнольдovым и выполнял те же указания Серебрякова. Как видите, то самое вредительство, о котором здесь говорил Вячеслав Михайлович, оно на транспорте представляет из себя нечто другое, чем обычно принято понимать, как занижение норм. На транспорте это было не просто занижением норм, а это была внешняя оболочка для активно-действенной подрывной работы.

В резолюции Пленума ЦК, розданной вам, указывается шесть основных видов вредительства. Я не буду перечислять, вы их читали, я остановлюсь на каждом из этих видов подробнее, считая необходимым остановиться подробнее для того, чтобы было ясно, как же бороться с этим вредительством в будущем и как его ликвидировать. Это предельчество так называемое, оно начиналось, конечно, с норм, но и самые нормы на транспорте нечто другое, чем в какой-либо другой отрасли хозяйства. Если, допустим, занижены нормы в угле, это плохо — не будет угля, в конечном счете и другие предприятия остановятся, взаимозависимость хозяйства ясна. Но

эта взаимозависимость на транспорте становится ясной через час, через полчаса, если к примеру настолько централизовано наше хозяйство, не только в смысле управления, но и в смысле самой системы: график, расписание поездов, движение поездов.

Если, например, на станцию Кочетовка, на узел Кочетов дать заниженные нормы, не распространяя даже этих заниженных норм на другие станции, только одна станция Кочетовка перестанет перерабатывать то количество поездов, которое будут ей передавать, и эти поезда будут задерживаться не только на Ленинской и Юго-Восточной железных дорогах, но и на Азово-Черноморской, и Ворошиловской, и на Северо-Кавказской, и на Закавказских железных дорогах. Точно также, как если, например, дать заниженные нормы депо Эмба, поезда начнут задерживаться не только на Оренбургской, но на Ташкентской дороге, на Турксибе и т. д. Это уже понятно. И вот возьмите вы, например, так называемые выходы. Нормы давались низкие по пропускной способности, по коммерческой скорости, по технической скорости, по форсировке котлов паровоза, по мощности путей для восприятия тяжеловесных поездов, по загрузке вагонов и т. д. Я не буду подробно здесь излагать все эти нормы, это меня бы далеко завело, я только приведу несколько примеров.

Возьмем пропускную способность. В НКПС существовала в течение ряда лет совершенно официально узаконенная так называемая карта пропускной способности, по которой в первые же месяцы моего прихода на транспорт, когда я начал с ней знакомиться, понимал уже, будучи председателем транспортной комиссии ЦК и заведующим Транспортным отделом, что дело идет о пропускной способности. По этой карте выходило, что при погрузке в 52—53 тыс. вагонов целый ряд дорог по этой карте работал сверх возможной, сверх предельной по их расчетам пропускной способности. Точно также вторым коньком, самым важным, для предельщиков были так называемые выходы. Вы все помните проблему выходов, когда она обсуждалась на заседаниях Транспортной комиссии. Выходы — это смежные узлы между дорогами, и вот, например, та же самая Кочетовка имела по выходам предельную норму 1600 вагонов. Уже в 1935 г. мы фактически достигли 2280 вагонов. Станция Курск имела предельную норму, свыше которой нельзя было переходить, 1350 вагонов. Уже в 1935 г. мы пропустили через станцию Курск 2275 вагонов.

Конечно, я должен сказать, что станция Курск — плохая станция, и вообще все эти станции, все эти узлы, идущие с юга на север, — плохие узлы. Например, по всей Дзержинской дороге длина путей на станциях 500 метров. Когда мы возили составы в 50 вагонов, то 500 м была достаточно, теперь, когда мы возим поезда более тяжеловесные — 65—70 вагонов, приходится часть этих поездов, которые иногда задерживаются, разбивать на две части и ставить на два пути. Это верно, это затрудняет, поэтому мы в этом году принимаем целый ряд мер по удлинению путей по этому направлению на Курск и на ряде других узлов. Но и на станциях с 500 м мы почти вдвое больше пропустили поездов. Таких примеров я бы мог привести очень много.

И вот, пользуясь этими нормами, шпионы и вредители легализовали свою работу и мало того, что легализовали, они легально боролись против возможности выполнения государственных планов и убеждали и, к сожалению, убедили очень многих, если не значительную часть людей, в том, что действительно транспорт при его технических возможностях больше возить не может. Ясно, что этим они разлагали работников и завоевывали на свою сторону, конечно, не только троцкистов, так как громадное большинство работников, которые работали плохо, начали работать лучше, следовательно, они не троцкисты, но так как они работали неважно, а люди искали опоры для оправдания своей неважной работы, то эту опору преподносили так называемые ученые, которые были не чем иным, как легальной вывеской троцкистской организации. В этом вопросе я бы формулировал так, что это вредительство, предельчество без всяких острых мер.

Все виды вредительства, которые перечислены в решении ЦК, они

применялись на всех этапах всегда, но они имели свою вредительскую диалектику. Они применяли в разное время тот вид вредительства, который был им более удобен, который меньше был разоблачен. В тот момент наиболее выгодным способом вредительства была легально распространенная теория и практика невозможности грузить больше 50 тыс. вагонов. Разве большего можно было бы достигнуть в результате диверсий, как снизить нагрузку до 50 тыс. вагонов! И я должен сказать, что они пользовались в НКПСе полной легальностью, все журналы по паровозам, по вагонам, по связи и т. д. были в руках вредителей, редакторами были вредители, все кафедры в высших учебных заведениях были в руках вредителей, ныне арестованных, отчасти в 1935, отчасти в 1936 г., и они портили головы наших молодых людей этими расчетами, калечили наших молодых инженеров.

В 1934 г. была собрана так называемая диспетчерская конференция. Все решения этой диспетчерской конференции были утверждены чохом, даже без специального приказа. Просто был издан приказ: все решения диспетчерской конференции принять к руководству. На этой диспетчерской конференции почти все докладчики оказались вредителями и арестованы как японские шпионы и диверсанты. Вы, вероятно, знаете такого японского шпиона, как Кудреватов. Абуашвили — крупнейший вредитель и японский шпион, арестованный на Томской дороге, Липский и другие. Причем на этой диспетчерской конференции роль диспетчерского командования была поднята совершенно незаконно. Мы здесь повели крутой перелом, но до сих пор приходится выгравлять эту беду, когда главным движущим механизмом по решению этой конференции должен был являться не график, а диспетчер. Диспетчерская конференция узаконила вот эту силу распоряжения диспетчера, чтобы иметь больше возможностей вредить, задерживать поезда, пускать их пачками и т. д. Наконец, при коммерческой скорости, существовавшей тогда в 14 км, они вырабатывали инструкцию для разработки пониженного графика. Им мало было 14 км, они хотели выработать еще более пониженный график.

Я считаю и убежден в том, что эта диспетчерская конференция была не чем иным, как конференцией вредительских организаций троцкистов и специалистов-вредителей. Это была их учредительная конференция, на которой они выработали свою линию в качестве платформы для вредительства на железнодорожном транспорте, для руководства всем делом вредительства. Я должен также сказать, что и приказы, и распоряжения, которые издавались в НКПС, они большей частью редактировались и вырабатывались этими людьми. Вот что показывают Серебряков и Лившиц по поводу вредительства:

«В начале 1935 г. после назначения Л. М. Кагановича наркомом путей сообщения я вызвал Арнольдова к себе в кабинет в Цудортранс с тем, чтобы получить от него информацию о проведенной подрывной работе на транспорте. Арнольдов, придя ко мне, прежде всего заявил следующее: «Если в начале 1934 г. говорилось, что транспорт является тем узким местом, о которое спотыкается наша экономика, то это же самое можно сказать и теперь — через год. Ножницы между потребностями народного хозяйства и возможностями транспорта стали еще больше. Я считаю, что мы сделали все возможное, чтобы приостановить движение транспорта вперед». «Достаточно сказать, — продолжал Арнольдов, — что к началу 1935 г. среднесуточная погрузка составляет немногим больше 50 тыс. вагонов. Отчего это происходит? Посмотрите все эксплуатационные измерители работы железных дорог. Ведь все нормы занижены донельзя. Нормы суточного пробега паровоза и вагона занижены, технические и коммерческие скорости занижены, тяговая мощность паровоза занижена, пропускная способность линий и узлов тоже занижена. Пусть не все это установлено нами, это было и до нас, но теперь мы со своими специалистами так крепко все это «обосновали», что вряд ли Кагановичу удастся скоро двинуть транспорт вперед».

Подытоживая, Арнольдов мне заявил, что в результате того, что ему

удалось отстоять и обосновать заниженные нормы по основным измерителям эксплуатационной работы железных дорог, вредительская работа троцкистской организации на транспорте привела к тому, что погрузка на железных дорогах стоит на низком уровне. Помимо этого: 1) увеличен парк «больных» вагонов и паровозов, так как ремонт их проводится недоброкачественно в результате установленной системы обезлички в ремонте; 2) заторможен переход на неразрезные буксы, на автоторможение и автосцепку; 3) путевое хозяйство находится в очень скверном состоянии, так как средства на текущий ремонт направлялись не по назначению; 4) дороги снабжались запасными частями и материалами некомплектно и не стандартно; 5) создавались на дорогах пробки.

«Все это привело, — говорил Арнольдov, — к увеличению количества крушений и аварий на дороге, к нарушению графика движения поездов». Теперь можно сказать, что если к 1935 г. транспорт задышался в узких рамках заниженных норм, то это потому, что Арнольдov совместно с группой специалистов удалось сделать эти заниженные нормы законом работы на железных дорогах. Все это было тем, что вскоре было вскрыто Кагановичем как «теория предела», которой прикрывала наша организация свою вредительскую работу».

И тут Серебряков целиком прав — это был закон, в государственном масштабе узаконенная предельность. Только он не прав, что это было вскрыто Кагановичем, вскрыли мы предельность все вместе и вскрыли мы под непосредственным руководством Центрального Комитета партии и т. Сталина. Я об этом вам рассказывал на одном из пленумов Центрального Комитета. Когда часть вредителей-предельщиков была поймана с поличным и разоблачена, мы их лишили всех их легальных позиций. Мы значительную часть людей, я бы сказал, всех тех, которых мы знали открыто, мы их из НКПС вышибли, переменяли редакторов журналов, взяли за учебные заведения, пересмотрели нормы, и т. д., и т. п. Все это вы знаете. Я не буду подробно останавливаться, что мы сделали. Если я привожу эту историю, то я привожу ее не для оправдания последующего, потому что это не есть история, к сожалению, только, а потому что это были факты, по-первых и во-вторых, потому что еще остатки эти есть и сейчас, о чем я буду сейчас говорить.

Само собой разумеется, что больше всего разоблало предельщиков, это, конечно, стахановское движение, которое было развязано, развернуто и в промышленности, и на железнодорожном транспорте. Мы арестовали тогда постепенно несколько групп. Первая группа в НКПС была арестована — группа Кудреватого: профессор Кудреватый, Васильев, Братин; вторая группа — Беккера, так называемая молодых, которая непосредственно работала с Арнольдovым; третья группа была арестована — группа паровозников Марковича, который был законодателем в области паровозного хозяйства и который в течение нескольких лет противодействовал — и удавалось ему противодействовать — паровозу ФД, который оказался отличным паровозом. Герман². Четвертая группа была разоблачена — организация Абуашивили, весьма крупная на Томской дороге. Пятая группа была разоблачена — Медзиховского и т. д., и т. п.

Я не буду подробно всех перечислять, однако я должен здесь сказать прямо, что, разбив предельщиков, подняв большую кампанию в движении — это факты — среди масс, добившись на этом основании реальных производственных результатов, мы не докопались до конца, мы не докопались до головки шпионско-японо-немецко-троцкистско-вредительской, не докопались до целого ряда их ячеек, которые были на местах. Эта организация из легальной, из организации, которая работала открыто, пользовалась всеми бланками, печатями, законами, телеграфом, телефоном, связью, поездами, вагонами, приказами, именем НКПС и т. д., она была загнана в подполье, она была ликвидирована.

Мы, конечно, не знали, что загоняем их в подполье. Но они пошли в подполье и в качестве шпионской, вредительской, троцкистской, подпольной организации, имевшей солидных руководителей с троцкистской точки

зрения, как Серебряков, Лифшиц, имевших официальные посты, они продолжали свою вредительскую работу. Крушения, порчу паровозов и проч. они делали и раньше, но в особенности они налегали на крушения в 1935—1936 г., о чем я буду говорить в последней части. Сейчас я хочу сказать, что и сегодня они, эти вредители в области предельчества, в области движения, я бы сказал, они много нам вредят. В чем же выражается их вредительство сейчас? Первое. Их вредительство сейчас в области движения выразалось в том, что нормы, которые мы выработали, новые нормы, стахановские нормы, они старались всячески срывать. И хотя мы, конечно, подняли и пробег паровоза, и пробег вагона, и коммерческую скорость и проч., тем не менее нам не удалось достигнуть тех результатов, какие мы наметили; нам не удалось выполнить эти нормы, и это, конечно, результат не только плохой работы, неудовлетворительной, но это и результат вредительства. В особенности это сказалось на вопросе о графике и расписании поездов.

Чтобы обезопасить транспорт и чтобы знать, что делается на транспорте, мы, товарищи, завели так называемое поездное положение в НКПС. Вот уже полтора года, как мы знаем сейчас три раза в день, сколько и где, на каком перегоне у нас имеется поездов по всей сети. Телеграф мы перевели на эту чисто производственную движенческую работу. Мы, таким образом, можем регулировать, если где происходит затор, принимать необходимые меры и давать распоряжения паровозному хозяйству. Принимаем. И тем не менее заторы есть, коммерческая скорость не всюду выполняется, срывается и срывается график и расписание поездов.

Что произошло у нас с графиком и что происходит с графиком, позвольте мне на этом вопросе остановиться. Вы все ездите в поездах и вы являетесь в данном случае страдающими лицами. (Петровский. Бывает.) Так здесь позвольте мне держать отчет и безотносительно вредительства. Раньше было только расписание пассажирских поездов общесоюзное, товарные поезда шли по так называемым участковым расписаниям. Единого графика товарных поездов не было. Мы этот порядок изменили, мы ввели единый график товарных поездов, и учет этот у нас ведется уже в общесоюзном масштабе. Мы наметили весьма серьезную реформу, которая нам, пока что, не удалась, товарищи, и не удалась отчасти благодаря некоторым неправильностям в работе и отчасти благодаря вредительству.

Мы разделили товарные поезда на две части. Одна часть товарных поездов — это поезда так называемые местные, дорожные, и другая часть поездов — маршрутные, общесоюзные. Главную цель мы поставили перед собой — выдержать график по этим поездам, конечно, и по всем остальным. Должен сказать, что мы проводим сейчас по общесоюзному графику, по расписанию, поездов больше, чем раньше проводили по участковому графику и расписанию. Так, например, всего в 1934 г. было поездов 4559, из них по участковому расписанию проходило 1900. В 1936 г. всего поездов было 5921, это в день, по расписанию пропускаем 2583. О товарных поездах речь идет. Это по единому расписанию. Но, конечно, это совершенно нас не только не удовлетворяет, а это очень плохо. За это надо критиковать, и критиковать резко. Я думаю, что здесь мы имеем причины и вредительского характера, мы имеем причины также и в самой работе по движению поездов.

Вот возьмем поезда пассажирские. Пассажирские поезда у нас опаздывают, вы это знаете. Как дело обстоит с опозданием пассажирских поездов? Мы в 1936 г., благодаря резкому пересмотру норм, повысили коммерческую скорость и уменьшили время проезда. Так, например, поезд Севастополь — Москва в 1934 г. по расписанию проходил 36 час. 10 мин., в 1936 г. по расписанию — 31 час. и 5 мин., фактическое выполнение в августе 1936 г. — 32 час. 29 минут. Таким образом, он фактически идет на 4 часа меньше, чем в 1934 г., но он опаздывает. Сочи — Москва. В 1934 г. он должен был по расписанию идти 49 час. 35 мин., в 1936 г. по расписанию — 41 час (мы снизили на 8 часов, я вам сказал об этом), фактическое прохождение в августе месяце — 43 час. 20 мин., т. е. фактически меньше на 6 час., чем

в 1934 г., но больше расписания на 2 часа 19 мин., т. е. опоздание. Одесса — Москва. В 1934 г. поезд проходил 36 час. 10 мин. по расписанию, в 1936 г. по расписанию — 26 час. 23 мин., на 10 часов меньше, фактически идет в августе 28 час. 25 мин., в сентябре — 27 час. 05 мин., т. е. он идет на 2 часа больше, чем по расписанию 1936 г., но на 8 часов меньше, чем в 1934 году. Он идет меньше в абсолютных цифрах, но идет с опозданием. И это очень плохо.

Любой пассажир имеет право предъявить претензию и заявить: позвольте, я купил билет на такой-то срок, если ты не можешь привезти меня в такой-то час, устанавливай другое расписание, но у меня время рассчитано, я заседание рассчитал на такой-то час. Наконец, жена меня встречает, друг встречает, я должен приехать в такой-то час. Ты же пишешь расписание, изволь справиться. Это не годится.

Таким образом, мы имеем срыв графика и расписания несмотря на уменьшение абсолютных цифр проезда. В чем здесь дело? Я считаю, вот в чем. Я не могу все приписывать вредительству и вообще я думаю, что мы должны в своем докладе и в своем анализе очень опасаться этого момента. (Голоса с места. Правильно). Я и буду в своем докладе все время это расчленять, потому что есть некоторые работники, которые охотно готовы сказать: классовый враг, вредительство. (Голоса с мест. Правильно.) Я с этим на транспорте сталкиваюсь каждый раз. Некоторые хотят свою плохую работу прикрыть. Они считают, если был общий враг, ну, это ваша политика виновата, а то, что моя работа, это моя работа. Вот поэтому я должен сказать, в чем дело с расписанием и графиком. Прежде всего в наших недостатках.

Во-первых, диспетчерское наблюдение в расписании поездов ослабло. Я скажу, что в 1935 г., тут вы видите, что положение было немного лучше. В 1935 г. мы немного диспетчеров больше привлекли, они больше наблюдали за расписанием. Значит, диспетчерское наблюдение, во-первых. И, во-вторых, пассажирские отделы, которые мы выделили. Это очень хорошо. Но пассажирские отделы и управления не были оборудованы диспетчерским аппаратом, диспетчерами, которые имели бы специальное наблюдение за пассажирскими поездами, что мы должны обеспечить обязательно, в особенности, при таких жестких нормах. И, в-третьих, возможно, что здесь немного перехватили. Возможно. Некоторые даже перестроились. У нас была директива к составлению графика 24 км скорости, записали 25, по правительственной норме 19 км коммерческой скорости. Что же мы сейчас увидели? Я спрашивал в прошлом году, можно ли изменить коммерческую скорость, дать больше, но график для пассажирских поездов и товарных поездов дать меньше, чтобы выдерживать норму. Техники говорили, что будто бы это нельзя сделать. В этом году выясняется, что это можно сделать, и мы в этом году уже эти изменения имеем, хотя не полностью, идентично коммерческую скорость со всем графиком в целом.

Например, Одесса — Киев: явно перехватили на 10 часов. 10 часов движения, это сложная, большая сила, и видимо здесь проблема норм на транспорте это не то, что проблема норм на заводе. На заводе мы дали определенному станку норму, если данный рабочий не выполняет эту норму, он ее не выполнил, то это отразилось в конечном счете на данном заводе. У нас же по-иному. У нас все наши нормы паровозные, вагонные, пути, все эти нормы укладываются в единую норму, в единое расписание, в единое универсальное расписание. И здесь мы, может быть, на такой риск и не должны бы идти. Я отнюдь не ставлю вопрос ни о пересмотре норм, ни о чем-либо другом, прошу меня не заподозрить, а меня в этом трудно заподозрить, только говорю, что не нужно и не следует. И поэтому должен быть более дифференцированный подход к каждому отдельному участку, потому что скорость зависит от подъема, от профиля, от серии паровоза, от состояния воды, от узлов, от пропускной способности той или иной станции. Следовательно дифференциация в расписании и графике должна быть поставлена на большую высоту, должно быть уделено гораздо больше внимания.

Само собой разумеется, что, говоря о всех этих участках — о графике, расписании, мы, товарищи, естественно, не должны смазывать того основного факта, как это и Лившиц показывает, что он дал специальную директиву Туроку и всем другим, что важнейшей задачей подрыва работы на транспорте является дезорганизация товарного и пассажирского графика. Именно потому, что мы нажали, Лившиц специально даже говорил, что так как сейчас график является законом движения, то мы должны этот график срывать. Как они срывали график? Мы имеем на этот счет целый ряд фактов. Я, когда готовился к докладу, спросил у своих начальников, устроил нечто вроде военной игры. Я вызвал своих специалистов и спросил: скажите, как можно зашить станцию, как можно сорвать график, каким способом это можно проделать? Сказал, чтобы они изобразили себя врагами. Конечно, никто не хотел из них изобразить из себя врагов (С м е х.). но так как нарком предложил, они это сделали. (В о р о ш и л о в. Получилось?) Получилось так же, как у тебя получается, если Тухачевский командует против Якира на военной игре и побивает Тухачевский. И так бывает. (В о р о ш и л о в. Бывает и наоборот.)

Но здесь, товарищи, я не хочу оперировать теми возможными способами вредительства, которые мы так выявили, я буду оперировать теми фактическими материалами следствия по вредительству. Как это выявилось у Турока, что он делал и что вскрылось с особой остротой. У Абуашвили на Томской дороге, где зимой 1936 г., в январе — феврале месяцах имели полный застой, где на дороге скопилось 65 тыс. вагонов, то, что ни при каком положении и ни при каких причинах не укладывается, и никто не думал, что она может вместить 65 тыс. вагонов. Мы расширили эту дорогу особым способом. Это специальный вопрос, и можно было бы действительно специально написать, какими способами мы расширяли эту Томскую дорогу, когда ни в какие рамки ни теории, ни практики это железнодорожное дело не укладывается, что можно иметь 65 тыс. вагонов на дороге, и можно грузить еще 4 тыс. вагонов. Мы заставили их грузить еще 4 тыс. вагонов. Тов. Эйхе знает это очень хорошо.

Как этот Абуашвили добился такого положения на Томской ж.-д.? Он показывает: «Это наиболее яркий и наиболее острый исторический момент для железнодорожного транспорта». Вот что он показывает: «С целью создания затруднений...» (Ч и т а е т.) Вы знаете, что лес, сено и прочее за габарит выходит, его не укрепишь вовсе. Если получится не крушение, то остановка поезда. Поэтому состав намеренно бросали на полевых станциях, на маленьких станциях. Они переработать были не в силах, это трудно и немало это уменьшало пропускную способность всего отделения в целом и приводило к зашивке целых полевых станций и целых узлов. «Отправляли порожняк вместо главного пункта через станцию Болотная или через Тунгучин...»³ (Ч и т а е т.)

И недаром они все ссылались, что станция Эйхе новая, что мы не можем переработать и не освоили нового сооружения и все прочее. Оказывается, что они это зашивали совершенно сознательно. Мы тогда этого Абуашвили арестовали и целый ряд людей как шпионов. Мы, конечно, не знали, что они все связаны с троцкистами. Мы их арестовали как людей, которые явно зашивают дорогу, как шпионов. Потом мы уже обнаружили, что они имели связь с троцкистами. Они расстроили дорожное движение. «Отправляли паровозы резервом на восток... (Ч и т а е т.) Набирается состав, а отправляется в порожнем состоянии для расстройств движения поездов. Вне всякого графика отправляли пачки поездов с распределительных станций».

Вот, между прочим, что Турок показывает: «Система пачкового подвода поездов». Это значит, они задерживали на узле или перед узлом целый ряд поездов и в определенный час пускали не 1—2 поезда, а сразу 5—6 поездов, тем самым зашивали станцию. Это пачковый подвод поездов. Затем засоряли парк отправления поездов. У нас есть парк прибытия, парк отправления, и они засоряли этот парк отправления, который должен быть более или менее чистым. Они засоряли местными и бездокументными

вагонами. В результате на пути стоит один вагон, его надо отставлять на запасной путь, для того чтобы потом разобраться. Из-за этого поезд задерживает целый ряд других поездов. И целый ряд других способов, чисто технических, которые я здесь подробно разбирать не стану, как можно зашивать и как они срывали график.

Вот почему, товарищи, конечно, и в срыве графика мы имеем дело с вредительством. И поэтому в этом году мы делу составления графика, делу его проведения уделяем и будем уделять гораздо большее внимание. Мы должны будем поставить диспетчеров в такие условия, при которых они не сумеют так вредить и так нам зашивать узлы, как они это сделали, т. е., вернее отдельная группа диспетчеров по науськиванию этого Турока, Абуашвили и Лившица. График мы сейчас составляем и устанавливаем специальную диспетчеризацию в пассажирских отделениях и в пассажирских направлениях.

Я должен сказать, что с точки зрения движения в 1935 г. мы имели специальный институт ревизоров-диспетчеров, это мы установили еще на совещании ЦК в апреле месяце. В 1936 г. в этот институт ревизоров-диспетчеров специально коммунисты были подобраны, разъезжавшие по местам, они были в моем личном подчинении,— этот институт создал раздвоение в команде, но в 1935 г. это принесло очень большую пользу. В 1936 г. я немного поддаюсь настроению движущих, которые говорили: «Что же наряду с нами вы держите аппарат и получается раздвоение команды и проч.». И я дал согласие на ликвидацию этого самостоятельного института при мне. Я вижу, что это была моя ошибка, слишком рано я это сделал, здесь я слишком понадеялся на то, что аппарат настолько улучшен, что можно без этого института в 200 человек, которые были очень развиты сильно и которые помогли и раскрыли соответствующие недостатки, обойтись.

Вот, товарищи, мы думаем, что установлением института ревизоров по безопасности движения, которые будут обеспечивать нам движение поездов вовремя, я надеюсь, что в этом году расписание движения поездов и графика мы сумеем обеспечить лучше, чем это до сих пор было, тем более, что мы часть этих мерзавцев, вредителей расстреляли. Я думаю, что дальнейшее разоблачение нам поможет и улучшение работы наших людей поможет нам окончательно искоренить вредительство в движении и то предельчество, которое имеет место еще и сейчас и после того, как мы разоблачили предельчество в основном.

Теперь позвольте мне остановиться кратко на реконструктивных вопросах. В решении ЦК сказано, что они вредили и портили и срывали реконструктивные мероприятия. Я должен сказать, что все они, которые орали, что технические возможности малы для работы, они срывали все технические возможности. Я уже говорил о паровозе ФД, возьмите также паровоз с конденсатором. Паровоз с конденсатором в течение 3—4 лет задерживался, этот замечательный паровоз, который сейчас, как вы все читали в газетах, который дает много нового, если мы его получим в большом количестве, это, безусловно, большая реконструкция всего паровозного хозяйства. Тогда мы можем пускать этот паровоз, и весь ремонт меняется потому, что накипи нет вовсе, проблема водоумягчителей меняется, проблема водоснабжения тоже, потому что воды нужно меньше, а вы знаете, что наша пропускная способность, она сейчас лимитируется больше всего по водоснабжению и меньше всего по перегону. Вообще этот паровоз идет быстро и очень на дальние расстояния без воды. Его саботировали и срывали в течение 3 лет. Проблема промывки паровозов, имеющая крупнейшее значение и для здоровья паровозов, и для ускорения процесса промывки, для ускорения процесса ремонта. Она срывалась в течение 3—4 лет.

Наконец, вредительство было сильно развито и среди строителей, среди вагонников по реконструкции. Возьмите проблему автоторможения. По автоторможению в течение нескольких лет лежало оборудование почти на 30 с лишним процентов вагонов по автотормозам. Это автоторможение

тормозилось, не вводилось. По строительству. По строительству я считаю, что Турксиб построен вредительски. (Голоса с мест. Правильно.) Это была самая ранняя наша стройка, строил ее Шатов, но построили ее вредительски. Караганда — Петропавловск Мрачковским построена вредительски. Москва — Донбасс строилась вредительски, и это вредительство нам удалось раскопать только в 1936 г. или в конце 1935 года. [Линия] Эйхе — Сокол строилась вредительски вплоть до нынешнего момента, до конца, пока не разоблачили Барского и других, которые там сидели, Эйдельманы и т. д., которые вредительски эти насыпи делали и т. д. (Бауман. Исправить трудно?) Конечно, исправить можно, и это мы исправим.

По строительству мы имеем вредительство в использовании экскаваторов. Я должен сказать, что во главе экскаваторского треста НКПС сидел вредитель-троцкист Кальварский, который был нами разоблачен в 1935 г., в конце. (Молотов. В Наркомземе тоже.) Приходил ко мне этот человек, но вижу, что что-то ненормально: не смотрит прямо в глаза, все поворачивает, плохо идет работа, ни одного мероприятия не проводит. Только к концу 1935 г. мы его раскрыли, но и после его раскрытия корешки его остались, и в этом значительная доля вины и ошибки. Раскрыли его, надо было более решительно раскрывать внизу. Несомненно, внизу оставались еще его корешки.

Вредительство мы имеем в проектировании. Это дело самое сложное, самое трудное. Я должен сказать, что к этому делу я подходил. И я, и мои заместители, и начальник строительного Управления г. Грановский всячески изучаем эти проекты, но вы, конечно, понимаете, что это очень сложное дело. Очень сложное дело рассматривать и утверждать проекты железнодорожные. Я потом вам расскажу, как можно тут раскрывать. И поэтому мы вносим предложение, чтобы была техническая экспертная комиссия при наркоме, специально подобранная, и чтобы каждый проект, который выходит из НКПС, чтобы он просматривался, прежде чем он пойдет на окончательное утверждение наркома.

Я должен сказать, что в 1935 г. в апреле месяце по строительству был поставлен вопрос на тогда еще Транспортной комиссии ЦК при участии всех членов Политбюро и тогда вопрос о строительстве был разобран достаточно серьезно. Тогда еще было ясно, что со строительством дело обстоит неблагоприятно и здесь мы имеем дело с вредительством. Тов. Сталин, наблюдая за Шермегорном, который работал по строительству, за его выступлениями на Транспортной комиссии, не раз нам говорил: «Плохой человек, враждебный человек...». Я не помню, называл ли он его прямым вредителем, но, во всяком случае, он прямым образом на него указывал. (Микоян. Подозрительный человек.) Да, подозрительный человек. Все помнят. Мы его сняли с поста руководителя. Он потом занимал незначительные посты. Правда, по неосторожности мы его посылали в Сибирь в качестве инспектора строительного управления, что, конечно, было неправильно. Но данных для ареста у нас не было тогда. Не нужно было его посылать в Сибирь. Теперь ясно, что он ездил в Сибирь и там свои дела обделывал. Мы его сняли.

И по строительству решение ЦК и Совнаркома, которое было принято, я его перед докладом тщательно просматривал и должен сказать, что это решение одно из самых замечательных решений, которое всеми своими практическими пунктами и даже по констатации, по сути дела предопределило, предугадало то, что мы сейчас раскрываем по вредительству. Его можно было бы сейчас прочитать, и вы бы увидели это дело.

Так что по строительству с приемом очень плохо. Строим, строим, а когда дело доходит до приемки, приезжает приемочная комиссия и она работает по приемке. Приемочная комиссия работает как комиссия, а должен быть прием заказчика кроме приемочной комиссии, обставленный по всей строгости, должен быть составлен строжайший акт. Строительство наше отличается от других строителств тем, что у нас масса мелочей: то кольцепропитка, то мелкие сооружения, то путевые мастерские, то теплая

промывка и т. д. У нас очень много мелких строек, песочница, специальная пескосушилка и т. д., а все это имеет огромное значение. Поэтому вопрос о приемке, качестве и ревизии строительства мы должны поставить очень серьезно и остро. Вот почему мы вносим предложение, чтобы у нас были специальные ревизоры-строители.

Не буду говорить о том, что в строительстве, как и в других частях, есть улучшение по сравнению с прошлыми годами. (М и р з о я н. Конечно, вот Уральск ⁴...) Да, я бы мог все это назвать. Но я уговорился сегодня с вами, что речь идет не о том, что у нас хорошо. То, что хорошо — у нас в кармане. А сегодня речь идет о том, что плохо. Конечно, товарищи меня не поймут так, что я хочу все изобразить черными красками. (Г о л о с а с м е с т. Понятно, понятно!) То, что хорошо, то более или менее нам известно. А я говорю именно о наших недостатках.

Перехожу к следующему вопросу. Может быть, моя оценка покажется товарищам ведомственной, но я должен сказать следующее: то, что еще в 1928 г. целый ряд железнодорожных предприятий был передан промышленности, это, по-моему, тоже был акт, вероятно, подсунутый нам вредителями. (К о с и о р. Факт. В о р о ш и л о в. Правильно.) Когда глядишь на нашу производственную базу, нельзя представить себе дела иначе. Я здесь не говорю о нашей материальной базе, потому что неправильно было бы прийти на пленум ЦК и из-за того, что у нас было вредительство, предъявить целый ряд требований: дай то-то, дай то-то. Но я здесь говорю о том, что отдали промышленности целый ряд заводов. Это на мой взгляд было вредительство, потому что транспорт не имел никаких оснований отдавать свои заводы и предприятия. Это было неправильно. Я не ставлю вопроса о том, чтобы сейчас нам все это вернули, но, возможно, придется поставить его в качестве одного из выводов уроков вредительства.

Вредительство было и в строительстве оборонных узлов. Вы знаете из показаний Серебрякова, что вредители исключительно большое значение придавали оборонным узлам. Должен сказать, что этот вредитель, этот мерзавец очень метко и со знанием дела назвал узлы и определил свои вредительские цели. Я это считаю одним из наиболее серьезных показаний вредителей. Я не буду здесь подробно развивать всего того, что плохо по оборонным узлам, но пример приведу. Строительство всех обустройств, изопунктов, водонапорных устройств, погрузочных платформ, продовольственных пунктов и т. д., идущих на восток, по всей линии идет с востока на запад, а не с запада на восток. (К о с и о р. Все наоборот, значит. Г о л о с с м е с т а. Оттуда сюда.) Да, да, оттуда сюда. Иначе говоря, если эшелоны едут туда, то они должны перерезать все пункты станций, перейти на противоположную сторону, на сторону враждебную, как говорят железнодорожники с точки зрения того, что поезда идут сюда, и там экипироваться. (В о р о ш и л о в. Потом снова возвращаться?) Да, и потом снова возвращаться.

Тогда я начал докапываться, в чем тут дело, мне начали объяснять: видите ли, так как во время японской войны в 1905 г. там были какие-то дрянные бараки, стоящие гроши, то к этим дрянным баракам пристроили сооружения в 5—6 млн. руб. на каждой станции. Но ведь в русско-японскую войну была сплошь однопутка, а сейчас мы имеем двухпутку. Так что, видимо, вредитель оказал влияние на какого-то головотяпа, который с точки зрения экономии рубля, а экономии там на грош, строит эти сооружения.

Теперь этих сооружений не перенесешь. Это очень трудно, теперь придется искать выхода с военными вместе, чтобы раскрыть как можно быстрее, потому что на несколько часов задерживает это состав.

Возьмите, наконец, станцию Орша. Я начал на днях изучать узлы. Составил список, не тот, который дал Серебряков, Серебряков дал список правильный с его точки зрения, но он небольшой, мы расширили этот список, начали смотреть эти самые узлы. Посмотрели Оршанский узел. Я не специалист ни по узлам, ни по проектированию, но когда ездил по станциям еще в прошлом году в Сибири, у меня возникла мысль: неужели в Америке занимают под узлы столько земли, просто как марксист

понимаешь, что в Америке земля дорога, все лезут вверх и не может быть, чтобы там станции растягивались на протяжении 50-60 км, огромное количество земли. Когда я приехал из Сибири и спросил, а как в Америке, мне сказали, что там узлы строятся более компактно, так как там земля дорога. У нас же узлы разбрасывают невозможно, и даже по простой мужицкой психологии можно было подойти к этому вопросу: жалко столько земли занимать.

Построили Оршанский узел, постройка которого будто бы мотивируется с точки зрения воздушной обороны, но никакая там воздушная оборона не требует, чтобы разбросать узел на расстоянии 216 км с огромным количеством подъездных путей. Причем этот узел построен петлей, так что поезда, которые идут из Витебска на Жлобин, должны петлять по самому узлу 18 километров. Там есть разъезд, так называемый «Мешок». Я подозреваю, что эти мерзавцы, которые проектировали Оршанский узел, издевательски назвали его мешком, потому что там действительно мешок. Я бы вам мог все это продемонстрировать. Я думаю, что надо просмотреть ряд узлов, как они у нас строятся и как нужно эти узлы строить, чтобы мы могли лучше и быстрее пропускать поезда, быстрее их развязать и гарантировать от зашивки. Что касается зашивки узлов, должен сказать, что мы здесь должны на оборонные узлы обратить особое внимание. Здесь мы имеем и плохих людей. Вот, например, мы провели проверку людей по 26 оборонным узлам. Эта проверка вскрыла, что на 26 оборонных узлах обнаружено 446 шпионов. (Г о л о с а с м е с т. Что такое?) Да, да, и целый ряд других мерзавцев. Значит, засоренность у нас большая, и мы должны к этим узлам более строго подойти, чем подходили до сих пор.

Что касается зашивки узлов, то здесь мы с военными разработаем все меры, чтобы этого не было. Способы у них были разные, начиная с порчи центральной английской стрелки. Здесь мы подходим к выводу, что нам необходимо, где у нас есть центральные английские стрелки, там нужно иметь, в случае порчи, и стрелки вручную, а мы проводим централизованные английские стрелки сейчас в большом масштабе, порчи поворотных кругов и т. д. Там буквально, что ни механизм, то имеет свое серьезное значение, вот почему там людей надо иметь специально подобранных. Конечно, тут придется и технически соответственно оборудовать эти узлы. Но главное, конечно, в зашивке узлов, в расчете на войну в смысле срывов, это крушения и аварии. Я должен сказать, что и в срыве графиков и расписаний крушения и аварии имеют решающее место. Крушения и аварии, и из-за этих крушений и аварий на 10 час. прерывается движение. (Г о л о с с м е с т а. Иногда и больше.) Иногда и больше. Мы сейчас, в 1936 г. ввели краны. Кранами часто плохо пользуются, а часто вредители пользуются так, что, подходя с краном для подъема поезда, они переворачивают кран, получается авария с самим краном. Вот почему на крушения и аварии мы должны обратить особое внимание.

Разрешите мне остановиться на этих крушениях и авариях. У меня большой кризис, я уже по времени сорвался... (Г о л о с а с м е с т. Просим, просим.) Я могу техническую часть вообще опустить и коснуться только политической части. (К о с и о р. Расскажи все, мы это дело мало знаем.) Видите ли, я тут технические термины перевожу на партийный язык. (Ш к и р я т о в. Вот и хорошо.) По крушениям здесь т. Молотов был прав, но я хочу еще резче сказать по поводу крушений и аварий не потому, что так полагается, что я как нарком сам себя критикую и должен критиковать более резко,— здесь дело в том, что я остроту ощущаю, все мы остроту ощущаем, но я непосредственно близок к железным дорогам как нарком. Каждое крушение, которое происходит, стоит бессонных ночей, очень тяжело быть виновником убийства людей, очень тяжело, если получаешь сведения, что произошло крушение и убито 10 человек. Очень тяжело, потому что я как нарком отвечаю за это дело.

Что же у нас с крушениями? Если в результате разоблачения вредителей, предельчества железнодорожный транспорт в общей своей работе, в деле погрузки и выгрузки, в деле использования подвижного состава

серьезно двинулся вперед, то в результате того, что японско-немецко-троцкистские агенты не были разоблачены до конца, в результате того, что они продолжали свою вредительскую работу в подполье, коммунисты-железнодорожники не добились решающих успехов в борьбе с крушениями и авариями. Мы имеем некоторое снижение крушений и аварий по сравнению с прежними годами, но это снижение, во-первых, ничего не говорит, потому что цифры крушений и аварий все-таки достаточно велики, и поэтому нечего приводить их как снижение. Тут важно добиться крутого перелома, такого перелома, какого добились в других отраслях, а этого крутого перелома мы не имеем. Я не скажу, что не боролись. Боролись, но, видимо, здесь есть ряд причин. О ряде причин я говорить не буду, а укажу одни из серьезнейших и решающих причин. Тут две причины: это вредительство — раз, и еще не налаженная, не уточненная, как налаженный часовой механизм, работа железнодорожников и железнодорожного транспорта.

Я не могу, к сожалению, доложить пленуму Центрального Комитета партии о том, что у нас есть хотя бы одна дорога, которая не имеет крушений и аварий, не могу. Есть дороги, которые имеют мало крушений, например, Одесская. Я ее публично хвалил, были кварталы целые на протяжении 1936 г., когда не было ни одного крушения. Это показывает как раз, что можно добиться, чтобы не было крушений, можно добиться, чтобы улучшить дело. Восемь дорог у нас выделяются по крушениям и авариям. Эти восемь дорог занимают 36% всех крушений: Южно-Уральская, им. Кагановича, Томская, Донецкая, Сталинская, Закавказская, Ленинская, Московско-Донбасская. Две дороги — Донецкую и Сталинскую — их по цифрам погрузки можно было бы выделить, потому что они дают такую погрузку, какую десять других дорог дают. Они дают погрузку почти 20 тыс. вагонов в сутки. По серьезным крушениям выделяются дороги: Южно-Уральская, им. Кагановича, Томская... (Перечисляет.)⁵ Эти 11 дорог дают нам 50% серьезных крушений.

Я тщательно разбирался в вопросе о крушениях в связи со всем этим делом и должен сказать, что мы имеем примерно 25—30 очагов, даже не дорог, которые составляют примерно 3% всей сети всех железных дорог, но которые дают 23%, почти одну четверть, всех крушений. Это следующие узлы, участки и дистанции пути: Орел, Юдинск, Златоуст, Пенза, Чита, Лихая, Люблино... (Перечисляет.)⁶ Материалы показывают, что именно на этих участках мы имеем очень большую засоренность кадров вредителями. Крушения происходят по причинам, на которые мы должны больше всего налечь, которые не дают никакого повода для ссылки на объективные условия, к этим причинам мы прежде всего должны отнести прием на занятый путь, проезд закрытых сигналов, семафоров, лопание осей, лопание рельс. Вот это главные причины. За последний год мы особенно налегали на проезд закрытых сигналов семафоров и на прием на занятый путь, потому что эти вещи целиком зависят от субъективных факторов.

Конечно, я должен сказать, что не всех можно причислить к троцкистам-вредителям. Часто машинист просто головотяпски засыпает, не замечает, проезжает, нерадивый к делу. Но, конечно, значительная часть из них — это вредительские акты. Приведу вам такой пример: 27 сентября 1936 г. на разъезде Хребет Южно-Уральской ж. д. произошло крушение. Крушение было организовано троцкистом Романовым, который, принимая на станцию поезд, умышленно не прекратил маневров и не предупредил агента о приеме поезда. Стрелочник Цыбин, конечно, мог бы предотвратить крушение, если бы он глядел как следует. Он этого крушения не предотвратил. Суд судил и осудил к шести годам дежурного по станции Романова и к трем годам стрелочника Цыбина. Теперь выясняется, что дежурный по станции Романов — троцкист-вредитель. Сейчас по моей личной просьбе суд пересматривает его дело. Решение суда в отношении стрелочника уже пересмотрено, он уже освобожден, хотя он здесь халатность проявил в том смысле, что он пропустил, но не он тут главный виновник. А дело вредителя-троцкиста пересматривается и, конечно, он будет наказан гораздо более строго.

Вот другое крушение, подлое крушение, уже после процесса, которое показывает, что вредители-троцкисты не сдаются и продолжают организовывать свою вредительскую работу. Это крушение показывает также, насколько мы должны быть настороже и насколько мы должны до конца истребить этих сволочей беспощадно. Вот крушение поезда, которое произошло 27 января. Процесс кончился когда у нас? (Г о л о с с м е с т а. 30-го. К о с и о р. Он еще не кончился к тому времени.) Но уже ясно было. Вот что оказывается: в ответ на судебный процесс над троцкистами на перегоне Киан [-Дворцовый] Северо-Кавказской железной дороги было организовано крушение скорого пассажирского поезда. Непосредственно организовал крушение троцкист-вредитель, начальник отделения Бурштейн через членов своей организации — диспетчера отделения Домбровского, дежурного по станции Киан Мучникова и старшего кондуктора Емельяненко. Он показывает, Бурштейн: «Для того, чтобы организовать диверсионный акт с наибольшим количеством жертв, я решил использовать уклон за станцией Киан, где при помощи завербованного мною главного кондуктора Емельяненко остановить наливной состав, а при помощи Мучникова или Кожухова, в зависимости от того, кто будет дежурить, пустить «по зеленой» пассажирский поезд в хвост наливному».

Я объясню сейчас, в чем тут дело. Для того, чтобы обеспечить, чтобы скорый поезд шел непосредственно за нефтеналивным, он, начальник отделения, задержал три товарных поезда, которые были между скорым и нефтеналивным, передал по телефону, когда остановился нефтеналивной поезд в полутора километрах от станции Киан, светофор показывал красный свет. (К о с и о р. Ехать нельзя.) Ехать нельзя по правилам технической эксплуатации, если автоблокировка показывает красный свет. Если автоблокировка не испорчена, ехать нельзя, запрещено. Если он, послав своего агента, проверит, что автоблокировка испорчена и что от данной станции до следующей станции поездов никаких нет, то дается машинисту зеленое разрешение-путевка (К о с и о р. Специальная.), и машинист имеет право ехать со скоростью 15 км в час. Что здесь произошло? Нефтеналивной поезд остановился, автоблокировка показывала красный свет, машинисту сказано было, что эта автоблокировка испорчена, выдано было ему разрешение, машинист поехал со скоростью 50 км в час, это скорый поезд, въехал в нефтеналивной поезд, получился пожар и в результате 48 человек убито и 82 человека ранено. (Д в и ж е н и е в з а л е.)

Что мы здесь имеем? Мы здесь, конечно, имеем нарушение правил со стороны машиниста, безусловно. Если бы машинист ехал 15 км в час, он мог бы поезд остановить и не наехать в хвост. Так что видите, как здесь способствует головотяпство, нарушение правил, нарушение элементарной дисциплины вредительству. Но главное здесь — вредительство, главное — организованное действие. Что же он показывает, этот мерзавец Бурштейн, который действовал по указанию начальника дороги Маевского? (Г о л о с с м е с т а. Сподвижник Лившица.) Друг Лившица. Он показывает: «Крушение на ст. Аполлонская не удовлетворило меня, так как по своим последствиям оно не могло привлечь к себе внимания общественного мнения страны и, следовательно, не достигло моей цели — демонстрации в ответ на процесс. Другое дело — крушение на станции Киан (они выбрали станцию Киан, потому что там уклон есть), которое «должно было стать известно широким слоям и понято как ответ троцкистов, оставшихся действовать в подполье. Лично я, в отличие от Домбровского, не растерялся и в душе был рад, что отомстил большевикам за процесс антисоветского троцкистского центра». (Д в и ж е н и е в з а л е. К о с и о р. Это мерзавец.) Это мерзавец Бурштейн. Вот, товарищи, как действуют эти мерзавцы.

Какие меры мы должны принять? Конечно, мы должны прежде всего искоренить их, выявив до конца, и тут слез по поводу того, что вот арестуют, — пока что очень мало оказалось — невинных людей, почти нет их. (К о с и о р. Ничего, обнаружим, выпустим.) О засоренности на железных дорогах я скажу еще потом. Во-вторых, мы должны больше налечь на проверку по выполнению правил технической эксплуатации и больше ор-

ганизовать ревизию движения. Нынешние ревизоры движения это, конечно, выродившийся институт. Они ездят по бумажкам, мелочами занимаются, они совершенно не занимаются движением. Вот почему мы приняли решение организовать институт ревизоров по безопасности движения, которые будут иметь у себя помощников по пути, по паровозам, по вагонам, по связи и сигнализации и по движению.

Таким образом, этот ревизор по безопасности движения, он сможет проверять и депо, и вагонный участок, и др. А это, товарищи, весьма важно и имеет решающее значение, потому что, конечно, вредители действуют в организации крушений двумя путями. Они; с одной стороны, устраивают прямую диверсию, но часто прямой диверсии они не могут организовать, это чрезвычайно опасно, поэтому они действуют более длительной сапой, тихой сапой, они вредят изнутри, они разрушают паровозный парк, они разрушают путевое хозяйство, — то, что вскрылось у нас здесь на процессе и то, что вскрылось в последующих арестах и допросах на Южно-Уральской дороге, на Томской дороге и на целом ряде других дорог.

Вот возьмем путевое хозяйство. В путевом хозяйстве вредительство тоже имеет свою старую историю и раньше, и сейчас. В путевом хозяйстве, например, одно время распоряжением заменили шестидырные накладки четырехдырными, что ослабило связь рельс. Это понятно. Это была теория Кьюнера, который сидел и фактически руководил управлением пути долгие годы. А до него был Шукин. Так вот, они создали теорию специальную, снимали шестидырные накладки с рельс, обрубали куски и мотивировали это тем, что эти куски надо отдать в лом. И в течение ряда лет это практиковали. Это еще Шукин делал, который был арестован. Мотивировалось это тем, что не хватает болтов. Но вот сейчас, уже после того, как отменили четырехдырные накладки и установили шестидырные, есть факты, когда у нас болтов нет. Болтов нет, потому что частью они теряются, частью потому, что халатность, снимают их, ссылаясь на то, что их нехватает. Третий костыль поэтому сплошь был снят на крыльях.

Земляное полотно, карьеры. Вы знаете, что вопрос карьерного хозяйства для пути имеет решающее значение. Если заведешь на карьере глинистый балласт, так путь всегда будет у тебя больной, у нас таких карьеров глинистого балласта очень много. Вот почему сейчас нужно пересмотреть все эти карьеры, нужно ввести новые карьеры. Нужно дать настоящий, хороший балласт и, главное, надо организовать проверку на самых больных участках пути. Как вредят сейчас вредители? Вот мы имеем факты, когда балласт из-под шпалы изымается, шпала висит. Ясно, что она хлюпает, попросту говоря. Проходит 5 дней, проходит 10 дней, потом она лопаается. Крушение. Как можно отделить здесь простую халатность от вредительства, в этом самое сложное, потому что десятки таких вещей на протяжении 100 тыс. км происходят по халатности, по головотяпству работников.

Я думаю, что здесь мы должны такое головотяпство и такую халатность, безусловно, карать. Конечно, мы не можем всех объявить вредителями, но фактически это вредительские акты. Факт, что вредители используют халатность такого дорожного мастера или начальника пути и делают свое дело. Этим объясняется, что Уткин на Ленинской дороге, что Клушанцев на Ленинской дороге, Турок на дороге Кагановича, Князев на Южной дороге открыто могли делать такие вещи. И они не были настолько остро восприняты, потому что к этим безобразиям глаз начинает привыкать, вот почему в борьбе с вредительством привычка глаза, привычка к недостаткам, которая вырабатывается, это, конечно, не только к путевому хозяйству, я не говорю только о транспорте, но и о других отраслях хозяйства, — это сильнейший враг и сильнейший пособник вредительства, пособник головотяпства. (Голоса с мест. Правильно.)

Намеренно развинчивали болты, вытаскивали костыли, забивали костыли между рельсами, в стыки. Например, на Донецкой дороге обнаружена специальная организация немецких фашистов, которые главным способом организаций крушений имели забой костылей. Паровоз насккивает на

костыль, крушение неизбежно. Паровоз идет быстро. Забойку костылей они производили даже не своими собственными руками, а руками подкупленных, причем без особого риска. Я считаю, что в путевом хозяйстве самое трудное, самое сложное — вскрывать вредителей. И поэтому мы должны на это обратить особенное внимание, потому что 100 тыс. м пути, надзор путевых обходчиков очень недостаточен.

Здесь вопрос главным образом в том, чтобы хороших людей подобрать, да и самих путеобходчиков часто подкупают. Например, в 1936 г. мы обнаружили, как ломают рельсы. Подкладывают между рельсой и прокладкой проволочку, даже иголку тонкую подложат или проволочку. Пройдет один поезд, другой, третий, эта проволочка нарушает равновесие рельсы. Рельса не такая сильная, не такая молодая, и она лопается. Вот так вредят. Вот почему мы здесь должны сугубое внимание обратить на подбор людей, путеобходчиков, на увеличение надзора и искоренение мерзавцев.

Конечно, есть еще и другие виды вредительства по путевому хозяйству. Например, раньше новые рельсы, которые получались, они рассылались и рассеивались по километрам. Не получалось одного сплошного большого участка цельного пути. Чересполосица рельсового хозяйства, она, я думаю, не меньше, чем старая чересполосица доколхозного сельского хозяйства. Потом мы это дело отменили, заставили рельсы более организованно использовать, не разбрасывать их и не так рассивать. Тогда вредители по-другому начали действовать. Там они взяли и дорожных мастеров. Дорожные мастера оказались лишеными рельс для текущего ремонта и для замены. Когда я это узнал на основании писем, полученных от мастеров, материалов, которые мы получили, мы вынесли решение, пошли в ЦК просить. Мы провели большой ремонт, средний ремонт, текущий ремонт, проложили 28 тыс. км рельс. Сняли часть среднего ремонта и дали около 100 тыс. км рельс для текущего ремонта.

Я вам скажу, теперь только для меня становится понятным, тогда я не мог додуматься, почему Лившиц с таким упорством не выполнял моего распоряжения по вопросу о рельсах для дорожных мастеров. Мне приходилось десятки раз буквально напирать. Я уже пригрозил, лично установил наблюдение, пока, наконец, он выполнил это распоряжение. Хорошо, что наблюдение было установлено. Теперь ясно, что не вышло вредительство в рассирошивании⁷ рельс. Тогда он с другой стороны хотел подойти. И сейчас вопрос распределения рельс остается серьезным вопросом. Уткин показывает, что рельсы засылались часто на менее важные участки, а более важные участки, с большим движением поездов оставались со старыми рельсами. Следовательно, я хочу здесь только сказать, чтобы и железнодорожные работники, и все поняли, и сам я лично приникся убеждением, что думать так, что шапками закидаем, нельзя, что выкорчевать врагов на железнодорожном транспорте — дело исключительно трудное, особенно в путевом хозяйстве.

Возьмем паровозное хозяйство. По паровозному хозяйству в течение длительного времени на железнодорожном транспорте применялась так называемая японизация. Вообще я должен сказать, что эта злосчастная японизация, она много беды нанесла многим нашим людям. Вы знаете, что посылалось много людей от нас в Японию. Был послан и Томленов, я потом скажу о нем, который оказался японским шпионом, он попал в эту делегацию, там его и завербовали. Об этой системе японизации я не буду подробно говорить, не буду подробно излагать ее, вы все знаете эту японизацию. Но ведь это глупо, Япония — маленькая страна, там маленькие заводы, маленькие депо, они работали узким фронтом и этот узкий фронт они применили к нашим большим заводам, к нашим большим депо. Пускают ремонтировать на завод один только паровоз, а остальные выстраиваются в хвост, стоят и ждут очереди: глупо, нелепо. Однако это было внедрено заместителем наркома Мироновым в 1929 году. Был специальный приказ о применении японизации, о внедрении японизации на железнодорожном транспорте.

Или возьмите упрощенство. Разрешили производить сварку цилинд-

ров, сварку штоков, сварку дышел, оказывается в самой Японии это не разрешается, а у нас наши уважаемые японские специалисты для внедрения японизации применяют этот метод. Чудаки внедрили этот метод сварки цилиндров, сварки дышел, сварки штоков и т. д. В чем выразилось вредительство сейчас? Вы знаете, что Лившиц показывал, что главной задачей их был срыв приказа № 183, и это не случайно. Лившиц не принимал участия в разработке этого приказа. Лившиц еще не был моим заместителем. Он моим заместителем стал в августе, в конце августа 1935 года. Так вот, Лившиц не принимал участия в разработке этого приказа, но когда он вышел, он принял участие в срыве этого приказа. Я должен сказать, что я просматривал в связи с его признанием этот приказ и целый ряд материалов, потому что этот приказ имеет свою историю. Я об этом приказе рассказал в ЦК, СНК.

Когда этот приказ прошел пятикратную переработку, был готов, я пришел к т. Сталину, рассказал ему об этом приказе, рассказал ему, что это очень серьезный приказ. Он был в курсе всей разработки приказа. Тов. Сталин посоветовал: «Ты сам не решай, собери начальников дорог, некоторых паровозников-практиков и разбери этот приказ». Специальное совещание было созвано по этому приказу. На этом совещании этот приказ был подробно обсужден, рассмотрен. Я должен сказать, что этот приказ был разработан так, что сейчас многого добавлять к нему по части организации паровозного хозяйства, по части организации ремонта и по части эксплуатации паровоза — нельзя. Он действительно является решающим приказом на целый ряд лет. Он ликвидировал так называемую функционалку. Он установил комплексный ремонт паровозов, он установил работу паровозов по графику и т. д.

Если мы имеем успехи в паровозном пробеге, то, конечно, благодаря этому приказу. Но в то же время мы имеем срыв этого приказа по целому ряду депо и по целому ряду заводов. Вредители тут работали, и в особенности работал тут, конечно, Лившиц. Он понимал, что этот приказ, полное его проведение двинет транспорт еще больше вперед, чем это было. Мы не на пределе работаем. Как же они срывали этот приказ? В чем выразился срыв? Прежде всего, товарищи, они срывали нам ремонт паровозов, комплексные бригады так называемые. Комплексная бригада часто становилась слишком текучей. Возьмите вы ремонт котла. В паровозе самое главное что? Котел, цилиндр, инжектор, насос и дышла, тяга. По котлам мы всеми нашими инструкциями запретили какое бы то ни было охлаждение котла, потому что происходит деформация металла, получается течь труб, самая главная болезнь. Мы в прошлом году в Красноярске раскрыли шпионскую организацию, которая специально разрушала паровозный парк вот таким искусственным методом охлаждения паровоза. К сожалению, как сейчас выясняется, в депо Рубцовка, депо Златоустовск и в ряде других депо делали это искусственное охлаждение котла, устраивали сквозняк, открывали дверцы топки, открывали дверцы передней, устраивали сквозняк насквозь котла, котел быстро охлаждался, он портился, и получается течь.

В чем тут дело? Если мы будем обвинять во всем вредителей, то это опасная вещь. Почему? Потому, что здесь прикрываются некоторые. А вот я считаю, что тут вредители ловко эксплуатировали головотяпство целого ряда наших паровозников, которые не умели организовать как следует теплую промывку, торопились и шли на искусственное охлаждение, чтобы поскорее выпустить паровоз, а вредители пользовались этим головотяпством, недисциплинированностью, нарушением правил технической эксплуатации, пользовались этим и развивали свою работу вовсю. В особенности это было в свое время на Томской дороге и т. д. Теплую промывку они нам срывали, не хотели проводить.

Я вам скажу, что в 1935 г. мы ввели теплую промывку. Однако что они делали? В некоторых депо теплая промывка уже дала свою пользу, свой результат, и они никем не опровергнуты. В большинстве своем она оправдала себя целиком. Но этим не хотели пользоваться, и этим воспользовались вредители, как это показывает Жидков и ряд других. Они

прибавляли искусственно холодную воду. Конечно, живот начинал болеть у паровоза от такой холодной воды, конечно, паровозы портились, это ясно. На некоторых заводах, например, постановка котла на рессоры, она проводилась неправильно. В результате дышла рвутся. Долго обсуждали мы вопрос технический, почему рвутся дышла, спрашивали мы инженеров, но, к сожалению, пока не раскрыли вредительства, мы не знали, почему рвутся дышла. Сейчас же мы знаем, что котлы ставятся неправильно на рессоры и поэтому получается такая история.

По цилиндрам вредители что делают? Бросают гайки, болты в цилиндр, каждый понимает, что от этого происходит. Мы обнаружили, что в депо Златоуст электродами портили кольца цилиндров. Конечно, вы понимаете, что если электрод к этому кольцу приложится, то на кольце образуются пупырышки, эти пупырышки разрывают цилиндр и разрывают котел паровоза, паровоз останавливается, из-за этого задерживается движение, срывается график и поезд на него наезжает. Одним словом, я бы мог привести целый ряд примеров по паровозному хозяйству, но не буду затруднять ваше внимание. По машинистам. На всякий случай вызывают по 5 бригад, бригады сидят, ждут, ждут больше, чем им полагается работать, и этим самым срывалось стахановское движение.

Что нужно сделать по паровозному хозяйству? Приемщики. Мы в вагонном хозяйстве ввели приемщиков. Нужно в каждом депо иметь приемщика НКПС, другого выхода нет, который будет принимать каждую деталь и будет надзирателем от нас, от НКПС. Тогда мы будем более или менее гарантированы. Само собой разумеется, что здесь целый ряд других мер, которые мы предлагаем в решении, мы, если будем их проводить, если мы проведем клеймение самых ответственных частей, мы добьемся соответствующих результатов. По вагонному хозяйству.

По вагонному хозяйству здесь есть и прямые диверсионные акты — фальшивое клеймение осей, неправильная обточка галтели, шейки осей, что создает почву для лопания этих осей. В вагонном хозяйстве и раньше был целый ряд таких вещей, например, как крюки, что обеспечивало нас от разрыва поезда. При вредителях ставились плохие крюки, которые назывались, между прочим, нормальными. Сцепка слабая имела на транспорте наименование нормальной сцепки, и вот теперь, когда мы вынуждены эту сцепку отменить, мы таким образом вводим вроде как бы ненормальную сцепку, т. е. более усиленную.

Таким образом, товарищи, в борьбе с крушениями и авариями решающее значение имеет, конечно, улучшение дела паровозного, путевого и вагонного хозяйства и проведение тех мер, которые мы здесь намечаем. Я не буду здесь говорить о причинах других, я не хотел бы, чтобы меня пленум понял так, что крушения происходят только по причинам вредительства. Это было бы лицемерием с моей стороны. (Буденный. Тут и головотяпство есть.) Я о головотяпстве уже говорил. Конечно, бывают иногда такие причины, что рельса лопаются от старости, но железнодорожник вовсе отсюда не должен делать вывода, что это объективная причина. Если ты имеешь старую рельсу, то ухаживай за балластом лучше, чтобы он лежал на лучшей подушке. Значит, чем слабее у тебя объективная материальная база, тем энергичнее ты должен работать, не просто ограничиться тем, что предъявить государству претензию и объявить, что я не виноват в том, что крушение произошло, а улучшай свою работу.

Конечно, причины крушения тут имеются и материального порядка, материально-техническая база транспорта не блестяща. Но об этом может быть речь по другому поводу. Я только хочу здесь прямо сказать. Я на апрельском пленуме Совета при наркомте говорил, что так же, как по погрузке, предельчество и ссылка на материальную техническую базу мешали железнодорожникам вырваться из плана гипноза о 50 тыс. погрузки, так же и сейчас ссылка и убеждение железнодорожников, что, дескать, ничего не поделаешь, потому, что плоха база, что ничего нельзя поделать, я не виноват и т. д., она мешает по-настоящему преодолеть трудности борьбы с крушениями. Вот почему я убежден, что улучшение работы нам может

очень много дать. Ясно, конечно, что здесь необходимо много делать и по части материальной, но об этом речь другая.

В новых правилах технической эксплуатации мы многое изменили по части борьбы с крушениями. Я должен сказать, что мы здесь в новых правилах технической эксплуатации предусматривали целый ряд ужесточенных норм, которые даже немного мешают движению, требуют большей работы и большего переформирования, но зато улучшают борьбу за безопасность движения поездов. Я думаю, товарищи, что меры, которые мы принимаем сейчас и намечаем по Пленуму ЦК — дальнейший подъем дисциплины, усиление дифференцированного внимания этим очагам аварийным, — они нам по борьбе с крушениями и авариями дадут, безусловно, результаты. Но главные, главные меры — это кадры. На железнодорожном транспорте, где имеется 45 тыс. мостов, почти на каждых двух километрах пути один мост, где наблюдение и надзор страшно трудно установить, на железнодорожном транспорте, где имеются десятки тысяч отдельных единиц хозяйств и где, между прочим, из 45 тыс. мостов 10 тыс. деревянные, — конечно, здесь надо, улучшая проверку исполнения и улучшая надзор, главное внимание обратить на кадры.

И здесь разрешите мне перейти к кадрам. Я по кадрам хочу сказать не только по руководящим, потому, что у нас, если взять 500 тыс. человек, которых мы имеем по движению поездов — стрелочник, кондуктор, машинист — это не то, что токарь на заводе, это не то, что ткач у станка. Ткач у станка испортит станок, станок остановится. Это нечто большее. Стрелочник испортит стрелку или стрелку не переведет так как надо, он устраивает пять крушений. Один стрелочник держит меня всего в руках, весь транспорт держится в руках одного стрелочника на одной крупной станции. Крушение из-за стрелки на станции Чулымской задерживает движение поездов на 40 тыс. км пути. Машинист выехал на линию, он взял паровоз, он не проверил насоса, он на насос надеется, он едет, видит впереди поезд, он должен остановить, его тормозная площадка 1000 м, начинает тормозить, тормоз не работает и т. д., и т. п. Следовательно, товарищи, 500 тыс. человек, работающих у нас по движению, это, по сути дела, люди такие, что каждый из них — это командир. Вот почему мы должны на этом деле остановиться. Засоренность у нас большая и текучесть большая.

Текучесть кадров совершенно нетерпимая. Многие люди увольняются, переходят со станции на станцию. Колхозник пришел на зиму на стрелку, а потом ушел. А ведь имейте в виду, что мы обучаем их правилам технической эксплуатации, тратя на это деньги. Стрелочник не может быть стрелочником, пока не будет знать правила технической эксплуатации. То же самое машинист не может быть машинистом, кондуктор не может быть кондуктором, если не будут знать этих правил. Мы в результате выполнения решений пленума ЦК о стахановском движении обучили техминимуму 560 тыс. человек. Обучили человека, предположим, правилам технической эксплуатации, а он поработал и уходит. Вот почему мы должны принять ряд мер по борьбе с текучестью. Какие тут меры? Конечно, прежде всего материальная заинтересованность. (Б у д е н н ы й. Правильно, основа всего.)

Я не ставлю здесь вопроса о зарплате. Может быть, придется поставить вопрос о распределении жилья. Я даже думаю, что можно будет провести такую меру, чтобы с каждым из проходящих на транспорт заключать индивидуальные договора. Предположим, транспорт обязуется помочь купить ему корову, получить квартиру и, предположим, платить ему за каждый год, за закрепление на транспорте определенный процент доплаты, так сказать, механическая прибавка зарплаты. (Г о л о с с м е с т а. За выслугу лет?) Нет, не за выслугу лет, а, предположим, по договору, заключенному на 3—5 лет, он получает в первый год, допустим, 15—20% прибавки, во второй год — 5% и т. д. Тогда он будет в этом заинтересован. Конечно, можно будет делать то, что давно установилось по профсоюзной линии, т. е. если транспорт не выполнит своих обязательств, он платит неустойку, а если работник не выполнит своих обязательств, он лишается

чего-либо по соцстраху. (Калинин. Что с него взять?) Почему? По соцстраху можно. Эту меру можно будет провести. Затем мы думаем ввести единую трудовую книжку. Сейчас машинист увольняется из одного депо и уходит в другое. Мы должны это изменить. Надо иметь единую трудовую книжку, по которой он будет работать. Если он увольняется с транспорта, надо публиковать это открыто в «Гудке», чтобы была известная мера воздействия на человека. (Шкирятов. Правильно, он тогда не поступит в другое место.)

Затем, почему нам не применять порядок, который существует на оборонных заводах? Если человек приходит на завод, у него паспорт отбирают и дают удостоверение. Мне кажется, что транспорт, конечно, не учреждения, а работников движения, полностью можно причислить к оборонным заводам. (Голоса с мест. Правильно! Калинин. Раньше еще строже на транспорт принимали, чем на оборонные заводы.) Улучшить культурное обслуживание на ряде станций. Одним словом надо провести целый ряд мероприятий, чтобы людей, работающих на транспорте, поставить в надлежащие условия. Некоторые спрашивают, почему в старое время на транспорт шли работать больше, чем сейчас? Да потому, что это были почти единственные индустриальные предприятия, заводов-то не было! А теперь он рассуждает так: ну вас к богу, пойдешь на транспорт, будет крушение, под суд понадешь, лучше пойти к Любимову на ткацкую фабрику или к Микояну на кондитерскую фабрику. Там и крушений не будет, ничто мне не угрожает и зарплата подходящая. (Веселое оживление в зале. Голос с места. Это не совсем так, конечно.) Я отнюдь не хочу, т. Микоян, уменьшить роль и значение твоей индустрии. (Межлаук. Самая приятная индустрия.)

И, наконец, вопрос о командных, инженерно-технических кадрах. Я должен сказать, что выдвижение кадров у нас шло, конечно, медленнее, чем в Наркомтяжпроме: на каждые 10 тыс. рабочих тяжелая промышленность получила в 1933—1936 гг. 235 молодых инженеров, а транспорт на каждые 10 тыс. рабочих получил только 82, т. е. почти в 3 раза меньше. Всего за 7 лет железные дороги подготовили 16 тыс. специалистов, из них 8 тыс. падает на 1935/36 г., в 1935/36 г. они окончили учебу.

О выдвижении людей на командные должности. Вот мы взяли на учет 4900 командиров: начальников, заместителей, начальников дорог, служб движения, паровозной, вагонной, связи, депо, начальников вагонных участков, начальников ремонтных пунктов и т. д. 4000 человек из них обновлено в 1935 г., новых прибавилось на 4000, из них обновлено до 1935 г. 2160, а в 1935/36 г. 1939 человек, почти половина. Из них: коммунистов 53%, инженеров 40%, техников 25% и т. д. Больше всего это молодые инженеры. Из 145 начальников служб движения, паровозной, вагонной, пути, связи работало до 1935 г. 39 чел., выдвинуто 106 чел. преимущественно из молодых инженеров, значит, из 145 начальников служб дорог выдвинуто 106 чел., из них 60 инженеров молодых, только что окончивших. У нас же из 4700 чел. 42% окончивших в 35/36 г. занимают командные должности, из них окончившие в 1935 г. 5 занимают должности начальников дорог, это, по преимуществу, люди из военно-транспортной академии, старые железнодорожники.

По кадрам инженерно-техническим и руководящим, с точки зрения деловой, я должен все же сказать пленуму, что мы, в особенности в дистанциях пути, вагонной службе, должны еще много поработать, здесь засоренность большая и очень большая техническая неграмотность, в особенности в противодействии механизации. Вообще вредители на транспорте стояли во главе противодействия механизации: балластер ли новый или что-либо новое в паровозном хозяйстве, они противодействуют, а часть наших людей, которые технически мало подготовлены, они, конечно, не вооружены, чтобы бороться с вредителями, доказывавшими невозможность принятия того или иного нововведения в технике. Я о политической стороне скажу дальше, сейчас я говорю о кадрах с деловой стороны, в этом отношении нам нужно очень много поработать.

Я должен сказать, что на транспорте после Шахтинского процесса, если взять основную группу в 5 тыс. человек, людей, пришедших работать после Шахтинского процесса, всего 17%, в то время как в тяжелой промышленности — 50%. Там под руководством т. Орджоникидзе за ряд лет выросла большая армия новых людей. На транспорте же людей, пришедших после Шахтинского процесса, 17%, а остальные 83% — все это люди, работавшие до Шахтинского процесса. Отсюда вы понимаете, что не только с деловой стороны, но и с политической острота в вопросе кадров на транспорте большая. С политической стороны.

Я имею разработку 177 руководящих работников. Вот из 177 начальников управлений НКПС, учитывая начальников и заместителей начальников служб движений, паровозной, вагонной, пути, т. е. наши верхушки, на 1 января 1935 г. из 177 чел. состояло в антипартийных группировках и в оппозиции 36 человек. На 1 февраля 1937 г. имеется 251 чел., это потому что увеличились службы, осталось 6 чел., состоявших в антипартийных группировках и в оппозиции. Состояло в антисоветских партиях — меньшевики, эсеры — 26 чел., осталось еще 14 человек. Работало на выборных постах в органах Цектрана, было 27, осталось 19. Из 177 руководящих работников за два года заменено 99 человек. Из 39 начальников дорог у нас сейчас осталось 12 старых и 27 новых, из них 11 инженеров. Мы в 1936 г., по совету т. Сталина, взяли курс на выдвижение в особенности инженеров. Один техник, 9 бывших начальников политотделов, 4 бывших чекиста, 3 практика. Из 100 чел. снятых — 36 арестованы. Из 36 арестованных — 22 чел. были сняты с работы до ареста. Из арестованных 3 чел. числятся по анкете бывшими троцкистами, остальные не числятся бывшими троцкистами, значит, скрывали.

Вот, так сказать, краткая характеристика. Она показывает, что известное движение было, обновление аппарата было, даже не известное, а довольно порядочное, но это не снимает ни капельки вины и ответственности за то, что Лившиц и Томленов сидели, и другие. Позвольте мне сказать несколько слов об этом. Я считаю нужным остановиться на ряде персон с точки зрения своих личных распределовских ошибок, потому что это поучительно будет, потому что каждый скажет, что Каганович работал ряд лет в Центральном Комитете, распределял людей, опыт имеет большой и как же так получилось? Я попробую дать не общую характеристику, а по лицам. По каждому лицу я укажу, в чем тут специфическая ошибка. Я считаю, что самокритика должна состоять в том, что каждый должен вскрывать свои конкретные ошибки и этим обогащать сокровищницу самокритики.

Князева я узнал на совещании в ЦК. Краснобай, выступал замечательно, слащаво, занимал ряд постов на железнодорожном транспорте в свое время. Он нравился как работник, который гладко, четко формулирует свою мысль. Когда я пришел на транспорт, начал присматриваться. Работал он плохо. В начале 1936 г. я послал комиссию для проверки. Начали проверять, обнаружили целый ряд безобразий. Поставили его доклад на Совете при наркомате. На Совете при наркомате мы его разделали очень крепко, критиковали резко, вынесли резолюцию о неудовлетворительной работе и сняли его с работы. В чем же тут ошибка? А вот в чем. Материалы — я просматривал эти материалы, и утверждаю, что они были достаточны для того, чтобы уцениться и раскрыть в нем вредителя тогда еще, когда мы снимали. Сняли — это, вы скажете, хорошо, и я отнюдь не хочу по-ханжески отрицать, что это хорошо; но плохо то, что мы не могли отличить, где кончается головотяпство и где начинается вредительство, а это самое сложное, чтобы не подменить одно другим.

Уметь вовремя уловить, где начинается вредительство, где кончается глушость, т. е. ты не можешь ограничиваться формулировкой о неудовлетворительной работе, не можешь ограничиться тем, что снимаешь человека с работы, а должен копать дальше. Я узнал случайно, что у Князева проводник подозрительный, харбинец с КВЖД. Хотели взять этого харбинца от Князева, но он никак не дает. Этот харбинец жил у него на квартире.

Мы стали очень подозрительно относиться к этому делу, и, когда Князев приехал в Москву, я позвонил в ГПУ и сказал: «У Князева проводник харбинец, живет вместе с ним и т. д., организуйте за ним слежку». Слежку за ним, к сожалению, не организовали. Это было, примерно, в июне или в июле месяце и как раз в это время он в Сокольниках передавал материалы этому самому Хирасимо. Вот Князев. Так что в данном случае я считал, что хотя письменных материалов не было, но нужно было копать дальше. Когда его сняли с работы, куда ему идти? Он хотел и просился сам направить его на местную работу. Но я предложил: давайте оставим его в НКПС, может быть, что-нибудь доследим. Конечно, надо было поступать в отношении Князева гораздо более крепко, чем мы это делали. Вот о Князеве. Значит, грань между ошибкой и вредительством.

Емшанов. Та же картина. Мы его сняли, тоже били очень сильно, сняли с работы. Он до самого последнего момента не имел работы, не давали ему назначения. Было установлено, что он троцкист-вредитель. К нему мы всегда отрицательно относились. Но это бывший народный комиссар путей сообщения, сидел он на КВЖД и как начальник работал, но вместе с тем мы видели, что как начальник дороги он уже давно не годился. Зорин, Юго-Западная желдорога. Деловой работник был, но глупый. Я часто к нему придирался, глупые вещи он говорил на совещании. Бывают иногда способные, но глупые люди, это диалектическое противоречие. Вместе с тем разоблачение Зорина, конечно, идет на линии Лившица. Если бы обнаружили своевременно Зорина, то и Лившиц был бы обнаружен.

Розенцвейг. Ну, вы знаете его: святоша, деловой работник, старый начальник дорог. Должен вам признаться, что уж по поводу Розенцвейга я никак не ожидал, что он окажется вредителем, но в чем тут ошибка? А вот в чем. Он, оказывается, давнишний приятель Серебрякова и каждый раз, когда приезжал в Москву, обязательно ходил к Серебрякову. Что отсюда вытекает? А то, что надо устанавливать не слежку, а, так сказать, мы должны знать, кто чей приятель, с кем ты ведешь компанию, чтобы установить, что ты из себя представляешь. Следовательно, изучение работников тут шло более или менее однобоко.

Фуфрянский. Один из старых работников железнодорожного транспорта, начальник дороги, потом был в паровозном управлении. Консерватор невозможный, предельщик отчаянный. Это один из тех старых машинистов, которые считают себя умнее всех на свете. Когда я ему сказал, что нужно заводить краны, он мне возразил: «Вот еще, краны! Я в 1921 г. паровозами растаскивал, зачем краны?» Вот такой консерватор. Я его крепко бил, критиковал очень, но мне казалось, что этого человека можно переделать, вообще работников на транспорт я не брал со стороны. Я критиковал его очень крепко, казалось, что он переделывается, он начал лучше подходить и т. д. и прочее, начал технику осваивать, наконец, пришел и говорит: «Знаете ли что, вы меня на дорогу пошлите, я вам дорогу поставлю». Был он когда-то начальником дороги, нужны были люди, и я его послал.

В чем тут ошибка? Ошибка тут в том, что, во-первых, я не знал, что он бывший троцкист, это надо было знать, потому что предельщик — бывший троцкист — это уж нечто другое. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Я этого не знал. Во-вторых, я не знал, что он старый приятель Серебрякова, не знал. В-третьих, когда он просил дорогу, все-таки не надо было поддаваться, чересчур я тут допустил, что педагогика взяла верх, у меня любовь к переделке людей. Ему можно было дороги не давать. Он перекрасился ловко по заданию Лившица. Лившиц ему специально говорил: «Тебя нарком не любит, ты должен завоевать его доверие». (Г о л о с с м е с т а. Вот сволочь!) Специально Лившиц ему давал директиву, и он завоевывал мое доверие, и завоевал, значит я оказался в данном случае слишком доверчивым. (К о с и о р. Обошли!) Обошли.

Арнольдов. (К а л и н и н. Ну, этого все знают.) Арнольдова все знают, но знаете, по поводу Арнольдова были дела еще и вначале. Это — ловкач, похож немного на этого Арнольда в процессе. (О д о б р и т е л ь н ы х с м е х. Г о л о с с м е с т а. Это верно.) Мы его сняли из Управления движения.

Сняли с треском, сняли с арестом всего его окружения и послали начальником дороги. Это — ошибка. Не надо было после этого посылать его начальником дороги. Его знают все, не только я его знал, его знали все и старались его все-таки сохранить. Вот он сохранился теперь у т. Ежова. (Голос с места. Законсервировали. Ежов. Надолго ли?) Надолго ли, я не знаю. Теперь он показывает, что он — главный махер был у предельщиков в качестве легальной базы. Штатов, Миронов — бывший заместитель народного комиссара в свое время. Ну, Шатова я не беру в счет, мы его сняли с Москва — Донбасс, и не раз мне приходилось говорить, что я убежден, что это троцкист и мерзавец.

Миронов — бывший начальник ряда дорог. Когда я приехал на Томскую дорогу, я обнаружил у него очень мерзопакостную вещь, оказалось, что к моему приезду он мобилизовал 30 специалистов, которые приготовили 10 томов на тему о том, сколько нужно денег Томской дороге, чтобы она могла перевозить столько вагонов, сколько я требую. Я его выругал, облаял: зима, острое положение, очень трудно, надо этих людей поднять, где же тут пересаживать, положение страшно тяжелое, полная пробка... Организовали помощь крайкома. Когда я приехал туда, вижу, ничего у него не выходит, потом приехал в Москву, пришлось его снять, и т. Сталин сказал, что надо его снять. Сняли Миронова оттуда, но никаких материалов не было, из которых видно было бы, что он троцкист. Плохой работник, консерватор, вечно ноющий, скорее я бы его считал правым. Оказалось, что он и правый, и троцкист, и черт его разберет теперь. Оказалось, что так. И, значит, они с Пятаковым спелись еще в 1930 году.

Томленов. Вы знаете начальник паровозного управления, очень большая шишка, инженер, коммунист, машинист (Голос с места. Все качества.), сын машиниста, правда, кулачка такого в прошлом. Его дело я лично просмотрел, проверял лично, вызывал его. Он когда-то был на партийной работе, был секретарем уездного комитета партии. Мне это очень понравилось, я из партийных работников и он из партийных работников. (Смех.) А главное — способный инженер и безусловно знающий инженер. Взяли мы его. Оказался он японским шпионом, в 1929 г. завербованным еще. (Голос с места. Во время делегации.) И связан был с Лившицем. (Голос с места. Это значит, японизация.) Он был одним из ярких проводников этого дела. Здесь, конечно, уж ошибка и моя, не вскрыли вовремя, не предупредили. Я не буду говорить о том, что шпионов нам, конечно, трудно раскрывать, тут должна контрразведка работать, об этом будет подробно докладывать т. Ежов. Я могу только сказать, что мы, хозяйственники, не должны снимать с себя ответственности за раскрытие шпионов, не имеем права. (Голоса с мест. Правильно!) Конечно, мы можем сказать, что нам трудно, но мы не можем сказать, если бы мы сказали, что одно только ГПУ должно работать, это было бы тоже неправильно. Мы должны быть тут очень бдительными.

Лившиц. Про эту стерву, извиняюсь, должен подробнее остановиться. (Смех.) Лившица я знал потому, что как секретарь ЦК КП(б)У руководил исключением его из партии и высылкой в Сибирь. Вот как я знал Лившица. Здесь знал его по заседаниям Транспортного совещания. Здесь мы имеем яркий образец перекрашивания. (Калинин. Верно!) На Транспортном совещании это был один из самых первых, который выступил ярко антипредельчески. Должен сказать откровенно, приход мой на транспорт, на железную дорогу, — я не ждал, что меня встретит верхушка аппарата... (Буденный. Нелояльно.) Как подсказывает т. Буденный, нелояльно, не ждал. Вы знаете, что встретили меня рабочие неплохо, а верхушка встретила так, что хотела держать меня в плену техническом. И вообще в первый же день моего прихода на транспорт мне предложили конвенцию и Арнольдов знаменитый дал записку (она здесь сохраняется) «Значение конвенции как способ уменьшения погрузки». Конвенция — способ прекращения погрузки. И мне предложили, так как были заносы на Курской дороге, прекратить погрузку на Донбасс. И тогда-то я обратился к т. Саркисову с просьбой по телефону. Тут был и Арнольдов, были и другие

высокостоящие товарищи из аппарата, которые не являются ни троцкистами, ни вредителями, но которые были в плену у этой конвенции, у этих вредителей.

Лившиц там выступил активно за наши новые методы, не за меня лично, в группе я не нуждался, но за новые методы, за новые приемы против вредительства. (Г о л о с с м е с т а. И резко выступил?) Резко выступил и очень энергично, активно и рьяно. Меня это подкупило. Он пробыл на дороге до августа. В августе мы его взяли заместителем народного комиссара. В качестве замнаркома он очень ловко маскировался. Я не буду тут рассказывать, как я очень много раз в присутствии ряда людей подозрительно поглядывал на него. То я его спрошу: «Чего вы ходите такой мрачный, что это с вами? Вы анархист, у вас остатки троцкизма, вы демагог, вы хвостист, вы недисциплинированный человек, у вас еще троцкизм остался». Все это было в порядке педагогики. Если бы я хотел изобразить эти мои замечания так, что я ему не доверял, это было бы неправильно. В основном я ему доверял, а это было в порядке окончательного уже выкорчевывания остатков. (К а л и н и н. Троцкизма?) Да, да. И так я подходил к делу. Он очень ловко обманывал, где нужно, изображал из себя энтузиаста, а на деле внутри, я вижу по путевому хозяйству, по целому ряду фактов, по паровозному хозяйству, он вредил.

Конечно, я должен сказать, что одно мероприятия в НКПС спасло нас. Я сейчас проверяю приказы, которые издавались Лившицем. По этому мероприятию было так: я пришел и рассказал т. Сталину: «Тов. Сталин, в НКПС такой порядок, что все издают приказы». Издавали приказы все, кому не лень. «А ты, говорит, это дело централизуй», — посоветовал мне т. Сталин. Я после этого установил юридический отдел, через который все инструкции и приказы проходят. Таким образом, приказ, который подписывается даже моим заместителем, если он вызывает малейшее сомнение по сравнению с предыдущими приказами или постановлением Совнаркома или ЦК, он сразу ко мне попадает. Я вызываю и говорю, что этот приказ неправильный и я сразу его отменяю. Больше того, мы ввели единую канцелярию во всем наркомате. И таким образом отдельные бумаги попадают ко мне. Иногда мои заместители обижаются, но я им сказал: вы не обижайтесь, давайте установим единство управления. Это во многом нас спасло. Сейчас мы отменили ряд приказов. Приходится пересматривать приказы не только Лившица, но и другие. Отменили ряд приказов. И я советую другим наркомам пересмотреть у себя приказы.

Но что они делали? Например, утвердили приказ по строительству мелких электростанций на ЧТЗ'инском моторе. Приложение было одно, а они взяли потом и подменили новым приложением, другим. Это уже прямое воровство. Значит, в чем тут ошибка с Лившицем? Ошибка с Лившицем состоит в том, что здесь указание, которое т. Сталин давал не раз, о том, что враг маскируется, враг перекрашивается, не увлекайтесь тем, что к вам иногда подходит человек и прямо воск, готов что угодно, — проверяйте его до конца, не доверяйте. Я говорю, этого мы здесь недоучли. Единственное мое тут утешение, что я не один, а многие из вас в таком же положении (Ш у м, д в и ж е н и е в з а л е), но это утешение малоприятное и я думаю, каждый из вас мог рассказать о таких же примерах и безобразиях.

Во всяком случае, должен сказать, бдительность мы должны увеличить и усилить сейчас повсюду. И я не знаю, как другие, но мы на этих делах вырастаем, по-другому на людей теперь смотришь. Это не значит, что мы проникаемся сплошным недоверием к людям. Это тоже неправильно будет. Сплошным недоверием проникаться к людям нельзя, тогда нельзя будет работать. Но дело в том, что речь идет не о людях в целом, а о том, что если одного человека на заметку берешь, то уж проверяй его до конца. Вот как обстоит дело. Бдительность нужна очень большая и на транспорте, потому что у нас на транспорте засоренность большая. Я не преуменьшаю трудностей. Трудности огромные, потому что на транспорте мы имеем 6 тыс. харбинцев, 6 тыс. КВЖДинцев. Конечно, плохо, неправильно сделать

заклучение, что все приехавшие — плохие люди, но к сожалению, страшно много шпионов среди них. А они у нас распространены на целом ряде дорог.

Если к этому прибавить, что транспорт засорен, если к этому прибавить, как вы помните, политическую историю транспорта, его вижелевский период, сильное влияние меньшевиков и эсеров, если вы припомните, что на транспорте троцкистская политика в Цектроне была очень велика, сильна была и рабочая оппозиция... Как реакция правые тоже работали там. Затем, вы же знаете хорошо, что многие из деревень во время коллективизации приходили на транспорт, вы тогда убедитесь, что мы, конечно, здесь имеем дело с большой засоренностью. Достаточно сказать, что на транспорте сидели в свое время три наркома: Невский, Троцкий, Емшанов, которые сейчас оказались контрреволюционерами. В НКПС было 7 заместителей наркома: Ломоносов, Серебряков, Борисов, [Шатов], Миронов, Зоф, Лившиц. 17 членов коллегии вредителями оказались из 59, 17 вредителей оказалось, то вы увидите, что здесь мы имеем очень сгущенную историю транспорта, которая требует от нас большой бдительности. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.)

Я не скажу, что мы абсолютно никаких мер не принимали, меры мы принимали, например, за два года из политотдельского аппарата разоблачено 299 троцкистов, из аппарата НКПС 220 человек, троцкистов из них 109 человек. Мы издали приказ в январе 1936 г., в котором говорили, что так как важнейшей причиной крушений на транспорте является подрывная и диверсионная работа проникнувших на транспорт классовых врагов — бывших кулаков, белогвардейцев, троцкистов, эсеров, меньшевиков, то приказываю организовать тщательный учет и постепенно очищать аппарат транспорта от этих людей. За это время, по этому приказу мы очистили транспорт: 485 жандармов, 220 эсеров и меньшевиков, 1415 белых офицеров, 282 вредителя, 440 человек шпионов, это, главным образом, люди, работавшие по движению. По дорогам мы имеем такую картину: в 1934 г. разоблачено было 136 чел. троцкистов, в 1935 г. 807 троцкистов, в 1936 г. 3800, из них значительная часть арестована. Значительная часть разоблаченных падает на второе полугодие. Повторяю, эта часть арестована.

Таким образом, как видите, мы здесь имеем довольно серьезное очищение рядов от политически вредных людей. Однако было бы неправильным, и я считаю, что пункт решения ЦК, резолюция правильно говорит, что необходимо признать это положение. К сожалению, надо сказать, что ряд хозяйственников проявляет пассивность в деле разоблачения, инициативы проявляют мало, а некоторые даже тормозят. Я не скажу, что у нас начальники дорог или работники дорог занимают очень решительную, активную позицию. Есть работники, которые много помогают в этом деле, а есть и такие, которые не разоблачают, а тормозят. По-моему, этот пункт правильный, а самое главное состоит в том, чтобы подбор людей организовать лучше.

Надо прямо сказать, что когда-то мы, в Распреотделе работая, распределяли людей, мы подходили к каждому человеку, уделяли каждому человеку час, полтора часа, сидели, слушали про дедушку, про бабушку, но зато мы узнавали человека. Я скажу, что на сегодня и хозяйственники и нехозяйственники, я не хочу затрагивать 4-й пункт порядка дня, не проявляют должного внимания в подборе кадров. Они подбором людей занимаются недостаточно. Этому вопросу, подбору людей, необходимо уделять внимание в гораздо большей мере, индивидуально просматривать, проверять людей, тогда мы будем больше гарантированы от безобразий. Это есть вопрос руководства. Мы должны подбирать людей, проверять, а также наладить проверку исполнения. Нажимать на то, чтобы было выполнено то, что надо. Снимать человека, который оказался негодный, обучать тех людей, которые выдвинуты. Я думаю, что выдвигать нового человека — это большие накладные расходы. Пока он освоится, он не сразу может подойти к делу.

Следовательно, на железнодорожном транспорте мы должны эту

сторону работы поставить гораздо серьезнее и острее, чем мы ставили до сих пор. Подбирать людей с тщательной их проверкой и проверять работников на работе, как он работает, как себя ведет, как он относится к новым мероприятиям, и в особенности мы должны поставить работу политическую с кадрами. Я считаю, то, что ЦК сейчас проделывает по предложению т. Сталина, и то, что мы сейчас на этом пленуме делаем крутой крен в сторону политической работы, это должно поднять все наше хозяйство на такую же высоту, на которую в свое время поднял этот крутой крен технику. Мы должны сейчас прибавить политику к технике и с этой точки зрения критиковать работу наших политотделов, работу наших партийных организаций.

Политотделы вошли в проект постановлений по железнодорожному транспорту, поэтому я и коснусь их. В чем главная слабость политотделов? Их главная слабость состоит в том, что они решением ЦК партии предназначены были для усиления бдительности на транспорте. Они проявили бдительность, как вы видите из этих цифр, но мало. Все-таки эта бдительность была не достаточна, а даже очень слаба. В чем вторая слабость? В том, что они от партийной работы по существу отошли. Верно, что это производственная организация, а не производственно-партийная. Это верно. И тем не менее, они должны были больше заниматься партийной работой, чем производственной, гораздо больше. Они оторвались от жизни, от работы партийных ячеек. Вот почему мы здесь должны сейчас сказать, что политотдел должен усилить свою связь с партийными организациями, круто повернуть к партийной работе, отказаться от целого ряда производственных работ, которые они вели.

Конечно, некоторые политотдельщики говорят так, они слышали мое выступление и мою критику транспорта, хозяйственников и политотделов. Они говорят: «Помилуйте, мы все-таки за последнее время развернули большую политическую работу, мы за последнее время провели большую кампанию и все прочее». Верно это. Но, товарищи, я думаю, нельзя смешивать два вопроса: политическо-производственную работу и партийно-политическую работу. Это разные вещи. Партийно-политическая работа вмещает производственно-политическую работу, а производственно-политическая работа [партийно-политическую] не вмещает. Это шире. И вот, я бы сказал, что они занимались — и политотделы, и хозяйственники — производственно-политической работой очень много, но партийно-политической, воспитанием людей, воспитанием кадров они занимались недостаточно.

Вот почему политотделы должны сейчас сосредоточить большее внимание на партийно-политической работе, прислушиваться к сигналам с мест. Затем надо ввести выборность партторгов, неправильно, что у нас сейчас назначаются партторги. Оставить, может быть, на 200, а может быть, и от 200 крупнейших узлов отказаться. Затем надо создать единую организацию, а то у нас на узле одна, в депо — другая, на станции — третья, на пути — четвертая. Надо создать единую организацию, тогда этот комплекс критики партийной и самокритики масс будет направлен гораздо серьезнее и гораздо лучше, чем это до сих пор шло у нас. Связь с территориальными организациями была, она есть. В некоторых краях лучше и больше, в некоторых меньше, но тем не менее надо ее поставить больше, чтобы крайком мог бы больше вмешиваться в дело. Против этого я никак не могу возразить.

Затем политотделы должны обратить особое внимание на исключенных из партии на транспорте. На транспорте имеется 75 тыс. человек, исключенных из партии. На 156 тыс. человек 75 тыс. исключенных. Исключение падает на разные годы, начиная с прежних лет — 1930, 31, 32, 34 и пр. 16 тыс. исключено при этой проверке. Я вам скажу, что у нас есть депо, где членов партии имеется 80 человек, а исключенных 100, причем среди них есть люди замечательные, стахановцы, получившие значок, есть люди, которые прямо говорят: «Позвольте, я работаю хорошо, почему я должен ходить под подозрением?» Я не ставлю вопрос о том, чтобы исключенных

из партии вернуть сейчас назад, хотя, конечно, в порядке приема можно даже этот вопрос поставить о наиболее талантливых, о наиболее преданных. (Шкирятов. Конечно.)

Но не в этом сейчас дело, а в том дело, чтобы создать обстановку, чтобы для этих 75 тыс.— большинство огромное люди честные — создать вокруг них необходимую обстановку, минимально хорошую для их работы, чтобы им доверяли, в сочувствующие провести часть из них. Во всяком случае, этот вопрос об исключенных из партии, он является вопросом чрезвычайно серьезным. И поэтому мы должны здесь работу политотделов повернуть серьезнейшим образом. Само собой разумеется, что политотделы должны осуществлять контроль по борьбе с вредительством в области стахановского движения, которое является большим тормозом в развитии стахановского движения.

Затем, мы должны развернуть партийную работу среди хозяйственников. Конечно, я не хочу сказать, что за партийную и политическую работу только политотдел отвечает, все хозяйственники отвечают, хозяйственники должны заниматься партийной работой. В этом смысл решения ЦК. И прежде всего мы должны поднять партийную квалификацию этих хозяйственников. Партийная квалификация у них низка, они считают, что «технически я должен быть подкован, технически я должен быть подготовлен, а политически я могу не быть подготовленным, политически я могу не знать», причем это относится в особой мере и к беспартийному человеку, который также является гражданином Советской страны и будет избирать по новой Конституции. Вот почему, товарищи, мы должны сейчас и курсы организовать, и политическую работу улучшить. Это означает, что мы должны к технике, которая сделала страшно много, мы должны прибавить политику, мы должны прибавить партийность, мы должны прибавить идейность, она у нас была, но недостаточно.

Мы должны собирать актив наркоматов, то, что принято в решении, это не то, что производственные совещания. Производственные совещания — это немного, чуть ли, если сказать в узком смысле слова,— это актив, где самокритика будет более живой, более свежей, где руководящие технические работники не будут приходить в качестве человека, который сделал одолжение и пришел на производственное совещание. Он придет на этот актив в качестве человека если не подотчетного, потому что ему не дают директиву или приказ, то во всяком случае человека, которого будут критиковать, и остро критиковать, который должен делать доклад и о партийной работе, и о мероприятиях ЦК и Совнаркома, и о мероприятиях своего наркомата, начальника дороги и т. д. Это политический актив. Это самокритика, которая будет расти и поднимать людей.

Я думаю, что это относится ко всем наркоматам, а не только к нам, об этом уже говорил т. Молотов, и я думаю, что я могу только совет дать своим коллегам, чтобы товарищи и все другие наркоматы наш опыт учли бы. Решение ЦК включает все наркоматы в резолюцию. Этим я отнюдь не хочу сказать, что этим подчеркивается такая же ответственность их, как и этих двух наркоматов, которые здесь отчитываются, т. е. Наркомтяжпром и НКПС, в которых сосредоточено было вредительство врагов, как наркоматов наиболее важных с точки зрения обороны страны, с точки зрения поддержки мощи нашей страны. Тут, конечно, прорвалось в первую очередь, и я, конечно, надеюсь, что товарищи мои коллеги отнюдь не будут столь нескромны, чтобы подумать, что эти наркоматы хуже, чем их наркоматы. (Каминский. Правильно, еще бы.) Поэтому все это относится и к ним.

Поэтому, товарищи, я должен прямо сказать, что уроки вредительства, которые мы сейчас с вами на пленуме обсуждаем, они выходят далеко за пределы какого-то обсуждения вопроса только по ведомствам и только по промышленности. (Каминский. Правильно!) Это серьезные уроки потому, что то вредительство, которое мы имели, это вредительство особое и ответить мы должны на это вредительство тоже по-особому. Я должен сказать прямо, что не все до пленума, не все до пленума ЦК додумывали,

какие же уроки вытекают из вредительства. Многие думали: арестовали, раскрыли, судили, так? (Б у д е н н ы й. Конечно.) И потом — переход к текущим очередным делам. По предложению т. Сталина этот вопрос был поставлен на пленуме ЦК, были разработаны эти предложения, которые несколько раз переделывались.

Вопрос сейчас, как видите, поднят до той остроты и до того политического уровня, на котором он стоять должен. Я думаю, что все мы можем сказать, что на уроках разоблачения шпионской вредительской работы мы все выросли, по-новому вскрываем ряд недостатков и ошибок, по-новому начинаем подходить, более зрело, я бы сказал более политически, более остро к людям. Важно только сейчас, чтобы все коммунисты проводили бы в жизнь то, что мы намечаем сейчас и чтобы мы помнили уроки.

Я хочу здесь напомнить, что при Шахтинском процессе, при обсуждении на пленуме ЦК Шахтинского процесса т. Сталин, собственно говоря, нас предупреждал, пророчески предупреждал. Он говорил: «Мы имеем здесь дело с экономической интервенцией западноевропейских антисоветских капиталистических организаций... Глупо было бы предположить, что международный капитал оставит нас в покое. Нет, товарищи, это неверно. Классы существуют, международный капитал существует и он не может смотреть спокойно на развитие страны строящегося социализма. Раньше он — международный капитал — думал опрокинуть Советскую власть в порядке военной интервенции. Попытка не удалась. Теперь он старается и будет стараться впредь ослабить нашу хозяйственную мощь путем не видной, не всегда заметной, но довольно внушительной экономической интервенции, организуя вредительство...»

Тут все увязано в узел классовой борьбы международного капитала с Советской властью и ни о каких случайностях не может быть и речи. Одно из двух, либо мы будем вести впредь революционную политику, организуя вокруг рабочего класса СССР пролетариев и угнетенных всех стран, — и тогда международный капитал будет нам всячески мешать в нашем продвижении вперед; либо мы откажемся от своей революционной политики, пойдем на ряд принципиальных уступок международному капиталу и тогда международный капитал, пожалуй, не прочь будет «помочь» нам в деле перерождения нашей социалистической страны в добрую буржуазную республику. Этого и хотели троцкисты, правые и всякие антипартийные группировки, леваки, примиренцы и прочие». И дальше т. Сталин говорит: «Именно поэтому мы должны быть готовы к тому, что международный капитал будет нам устраивать и впредь все и всякие пакости, все равно, будет ли это Шахтинское дело или что-либо другое подобное ему». К сожалению, мы это забыли. Отсюда проистекает и ослабление бдительности. Конечно, новое в этом вредительстве есть по сравнению со старым. Новое то, что в связи с изменением этапов меняются и персоны этого вредительства. Сейчас вошли как актив вредительства троцкисты и правые. Но это не меняет дела.

Ленин и Сталин и это давно предсказывали, что нам надо быть очень бдительными, что мы должны смотреть вовсю, что люди, вступившие на путь борьбы с партией — троцкисты, правые, право-леваки и все другие оппортунистические элементы, которые к ним примыкали, — должны неизбежно скатиться, в большинстве своем, в лагерь империализма. Мы видим сейчас, что они скатились в лагерь фашизма. Вот почему сейчас самое важное не только в констатации того, что враги имеются и что враги вредительствуют, это неизбежно, сколько в том, чтобы мы не допустили их вредительства, сколько в том, чтобы мы противопоставляли попыткам международного капитала мешать нам, противопоставляли свою большую бдительность, большую прозорливость, большую остроту глаза и большую решительность руки в борьбе с ними.

Мы должны незамедлительно устранить все те недостатки, которые позволили врагам орудовать у нас, чтобы мы умели вовремя разоблачить врага, потому что подобные случаи, как говорит т. Сталин, могут и будут повторяться. Фашисты не прекратят, конечно, и сейчас будут посылать

к нам диверсантов и шпионов, в особенности на железнодорожный транспорт. Они знают, что такое железнодорожный транспорт для войны. Они знают, что во время войны защитить тот или иной узел, устроить несколько крушений, потерять 15 час. доставки войск — это значит проиграть сражение. Верно, товарищи военные? (Егоров и Буденный. Правильно, верно!) Они это знают очень хорошо. Вот почему на железнодорожниках лежит особая ответственность перед родиной, перед страной. Мы не должны допускать промедления в ликвидации последствий вредительства. Хорошо, что это вредительство вскрылось сейчас, до военного нападения на нашу страну. Это очень хорошо. Но злоупотреблять этим и затягивать ликвидацию последствий никак нельзя. Мы уже опоздали, надо торопиться. В особенности это относится к железнодорожникам.

Я на пленуме ЦК могу сказать не для красного словца, не в порядке заключения или закругления своей речи, а в порядке серьезнейшего учета, продумывания и переживания: мы радуемся тому, что раскрыли врага, но, раскрыв врага, мы чувствуем боль от того, что раскрыли поздно. Больно, что эти мерзавцы в хороших делах, которые делает партия, которые делает страна, которые делают железнодорожники в течение ряда лет, хоть на несколько процентов пакостили и вредили. Больно и обидно! Но не в хныканье дело. Я знаю, что есть некоторые хозяйственники не только на транспорте, но и в промышленности, которые готовы сейчас ходить, опустив голову, и у которых эта обида и боль за то, что вредители работали, перерастает в хныканье. Это самая вредная вещь сейчас. Бодростью, уверенностью, овладевая рулем еще лучше, еще больше, усилением политической работы — вот чем мы должны ответить.

Я думаю, что у всех нас, у пленума ЦК нет оснований сомневаться в том, что руководящие работники, партийцы и рабочие транспорта, и промышленности, и всех других отраслей по-большевистски возьмутся за ликвидацию последствий вредительства, как это имело место в 1932 году. Тов. Сталин говорил в 1932 г., это речь по делу Смирнова — Эйсмонта: «Я думаю, что вредительство в колхозах и саботаж хлебозаготовок сыграют в конце концов такую же благодетельную роль в деле организации новых большевистских кадров в колхозах и совхозах, какую сыграл Шахтинский процесс в области промышленности. Шахтинский процесс послужил поворотным пунктом в деле усиления революционной бдительности коммунистов и организации красных специалистов в области промышленности. Нет оснований сомневаться в том, что явления вредительства и саботажа в колхозах и совхозах, появившиеся в нынешнем году, послужат таким же поворотным пунктом в деле развертывания революционной бдительности наших сельских и районных коммунистов и организации новых большевистских кадров в колхозах и совхозах».

Я думаю, что это целиком и полностью применимо сегодня здесь. На всех этапах нашей социалистической стройки, не только в период трудностей, но и в период подъема, мы, товарищи, видим как у нас активизируются вредители. Так было в 1928 г., когда они пытались сорвать первую пятилетку — был Шахтинский процесс. Так было в середине пятилетки, когда враги увидели, что мы побеждаем Промпартия. Так было накануне развертывания коллективизации в 1930 г. — дело Кондратьева. Так было в 1932 г., когда враг увидел, что коллективизация побеждает — они организовали вредительство в колхозах и совхозах. Так и сейчас, социализм победил и венцом этой победы является сталинская Конституция — мы раскрыли сейчас новую подлую вредительскую работу шпионов и агентов капитализма, которые пытались подорвать мощь нашей страны, мощь нашей партии, но им не удалось, мы их разбили, мы их разоблачили.

И ответом на это вредительство будет новый подъем социалистического хозяйства. Это не слова, это мы видим сейчас на заводах, это мы видим сейчас на транспорте, не только в резолюциях, принятых по приговору суда, но и в делах стахановцев, кривоносовцев, когда мы имеем новый прилив этой волны. Несомненно, в ближайший месяц, после пленума ЦК, когда наши кадры встанут на ноги, будет новый подъем, стахановское

движение пойдет еще быстрее вперед. Если сейчас могут быть еще трудности, то это только в отношении тех кадров, которые не поймут уроков вредительства. Но так как мы надеемся, что все поймут уроки вредительства, то мы не сомневаемся, что подъем стахановского движения будет ответом на вредительство наших врагов. Так ответит вся наша страна, вся наша партия, все кадры, которые, поднявшись на новую политическую ступень на уроках вредительства, сплотились крепче вокруг партии, по-сталински поведут социалистическое хозяйство к новым великим сталинским победам. (Продолжительные аплодисменты.)

Андреев. Товарищи, есть предложение: ввиду самостоятельного значения пункта «в» — доклад по Наркомвнуделу — заслушать и обсудить этот вопрос особо, а сейчас открыть прения по этим двум заслушанным докладам. (Голоса с мест. Правильно.)

Андреев. Есть предложение объявить 10-минутный перерыв (Шум одобрения.) Объявляется перерыв на 10 минут.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Выступление Кагановича дается по направленной стенограмме.
2. В стенографическом отчете о пленуме, отпечатанном для членов ЦК, Герман отнесен к третьей группе.
3. В материалах пленума показания Абуашвили отсутствуют.
4. В стенографическом отчете реплика Мирзояна дается следующим образом: «Как, например, линии Уральск — Илецк».
5. Далее в стенографическом отчете пленума: Омская, Московско-Донбасская, Закавказская, им. Дзержинского, Донецкая, Сталинская, им. Куйбышева, Северо-Кавказская.
6. В стенографическом отчете этот фрагмент доклада Кагановича дан в измененной редакции: «Это следующие аварийные очаги: паровозные депо — Орел ж. д. им. Дзержинского, Юдино Казанской ж. д., Златоуст Южно-Уральской ж. д., Елец Московско-Донбасской ж. д., Промышленная Томской ж. д., Пенза Рязано-Уральской ж. д., Чита ж. д. им. Молотова, Масельская Кировской ж. д.; станции Челябинск Ю.-Уральской ж. д., Лихая Ю.-Восточной ж. д., Люблино и Кусково ж. д. им. Дзержинского, Свердловск ж. д. им. Кагановича, Сызрань ж. д. им. Куйбышева, Зиливо ж. д. им. Молотова; вагонные участки — Свердловский ж. д. им. Кагановича, Курский вагоноремонтный пункт ж. д. им. Дзержинского, Минераловодский Северо-Кавказской ж. д., Магнитогорский Южно-Уральской ж. д., Мудренинский вагоноремонтный пункт и Ясиноватский вагонный участок Сталинской ж. д., Мурманский Кировской ж. д.; дистанции пути — Златоустовская и Вязовская Ю.-Уральской ж. д., Ковылкинская и Рязанская Ленинской ж. д., Веневская М.-Донбасской ж. д., Семеновская Горьковской ж. д., Красноуфимская Казанской ж. д., Маритуйская В.-Сибирской ж. д.».
7. Так в тексте.

Объединенное дворянство и аграрная реформа

А. П. Бородин

Неприятие революции как способа решения назревших общественных проблем и надежды в этом отношении исключительно на реформы неотделимы от вопроса о способности и готовности власть имущих идти на эти реформы. В связи с этим представляется важным отношение объединенного дворянства к аграрной реформе. Ленинской характеристикой П. А. Столыпина («был не более, как уполномоченным или приказчиком»¹), толкуемой обычно в смысле полной солидарности его с объединенным дворянством, этот вопрос, по существу, снимался. Поэтому в литературе утвердилось мнение, что новая аграрная политика была продиктована объединенным дворянством². И только в работах о взаимоотношениях самодержавия с дворянством имеют место коррективы к этому тезису. Ю. Б. Соловьев, утверждая, что «в сущности вся столыпинская программа в ее главных чертах уже была подробно обоснована и развита» на дворянских съездах, оговаривается: «Не следует думать, что он (Столыпин.— А. Б.) просто шел в кильватере Объединенного дворянства, что оно было ведущим, а он был ведомым, исполнителем намеченного на дворянских съездах. Он играл самостоятельную роль и вел свою линию»³. В. С. Дякин, полагая, что и после поражения революции 1905—1907 гг. «большая часть помещичьего лагеря по-прежнему поддерживала столыпинскую ломку общины и насаждение сельской буржуазии как опоры царизма», не подчеркивает его решающей роли: дворянство не предопределяло и не диктовало, а «поддерживало столыпинскую реформу», и лишь в части достижения «непосредственной» цели — «отвлечь крестьян от борьбы за помещичьи земли, внести классовую рознь в крестьянские ряды, перетянуть деревенские верхи на сторону контрреволюции»⁴.

Конечно, объединенное дворянство стало влиятельной политической силой, и Столыпину пришлось с ним считаться. Но могло ли объединенное дворянство быть проводником буржуазной аграрной политики, был ли Столыпин его «приказчиком» и мог ли он, стремясь предотвратить новую революцию путем реформ, не ущемить интересов помещичьего дворянства? Хорошо осведомленные современники никак не связывали указ 9 ноября 1906 г. с объединенным дворянством. Противникам указа в Государственном совете он представлялся «плодом канцелярской разработки чисто

Бородин Анатолий Петрович — кандидат исторических наук, доцент Кировского педагогического института.

бюрократических материалов». А. С. Стишинский, возражая, свидетельствовал, что при составлении указа были приняты во внимание «заключения особых губернских комитетов» о проектах, выработанных редакционной комиссией при Министерстве внутренних дел (МВД) в 1902 и 1903 гг., и мнения «тех губернских совещаний, которые дали свои отзывы Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Последнему его приписывал С. Ю. Витте, а В. И. Гурко, оспаривая такой вывод, утверждал, что это совещание было «лишь одним и довольно незначительным этапом» в «особой и длинной истории» указа 9 ноября ⁵.

И действительно, необходимость перемен в аграрной политике, вызываемая прежде всего нуждами экономического развития, ощущалась давно; в начале века, в обстановке назревавшего революционного кризиса, она обострилась, и еще до выступления на политической сцене объединенного дворянства бюрократический аппарат стал готовить проект реформы ⁶. Начало поворота нетрудно увидеть уже в манифесте 26 февраля 1903 года. Хотя он и подтверждал неприкосновенность общины, сословную обособленность крестьянства и неотчуждаемость наделов, содержавшееся в нем предписание облегчить выход домохозяев из общины выражало признание как широко заявленного крестьянами стремления выйти из общины, так и преимуществ хуторского и отрубного хозяйства. Намечался отказ от искусственной консервации общины.

Столыпин, конечно, был в курсе идей своего дяди Д. А. Столыпина, «фанатика разрушения общины», еще в 70-е годы XIX в. экспериментировавшего с хуторами в своем имении. Во время службы в Ковенской губернии Столыпин близко познакомился со стихийным переходом крестьян от подворного владения к «колониям», устраиваемым «по образцу фермерского хозяйства» в соседней Пруссии. Анализ этой практики в докладной записке 1900 г. по Ковенской губернии заключался выводом: ввиду «вполне назревшей потребности крестьянского населения» необходимо законодательно регламентировать условия расселения и образования «колоний», способы вознаграждения за худшие участки и пр. ⁷. В преимуществах хуторского хозяйства убеждала и соседняя Германия, которую Столыпин в то время часто посещал. К концу пребывания в Западном крае он хорошо представлял себе экономическую сторону вопроса. Открывая 16 июля 1902 г. первое заседание Гродненского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, он подчеркнул, что «главнейшими факторами улучшения экономических условий губернии» следует считать расселение крестьян на хутора, устранение чересполосности земель, разверстание сервитутов и мелиоративный кредит ⁸.

Размах и сила крестьянской борьбы в Саратовской губернии раскрыли ему все значение социально-политической стороны аграрного вопроса: он вполне осознал необходимость серьезных уступок. В отчете за 1904 г., обращая внимание царя на опасное «неблагополучие» крестьянства и указывая на его причины — общину и острую земельную нужду, — Столыпин высказался за свободный выход крестьян из общины с укреплением надела в личную собственность, усматривая в последней «залог порядка» и основу иной «мужицкой карьеры»: не кулака-мироеда, а экономически предприимчивого хозяина; предлагал передать выходящим из общины уголья «из государственных земель или из земельного фонда Крестьянского банка», обеспечить им «насушные условия культурного землепользования». И тогда, заключал он, «наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин» — полезный представитель, «голос земли» в учреждаемой Государственной думе ⁹.

1905 год не только укрепляет Столыпина в этом мнении, но и побуждает его действовать в этом направлении. Он, по свидетельству его дочери, приходит к выводу, что большие поместья отжили свой век, и продает свое нижегородское имение Крестьянскому банку, надеясь, что это послужит примером для добровольной продажи землевладельцами имений банку ¹⁰. Он пытается воздействовать в этом плане на саратовских помещиков ¹¹ и скоро убеждается, как мало склонны они поступаться в пользу крестьян ¹².

В начале петербургского периода своей карьеры Столыпин обнаруживает уже готовность переступить через интересы землевладельцев, понимая, что вследствие создания класса зажиточных крестьян-собственников «предложение труда в деревне уменьшится». Намерения Столыпина шли дальше передачи крестьянам государственных и удельных земель и включали также отчуждение помещичьих земель. А. А. Бобринскому он как-то сказал: «Вам придется расстаться с частью ваших земель, граф»¹³.

Влияние объединенного дворянства было прямо пропорционально степени внимания царя к его нуждам и заявлениям. Первые два-три года оно не могло не только диктовать правительству свою волю, но и хоть сколько-нибудь корректировать его политику¹⁴. Весной 1906 г. разоренное и деморализованное, едва представленное в законодательных учреждениях, напуганное планами правительства, оно бросилось к подножию трона¹⁵. Однако ввиду сильного раздражения в «сферах» против дворянского либерализма¹⁶, иллюзий относительно консервативности крестьянства¹⁷ и продолжавшегося революционного напора блокирование царя с правыми было исключено. Даже весной 1908 г. их жалобы продолжали раздражать Николая II. «Теперь, как стало спокойнее,— сетовал он в письме матери 27 марта 1908 г.,— дворянство начало жаловаться на разные нововведения и реформы,— но спрашивается, как и чем оно помогло правительству в страшную осень 1905 года. Ровно ничем. Все попрытались и присмирели, думая, что настал конец»¹⁸. Столыпин же был в фаворе¹⁹.

Трудно совместить представление о Столыпине как о простом исполнителе воли объединенного дворянства с качествами его личности. Это была натура цельная, волевая, решительная, властная, склонная к борьбе. Представитель известного рода, с развитым чувством собственного достоинства, независимый материально, воодушевленный на первых порах доверием и поддержкой царя, мог ли он, вообще не имевший обыкновения заискивать и раболепствовать, оказаться в сколько-нибудь зависимом положении от объединенного дворянства? К тому же некоторые обстоятельства начала его премьерства очень укрепили его положение и престиж. Во-первых, покушение 12 августа 1906 года. В. Н. Коковцов свидетельствует: «Личное поведение Столыпина в минуту взрыва и то удивительное самообладание, которое он проявил в это время», произвело «резкую перемену в отношении к нему не только двора, широких кругов петербургского общества, но и всего состава Совета министров... Словом, Столыпин сразу как-то вырос и стал всеми признанным хозяином положения, который не постесняется сказать свое слово перед кем угодно и возьмет на себя за него полную ответственность»²⁰. Во-вторых, сосредоточение в его руках огромной власти, что быстро, по свидетельству многих, «испортило» Столыпина, преобразило его из скромного, внимательно прислушивавшегося к различным мнениям, во «властного, не терпящего противоречия»²¹.

В среде объединенного дворянства выдающихся деятелей не было. К тому же, как заметил современник, «сколько-нибудь независимых материально лиц среди них немного; задолженность даже известных „лендлордов“ слишком велика, чтобы они не должны были заискивать у руководителей финансовой и аграрной политики России»²². И в первых контактах деятелей объединенного дворянства со Столыпиным не чувствуется никакой диктующей их воли, наоборот, уже в начале петербургской карьеры Столыпина у них возникает настороженность. Шереметьев записывает в дневнике 29 апреля 1906 г.: «Смущает меня Столыпин и недоумеваю особенно если правда, что он берет Харузина... Не ожидаю что-либо прочного с этой стороны. Это Мирского похлебцы». «На Столыпина надеялись, но теперь что-то разочаровываются»,— констатирует и Победоносцев²³. Объединенное дворянство беспокоит курс на реформы, «октябризм» Столыпина²⁴. Покушение 12 августа оживило надежды²⁵, однако скоро последовали разочарование и досада²⁶. Поползли слухи о возвращении П. Н. Дурново, с ним связываются надежды на более «определенную» политику²⁷.

Правых раздражает «двойственность» Столыпина²⁸, ему инкриминируют

«упразднение» правительства, устранение «от охраны порядка и закона»; его политика характеризуется как «политика бесплодного заискивания и уступок»²⁹. Объединенное дворянство заявляет обиды: правительство его игнорирует. Правый публицист С. Ф. Шарапов подвергает резкой критике аграрную программу Столыпина: «Вы ее почти целиком взяли у кадет, кроме, слава Богу, одного пункта — принудительного отчуждения». И вот, «удельная земля отдана, отдана совершенно напрасно, казенные готовятся к передаче, а за ними, быть может, монастырские и церковные. Частные землевладельцы панически бегут, сдавая земли по чем попало Крестьянскому банку, который их закупает на сотни миллионов рублей... Ведь такая постановка аграрного вопроса ставит на карту всю экономическую, да и политическую будущность России». Осудив и другие законопроекты, Шарапов заключает: «А главное, чего Вам русские люди не простят,— это полное неуважение правительства к местным силам, принципиальное отрицание всякого их содействия и совета»³⁰.

Программа реформ, объявленная Столыпиным, прояснила ситуацию. «Дворянству,— говорил на заседании Постоянного совета 29 февраля 1907 г. кн. Н. Д. Цертелев,— предстоит борьба не с левым крылом Думы, а с правительством... Судя по декларации, реформы министерства даже левее кадетских проектов, они совершенно упраздняют сословия и вводят в местную жизнь бюрократические порядки». Насколько положение представлялось безвыходным, свидетельствует выступление кн. Н. Ф. Касаткина-Ростовского: «Правительство, очевидно, нас никогда не послушает, ибо даже такую разумную меру, как обращение проекта на заключение земских собраний, оно отказалось выполнить. Вся надежда на то, что закон этот не будет осуществлен в Думе, которая, не сообразив в чем дело, не примет закона только потому, что он исходит от правительства; если же мы начнем громко разъяснять, какие губительные последствия для дворянства будет иметь местная реформа,.. то Дума догадается, в чем дело, и примет законопроект хотя бы только потому, что он противен дворянству». А. И. Мосолов не согласился («левые партии в Думе не настолько наивны») и предложил не откладывать съезд (речь шла о III съезде уполномоченных дворянских обществ, назначенном на 27 марта): он «может сыграть роль вдохновителя для созыва чрезвычайных дворянских собраний, которые могут обратиться с однородным ходатайством к монарху и ходатайство это может быть уважено. Если же все это не удастся, то не наша будет в этом вина»³¹. Не было, таким образом, особенной уверенности и в поддержке царя.

Считать объединенное дворянство силой, определявшей курс внутренней политики, не позволяет и распространенное среди правых недовольство «политическими качелями» Николая II. «На него надеяться нельзя»³². И нередко приходилось констатировать: «Царь стоит однако прочно (пока) на манифесте 17 октября. Намерен его честно соблюсти»³³. Обескураживало правых и то, что Николай II не поддается их влиянию. «На государя воздействовать нельзя (он для сего слишком неустойчив)»,— пишет Киреев Ф. Д. Самарину 23 февраля 1905 года. Об этом же толкуют в салоне Богдановича: «Стишинский говорил про царя, что он — сфинкс, которого разгадать нельзя. Царь — слабовольный, но взять его в руки невозможно, он всегда ускользает, никто влияния на него иметь не может»³⁴. «Слабейший из царей» осознается правыми как главная причина неизбежного крушения³⁵. Спасение виделось в диктатуре, но оказывалось, Николай II не только не способен стать диктатором³⁶, он-то и делает ее невозможной: «Диктатуру никогда не создадут, так как царю придется тогда ограничиться, а он вряд ли на это согласится, так как власть любит»³⁷.

Обстоятельства вынуждали объединенное дворянство преувеличивать свою влияние, подчеркивать значение принимаемых им решений³⁸. Между тем высказывания в среде этой организации о роли ее в переходе правительства к новой аграрной политике весьма редки и скромны. Н. А. Павлов, один из создателей объединенного дворянства, лишь предполагал: первый его съезд «выработал основные принципы, представил их

монарху и весьма возможно, что тем повлиял на определенное направление разрешения аграрного вопроса в правительственных „сферах“». Кн. Н. Б. Щербатов находил лишь «поразительное сходство между тогдашними нашими пожеланиями и проектами» правительства. Даже Бобринский не решался приписывать объединенному дворянству решающую роль в переходе к новой аграрной политике, отводя ему скромную роль «одного из инициаторов освободительного закона 9 ноября»³⁹.

Вряд ли можно согласиться с утверждением, что «в секретном циркуляре от 12 января 1908 г. совет (объединенного дворянства.— А. Б.) прямо признал, что главную роль в переходе царизма к столыпинской аграрной политике... сыграла общедворянская организация»⁴⁰. Ведь сложившаяся обстановка вынуждала Совет не «признавать», скорее доказывать, что значение этой организации сохранилось и «ее необходимость остается во всей силе». Дело в том, что к середине 1907 г. соотношение сил резко изменилось в пользу контрреволюции, поэтому «сократились и поводы к интенсивной работе Совета и всей вообще дворянской организации», не понадобился второй ее съезд в 1907 г., наступило «затишье в деятельности объединенного дворянства»; 2 января 1908 г., обсудив вопрос о перспективах его деятельности, Совет постановил запросить уполномоченных на местах «о вопросах, которые желательно было бы возбудить на съезде».

В условиях политической стабилизации возникала угроза распада дворянской организации (и без того в ней были трения), и Совету приходилось непомерно возвеличивать ее заслуги. Это, кстати, многих и смутило при обсуждении проекта циркуляра, его не сразу утвердили. Сам текст его не дает оснований для заключения о претензиях объединенного дворянства на «главную роль». В циркуляре говорится, что труды организации «не остались без влияния на всю правительственную политику, что и не раз признавалось в печати даже представителей левых партий. В самом деле, мы видели, что аграрная политика данного времени близко подходит к той, которая проектировалась на I съезде уполномоченных, и является прямым следствием правительственного сообщения от 20 июня 1906 года, непосредственно последовавшего за высказанными в адресе государю взглядами дворянства»⁴¹. Нет, не могло объединенное дворянство сказать, что оно продиктовало правительству новую аграрную политику.

Вместе с тем на первых порах оно ее поддержало. К такой реакции на указ 9 ноября объединенное дворянство было подготовлено сложившейся в стране обстановкой, которая еще за год до этого вынудила съезд учредителей Всероссийского союза землевладельцев ухватиться за соломинку: выход из кризиса увидели в предоставлении «широкого права свободного выхода из общины с землею или же с вознаграждением за эту землю»⁴². Поддержка эта была вынужденной: в обстановке революции правой альтернативы указу 9 ноября не было, его последствия оставались в области вероятного, возможного, того как угроза их землевладению являлась реальной. С «успокоением» пришло и «протрезвление». Шарапов в январе 1909 г., соглашаясь с К. Н. Пасхаловым в отрицании указа 9 ноября, так оправдывал дворянство: на съезде осенью 1905 г. землевладельцы воспринимали «с перепугу» общину и бунтующую толпу «как одно и то же» и захотели, чтобы крестьяне, получив землю, прониклись чувством уважения к собственности. «Это мнение, при всей его непродуманности и вздорности, охватило наши землевладельческие круги... „Долой общину“ стало лозунгом консервативной партии, и этот лозунг приняло также объединенное дворянство на своих съездах»⁴³.

Сыграло определенную роль и то, что буржуазная суть указа 9 ноября, его неизбежные социальные и политические последствия были объединенному дворянству поначалу невдомек. Многие в поддержке им указа 9 ноября объясняют и его мотивы. Уже отмечалось, как «мало буржуазного было» в них⁴⁴. С указом связывали надежды на подавление революции «мужицким сапогом», рассчитывали, что «когда крестьяне рассядутся на хутора, то через эти хутора община не перешагнет, чтобы прирезать

частной земли»⁴⁵. Никто из дворян, поддержавших указ 9 ноября, не считал его своим делом, а их организация в целом не содействовала проведению его в жизнь. Главное для них заключалось в обеспечении неприкосновенности частного землевладения, чем и определялась их позиция в отношении аграрного законодательства Столыпина. Резолюция, подготовленная Постоянным советом объединенного дворянства и единогласно принятая III съездом, содержала поручение Совету «ревниво оберегать» эти исторические устои и «при первой встреченной необходимости решительно выступить в их защиту перед его императорским величеством»⁴⁶.

Дело в том, что правые в подавляющем большинстве расходились со Столыпиным как в выводах из опыта 1905–1906 гг., так и в понимании основ и способов разрешения аграрного вопроса. По словам Гурко, Столыпин после своего назначения главой правительства хотел предстать перед II Думой с серией уже реализованных реформ, полагая, что «это продемонстрирует искреннее желание правительства устранить из существующего порядка то, что несовместимо с духом времени», и в частности пойти навстречу требованиям Думы по земельному вопросу⁴⁷. Это подтверждается циркулярной телеграммой (январь 1907 г.), разъяснявшей губернаторам предположения правительства «в области ближайшего законодательства». Циркуляр гласил: «Главнейшею неустанною заботою правительства будет улучшение земельного быта крестьян. Не только создание фонда и справедливая на посильных условиях передача земель этого разряда крестьянам, но и предоставление каждому трудолюбивому и энергичному работнику возможности создать собственное хозяйство, приложить свободный труд, не нарушая чужих прав, на законно приобретенной им земле»⁴⁸. В том же смысле излагалась перспектива реформ в речах Столыпина в Думе.

Летом 1907 г., убеждая Н. Н. Львова встать во главе Министерства земледелия, Столыпин говорил, что «нет предела тем улучшениям, облегчениям, которые я готов дать крестьянству, для того, чтобы его вывести, я даже не так уже расхожусь с кадетской программой, я только отрицаю массовое отчуждение»⁴⁹. И это не было «позой». Столыпин требовал от местных властей: «Если в данной местности пошли сделки по продаже крестьянам помещичьей земли при посредстве Крестьянского банка или путем непосредственных купчих, то местному начальству необходимо направить все силы к возможно скорейшему окончанию этих сделок, с обращением к содействию центральных учреждений для оказания решительного содействия в этом вопросе». При этом местным властям рекомендовалось оказывать давление на помещиков и их управляющих, если они «чрезмерною требовательностью» создают поводы к брожению или оказываются несклонными «удовлетворять легко осуществимые желания крестьян»⁵⁰.

За спиной Столыпина стоял царь, в позиции которого произошла существенная перемена. Если весной 1905 г. «закон о свободном выходе из общины в целях насаждения личной собственности крестьян на надельную землю» представлялся ему «преждевременным», то в июле 1906 г. Д. Ф. Трепов и В. Б. Фредерикс, по свидетельству А. А. Половцова, утверждали, что «государь вполне разделяет» мысли о необходимости «немедленно взяться за крестьянский поземельный вопрос» и от его имени «объявить крестьянам, что за уничтожением выкупных платежей каждый член общины делается полным собственником своего надела», а кроме того царь желает при посредстве Крестьянского банка облегчить крестьянам приобретение земель и переселение⁵¹. Эта перемена во взглядах Николая II произошла, по-видимому, в конце 1905 — начале 1906 г.⁵², что и обусловило выбор им Столыпина: с назначения его министром внутренних дел начиналась реализация аграрной реформы.

Позиция объединенного дворянства была иной. 18 марта 1907 г., накануне обсуждения аграрного вопроса во II Думе, Постоянный совет изложил «определенный, и уже неоднократно высказываемый, взгляд»: «Дворянство без земли не имеет уже значения государственной силы, а потому земля не может быть насильственно от него отнята,.. помимо

этого, аграрный вопрос возникает не из малоземелья крестьянского, а из его плохого экономического состояния и разрешается поднятием этого благосостояния, т. е. доставлением крестьянству большего количества не земель, а средств»⁵³. И, конечно, не кадеты были причиной дворянских протестов против «принудительного отчуждения» помещичьих земель. Пугало дворян правительство, взявшее курс на создание класса крестьян-собственников как новой опоры самодержавия.

Естественно, что сразу начались и столкновения. 17 февраля 1907 г. самарский губернский предводитель А. Н. Наумов поднял в заседании Постоянного совета вопрос о «революционизирующей деятельности» землеустроительных комиссий: «Члены от правительства в этих комиссиях разъясняют крестьянам, что задача комиссий устроить их землевладение», для чего в случае необходимости «можно взять землю и у помещика и что так хочет государь». Усматривая в этом исходящую от комиссий угрозу принудительного отчуждения, Наумов считал необходимым «заблаговременно предупредить правительство». Однако обмолвка главноуправляющего землеустройством и земледелием Б. А. Васильчикова заставила объединенное дворянство искать защиты у царя: выступая в Думе и говоря о необходимости улучшения крестьянского землевладения, Васильчиков упомянул, что «правительство допустит отодвигание границ». Это всполошило Постоянный совет. Васильчиков попытался уйти от прямого ответа. «Но в дальнейшей беседе на прямо поставленный членами Совета вопрос, допустима ли будет в землеустроительных целях для перехода, напр., к хуторскому хозяйству и когда для сего у крестьян не хватит земли, прирезка недостающего количества из состава соседнего землевладения, кн. Васильчиков ответил, что в этих случаях обязательное отчуждение допустимо».

Совет, расценив это как нарушение права собственности «в целях пополнения крестьянского малоземелья», постановил ознакомиться с законопроектом правительства и, если его редакция подтвердит заявление Васильчикова, поставить вопрос на III съезде уполномоченных⁵⁴. Речи на нем по этому вопросу были полны пессимизма, причем отсутствовала уверенность и в поддержке со стороны царя⁵⁵. Как говорил Н. Ф. Касаткин-Ростовский, «не только в словах кн. Васильчикова, но и в самом проекте я вижу те задатки, которые, по всей вероятности, приведут к фактической экспроприации нашей собственности... Все очень скверно... Я лично прихожу к заключению, что правительство нас предаст»⁵⁶.

Массовый переход помещичьей земли в руки крестьян продолжался, и объединенное дворянство было уверено, что причины этого созданы не им, а правительством. При это указывалось, во-первых, на враждебное отношение крестьян к помещикам, сделавшее невозможной не только жизнь в имениях и ведение хозяйства, но «даже и арендное пользование» именьями, и, во-вторых, на финансовую политику: «доступного и дешевого кредита у помещиков-дворян до сих пор нет», а Крестьянский банк при этом «довел покупную стоимость земли до той цены, при которой капитал, вырученный за имение, дает более дохода имения; с этого времени и началась усиленная продажа имений»⁵⁷.

Отрицательное отношение правых к указу 9 ноября — это факт. В среде объединенного дворянства критика указа началась уже на II их съезде в 1906 г. и затем усиливалась⁵⁸. Характеризуя реакцию губернских земских собраний на телеграмму Столыпина о необходимости оказать хуторам агрономическую помощь, либеральный современник констатировал: «Правые земцы во многих местах вообще почему-то настроены враждебно к закону 9 ноября»; исключения составляют те земства, где в большинстве «гласные октябристского оттенка»⁵⁹. «Кампанию против землеустроительного закона, что ведется крайними правыми», — отметил и М. О. Меньшиков⁶⁰.

Для позиции поместного дворянства в целом показательное отношение к указу 9 ноября со стороны земских начальников. Хотя за исполнением его надзирало Министерство внутренних дел и лично Столыпин, а многие земские начальники были заменены в самом начале землеустроительных

работ, пресса и особенно должностные лица МВД констатировали «нерадение и медленность» земских начальников в проведении в жизнь указа 9 ноября ⁶¹, «отсутствие содействия» с их стороны членам землеустроительных комиссий ⁶², «несочувствие» указу ⁶³. Приходилось прибегать к дисциплинарным взысканиям ⁶⁴; губернаторы стали остерегаться привлекать земских начальников к землеустройству ⁶⁵. Управляющий Межевой частью Н. Д. Чаплин, проверив летом 1909 г. ход землеустроительных работ в 11 губерниях, отмечал: «Большая часть перечисленных губерний должна быть отнесена к числу едва только вступающих на путь поземельного строительства», наиболее важными причинами неуспеха он считал «равнодушие к делу землеустройства широких общественных (в особенности земских) кругов и отвлечение местной высшей административной власти от означенного дела правительственными заботами иного, чисто политического порядка» ⁶⁶.

На местах наряду с левой имела место и правая агитация против указа. Такая реакция не была случайной: правые уяснили себе буржуазную суть аграрной политики Столыпина. «Определенно „левый“, так же как и определенно „правый“ курс,— писал Ф. Д. Самарин кн. А. Г. Щербатову,— вызывает лишь новое обострение смуты, а столыпинский образ действий имеет лишь выжидательный характер, и в этом вся его цена. К сожалению, по одному первостепенной важности вопросу Столыпин отступил от этого выжидательного образа действий, и это грозит самыми тяжелыми последствиями,— я разумею закон 9 ноября и все, что делается для приведения его в исполнение» ⁶⁷. «Этот проклятый акт тем вреднее, что действие его, как медленно действующего яда, незаметно и будет отравлять народный организм капля по капле»,— сетовал Пасхалов ⁶⁸. Указ воспринимался им как «чуждая форма» ⁶⁹, как «первый удар лома в фундамент народной жизни» ⁷⁰.

Насаждение правительством мелкой крестьянской собственности грозило дворянам: во-первых, ускоренным сокращением их землевладения, во-вторых, появлением новой, демократической силы, мирное сосуществование с которой представлялось им, и не без оснований, весьма проблематичным. В-третьих, создание класса крестьян-собственников, уменьшая предложение труда в деревне, осложняло положение поместных дворян. Позднее это стало, по мнению объединенного дворянства, одной из причин кризиса крупного и среднего землевладения: «При переходе к хуторскому хозяйству,— говорил кн. В. М. Урусов,— массового предложения труда более не существует» ⁷¹.

Выяснилась и органическая связь указа 9 ноября с «новым строем». В разрушении общины, несовместимой с конституционным строем, «Московские ведомости» усматривали «основной мотив» земельной реформы: «Образование властного имущественного класса, сплоченного одним интересом, могущего постоять за свои права и против демоса, и против монарха — таков план действий, последовательно проводимый конституционными политиками». Законом 9 ноября «подрываются исторические корни русской государственности» ⁷².

Неприемлемость указа 9 ноября для правых подтверждалась их отношением к проектам надстроечных реформ Столыпина. IV съезд уполномоченных дворянских обществ, «обозревая... весь круг предложенных реформ», обвинил правительство в том, что оно своими проектами местной реформы «приняло к исполнению» требования «общественных элементов, враждебных нашему государственному строю», и среди них важнейшее — разрушение сословного строя, чем только и «цельно и самобытно» старозаветное крестьянство, являющееся, наряду с поместным дворянством, опорой самодержавия и русского исторического уклада ⁷³.

Распространенным среди правых аргументом против указа 9 ноября был тезис о неизбежности массового обезземеливания крестьян; и без того жизнь в имениях казалась помещикам неуютной из-за враждебного отношения к ним со стороны крестьян, а появление «бездомного пролетариата» сделало бы ее вообще невозможной. «Придется бежать оттуда поневоле»,— предупреждал член Государственного совета Я. В. Ушаков ⁷⁴.

Большинство правых было против указа 9 ноября, так как понимало, что «спасая принцип личной земельной собственности, реформа эта наносит тяжкий удар сословному дворянскому землевладению, не говоря уже о неизбежно вытекающей из нее отмене сословных политических привилегий дворянства»⁷⁵. Объединенное дворянство не диктовало и не могло диктовать буржуазную аграрную политику. Его появление на политической сцене лишь сузило возможности проведения этой политики.

Примечания

1. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 20, с. 325.
2. См., напр., ЧЕРМЕНСКИЙ Е. Д. История СССР. Период империализма. М. 1974, с. 190--191, 214; АВРЕХ А. Я. Царизм накануне свержения. М. 1989, с. 195; и др.
3. СОЛОВЬЕВ Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902--1907 гг. Л. 1981, с. 226.
4. ДЯКИН В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907--1911 гг. Л. 1978, с. 18; Кризис самодержавия в России. 1895--1917. Л. 1984, с. 349--350.
5. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. СПб. 1911, с. 605--606; ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, с. 360; ГУРКО В. И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях графа Витте». — Русская летопись, Париж, 1922, кн. 2, с. 103.
6. См. СИДЕЛЬНИКОВ С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М. 1980, с. 16--90.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1662, оп. 1, д. 49, лл. 1--10 об.
8. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XI. Гродненская губерния. СПб. 1903, с. 1.
9. СИДЕЛЬНИКОВ С. М. Аграрная реформа Столыпина. М. 1973, с. 43--45.
10. CONROY M. Sch. Peter Arkad'evich Stolypin -- Practical Politics in the Late Tsarist Russia. Boulder. 1976, p. 14.
11. Дворян это настораживало: они усматривали в этом «искание популярности». Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1287, оп. 1, д. 3001, л. 35 (С. Д. Шереметьев -- Н. А. Агапову, 10. VII. 1906).
12. Характерный факт: влиятельный правый деятель гр. С. Д. Шереметьев, «сердечно» благодаривший в октябре 1905 г. Столыпина за то, что он направил роту солдат для усмирения крестьян, разгромивших саратовское имение графа, спустя несколько месяцев грубо отверг просьбу Столыпина продать часть своей земли крестьянам и с этого момента выступал как непримиримый противник премьера (там же, д. 5069, лл. 158, 159, 180, 181; д. 2999, лл. 230, 282, 355).
13. Из воспоминаний А. И. Гучкова. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1985, кн. 161, с. 180; GURKO V. I. Features and Figures of the Past. Stanford University Press. 1939, p. 496. См. также: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5881, оп. 1, д. 753, лл. 8 об., 9 (ЦЕКЛИНСКИЙ А. В. Мои воспоминания. П. А. Столыпин -- семь встреч с ним. Рукопись. Белград. 1937).
14. «Господа консерваторы, — отмечал 28 апреля 1906 г. в дневнике Л. А. Тихомиров, — только суетятся в Петербурге, но никакой силы и влияния не имеют» (Красный архив, 1930, т. 4--5, с. 147).
15. Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб. 1906, с. 3, 5, 6, 74 и др.
16. ВИТТЕ С. Ю. Ук. соч. Т. 2, с. 486. Подтверждают это и жалобы А. А. Киреева (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 265, п. 190, д. 32, лл. 22--23 об. А. А. Киреев -- Ф. Д. Самарину, 28. VII. 1905). См. также: СОЛОВЬЕВ Ю. Б. Ук. соч., с. 175--179.
17. Из дневника Константина Романова. — Красный архив, 1931, т. 1, с. 141--142. Об этом свидетельствовал и П. Н. Милюков (Падение царского режима. Т. 6. Л. 1926, с. 297). Более других это подтверждают сами дворяне, их обиды, раздражение и озлобление по адресу правительства, их угрозы и настойчивые советы Николаю II опираться только на правых (Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб. 1907, с. 67, 298; ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 2374, лл. 1--2 об. Записка А. Киреева Николаю II, 4. VII. 1907. См. также: СОЛОВЬЕВ Ю. Б. Ук. соч., с. 178--181).
18. Гнев царя вызывает и «идиот» гр. Д. А. Олсуфьев, член Постоянного совета

- объединенного дворянства (Красный архив, 1932, т. 1—2, с. 184), и «прохвосты» братья Долгоруковы (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5053, л. 47 об. Дневник Шереметьева). Запись 19.III.1908). Дворян же огорчает то, что долгожданный ответ царя на адрес московского дворянства оказался очень холодным и «дышит» Союзом 17 октября (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5083, лл. 241—242. А. К. Варженевский --- Шереметьеву, 27.II.1908).
19. ОР РГБ, ф. 126, к. 14, л. 193 об. (Дневник Киреева. Запись 10.XI.1906); Дневник Николая II Берлин. 1923. Запись 10.VII.1906; Николай II --- Марии Федоровне, 11.X, 2.XI.1906, 8.III.1907 (Красный архив, 1927, т. 3, с. 204, 208; 1932, т. 1—2, с. 177); ИЗВОЛЬСКИЙ А. П. Воспоминания. М. 1989, с. 174.
  20. КОКОВЦОВ В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. Париж. 1933, с. 231—232.
  21. ГАРФ, ф. 5971, оп. 1, д. 109, л. 85 (МЕНДЕЛЕЕВ П. П. Воспоминания. 1864—1933 гг.). Это подтверждает и А. Ф. Редигер (Красный архив, 1933, т. 5, с. 166).
  22. В осаде.— Утро России, 18.III.1910.
  23. РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5051, л. 52; д. 5073, л. 104 (К. П. Победоносцев --- Шереметьеву, 27.V.1906).
  24. «Он слишком верит в возможность совместить восстановление порядка с охраной дарованных „свобод“, — считал Ф. Д. Самарин (там же, д. 5074, л. 364 об. Самарин — Шереметьеву, 27.VIII.1906).
  25. «Возможно ли нормально заниматься реформами при таких условиях? — недоумевал 14 августа Шереметьев в письме Агапову. — Неужели и теперь не водворится сильная объединенная власть?» (там же, д. 3001, л. 78).
  26. «Даже взрывы не останавливают его развивать идеи 17 октября и на чуждой почве воздвигать русское здание» (там же, л. 205. Шереметьев --- Варженевскому, 2.X.1906).
  27. ГАРФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 265, д. 102, л. 43 (Ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков — Н. А. Римскому-Корсакову, 7.IX.1906).
  28. А. П. Никольский полагал, что «следовало бы Столыпина, который — и нашим, и вашим, сменить» (БОГДАНОВИЧ А. В. Три последних самодержца. М.-Л. 1924, с. 385. Запись 22.V.1906). См. также критику Столыпина в заседании Постоянного совета при обсуждении 10 ноября 1906 г. доклада С. С. Бехтеева о мерах защиты землевладения от погромов (ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 76, лл. 32—34).
  29. РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5074, л. 266 об., 375 (Победоносцев --- Шереметьеву, 16, 28.VIII.1906).
  30. ШАРАПОВ С. Ф. Открытое письмо к П. А. Столыпину о правительственном сообщении и программе (бесплатное приложение к № 36 (1906 г.) «Русского дела»). Мысли Шарапова разделялись многими правыми (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5075, л. 79 об. В. К. Шлиппе --- Шереметьеву, 15.IX.1906; ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 10, л. 8. Курский предводитель дворянства гр. Доррер — Столыпину, 1.X.1906).
  31. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 76, лл. 95—96. И позднее Столыпин не стал более послушным. «И я того же мнения, — соглашался с гр. А. А. Бобринским С. А. Панчулидзе 9 августа 1909 г., — что без аудиенции дело не обойдется, ибо, по имеющимся у меня сведениям, Министерство внутренних дел и не думает отказываться от своих проектов местных реформ» (РГАДА, ф. 1412, оп. 3, д. 1442, л. 4 об.).
  32. ВИТТЕ С. Ю. Ук. соч. Т. 2, с. 347; БОГДАНОВИЧ А. В. Ук. соч., с. 429 (Запись 3.X.1907). См. также запись в дневнике Шереметьева (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5056, л. 1).
  33. ОР РГБ, ф. 126, к. 14, л. 126 об. (Дневник Киреева. Запись 13.II.1906). «Государь в данный момент находится в „октябристском“ направлении», — записывает он и 11.II.1908 (там же, л. 269).
  34. ОР РГБ, ф. 265, п. 190, д. 32, л. 13 об.; БОГДАНОВИЧ А. В. Ук. соч., с. 447 (Запись 8.VI.1908).
  35. РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 2999, л. 54 (Шереметьев — Самарину, 3.IX.1905); д. 5069, лл. 104—104 об. (А. Г. Булыгин --- Шереметьеву, 1.X.1905); д. 5051, л. 77 об.; д. 5052, л. 146 об. (Дневник Шереметьева. Записи 20.VII.1906 и 2.XI.1907).
  36. «Coup d'etat некому сделать! — горюет в феврале 1906 г. Киреев. — Для 18 brumaire нужен Наполеон» (ОР РГБ, ф. 126, к. 14, л. 127). Об этом же его письмо Тихомирову 10.IV.1906 (ГАРФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 265, л. 69, л. 25).
  37. БОГДАНОВИЧ А. В. Ук. соч., с. 390 (Запись 23.VIII.1906).
  38. «Нужно побольше звонить об успехах нашего съезда», — такова установка председателя Постоянного совета, разделявшаяся и другими его членами (РГАДА, ф. 1412, оп. 3, д. 818, лл. 5—5 об. А. И. Зыбин — гр. А. А. Бобринскому, 18.VI.1906).
  39. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 76, л. 16 об. (Протокол заседания Постоянного совета 25.X.1906);

- Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб. 1909, с. 21; Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб. 1909, с. 9.
40. АВРЕХ А. Я. Царизм накануне свержения, с. 195; его же. П. А. Столыпин и судьбы реформ. М. 1991, с. 67.
  41. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 78, лл. 1—1 об., 4 об. — 8. Логичнее было бы считать, что не аграрная политика правительства «близко подходит» к проектируемой I съездом уполномоченных дворянских обществ, а наоборот. И такая близость объяснима: съезд созван был «при ближайшем содействии правительства» (ЗЫРЯНОВ П. Н. Петр Аркадьевич Столыпин.— Вопросы истории, 1990, № 6, с. 60); в подготовке съезда и его работе участвовали главноуправляющий землеустройством и земледелием А. С. Стишинский, товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко и другие видные чиновники, ведавшие разработкой новой аграрной политики, — А. И. Лыкошин, Д. И. Пестржецкий.
  42. Журнал заседания съезда учредителей союза землевладельцев 17-го ноября 1905 года и извлечение из стенографического журнала заседаний 17—20 ноября. М. 1906, с. 22—23. На противоестественность этой позиции, обусловленной моментом, указал Ю. Б. Соловьев (Ук. соч., с. 201).
  43. ПАСХАЛОВ К., ШАРАПОВ С. Землеустроение или землеразорение? М. 1909, с. 85.
  44. ВЛАДИМИРОВ А. Буржуазия между двумя революциями.— Проблемы марксизма, 1931, № 8—9, с. 139.
  45. Труды 3-го съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб. 1907, с. 260; Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб. 1910, с. 304.
  46. Свод постановлений I—VIII съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ. 1906—1912 гг. СПб. 1913, с. 6.
  47. GURKO V. I. Op. cit., pp. 494, 498. См. также: Столыпин — Д. Н. Шипову, 17.VII.1906 (ШИПОВ Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М. 1918, с. 470—471); МАКЛАКОВ В. А. Вторая Государственная Дума. Париж. Б. г., с. 28, 37—38; ИЗВОЛЬСКИЙ А. П. Ук. соч., с. 150; и др.
  48. РГИА, ф. 1276, оп. 3, л. 948, л. 27.
  49. Александр Иванович Гучков рассказывает... М. 1993, с. 46.
  50. Красный архив, 1929, т. 1, с. 163—164.
  51. СИДЕЛЬНИКОВ С. М. Аграрная реформа Столыпина, с. 304. Прим. 30; Красный архив, 1923, № 4, с. 118—119 (Дневник А. А. Половцова. Запись 13.VII.1906).
  52. Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. Л. 1990, с. 31—32, 35, 43, 148—149, 151. Накануне назначения Столыпина министром внутренних дел Гурко посоветовал ему «получить сразу согласие царя» на разрушение общины. После аудиенции Столыпин рассказывал, что «он выразил его величеству желательность перевода крестьян с общинного на индивидуальное землевладение и что не было никаких возражений» (GURKO V. I. Op. cit., p. 461).
  53. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, л. 76, лл. 106 об. — 107.
  54. Там же, лл. 80—80 об., 109—112.
  55. «Правительство,— говорил В. Л. Кушелев,— заигрывает с теми слоями населения, на которые оно надеется опереться, и, конечно, правительство пожертвует нами в пользу крестьян, если почувствует, что на них может опереться». «Если в минуту слабости, — допускал дворянский оратор,— государь на это (то есть принудительное отчуждение земли. А. Б.) пойдет, он потеряет последних своих сторонников, и монархия не уцелеет» (Труды 3-го съезда уполномоченных, с. 262—263).
  56. Там же, с. 266.
  57. Докладная записка самарского дворянина А. Ф. Виноградова. Цит. по: НАУМОВ А. Н. О капитализации из 4% благотворительного налога при продаже дворянских земель. СПб. 1909, с. 4—5.
  58. Труды второго съезда уполномоченных, с. 98—100, 125; Труды IV съезда уполномоченных, с. 138, 371; Труды V съезда уполномоченных, с. 25, 87—88, 108, 163, 169—170, 193, 306. См. также: Воспоминания В. Ф. Джунковского (ГАРФ, ф. 826, оп. 1, д. 47, л. 457. Мнение московского губернского предводителя дворянства А. Д. Самарина, высказанное в письме Джунковскому от 5 июня 1908 г.).
  59. ЖИЛКИН И. Провинциальное обозрение. Вестник Европы, 1910, № 2, с. 320. Отрицательную реакцию правых земцев отмечали и многие газеты.
  60. Новое время, 8(21).X.1911.
  61. Сведения об этом встретились по Вятской (РГИА, ф. 1291, оп. 63, 1907 г., л. 30, лл. 44—44 об., 99, 135—135 об., 140—140 об.), Курской (там же, л. 22, лл. 14, 36, 80), Бессарабской (там

- же, оп. 120, 1908 г., д. 21, лл. 113—114 об.), Черниговской (там же, д. 18, лл. 33—33 об., 36, 42—43 об.), Нижегородской (там же, 1909 г., д. 69, лл. 1—1 об.), Пермской (там же, л. 381), Симбирской (там же, 1911 г., д. 59, лл. 25—26; 1913 г., д. 52, лл. 1—3 об.) губерниям. Директор Департамента государственных земельных имуществ П. П. Зубовский в доверительном письме от 27 марта 1914 г. управляющему Земским отделом МВД, на основании данных по северо-восточному и центральному районам (21 губерния), заключал, что «большая часть земских начальников... всю тяжесть работы перелагает обыкновенно на землемерный состав»; «поручаемые земским начальникам дела исполняются, по общему правилу, весьма медленно (подготовка не производится иногда в течение более года) и неудовлетворительно»; у земских начальников «укрепляется взгляд на землеустройство как на работу чуждую и навязанную со стороны» (там же, д. 22, лл. 42—44). Весной 1914 г. в МВД были обобщены сведения по 42 губерниям о деятельности в 1913 г. земских начальников по подготовке порученных им землеустроительных дел: «из общего числа 16 927 порученных им дел за тот же срок было выполнено 10 605» (там же, лл. 50—53 об.).
62. См., напр., там же, оп. 121, 1914 г., д. 141, л. 35.
  63. Московские ведомости, 15.II.1908.
  64. РГИА, ф. 1291, оп. 120, 1908 г., д. 18, лл. 42—43 об.; д. 45 «б», лл. 23—23 об.; 1910 г., д. 6, л. 91; 1913 г., д. 52, л. 9. В Черниговской губ. в 1908 г. по этому поводу были объявлены взыскания 25 земским начальникам.
  65. Самарский губернатор В. В. Якунин, объясняя «незначительное число земских начальников, привлеченных к делу землеустройства в прошедшем году», писал 22 мая 1910 г., что кроме «обремененности их прямыми обязанностями службы» «не менее существенным препятствием служит вообще недостаточная подготовленность земских начальников к делу внутринадельного землеустройства, требующего специальных знаний, известного навыка, а главное интереса к самому делу» (там же, 1910 г., д. 19, лл. 66—69).
  66. Там же, лл. 2—25. «В течение поездки... писал Чаплин... неоднократно приходилось слышать... о целом ряде селений, для которых не только смысл закона 9 ноября, но и самый факт его издания до сего времени будто бы остаются неизвестными» (там же, л. 10).
  67. Красный архив, 1928, т. 2, с. 152—153.
  68. ОР РГБ, ф. 265, п. 197, д. 35, лл. 62—62 об. (Пасхалов — Ф. Д. Самарину, 15.XII.1908).
  69. ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 685, л. 127 об. (Пасхалов — Н. А. Маклакову, 4.VI.1916).
  70. ПАСХАЛОВ К., ШАРАПОВ С. Ук. соч., с. 30.
  71. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 83, лл. 42 об.—43 об., 51 об.—52 об., 56 об.—57 об.
  72. ГОФШТЕТТЕР И. Политическое значение закона 9 ноября.— Московские ведомости, 9.IV.1910. «Подрыв исторической идеи производится всем содержанием „послереволюционной“ устроительной работы», — гласила 12 апреля редакционная статья той же газеты, написанная Л. А. Тихомировым.
  73. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 18, лл. 1—4 (Краткий обзор трудов IV съезда уполномоченных). См. также: ПАСХАЛОВ К. Землеустроительное разорение России. М. 1909, с. 14; ШЕЧКОВ Г. А. О понижении размера земельного дворянского ценза. СПб. 1909, с. 6—7; САМАРИН Ф. К чему приведет указ 9 ноября 1906 г.? М. 1909, с. 76—78.
  74. Труды V съезда уполномоченных, с. 163.
  75. ИЗГОЕВ А. П. А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М. 1912, с. 76.

СССР глазами польских дипломатов (1926—1931 гг.)

И. В. Михутина

После непосильного напряжения в годы первой мировой войны материальных и духовных сил России, после двух революций 1917 г. и вызванной ими гражданской войны, разрушивших значительную часть хозяйственного и интеллектуально-профессионального потенциала страны, которая и до того экономически отставала от западных держав, к середине 20-х годов показатели объема хозяйственной деятельности в СССР стали приближаться к довоенным. Время воздействия на массы выдвинутого руководством ВКП(б) лозунга восстановления хозяйства подходило к концу. Правящая партия теперь должна была повести общество к тем идеалам социальной справедливости и прогресса, выдвинув которые она сумела овладеть монополией власти.

Этот эксперимент, захвативший одну из самых крупных стран мира, вызвал пристальное внимание за ее рубежами, особенно в странах, тесно связанных с СССР геополитически, в том числе в Польше. Признаки этого повышенного внимания нетрудно обнаружить в дипломатических документах, исходящих из аккредитованных в Москве посольств и миссий.

Эти материалы пока не часто используются как источники. Между тем они дают видение событий, происходивших в СССР, под иным, как правило, критическим углом зрения. К тому же функционально они были нацелены на вскрытие истинных, не всегда лежащих на поверхности, порой специально маскируемых пружин и мотивов государственных решений и действий и на свободное от пропагандистского камуфляжа выявление общественных настроений. Как и другие свидетельства, синхронные событиям, дипломатические документы передают многие черты и оттенки исторической обстановки.

Ниже приведены дословно или представлены в конспективном изложении в переводе с польского языка некоторые документы Министерства иностранных дел Польской республики, хранящиеся в Архиве новых актов в Варшаве. Это официальные донесения, служебные письма, отчеты и прочие материалы посланников и других сотрудников дипломатической и консульских миссий Польши в СССР, содержащие сведения о его внутреннем положении на рубеже 20—30-х годов. Образ страны, представленной в этих документах, очевидно, не во всем достоверен и, конечно, далеко не беспристрастен.

Михутина Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

На содержание этих документов оказали немалое влияние личности дипломатов-аналитиков. В их числе был и С. Патек — либерал, сочувствовавший до первой мировой войны левому движению, выступавший защитником во многих политических процессах царского времени. В этом качестве он получил признание не только среди сторонников Ю. Пилсудского (в мае 1926 г. установившего в Польше режим личной диктатуры), но был известен и многим подпольщикам, ставшим впоследствии элитой советской власти. Посланником в Москву он был назначен после майского переворота.

Не принимая идеологии большевизма, Патек тем не менее старался вникнуть в прагматическую сущность совершавшихся в СССР преобразований. «В России, — писал он в апреле 1927 г., — происходит одна из величайших в мире финансово-экономических реформ: огосударствление частной торговли внутренней и внешней. Германия имеет здесь специальных советников в посольстве и аппарат для изучения этих вопросов». Сообщая об этом, Патек настаивал на включении в польскую миссию соответствующего специалиста¹. Ему казался заслуживающим освоения опыт коммунистической пропаганды. В его служебном письме министру иностранных дел А. Залескому от 9 сентября читаем: «Большевики показали миру, какой великой силой является мудро и энергично проводимая пропаганда. Непропорционально малая горстка людей правит большими и богатыми землями, имеющими более чем стомиллионное население. Все государства мира в той или иной степени чувствуют влияние этой пропаганды в сфере общепринятых принципов государственности и вынуждены так или иначе определять свое отношение к СССР и его правительству. Нет такого правительства, партии или государственного деятеля, который мог бы игнорировать результаты и успехи этой пропаганды... Вне СССР влияние коммунизма в большей или меньшей степени несомненно отразилось уже сегодня на рабочих организациях и на трудовом законодательстве капиталистических государств»².

Иными были позиции предшественника Патека С. Кентшиньского — профессора-историка, придерживавшегося аристократически-консервативных взглядов. Ситуация в СССР представлялась ему в беспросветных тонах, лишенной всякой положительной перспективы. В служебном письме Залескому от 5 июля 1926 г., озаглавленном «Трудности советского правительства», он сообщал о «весьма нервной деятельности советского правительства во внешней и внутренней политике» вследствие стечения сложных внешних и внутренних факторов, хозяйственного и финансового кризиса. И далее пояснял: «Червонец теряет силу вне и внутри страны; энергичные действия несколько исправили положение, но доверие к нему подорвано. Торговый баланс пассивен с 1925 года. Сейчас 250 млн. золотых рублей пассива. Платежный баланс пассивен. Исчерпаны все запасы в иностранных банках. Внутри остается рассчитывать на режим экономии — средство, всегда малоэффективное и обоюдоострое, — и на будущий урожай, о чем говорится, но с пессимизмом... А государство требует огромных средств, чтобы активизировать дезорганизованную и плохо работающую на устаревших машинах промышленность, чтобы поддержать железные дороги и транспортные средства, наконец, чтобы держать армию в состоянии способности к действию».

Далее посланник рассуждал о том, что полученный у Германии на благоприятных на первый взгляд условиях кредит в 300 млн. марок позволит приступить к обновлению с помощью немецких машин подорванных разрухой заводов, но подчеркивал и обратную сторону ситуации: «Вопрос заключается в том, насколько этот кредит отяготит в течение ближайших четырех лет советское хозяйство. Уже сейчас в компетентных кругах признается, что рассчитывать на экспорт хлеба ненадежно: сельское хозяйство переживает упадок, плодородие земли снижается, и, наконец, Россия через каждые несколько лет переживает сильные кризисы в производстве зерна; после нескольких благоприятных «жирных» лет может наступить период «тощих» лет, как раз когда надо будет выплачивать 300 млн. Несомненно,

Советы сделают для оплаты все возможное, но положение их будет очень тяжело.

Транспортные возможности Советов, очевидно, уменьшились. Русские порты мертвы и представляют собой кладбище старых судов. В железнодорожном транспорте 60% локомотивов и вагонов требуют ремонта и до сих пор не отремонтированы. Средняя скорость движения ниже, чем до войны. То есть и эта отрасль, такая важная для безопасности государства и для экспортных возможностей..., находится в тяжелом состоянии.

Наконец, рабочий, обнищавший и издерганный, работает плохо, непроизводительно и становится ненадежным элементом. В последнее время, по статистике за март, число рабочих уменьшилось очень незначительно, зато зарплата увеличилась на 12%. Значит, несмотря на экономию, пришлось больше платить голодающим и плохо работавшим рабочим. Следовательно, растет стоимость производства. Это увеличивает пассивность предприятий, задолжавших советским банкам так, что пришлось спасти один из банков, портфель которого был переполнен векселями. К этому надо добавить события на Черноморском флоте, отзвук их на Балтике, случаи сопротивления и стачек рабочих, определенное недовольство крестьян..., режим репрессий, арестов, следствия и расстрелов — тяжелая внутренняя атмосфера. Отношение крестьян к власти пассивно, но враждебно»³.

Вслед за вручением в январе 1927 г. верительных грамот новый посланник Патек совершил поездку по стране⁴. О впечатлениях от пребывания на Украине он писал в официальном донесении 17 марта. В качестве достопримечательности тогдашней столицы республики ему показали «действительно колоссальный комплекс зданий, который, как одно целое, строят сейчас в Харькове, чтобы сконцентрировать в них, с одной стороны, все тресты, а с другой — все государственные учреждения... Когда слышишь о таких вещах, когда смотришь на них, то все-таки в мыслях возникает вопрос: не строятся ли эти колоссы в значительной мере ради эффекта, отвечает ли это потребностям времени и страны, не принесли ли бы те же самые деньги, вложенные иначе, хотя бы в ту же самую отрасль, большей пользы для всего населения...

Из Харькова я поехал в Донбасс...

Главное наше внимание обращалось: а) на те современные культурные учреждения, которые новая система обеспечила рабочему классу, как-то: жилые дома, больницы, школы и проч., б) на увеличение силы и способов производства. В этом пункте также не могу воздержаться от критического замечания о том, что относительно числа рабочих таких учреждений очень и очень немного, хотя качественно они очень хорошо продуманы. Похоже, что пользоваться ими могут только партийные и то немногие.

Кроме правящих сфер и их сателлитов, удовлетворения в широких массах не заметно. Люди обо всем говорят с деланной улыбкой, со скрытой иронией, с неохотой и неверием. Если бы отважились говорить искренне, может быть, сказали бы и больше, но атмосфера опасений доминирует в ситуации.

Что касается «украинизации», то следует констатировать, что советское движение подняло в украинцах национальный дух. Однако вскоре украинский жар перерос планы и стремления партии и правительства, которые решили несколько сдержать его. Однако это легче решить, чем выполнить. Массы не любят отдавать то, что завоевали. Также и политическая позиция в отношении Польши еще более затрудняет отступление в этом вопросе. Вследствие этого правительство вынуждено действовать сдержанно и половинчато. На словах поддерживает украинизацию, а потихоньку старается держать ее в узде, в том числе и путем поддержки местных национальных меньшинств»⁵.

По мере знакомства с обстановкой в СССР посланник все более определенно высказывался о ее неблагополучии. «Во внутренней своей жизни,— писал он в пространном аналитическом донесении Залескому, датированном 28 мая, — СССР по большей части как экономически, так и персонально живет за счет материала, накопленного в царское время.

Этот материал истощается, а новый не поступает. Это увеличивает усталость правящих и недовольство управляемых. Правящие утрачивают свою революционную энергию и решительность, любые переговоры ведут долго и вяло, не способны прийти к соглашению [с противником], им не хватает мужества для каких-либо уступок и завершения даже относительно мелких дел. Там, где не могут приказать, перехитрить или подкупить, останавливаются без движения и без решений. Коллективизм решений и ответственности (советизм) еще более глушит индивидуальность и смелость даже незаурядных личностей.

Управляемые в основном поглощены заботой: как выжить или как сбежать отсюда, а поскольку и то и другое трудно, то ворчат, ссорятся и возмущаются. Недовольство становится все более глубоким, распространенным и всеобщим. Оно превращается в пороховую бочку или склад боеприпасов, который пока никто не может и не стремится использовать, но который со временем может быть использован человеком крупного масштаба или сильной группой людей. Как раз наверху начинаются раздоры. Время от времени поднимают голову не только такие заметные фигуры, как Троцкий, Зиновьев или Радек., но и весь лагерь оппозиции... Кроме того в последнее время много говорится о дисгармонии в самом правительстве.

Воспользовавшись отсутствием Чичерина, Литвинов ⁶ в течение длительного времени стремился овладеть ситуацией, чтобы занять его место. Только когда сторонники Раковского ⁷ выдвинули его контркандидатуру, Литвинов, не будучи вполне уверен в своем успехе, предпочел остаться под началом Чичерина (*status quo ante*), нежели дать победить своему сопернику и пойти под начало Раковского. Это повлияло на смягчение ситуации и на внутренние споры не только в лоне партии, но и в лоне самого правительства. Наконец, после последних событий с Англией ⁸ звезда Литвинова как специалиста по проблемам Запада очень поблекла.

Но на этом дело не кончилось. Почти в последние дни распространились слухи о значительно более серьезных недоразумениях между правительством и партией, между председателем [Совета народных] комиссаров Рыковым и главным (генеральным.— *И. М.*) секретарем Коммунистической партии Сталиным. В результате разумной и сильной организации отдельных секретариатов Сталин фактически стал верховным правителем партии ⁹. Он окружил себя преданными людьми преимущественно кавказского происхождения. Отказывался принять какой-либо пост в правительстве, но по существу руководил этим правительством через партию, которая его выдвинула и поддерживала ¹⁰. Это продолжалось в течение длительного времени.

В настоящее время против его власти проявилась реакция в двоякой форме: а) в самой партии подрывает его позицию до последнего времени его пособник Бухарин ¹¹, который думает, что с ослаблением Сталина сильно возрастет его, Бухарина, значение, б) в правительстве...— Рыков, вокруг которого сгруппировались коренные русские элементы, раздраженные всевластием евреев и кавказцев. Поняв ситуацию, Сталин в своей контракции опирается в настоящий момент на таких проверенных личных друзей, как Рудзутак и Енукидзе, а также на преданных партии военных, а именно военного министра Ворошилова, генерала Буденного, Дыбенко, Элиаву, Бубнова и других.

Также не Рыкову и его мнимым сторонникам, а вышеназванным военным кругам Сталин от имени партии доверил в последний кризисный период совершить обычно в подобных случаях практикуемые здесь пропагандистские поездки по территории СССР. Под этим углом зрения были произведены также некоторые персональные изменения в военной сфере. Среди них — менее надежный с точки зрения Сталина Шапошников из либерализованного Ленинграда переведен как бы для более близкого надзора в Москву, а полностью преданный Сталину Угланов был назначен для наведения соответствующего порядка в Ленинградский округ ¹². Даже в таком учреждении, как ГПУ, чувствуется деление на сторонников Рыкова и Сталина.

Главными спорными пунктами между Рыковым и Сталиным было то, а) что в китайской политике ¹³ Сталин был за разрыв с националистическими кругами и за самостоятельную работу компартии среди китайских масс и б) что в последних событиях с Англией Рыков был за большие уступки, чтобы избежать решительного разрыва. По этому последнему вопросу у Рыкова проходили совещания без участия Сталина, что при здешних отношениях вещь небывалая. Но из этого не следует делать далеко идущих выводов. Известно, что хотя на стороне оппозиции стояли до сих пор такие заметные деятели, как Троцкий, Зиновьев, Радек и прочие, эта оппозиция с 1917 г. по сей день в конечном итоге всегда терпела поражение и выходила из положения, не только отказавшись от своих бунтарских программ, но и объявляя о подчинении и раскаянии. Так может быть и на этот раз. Раскола в партии еще нет и неизвестно, будет ли и когда...

Помимо этих недоразумений в верхах нарастает недовольство снизу из-за настоящего положения государства, как с экономической точки зрения, так и с политической, вследствие того, что происходит на Дальнем Востоке и в отношениях с Англией» ¹⁴.

По поводу экономических проблем Союза ССР Патек пока высказывался хотя и критично, но более сдержанно, чем его предшественник: «Экономические дела также не так хороши, как об этом говорится на внутренних съездах или при выступлениях в Женеве. Ни индустриализация страны, ни «смычка» деревни с городом, ни постоянно обещаемое снижение цен, ни рост торговли и благосостояния на самом деле не таковы, какими их красочно рисует реклама и пролаганда, в которой Советы — большие мастера... В государственном бюджете на текущий год значительно уменьшены позиции на поддержку торговли и промышленности. Суммы на это используются не самым продуктивным способом. Строятся и планируются разные Волховстрои и Днепрострои — эффектные, способные вызвать удивление за рубежом, но не отвечающие местным потребностям, не приносящие соответствующей пользы и не оправдывающие понесенных расходов. Если к этому добавить еще не очень зрелое, но существующее в некоторых советских республиках стремление к большей независимости и даже к сепаратизму..., то трудно считать внутреннее положение СССР в последнее время благоприятным» ¹⁵.

7 июня 1927 г. в Варшаве был убит полпред СССР П. Л. Войков. Покушение, совершенное Б. Ковердой, сыном эмигранта из России ¹⁶, произошло на вокзале, куда Войков прибыл для встречи следовавшего из Лондона после разрыва отношений Англии с СССР бывшего советского поверенного в делах А. П. Розенгольца. 14 июня из польской миссии в Москве было отправлено в Варшаву донесение, в котором подчеркивалось «возбуждение» в СССР. Среди причин общественного беспокойства советник миссии А. Понинский называл убийство Войкова, а также ряд террористических актов и несчастных случаев внутри страны, которым в специальном советском правительственном обращении от 8 июня давалось объяснение как запланированным выступлениям контрреволюционных сил по инициативе английской разведки.

В действительности, полагал Понинский, это скорее резкое обострение уже давнего кризиса доверия в СССР, усилившегося после разрыва с Англией, что подействовало на воображение наиболее решительных и недовольных, вызвав ряд индивидуальных актов против власти. По всей стране усилились репрессии. Во всех крупных центрах массовые обыски и аресты и многочисленные казни. Жертвами репрессий стали, о чем свидетельствует известный список расстрелянных 9 июня ¹⁷, прежде всего так называемые бывшие, которые находились в тюрьмах или под наблюдением, состоя в специальных списках, то есть люди, которые в последних событиях никакого активного участия не могли принимать. Значит, правительственную версию, заключает советник польской миссии, надо было подкрепить известными контрреволюционными именами. Наиболее развитые и сознательные правительственные и партийные круги отдадут себе отчет в этом,

считая, что ГПУ не добралось до подлинного корня зла. Похоже — из-за этого нервозность и беспокойство общества: волна террора, может быть, впервые не вызвала у общества впечатления силы и целесообразности кровавых распоряжений ГПУ.

В отношении внешней политики, продолжал Понинский, массы находятся под впечатлением неудач в Китае и разрыва с Англией. Считается, что внешнеполитическое положение более, чем критическое, раз правительство признается в неудачах. Власти еще больше усилили антианглийскую акцию, называя Великобританию инспиратором всех несчастий, и прежде всего убийства Войкова. В последние полгода Польша представляется как вооруженная рука английского правительства. Сейчас вновь говорится о польской опасности для Советов. Вся пропаганда рассуждает о политической ответственности Польши за убийство Войкова, представляя польское правительство протектором контрреволюции. По всей стране — антипольские демонстрации и агитационные выступления. Хотят отыграться на Польше, вынуждая ее к уступкам, которые могли бы реабилитировать советское правительство в глазах собственных масс. Эта запланированная акция только незначительно сдерживается опасением перед возможностью внезапно спровоцировать войну в неблагоприятных для Советов условиях. Из-за этого в их поведении в области дипломатии проявляется определенная умеренность и сдержанность¹⁹.

Продолжали интересовать миссию обстоятельства внутрипартийной борьбы как проявления кризиса власти в СССР. 28 июня 1927 г. польский посланник сообщал в Варшаву об опубликованном накануне в «Правде» постановлении президиума ЦК ВКП(б) от 24 июня: за нарушение Троцким и Зиновьевым партийной дисциплины поставить перед объединенным пленумом ЦК и ЦКК вопрос об их выводе из состава членов ЦК ВКП(б)²⁰. 18 июля временный поверенный в делах Польши в СССР А. Зелезинский писал, отвечая на телеграфный запрос министра иностранных дел, что дипломатические миссии в Москве не имеют никаких данных о выступлении советских дипломатов в связи с решением о Зиновьеве и Троцком. В немецких дипломатических кругах не подтверждается сообщение об обращении полпреда СССР в Германии Крестинского к Орджоникидзе. Тем не менее миссия не исключает, что Крестинский в той или иной форме выступил, предлагая компромисс с оппозицией. Есть слухи, что многие другие члены ЦК — за отсрочку решения о выводе Троцкого и Зиновьева из ЦК и ищут компромиссной формулы. Даже Орджоникидзе якобы хочет избежать окончательного разрыва. Каменев теперь полпред в Риме, стал совсем покорным, но не порвал с оппозицией²¹.

В середине ноября того же года польский консул в Ленинграде Э. Штарк сообщал, будто по данным «из информированных источников» Чичерин находится под влиянием Раковского и Крестинского, то есть принадлежит к «тихой» оппозиции, и это пошатнуло его положение²². Вопреки этим сведениям Понинский 11 ноября писал, что Чичерин, несмотря на болезнь («открытая рана на ноге, принимает лежа»), работает, держит в руках все нити НКВД. Но в донесении миссии от 2 июня 1928 г. вновь проходит информация о том, будто позиция Чичерина в партии слаба: «При Сталине усиливается роль Орджоникидзе, что означает усиление линии Сталина вопреки более умеренному курсу Рыкова»²³.

В октябре — ноябре, накануне XV съезда ВКП(б), была объявлена общепартийная дискуссия, однако в донесениях миссии отмечалось, что оппозиция фактически лишилась возможности свободно высказываться в печати. Но и оппозиция, писал Понинский, «отказалась от главного партийного лозунга Ленина — безусловной централизации и дисциплины»²⁴. Сообщалось о попытке лидеров оппозиции провести 7 ноября в Ленинграде демонстрацию своих сторонников²⁵: около 13 часов к Дворцовой площади прибыли на автомобиле Зиновьев, бывший ответственный работник ленинградского ЧК Бакаев, Радек-Собельсон, бывший секретарь губернского комитета партии Залус, бывший член большевистской фракции Государственной думы политкаторжанин Бадаев, член коллегии ОГПУ

и ЦКК Петерс. На площади их ожидало около 800 человек. Зиновьев выступил с трибуны. Но при попытке пройти по улицам города демонстранты были остановлены конной милицией. Радек тростью рассек голову милиционеру. Зиновьев был арестован ²⁶. Одновременно в Москве 20 студентов руководимого Радеком Китайского университета (Университет трудящихся Китая им. Сунь-Ятсена. — *И. М.*) перед Мавзолеем развернули плакаты с надписями, направленными против Сталина и Бухарина, после чего университет был закрыт ²⁷.

В декабре, говорилось далее в донесении, польское консульство в Ленинграде сообщало о новых арестах, в том числе и среди беспартийных специалистов, которые могли бы присоединиться к оппозиции. Было арестовано 300 человек. Армия подавлена арестами офицеров из оппозиции. Троцкисты, по данным консульства, пытались установить контакт с меньшевиками, которых в Ленинграде 20 тысяч. Их лидер Каплан. Разница у них только в крестьянском вопросе: меньшевики считают, что нужно опираться на середняков, троцкисты — на бедноту. Эсеры насчитывают в Ленинграде 2 тыс. человек и занимают выжидательную позицию. Слабая сторона оппозиции, заключал консул, состоит в том, что ее лидеры евреи, сильная — что представляет элиту коммунистической партии. Оппозиция находит поддержку в обществе, которое ненавидит большевиков ²⁸.

В сообщении польской миссии от 19 декабря 1927 г. об итогах только что прошедшего XV съезда ВКП(б) констатировалось: оппозиция уже разбита и проявляла на съезде примиренческие тенденции. От Политбюро склонность к компромиссу проявили Калинин, Рудзутак и даже Томский. Непримиры были Сталин и Рыков ²⁹.

В продолжение темы борьбы в высших эшелонах власти Понинский сообщал 10 апреля 1928 г. о предстоявших якобы кадровых изменениях: «Руководитель Бюро конъюнктуры — одного из важнейших отделов официальной советской статистики — [Н. Д.] Кондратьев должен получить отставку в связи с заострением курса экономической политики советского правительства. Кондратьев выдающийся экономист. Мыслит хозяйственными категориями и опасается, что начатый Сталиным курс давления на деревню может серьезно нарушить сельскохозяйственное производство. Он воспротивился этой политике и представил целый ряд деловых аргументов и статистических данных, которые были использованы Рыковым и Калининским во внутренней дискуссии против Сталина. Таким образом, Кондратьев был закулисным инспиратором так называемой русской группы в правительстве, представляемой Калининским, Рыковым и Ворошиловым, которая уже с некоторых пор более или менее решительно сопротивляется эволюции Сталина, стремящегося теперь осуществить ряд лозунгов прежней оппозиции» ³⁰.

На этой почве возник конфликт между Кондратьевым, сторонником умеренного курса в хозяйственной политике, и Сталиным, который решил добиться не только устранения Кондратьева, но также и других персональных изменений в Бюро конъюнктуры. Здесь, писал далее Понинский, напрашивается аналогия с тем, что недавно имело место в российском комиссариате земледелия. Один из известных членов ЦИК, с которым на эти темы говорил один знакомый нашей миссии, очень хорошо ориентирующийся в советских внутренних отношениях, не отрицал этих фактов и аналогий, подчеркивая только, что если сейчас ведется левый эксперимент, то это не значит, что такой курс не может быть пересмотрен, если не даст ожидаемых результатов. Согласно тому же источнику, Сталин в последнее время значительно растерял свою популярность в советском (государственном) аппарате, который все больше чувствует на себе мстительность Сталина. Особенно Сталин был недоволен всеми теми государственными служащими, которые так или иначе способствовали изданию Рыковым известного циркуляра, резко осуждающего политико-административное давление в деле «самообложения». Сталин, правда, уступил Рыкову, согласившись на этот циркуляр, но сделал это с явным нежеланием, якобы клеймя это выступление правительства как акт компромисса и слабости в отношении деревни ³¹.

Вместе с тем в донесении от 2 апреля 1928 г. Понинский сообщал, со слов неназванного представителя дипломатического корпуса в Москве, что в недавней беседе с последним член коллегии НКВД СССР Б. С. Стомоняков определенно заявил, что капиталистические правительства исходят «из ложных предпосылок, будто после подавления оппозиции Сталин и другие ответственные советские деятели начнут эволюцию вправо, открывая путь к новому нэпу. В связи с этим следует констатировать, что правительственная программа предусматривает дальнейшую эволюцию влево, что является логическим следствием всей государственной политики Советов, стремящихся к постепенной реализации коммунистических принципов». «Комментируя вышеизложенный разговор,— заключил Понинский,— следует подчеркнуть, что в официальных своих выступлениях советские государственные деятели, говоря об отдельных периодах советской хозяйственной политики, трактуют нэп как прошедший и завершённый период»³².

Когда к концу 1927 г. поражение сторонников Троцкого и Зиновьева в партии стало очевидным, на одно из центральных мест в наблюдениях польской миссии вновь выдвинулись хозяйственные проблемы СССР. Временный поверенный в делах Польши в Эстонии Я. Володкевич передал в ноябре 1927 г. содержание секретного рапорта французского посла в СССР Ж. Эрбетта об экономическом положении Союза. Оно характеризовалось кризисом в металлургической промышленности и инфляцией: эмиссия превышает обеспечение. Нарком финансов требует повышения налогов, которые и так уже разрушили предпринимательство. Эмиссия проводится, чтобы кредитовать сельское хозяйство. Если Германия не даст кредитов, кризис усилится³³.

В донесении польской миссии по итогам XV съезда ВКП(б) была дана такая интерпретация экономического положения СССР: пятилетний план составлен исходя из того, что нападение на СССР неизбежно. Отсюда — необходимость развития промышленности и производства технических культур в сельском хозяйстве, чтобы обеспечить автаркию. Из обсуждения аграрного вопроса следует, что страна переживает кризис товарооборота, который ставит под угрозу программу индустриализации. Кризис проявляется в отсутствии товаров для деревни. Из-за этого крестьяне прячут, не продают хлеб, тем более, что он дешев. Это ставит под угрозу экспорт. Раздробление хозяйств повлияло на снижение продуктивности сельского хозяйства³⁴.

В подобном духе представлял ситуацию и польский консул в Ленинграде. В СССР, писал он 16 декабря 1927 г., все чаще говорится о положении деревни. «Консульство занялось этой проблемой на своей территории... После переворота и национализации земли совершенно уничтожены дворянские хозяйства и инвентарь. Крестьянам разрешено обрабатывать по две десятины на человека. Только кое-где сохранились бывшие дворянские хозяйства, отданные кооперативам и государству, чтобы предупредить голод. Рост числа хозяйств не означает роста продукции. Производство в четырех губерниях в 1926 г. не покрывает потребностей даже на 40%. Русский крестьянин опускается до состояния, в каком был 150 лет назад, до натурального хозяйства»³⁵.

В марте 1928 г. польская миссия сообщала о впечатлениях японского военного атташе от поездки на Украину и на Кавказ: в стране товарный голод, крестьяне кормят зерном скот, так как цены на него выше. Власти направляют недовольство вовне, говоря о капиталистическом окружении, ищут виновных, отсюда — шахтинское дело³⁶. Используют национальные лозунги. На Украине — антипольская агитация: в Харькове поставлена антипольская опера «Тарас Бульба», на Кавказе цветет грузинский национализм³⁷. Польский консул в Минске сообщал в августе 1928 г. в миссию о настроениях среди белорусских крестьян: «Деревенское население, помня прошлогодние и в начале этого года репрессии против него в связи с поставками хлеба, категорически заявляет, что в текущем году не даст хлеба, так как власти обманули, обещали за хлеб доставить товары, но не выполнили обещания»³⁸.

13 октября 1928 г. Володкевич сообщил из Эстонии о своей беседе с главным редактором газеты партии труда «Waba Maa» Я. Лааманом, который посетил СССР в связи с юбилеем Л. Н. Толстого, а затем получил разрешение съездить на юг России, откуда был родом. Лааман, по словам Володкевича, очень пессимистически отзывался о состоянии урожая, отмечал, что статистика посевов составляется на основе завышенных заявок крестьян на семена. Но каждый крестьянин хочет оформить хозяйство по норме бедняка, чтобы уменьшить налоги. Рассказывал журналист и о низкой производительности труда рабочих, о том, что немецкие инженеры вместо снижения стоимости производства предлагают дорогие и непроизводительные расходы, о том, что пик кризиса ожидается в 1929—1930 годах ³⁹.

7 ноября польская миссия в Эстонии передала в МИД впечатления Лаамана, опубликованные в эстонской печати. В России неурожай, в городах очереди за хлебом и карточки, в деревнях — мешочки, которые дают по 2,5—4 руб. за пуд вместо 1 руб. по государственной цене. В сельском хозяйстве недосев. Крестьяне не засевают больших площадей, боясь раскулачивания и высокого налогообложения. «Государство нас учит: не сей», — говорят крестьяне. Они избавляются от сельскохозяйственной техники, так как нет запчастей. Крестьянин с молотилкой автоматически считается кулаком. При хлебозаготовках обыски и насильственные изъятия. В Мелитополе из-за этого волнения. Земледельческие коммуны и колхозы при поддержке правительства сохраняются там, где колхоз имеет мельницу или какое-нибудь предприятие. Развито переселение, так как переселенцы на 3—5 лет освобождаются от налогов. Хорошо устроены еврейские поселения в Крыму, ибо получают помощь из Америки. На пять лет имеют право нанимать батраков, а сами ведут торговлю. Евреи получают лучшие участки ⁴⁰.

Положение в промышленности, по материалам Лаамана: при сооружении Керченского завода сметы превзойдены втрое в основном по политическим мотивам. Специалисты, понимая нерентабельность этого, не осмеливаются спорить. Акцент на производительность труда повсеместно сильно снизил качество. Из-за рационализации — огромная безработица. В провинциальных непромышленных городах безработных 10%.

О настроениях в деревне крестьяне говорят: «Мы теперь сами не свои». Восстанавливаются комбеды. Городские ораторы два года, как не смеют показываться в деревне. Заметна слабость местного административного аппарата. В деревне — полуграмотные избачи и комсомольские инструкторы. В вышестоящие инстанции они дают недостоверную информацию. В городах управляют партийные секретари, советский аппарат выполняет техническую или декоративную роль. Из-за недостатка национальных кадров коммунистов в руководство часто попадают неграмотные люди, вроде расстрелянного к тому времени секретаря Крымского ЦК Ибрагимова — бывшего полового из татарской кофейни.

Национальный вопрос остро стоит на Кавказе, есть и на Украине, но пока кризиса не ожидается. Продовольственный и финансовый кризис. Официальные власти хотят посорить город и деревню. В высших кругах — сменовеховские настроения, что выразилось, например, в постановке пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных» во МХАТе. Но это течение ослабло. Есть даже сторонники отчаянной формулы: чем хуже, тем лучше. Есть разговоры о том, что в случае обострения кризиса коммунизм не сдастся, не сделав попытки решительного боя: нападения на лимитрофные государства. Военственные настроения в армии, в технических частях, в авиации. У пехоты к ним зависть и враждебность.

Правые в руководстве — Калинин, Рыков — имеют глубокие расхождения со Сталиным. Крестьянство слишком озлоблено, чтобы на него опереться, как [того] хотят правые. Во внешней политике после поражения в Китае и неполадок с Германией — затишье. Говорится о необходимости сближения с Америкой. К Германии положительное отношение. Но в массах Германию считают эксплуататором России.

Большевистская пропаганда по внешнеполитическим вопросам острием своим направлена против Польши и Англии, и эта пропаганда находит отклик в некоммунистических, сменовеховских и даже антибольшевистских массах. В Польше видят угрозу дальнейшей целостности России, в Англии — главного экономического врага.

Если в следующем году опять будет неурожай, то неминуемы голод и анархия. В более благоприятном случае можно спасти положение поворотом направо, если этому не помешают крайние сторонники «хлопанья дверью». Программа правого переворота: приостановка индустриализации, уступки крестьянству и частникам, ослабление монополии внешней торговли⁴¹. Таковы были в изложении польских дипломатов выводы эстонского журналиста, представившего драму советской действительности начала первой пятилетки.

Спустя два с половиной года, в апреле — мае 1931 г., СССР посетила делегация польских хозяйственных организаций⁴². По завершении официальной части промышленники и «деловые люди» в сопровождении советника миссии Пониньского совершили ознакомительную поездку по стране, побывав в Крыму, на Кавказе и на Украине. Пониньский представил датированный 22 мая 1931 г. отчет об увиденном. Все, с кем довелось поговорить, писал советник польской миссии, жаловались на налоги, на невозможность свободно разговаривать, на аресты. На Украине три раза встретили тюремные поезда. Недовольство заметно на Кавказе и на Украине. Рабочие по отношению к власти настроены лучше, чем другие. На рабочих оказывается коллективное психологическое воздействие, чтобы они лучше работали. Широкие слои населения стремятся к образованию, но это не означает советизации их образа мыслей.

В рубрике «Промышленные проблемы» советник отметил, что ознакомление с новыми промышленными объектами убедило в солидности советского строительства. Возникла относительно серьезная промышленная база, которая создана благодаря концентрации инвестиций, начатой в 1928 году. Строительство Днепрогэса, спорного объекта, теперь зашло так далеко, что пойдет в актив Сталину. Днепрострой имеет значение для создания сильного русско-советского центра для воплощения мифа о слиянии Украины и России. Строительство алюминиевого завода и завода качественных сталей потребует еще капиталов. Рентабельность этих предприятий сомнительна. Трудные жилищные условия. Относительно хорошие спортивные сооружения (корты, гимнастические снаряды). Посетили Каменское — бывший центр работы поляков. Польские рабочие есть и сейчас, но большинство — украинцы и русские. Вывески везде украинские. В бывшем костеле — клуб им. Дзержинского. Молодое поколение не стремится в польскую школу, хотя там есть семилетка. В польской гимназии учатся преимущественно девочки. Чтобы правильно говорить по-польски, выписывают польскую коммунистическую газету из США.

В Днепропетровске посетили Дворец металлургов им. Ильича. В библиотеке — отделы русской, украинской, еврейской, польской литературы. Польской почти не пользуются. Дворец построен в 1928 году. Среди книг много литературы консервативного направления. Неплохое впечатление произвел металлургический завод им. Петровского. Мартены расширены, но не модернизированы. Посетили заводскую школу, которая ведется на соответствующем уровне. На заводе им. Петровского 27 тыс. рабочих, 300 инженеров, 1900 административных работников. У проходной рабочие жаловались на тяжелые условия, отсутствие мяса.

Хорошее впечатление оставил Ростов. Много нового строительства. Рабочие молодые, их не хватает. Из 14 тыс. рабочих завода 8 тыс. живут в новых хороших домах. Техничко-административный аппарат многочислен — 2500 человек, 150 инженеров, 14 американских консультантов. Руководитель рассказал, что используется предприятие на 80%, хромает качество. Новые распоряжения о хозрасчете вызвали трудности. Высока степень механизации, хороша планировка строительства. На конвейере хороший комплект заграничных немецких и американских машин. Церкви разруше-

ны. Кругом портреты Ворошилова, так как завод имеет оборонное значение. Детские ясли образцовые по чистоте и гигиене, но переполнены. Ростов экспортирует первосортные папирсы.

Тракторный завод строится в Харькове. Огромное впечатление на польскую делегацию произвел комплекс заграничных машин. Завод соответствует требованиям массового производства. Его строят 20 тыс. рабочих. Готовятся кадры. Жилые дома строятся, как огромные гостиницы. Жилья хватит 50% рабочих.

Полезное обсуждение советских промышленных планов прошло в [украинской] внешнеторговой палате. Проф. Величко говорил о том, что третий год пятилетки самый трудный, ибо нет еще отдачи и от населения требуются огромные жертвы. Уверял, что экспорт не очень увеличится, так как будет насыщаться внутренний рынок. Подчеркивал заинтересованность Украины в экономических отношениях с Польшей.

Делегация побывала в сельскохозяйственных районах, что также нашло отражение в отчете Пониньского. В рубрике «Сельскохозяйственные проблемы» он писал: Совхозы развиваются лучше, чем колхозы. Посетили совхоз «Верблюды» Ростовской области. Хозяйство экстенсивное, из-за частой засухи и труднодоступности воды требует огромных инвестиций. При создании совхозов ставится задача всех превратить в сельскохозяйственных рабочих, отучить от сельской жизни. Считается, что все это организовано по образцу крупных американских и канадских ферм. Машины плохо хранятся. Как и везде — проблема кадров. Плохое состояние дорог, нет сельскохозяйственных узкоколеек, необходимых при таких расстояниях. Эти агрофабрики по рентабельности и с агрономической точки зрения очень рискованны. Климатические условия требуют коротких сева и уборки, то есть хорошей организации. Неэкономное использование техники делает ее нерентабельной. Но правительство к ним подходит с позиций не рентабельности, а пропаганды и необходимости засеять неиспользованные земли. При опоре на них проводится коллективизация.

Затем были в колхозе «Красный хлебобор». Присутствовали на собрании с участием частных. Беседы с ними показали, что движение коллективизации прошло через ряд потрясений. Колхозники не разделяют энтузиазма властей. Колхозцентр непопулярен: направляет сложные директивы, раздувает административный аппарат, что колхозники считают эксплуатацией. Частники пауперизируются налогами. Произошло серьезное изменение общественного строя деревни: кулаков нет, средние уже признали себя побежденными и защищаются только пассивно. Этот процесс совершился в течение двух лет. В 1927 г. был выдвинут лозунг: государству стать независимым от крестьянства. С 1928 г. — огромное давление на крестьян через хлебозаготовки. В 1929 г. сопротивление против хлебозаготовок сломлено драконовскими методами фактического уничтожения кулаков — прежнего ядра сельского хозяйства.

Деревня дозрела до коллективизма, лишилась всех своих резервов. Тогда-то и началась массовая коллективизация. Она поглотила огромные денежные средства, но цель достигнута — массовое и контролируемое производство оказалось обеспечено. 50% товарного зерна дает обобществленный сектор. Государство поощряет создание крупных хозяйств. Власть превращает колхозника, вопреки формальному принципу о совладении, в батрака, которому хочет навязать психологию городского рабочего. Хорошей стороной пока является постоянное повышение уровня производства, поддержка скотоводства. Но при неравномерности развития колхозов и растущем сознании их членов, которые приобретают большую политическую гибкость, в этой среде возникнут новые силы оппозиции, которые со временем могут серьезно повлиять на внутреннюю эволюцию СССР⁴³.

Приведенные выше свидетельства и наблюдения о внутренних и внешнеполитических проблемах СССР во второй половине 20-х — начале 30-х годов, проливающие свет на причины и обстоятельства начала очередного этапа тоталитарной эволюции советской системы, будут полезны для формирования нового, свободного от идеологической предвзятости видения отечественной истории.

Примечания

1. Archiwum Akt Nowych, Akta Ministerstwa Spraw Zagranicznych (AAN MSZ), Ambasada w Moskwie, t. 48, k. 196, 200.
2. Ibid., t. 55, k. 246.
3. AAN MSZ, t. 6660, k. 45—47.
4. О посещении Патском Ленинграда см.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее ДМИСПО). Т. V. М. 1967, с. 102—105.
5. AAN MSZ, t. 6745, k. 16—17.
6. *Чичерин Г. В.* — народный комиссар по иностранным делам СССР. *Литвинов М. М.* — заместитель народного комиссара по иностранным делам СССР.
7. *Раковский Х. Г.* — полномочный представитель СССР во Франции. В октябре 1927 г. по требованию французского правительства отозван на том основании, что его подпись стояла под заявлением оппозиции с призывом к солдатам других стран дезертировать в случае войны с СССР (Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР). Т. 10. М. 1965, с. 576—577).
8. Британское правительство обвиняло СССР в нарушении условий торгового соглашения 1921 г. и соглашения 1923 г. об отказе от поддержки лиц, организаций или учреждений, ставящих целью разжигать мятеж в какой-либо части Британской империи. По подозрению в разведывательной деятельности и антибританской пропаганде в Англо-русском акционерном кооперативном обществе и торгпредстве английской полицией с нарушением принятых юридических норм был проведен обыск, и 27 мая 1927 г. объявлено о разрыве дипломатических отношений между Англией и СССР (там же, с. 54—62, 213—218, 245—248).
9. Из-за кавказского происхождения Сталина и его ближайших помощников и союзников этот период в шутку называется «шашлычизация» Союза (*прим. С. Патека*).
10. В архивном деле «Секретные характеристики советских лидеров» хранится характеристика Сталина, составленная в форме анкеты сотрудниками генерального консульства Польши в Тифлисе и датированная 30 июля 1927 г.: «...Позиция Сталина в коммунистической партии очень влиятельна. С 1922 г. он является одним из секретарей Центрального Комитета партии, а с 1925 г. — членом Президиума Исполнительного Комитета Коминтерна. Сталин всегда был и до сих пор остался правоверным сторонником Ленина, с которым издавна работал в очень близком контакте. В революционные времена и после установления советской власти всегда становился в партии на защиту тезисов Ленина, борясь против возникающей оппозиции. Сталин является завзятым централистом и был одним из инициаторов оккупации Грузии большевиками.
Сталин считается необычайно способным, предприимчивым и энергичным человеком, что подтверждают и приведенные выше данные о его жизни. Он, безусловно, принадлежит к категории идейных деятелей старшего поколения большевиков, фанатично преданных делу, которому служат. Умственный горизонт в связи с длительной работой над собой и заграничными поездками, естественно, имеет значительно более широкий, чем домо-рожденные большевики, в особенности из молодого поколения партийных карьеристов; это проявляется в целом ряде публицистических работ Сталина, касающихся актуальных проблем из экономической и политической области, в которых преобладают национальные проблемы и проблематика течений внутри коммунистической партии» (AAN MSZ Ambasada w Moskwie, t. 36, k. 53).
11. О Н. И. Бухарине в упомянутом досье говорится, что он как член Политбюро играет большую роль: оглашает и обосновывает политическую линию партии, оказывает очень большое и постоянное влияние на политику партии и государства, непосредственно и близко сотрудничая со Сталиным. Несомненно, выдающийся и всесторонний ум. Отношение его к партии — под углом зрения Коминтерна, которому он безоговорочно подчиняется (*ibid.*, k. 25).
12. *Шапошников Б. М.* был освобожден от должности командующего войсками Ленинградского военного округа и назначен начальником штаба РККА. *Угланов Н. А.* в 1928 г. вместе с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, М. П. Томским выступил против репрессивных методов хлебозаготовок, за что был обвинен в пособничестве правым уклонистам (Известия ЦК КПСС, 1990, № 2, с. 116—126).
13. СССР имел дипломатические отношения с Центральным китайским правительством, но его власть не распространялась на всю страну, где действовали группировки, имевшие собственные вооруженные силы, а на юге концентрировались силы национально-освободи-

тельного движения, в котором буржуазно-революционная национальная партия гоминьдан на первых порах сотрудничала с коммунистами. В обстановке развернувшейся в 1924 г. гражданской войны в Китае СССР сочувствовал этому движению и поддерживал с ним контакты. Однако весной 1927 г. главнокомандующий гоминьдановской армией Чан Кайши подавил выступления рабочих в Шанхае, разорвал сотрудничество с коммунистами и с СССР. Одновременно антисоветские действия в виде обыска в полпредстве и ареста его сотрудников предприняло китайское правительство в Пекине (ДВП СССР. Т. X, с. 585—586). Это привело к отзыву советского дипломатического представителя. Анализируя причины конфликта, Патек писал в донесении от 27 мая 1927 г.: «Самая большая политическая ошибка в Китае, по словам одного из итальянских дипломатов в Пекине, — начать давать китайцам деньги. Система использования денег в Китае приносит большие потери и мало пользы. Так случилось с политикой СССР в Китае. Случилось даже еще хуже. Коммунистическая партия использовала имеющиеся у нее на пропаганду деньги не на дела, касающиеся угнетенных масс, а на подстрекательство китайских националистических стихий против иностранцев. Это привело к развитию китайского национализма, который, расправившись с другими иностранцами, рано или поздно с неумолимой логикой должен был обернуться против граждан СССР, и в первую очередь против русских. Фиаско политики СССР привело к известному обыску в торгпредстве в Пекине и к отзыву из Китая представительства СССР.

Однако СССР вложил в свою восточную политику слишком много усилий и денег, более того, сделал из нее важнейший пункт своей внешней политики и пропаганды, чтобы мог и хотел отказаться от нее даже при такой очевидной неудаче. Теперь правитель Маньчжурии Чжан Цзолинь обосновался в Пекине и стал фактическим представителем прежнего центрального правительства и носителем антикоммунистической и антирусской идеи. Против него, не составляя единого целого и руководствуясь разными мотивами, выдвинулось три силы: а) Чан Кайши, прежний вождь кантонской армии, не солидаризирующийся, однако, с коммунистической кантонской просоветской программой; б) армия, сосредоточенная в Гуанчжоу, а точнее в Ухане, и в) Фын Юйсян, так называемый христианский генерал, давно поддерживаемый СССР и получающий от него через Ургу и пустыню Гоби поддержку в виде финансовой помощи, оружия и боеприпасов.

Сейчас СССР продолжает и, похоже, не перестает поддерживать Фын Юйсяна в расчете и в надежде на то, что он сможет поддерживать связь с армией Чан Кайши, а также с уханьской армией, и что вместе с ними сможет победить Чжан Цзолиня. Текущие бои между вышеназванными силами имеют эпизодический, локальный характер. Решающее сражение ожидается осенью. Нынешнее изменение программы действий, предлагаемое Рыковым [...] в лучшем случае может быть музыкой будущего и на ближайшее время не может приниматься в расчет» (AAN MSZ, Ambasada w Moskwie, t. 37, k. 170—171).

14. Ibid., k. 165—168.

15. Ibid., k. 168, 169, 170.

16. Б. Коверда, заявивший при аресте, что совершил террористический акт по политическим мотивам, был приговорен чрезвычайным судом в Польше к пожизненному заключению, но через несколько лет освобожден и уехал в США, где прожил до 1987 года. Общественное мнение за рубежом при всем неприятии политического террора все-таки увидело в данном покушении своего рода воздаяние за расправу в 1918 г. над царской семьей. Было известно, что Войков в то время член исполкома Уралоблсовета — был причастен к этой акции. Он и сам в неофициальной обстановке не отрицал этого.

17. 10 июня 1927 г. было опубликовано постановление коллегии ОГПУ о вынесении 9 июня приговора о высшей мере наказания лицам, обвинявшимся в шпионаже, терроре, подготовке контрреволюции и проч., и приведении приговора в исполнение в тот же день. Среди расстрелянных назывались бывшие князья П. Д. Долгоруков и А. А. Мещерский, бывшие офицеры, дипломаты, купцы, юристы и проч., всего 20 человек (Известия, 10.VI.1927).

19. AAN MSZ, Ambasada w Moskwie, t. 55, k. 139—141.

20. Ibid., t. 37, k. 200.

21. Ibid., k. 220, 221.

22. Ibid., k. 340.

23. Ibid., k. 282; t. 38, k. 78.

24. Ibid., t. 37, k. 283.

25. В связи с 10-летием Октябрьской революции сообщалось также, будто на официальном торжественном заседании в Ленинграде С. М. Киров, выступая с докладом, при упоминании о том, что в 1922 г. международная комиссия в Лондоне накануне Генуэзской

конференции предлагала через иностранных консулов установить международный контроль за выполнением Россией экономических обязательств, заявил: «Нам такие консулы не нужны. Они нам противны, не нужны. Мы хотим иметь красных консулов». Присутствовавшие на заседании консулы стали срочно совещаться о том, в какой форме отреагировать на услышанное (*ibid.*, к. 330).

26. *Ibid.*, к. 343.
27. *Ibid.*, к. 340.
28. *Ibid.*, к. 364.
29. *Ibid.*, к. 382.
30. 6 ноября 1928 г. по поводу этой группы сообщалось, что «правый уклон» опирается на поддержку снизу, отражает реакцию масс на трудные условия жизни. Калинин, Рыков, Ворошилов пытались вступить за крестьянство, но не решились на открытое сопротивление Сталину (*ibid.*, т. 38, к. 80).
31. *Ibid.*, к. 28—29.
32. *Ibid.*, т. 48, к. 262.
33. *Ibid.*, к. 290, 292.
34. *Ibid.*, т. 37, к. 387.
35. *Ibid.*, т. 48, к. 236—237.
36. В связи с шахтинским делом в марте 1928 г. было арестовано также шесть немецких специалистов, из которых трое затем были привлечены к суду (см.: ДВП СССР. Т. XI, с. 213, 707—708). Польские дипломаты не раз утверждали, что среди немцев в СССР было немало лиц, работавших против страны, обратившейся к их услугам. Патек в служебном письме от 5 июня 1928 г. делил немецких граждан в СССР на две категории: тех, кто в своих собственных интересах лояльно сотрудничает с Советами, и тех, кто занимается разведкой или работает в различных отраслях, только прикрываясь статусом специалистов, вроде Байштибера, Отто, Мейера и др. (арестованы по шахтинскому делу.— *И. М.*). В политических вопросах это, по мнению польского посланника, касается прежде всего Украины и Кавказа, в экономических — всех торговых дел и промышленности, куда немцы проникают через своих специалистов, концессионеров, смешанные общества и разветвленную сеть колоний... (AAN MSZ, Ambasada w Moskwie, т. 57, к. 124).
В мае 1931 г. торговый советник польской миссии в Берлине З. Р. Гавроньский сообщал на основании своего разговора с одним из высших чиновников германского МИД о мотивах переориентации СССР от одностороннего сотрудничества с Германией к расширению связей с Францией и близкими ей странами: в СССР «начинают очень скептически оценивать весьма высокую степень технической зависимости от германской промышленности, которая рекрутирует своих специалистов частично среди бывших офицеров, еще и сейчас поддерживающих контакты с немецким Генеральным штабом. Хотя мой информатор отрицал справедливость советских подозрений, не подлежит никакому сомнению, что немецкий Генеральный штаб действительно ведет в Советской России разведку с помощью своих «спецов». При таком положении Советская Россия с полным основанием опасается последствий технической помощи, оказываемой ей Германией, и стремится ослабить в этой области немецкую гегемонию путем укрепления хозяйственных, а тем самым и политических уз с Францией» (*ibid.*, т. 37, к. 142—143).
37. *Ibid.*, к. 259.
38. *Ibid.*, т. 38, к. 101.
39. AAN MSZ, т. 9, к. 5—6.
40. В результате введения монополии в промышленности и торговле евреи лишились средств к существованию, писал Патек 19 декабря 1927 года. Поэтому они массово записываются на колонизацию. Правительство дало им 20% фондов на организацию хозяйств. Остальное вносят они сами и международные еврейские организации. Еврейские поселения расположены в Белоруссии, Украине, Крыму, Туркестане (AAN MSZ, Ambasada w Moskwie, т. 37, к. 369—372).
41. *Ibid.*, т. 48, к. 302—311.
42. См. ДМИСПО. Т. V, с. 482—484.
43. AAN MSZ, Ambasada w Moskwie, т. 48, к. 406—434.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Иоанн Креститель

А. И. Немировский

В истории очень часто соединяются имена зачинателя и продолжателя, учителя и ученика, отца и сына, старшего брата и младшего: Филипп и Александр Македонский, Агис и Клеомен, Тиберий и Гай Гракхи, Цезарь и Август, Диоклетиан и Константин... Но далеко не всегда ставят в такой ряд Иоанна Предтечу и Иисуса Христа ¹. Между тем это наиболее прославленная пара таких персонажей, оказавшая исключительное влияние на ход мировой истории. И далеко не случайно появилась она в годы оформления одной из величайших мировых империй, хотя никто из современников даже не догадывался о существовании неких антиподов для Гая Юлия Цезаря и Октавиана Августа, таких антиподов, которые в то же самое время заложили основы иной, духовной, новой шкалы моральных ценностей и, фактически, новой эры истории человечества. Об Иисусе Христе речь уже шла на страницах данного журнала ². Теперь пришел черед Иоанна Предтечи.

Иоанна прозвали Крестителем, ибо он совершал ритуал омовения в водах Иордана в знак духовного обновления. Называют его также Предтечей как предвестника Христа. В оценках и давних, и сравнительно недавних критиков христианства с позиций мифологической школы ³ он выглядел такой же вымышленной фигурой, как главный персонаж Евангелий Христос. У некоторых гиперкритиков вызывало сомнение даже его имя. Датский ученый Г. Брандес самый акт крещения (мнимого, с его точки зрения) связал со сходством имен Иоанн и Оаннес (вавилонский бог воды с рыбьим телом. Напомним, что рыба была символом у ранних христиан, потому что греческое «ихтис», то есть рыба, рассматривалось как акростих слов «Иисус Христос Тэу Юйос Сотэр» — Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель). В лингвистических упражнениях Брандесу не помешало ни то, что Иоанн являлся отнюдь не первым носителем своего древнееврейского имени, ни то, что Оаннес есть искаженное поздней традицией имя шумеро-аккадского героя-бога ⁴. Применительно к Крестителю реально отсутствуют даже те шаткие критерии возможностей критики, на которые пытались опереться лица, считавшие Иисуса мифическим персонажем.

Каковы же данные Евангелий о Крестителе и какое уделено ему место в повествовании об Иисусе? Связывая Иисуса через Иосифа, номинального мужа девы Марии (Богородицы), с генеалогией иудейских царей (Матф.,

---

Немировский Александр Иосифович — доктор исторических наук, профессор.

1,1—6; Лука, 3, 23—38), Евангелия указывают на то, что у Иисуса существовал непосредственный предшественник, подготовивший ему мученический путь. Этот предшественник, Иоанн, рисуется сектантом, но проповедующим не в храме, а в пустыне (вопиющий в пустыне), и являющим своим образом жизни протест против ортодоксального иудаизма. Матфей и Марк одинаковыми словами и в сходных выражениях повествуют о нем, как о человеке во власянице — одежде из грубого верблюжьего волоса, подпоясанной полоскою кожи, а питающемся, чем Бог пошлет: акридами (сушеной саранчей) и диким медом. Место его проповеди — Иудейская пустыня. Там он проповедует покаяние и совершает крещение в струях Иордана.

Согласно Матфею (3,6—7), у Иоанна крестились «Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская, ... исповедуя свои грехи». Увлеченные общим порывом, к нему будто бы пришло креститься даже довольно много фарисеев (членов религиозной группировки, добивавшейся скрупулезного соблюдения Закона) и саддукеев (аристократов и высшего духовенства, отрицавших устное предание от одного к другому и слепо почитавших так же, как фарисеи, букву Библии). Однако Иоанн отверг их следующей отповедью: «Порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния. И не думайте говорить о себе: «отец у нас Авраам»; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Матф., 3—10).

Сочетание призыва к покаянию с погружением в реку для символического очищения от грехов было главным в проповеди и деятельности Иоанна. В самом осуществлении этого ритуала, согласно евангелистам, Иисус был преемником Иоанна. Более того, речь Иисуса начиналась с той же формулы, что и речь Иоанна: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Матф., 4,17; Марк, 1,15). Без Иисуса проповедь Иоанна была бы недейственной. Но и без Иоанна, подготовившего весть о приходе Иисуса как Мессии, проповедь Иисуса осталась бы гласом вопиющего в пустыне. Спаяв воедино Иоанна и Иисуса, христианское предание вовсе не уравнило их в заслугах. Старший по возрасту зачинатель поставлен ниже младшего, его ученика: «Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его» (Матф., 11,11).

В своей функции Предтечи Иоанн выполнял роль ветхозаветного пророка Илии, выступавшего как ревнитель бога Яхве и как борец с теми, кто поклоняется ложным богам. При разъяснении этого обстоятельства евангелист (Иоанн, 1,19) развертывает красочный сюжет вопрошения Крестителя враждебными ему фарисейскими священниками и левитами (потомки Леви, младшие служители храма) из Иерусалима: «Кто ты?». Из ответа пустынного выясняется, что он не Мессия (Христос), не Илия и не пророк. Тогда вопрошавшие задали еще один, весьма коварный вопрос: «Что же ты крестишь, если ты не Христос, ни Илия, ни пророк?». На что пустынный отвечал: «Я крещу в воде, но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то Идущий за мной, но Который стал впереди меня: я не достоин развязать ремень у обуви Его» (Иоанн, 1,20—27). Происходило это, если опираться на простой подсчет лет, в 27 г. н. э.

В наиболее обстоятельный рассказ о Крестителе, содержащийся у евангелиста Луки, включена версия о чудесном происхождении Иоанна, призванная укрепить его роль как Предтечи Иисуса: «Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его рода Ааронова, имя ей Елисавета. Оба они были праведны перед Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно. У них не было детей, ибо Елисавета была неплодна, и оба были уже в летах преклонных. Однажды, когда он в порядке своей чреды служил перед Богом, по жребию..., явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного. Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него. Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе

радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются; Ибо он будет велик перед Господом; не будет пить вина и сикера, и Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей» (Лука, 1, 5—16). Из дальнейшего рассказа следует, что ангел, назвавшийся Гавриилом, обрек Захарию, не поверившего в возможность своего отцовства, на молчание до исполнения предсказания (Лука, 1, 18—20). Далее повествуется о посещении Гавриилом в галилейском городе Назарете девы Марии (она названа родственницей Елисаветы) с вестью о предстоящем рождении ею Сына Божьего. То есть в изложении Луки Иоанн и Иисус не просто единомышленники, а как бы духовные братья, рождение которых возвещено одним и тем же ангелом в промежутке нескольких месяцев (Лука, 1, 26—32).

Имеющий ветхозаветный источник, рассказ Луки воспринимался критиками как благочестивый вымысел во имя цели связать Иоанна и Иисуса с самого их рождения. Однако последующая связь данных евангельских персонажей, составляющая один из центральных эпизодов предания об Иисусе, не может вызывать сомнений. Если в изложении евангелистов Марка, Матфея и Луки Креститель и Христос встречаются единожды, то евангелист Иоанн повествует о двух встречах. В первый раз Креститель увидел незнакомца, в котором Дух, пославший его крестить людей и принявший облик голубя, указал ему на Агнца Божия (Иоанн, 1, 29—33). А на другой день произошла еще одна встреча Крестителя и Христа, во время которой от первого отошли двое его учеников, братья Андрей и Симон, и перешли ко второму (Иоанн, 1, 35—42).

Именно встреча Крестителя с Иисусом и провозглашение его Мессией стало в трактовке Евангелий главным подвигом Крестителя. Но, как и у Иисуса, у Крестителя был свой путь к месту казни, связанный с обличением палестинского тетрарха (четвертовластника, унаследовавшего четвертую часть отцовского царства) Ирода Антипы, который отказался от многих религиозных предписаний и общечеловеческих правил морали. Он женился на Иродиаде — жене своего брата и его племяннице. Ирод бросил проповедника в темницу, но, опасаясь народного гнева, сохранил ему жизнь (Матф., 14, 3—5; Марк, 6, 17—20). Однако не прощающая обид злобная Иродиада нашла способ расправиться с Иоанном: «Настал удобный день, когда Ирод, по случаю дня рождения своего, делал пир вельможам своим, тысяченачальникам и старейшинам Галилейским. Дочь Иродиады вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшим с ним. Царь сказал девице: проси у меня, чего хочешь, и дам тебе. И клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства. Она вышла и спросила у матери своей: чего просить? Та отвечала: головы Иоанна Крестителя. И она тотчас пошла с поспешностью к царю и просила, говоря: хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя. Царь опечалился; но, ради клятвы и возлежавших с ним, не захотел отказать ей. И тотчас послав оруженосца, царь повелел принести голову его. Он пошел, отсекал ему голову в темнице, и принес голову его на блюде и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей» (Марк, 6, 21—28).

Историчность такого конца жизни Крестителя подтверждается независимым от Евангелий источником, «Иудейскими древностями» Иосифа Флавия. Он пишет: «Некоторые люди держались впрочем мнения, что военные неудачи Ирода были следствием гнева Божьего, требовавшего справедливого возмездия за гибель Иоанна Крестителя. Ибо Ирод велел погубить его, хотя тот был праведным мужем, призывавшим свреев к добродетели, справедливости по отношению друг к другу, почтительности к Богу и единения в крещении. Он учил, что крещение угодно Богу, если принимать его не для искупления определенных грехов, а для очищения тела, когда душа уже очищена праведностью. Так как он обладал необыкновенной способностью привлекать людей, которые шли за ним толпами, то Ирод испугался, что власть его убеждения может привести к бунту. Поэтому он счел нужным схватить его и казнить до того, как вызовет он волнение народа, чем сожалеть о беспорядках, когда уже будет поздно. Из-за этих опасений Ирода Иоанн был послан в Машеру, крепость, о которой мы говорили

выше, и там умерщвлен. А иудеи думали, что эта смерть была причиной гибели Ирода ⁵, так как Бог в своем гневе ниспослал на тетрарха эту кару» ⁶.

Данное свидетельство тоже было поставлено под сомнение представителями мифологической школы. Так, А. Немоевский объявил его «бесцеремонной вставкой», признанной таковою буквально всеми ⁷. Иную позицию по отношению к данному свидетельству занял Р. Эйслер, считавший все, относящееся к Иоанну, сведения Иосифа Флавия подлинными, но лишь отредактированными, подчас даже до неузнаваемости, христианскими переписчиками ⁸. Касается это и соответствующего свидетельства Флавия об Иисусе (Иудейские древности, XVIII, 63 сл.). Применительно к сообщению об Иисусе мнение Эйслера блестяще затем подтвердилось в 1971 г., когда израильский ученый С. Пинес обнаружил средневековую рукопись «Всеобщей истории» Агапия, которая содержала подборку сведений об Иисусе в древней литературе ⁹.

В сообщении Иосифа Флавия об Иоанне вызывает научное подозрение лишь поименование Иоанна Крестителем. Внося такое дополнение, переписчик не преследовал, впрочем, никакого умысла: он заботился лишь о том, чтобы у читателей не возникла путаница, поскольку Иоаннов, связанных с Иисусом, согласно Евангелиям, имелось несколько: Креститель, апостол, сам евангелист и пр. Подтверждая историчность Крестителя, Иосиф Флавий расходится зато с евангельской трактовкой в ряде существенных моментов. Крещение в истолковании древнееврейского писателя не являлось обрядом искупления грехов, а служило лишь очищению тела праведника, уже очистившего ранее свою душу. Казнь Иоанна у Флавия связана не с браком Ирода и Иродиады и осуждением этого брака Иоанном, а со страхом тетрарха перед беспорядками, которые могут быть вызваны проповедником. Наконец, у Флавия отсутствует пляска на пиру и поднесение головы Иоанна плясунье в дар. Казнь вообще имела у него место не в царском дворце, а в крепости на краю пустыни.

Несовпадение между Флавием и Евангелиями с их более пространном и красочным рассказом об Иоанне Крестителе есть расхождение между документальным свидетельством и преданием, использующим исторический факт и придающим ему свою окраску. Перенесение же места казни из пустынной крепости в царский дворец преследовало ясную цель: осуждение аморальности царской власти с одновременным приданием Иоанну ореола обличителя царских пороков и мученика. Свидетельство Флавия заслуживает предпочтения с точки зрения исторического правдоподобия. Свидетельство Евангелий интересно в качестве отражения того факта, как в христианских кругах спустя полвека после гибели Крестителя воспринимались его учение и деятельность.

Создатели христианского предания вовсе не выдумали Крестителя, равно как и Христа. Они только несколько приукрасили их деятельность. Конечно, Евангелия не являются источником такого рода, в котором следует слепо доверять каждому слову. Но это и не сплошная выдумка, как пытались нас уверить различные критики христианства, начиная еще с Вольтера.

В ходе научного рассмотрения комплекса вопросов, связанных с учением и деятельностью Крестителя, невозможно обойтись без сохраненных античными авторами сведений о ессеях (эссенах), действовавших в том же районе и в то же самое время, что Креститель. Ессеи были «благочестивыми», членами полумонашеской секты в иудаизме, возникшей в середине II в. до н. э. Себя они называли «Сыны света», «Избранники», «Простецы». Жили они преимущественно как колонисты в пустынях, хотя селились и в городах ¹⁰. Для Плиния Старшего, написавшего свою «Естественную историю» вскоре после падения Иерусалима, то есть в те же годы, когда появились первые записи Евангелий, ессеи были народом, ведущим простую и праведную жизнь на западном побережье Мертвого моря, «без женщин и иных услад любви, без собственности, в окружении пальм». Этот народ воспроизводил себя не тем естественным путем, как все другие народы, а лишь благодаря притоку туда чужеземцев, утомленных жизнью и цивилизацией.

Современник Плиния, прославленный ритор I в. н. э. Дион Хрисостом, согласно ссылке на него епископа IV в. н. э. Синесия, полагал, что ессеи — это некое селение блаженных людей, каждый из которых отличался добродетелью, человеколюбием и справедливостью¹¹. Латинский автор Солин (III в. н. э.) добавил к свидетельствам Плиния и Диона еще одну деталь: место обитания ессеев предназначалось для целомудренных, но оттуда по воле богов изгонялись люди, виновные в преступлении или ветреные в поведении¹². Сведения упомянутых авторов вписываются в широкий пласт античных текстов, вообще прославлявший жизнь примитивных народов — скифов, сарматов, обитателей островов Атлантического и Индийского океанов и критиковавший пороки развитой цивилизации.

Наибольшую ценность представляют свидетельства о ессеях у древнееврейских писателей Филона Александрийского¹³ и Иосифа Флавия. Они имели возможность и непосредственно наблюдать ессеев, и слышать о них из первых уст. Согласно Филону, ессеи «добывают только то, что необходимо для жизни... Они даже и во сне не знают ни крупной, ни мелкой торговли. Едва ли не единственные из людей, не имея ни денег, ни собственности, они считают себя богатейшими, ибо справедливо полагают, что умеренность и ограниченность в потребностях равносильна изобилию»¹⁴. Сходным образом характеризует ессеев Флавий: «Они презирают богатства. Общность имущества у них достойна удивления. Среди них нельзя отыскать никого, кто бы владел большим имуществом, чем другие. У них ведь действует закон, что вступающие в общину передают имущество в общее владение»¹⁵. Так что у обоих авторов ессеи — не народ и не город, а общность свободных взрослых иудеев, живущих в Палестине и ведущих необычный образ жизни. Флавию известны и такие его подробности, как обеденная и вечерняя трапезы в особых одеяниях с предварительным омовением, преследующим гигиенические цели; тяжелая работа на полях и в мастерских, оставляющая, однако, время для интеллектуальных занятий, включая чтение старинных рукописей и изучение медицины¹⁶.

Если судить по свидетельствам Филона и Флавия, ессейская община имела строгую организацию, напоминающую даже военную. Как и в ветхозаветные времена, основой социального деления у них служила десятка, члены которой обязаны были иметь единомыслие. Общее Сонмище всех членов напоминало дисциплинированные спартанскую апеллу или римские комиции, но не демократическую афинскую экклесию. Строго соблюдалась очередность выступлений при такой их форме, которая совершенно исключала выкрики и вообще выражение эмоций. Постоянно действовала законодательно-судебная инстанция не менее чем из 100 членов (наподобие древнегреческого буле или древнеримского сената). Она избирала должностных лиц, о полномочиях которых не сообщается. Среди наиболее тяжких преступлений, подлежащих ее рассмотрению, названа «хула на Законодателя», под которым обычно понимали Моисея¹⁷. Наказывались нарушения гигиенических правил, дисциплины, распорядка жизни, преступления против нравственности.

Более всего поражало тех, кто имел возможность наблюдать ессеев, их отношение к рабству. Если верить Филону, ессеи осуждали пользование рабами как нарушение законов природы, создавшей всех людей равными не только номинально, но и фактически¹⁸. Видимо, среди тех, кто бежал к ессеям, находились далеко не одни утомленные жизнью, но и не выносившие ее несправедливостей, прежде всего рабы. Ессеи отрицательно относились и к войне, поскольку именно она служила тогда главным источником рабства. «У них, — отмечал Филон, — вы не найдете ремесленника, изготавливающего луки, стрелы, кинжалы, шлемы, панцири, щиты, и вообще никого, делающего оружие, военные машины или что бы то ни было, служащее для войны»¹⁹. Ессейское общество делилось на четыре группы по старшинству и их месту в религиозной организации. Ессеи обязывались не открывать секретов своей общины даже под страхом смерти. Каждый новичок проходил трехлетний искуc, испытываясь в подвижничестве, подчинении старшим и уставу. Прием в общину обставлялся принесением клятвы²⁰.

Литературные сведения о эссеях уже с конца XVIII в. пребывали в поле зрения европейской науки²¹. Наиболее дальновидные исследователи давно надеялись, что когда-нибудь будут открыты эссеистские тексты, которые прольют свет на возникновение христианства²². Реальная история открытия этих текстов после второй мировой войны напоминает детективный роман: арабский мальчуган, искавший пропавшую овцу и набредший в холмах у Мертвого моря на пещеру со свитками; фантастическое обогащение перекушников этих рукописей; установление их принадлежности; всеобщее ликование с последовавшим затем нашествием ученых в пустыню, которое напоминало ажиотаж золотоискателей где-нибудь на Клондайке. И все это — на фоне кровопролитной арабо-израильской войны²³.

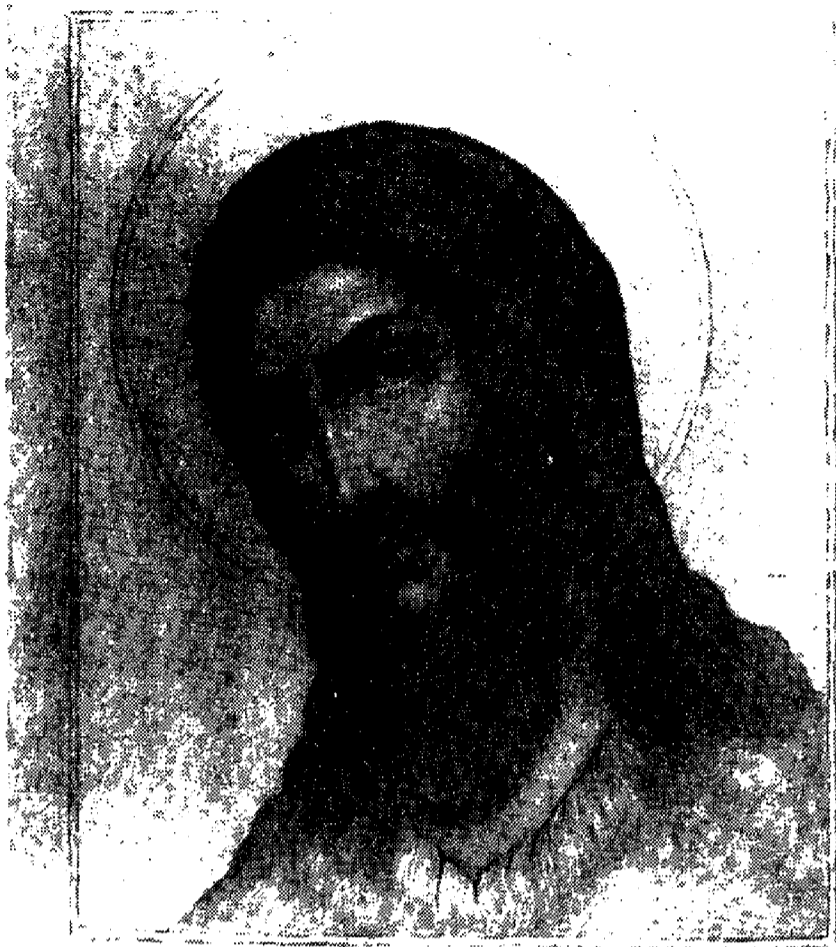
Трудности прочтения древних текстов были сравнительно быстро преодолены, поскольку они составлены на хорошо известных языках — иврите, арамейском, древнегреческом. Однако многие документы, уже прочтенные и разобранные для публикации, до сих пор остаются неизданными, поскольку не всем хочется давать в руки своих конкурентов по религиозной конфессии или научных оппонентов материалы, имеющие решающее значение в споре об истоках Нового Завета. Но и без скрываемых еще от нас тайн, из уже опубликованных текстов раскрывается исключительная по полноте картина жизни и идеологии противников ортодоксального иудаизма, избравших себе местом обитания пустыню.

Среди вновь найденных документов оказались также списки древнееврейского текста Ветхого Завета, намного более старинные, чем те, которыми пользовались верующие. Это помогло прояснить историю ряда мест библейского текста, причем предположения скептиков о поздних многочисленных вставках и исправлениях не подтвердились. Оказалось, что канонический текст Библии, принявший окончательный характер в VII—VIII вв. н. э., опирается на прочную рукописную традицию. Наряду с каноническими библейскими текстами в пещерах у Мертвого моря были найдены произведения, создававшиеся между III и I вв. до н. э., но не включенные в ветхозаветный канон: апокрифы (по-греч. «сокрытые», «утаенные») — и те, которые уже были известны в греческих, сирийских, армянских и славянских переводах, и новые.

Еще одну группу источников, привлечших наибольшее внимание исследователей, составили документы какой-то общины: ее уставы, дающие отчетливое представление об организационных принципах и повседневной жизни, гимны, произведения апокалиптического характера, различного рода комментарии. Создатели этих документов называли себя и своих последователей общиной нищих, просто общиной, нищими и противопоставляли себя остальному иудейству, стремившемуся к обогащению. В идеологическом плане там дано и другое самоопределение — Сыны света, в то время как остальные люди именуется Сынами тьмы. Обращает на себя особое внимание самоопределение Новый союз, указывающее на то, что члены общины сравнивали себя с праотцом Авраамом, ранее заключившим с богом Яхве союз, иначе завет (Ветхий Завет).

Самая община рассматривалась как добровольное объединение лиц, принявших определенные обязательства и обязующихся их неукоснительно выполнять. Прием в общину допускался в ходе всесторонней проверки и испытаний «разумения и деяний» при одновременном ознакомлении с порядком жизни посвященных и предъявляемым к ним требованиям. До окончания испытательного срока новичок не допускался к общим трапезам и не привлекался к трудовой деятельности, а его имущество не смешивалось с общинным. После объявления собранию полноправных членом общины результатов проверки и утверждения их голосованием, в определенные дни новообращенные приносили клятву и получали благословение от священников на служение справедливому и богоугодному делу.

Случались и различного рода нарушения клятвы и распорядка жизни. Об их характере и мерах пресечения можно судить по дисциплинарному уставу. Среди проступков фигурируют сознательный обман, связанный

с общинным имуществом, запальчивость, оскорбление достоинства сотоварища, беспричинное непосещение собраний, плевков на месте собрания, глупый и беспричинный смех. Среди наказаний полное отлучение от общины, недопущение к празднествам, уменьшение каждодневного рациона.

В повседневной жизни Кумранской общины, как ее называли по месту главных находок, значительную роль играло омовение. Устав запрещал использовать грязные водосмы или резервуары, не покрывавшие наготы. Запрещалось омовение без предварительного раскаяния и очищения. Это полностью согласуется с тем, что Флавий считал отличительной особенностью учения Крестителя. Но вопреки тому, что писал Филон о невоинственности ессеев, кумранские тексты характеризуют их как людей, подготовленных к вооруженной борьбе и идеологически, и практически. Среди свитков, найденных в районе Мертвого моря, один из самых пространных и удивительных по содержанию назывался «Война Сынов света против Сынов тьмы». Он представлен сразу четырьмя рукописями.

Будущая война Сынов света с Сынами тьмы мыслилась, по аналогии с 40-летним странствием израильтян в пустыне, тоже как 40-летняя, но с пятью «субботними годами» для отдыха. В качестве противников Сынов света выступают все народы, главный из них — киттии. В Ветхом Завете киттии — это потомки Киттима, одного из сынов Явана и внуков Яфета (Бытие, 10, 4). Слово Киттим первоначально прилагалось учеными к Кипру, позднее было распространено на все острова и полуострова Средиземноморья. В одной из поздних книг Ветхого Завета говорится о кораблях киттимских, которые выступают против святого завета и от которых будут поставлены наместники — осквернители святилища (Даниил, 11, 30). В данном месте имелись в виду македоняне. Впоследствии же этим словом стали обозначать их преемников по владычеству — римлян.

Борьба Сынов света с киттиями и иными недругами, при всех ее фантастических чертах, наделена многими деталями, явно заимствованными из военной практики. Там говорится о воинских лагерях и боевых порядках, военных значках и знаменах, сигнализации, о действиях

и молитвах, служащих поднятию духа воинов, об участии в войне священнослужителей. Согласно палеографическим данным, этот текст датируется I в. н. э., то есть как раз временем Крестителя и Христа²⁴. Противоречия между данным текстом и обликом ессеев, воссоздаваемым по Филону и Флавию, настолько очевидны, что некоторые исследователи высказали мнение о некумранском происхождении нового документа. Однако их сомнения неосновательны, поскольку его идеология и терминология сугубо есеевские. Остается лишь гадать, откуда у автора текста было такое знание римского военного дела? Читал ли он одно из римских руководств по военному делу или сам служил в римской армии?²⁵

Кумранские тексты обозначили новый рубеж в понимании проблем истории христианства²⁶. Отныне былая мифологическая концепция в ее вульгарно-марксистском варианте перешла в разряд абсурдов и растеряла большинство своих последователей. Сейчас мало кто решается отказывать Палестине в праве считаться родиной христианства²⁷. Одновременно по-новому встал и вопрос об историчности евангельских персонажей и их взаимоотношениях. Благодаря кумранским документам выглядит в ином свете и пара Креститель — Христос. Евангелия не ставили между ними знака равенства и подчеркивали дистанцию между ними, но не в плане земных воззрений, а только по их касательству к Богу. Ныне же поднимается проблема разногласий по многим линиям между есеевством и христианством. Ведь проповеди Крестителя в той мере, в какой мы в состоянии о них судить по кумранским текстам, мало чем напоминают проповеди самого Иисуса и его учеников.

Сектанты, обосновавшиеся близ Мертвого моря, испытывали ненависть к тем, кого они считали погибшими людьми, Сынами тьмы, и отгораживались от них, как от прокаженных. А последователи Христа проповедовали любовь, распространявшуюся даже на врагов. Некоторые места Евангелий производят впечатление явной полемики с есеевством²⁸: «Кто говорит, что он в свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна; А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме» (I соборное послание Святого апостола Иоанна Богослова, 2, 9—11).

Значит, в соответствии с установками к ненависти и мести или, наоборот, к любви и прощению должны были различаться аудитории Крестителя и Христа. В первой могли преобладать люди, сильные не только духом, но и телом. Один из кумранских текстов прямо ограждает общину от присутствия неполноценных или больных людей: «И каждый пораженный любой человеческой нечистотой пусть не входит в собрание Бога..., и всякий человек с телесными недостатками: с больными руками или ногами, хромой, или слепой, или глухой, или немой, или тот, чьей плоти коснулась порча, так что это заметно глазу, или старик, спотыкающийся настолько, что не может твердо держаться среди общества, эти пусть не приходят, чтобы предстать среди общества именитых людей, ибо святые ангелы в их обществе».

Христианство же, напротив, открывало именно таким, слабым людям дорогу и призывало к милосердию по отношению к ним. Заметим, что не было среди ессеев также женщин, во множестве следовавших за Иисусом. Тем более, падших женщин, носительниц, как считали ессеи, особой нечистоты. Филон указывал: «Отлично видя, что брак — единственное, что может в большей мере разрушить их общность, они отказались от него и прекрасно соблюдают воздержание. Никто из ессеев не берет себе жены, так как женщины самолюбивы, не в меру ревнивы и искусно влияют на образ мыслей мужчины, склоняя его к себе и завлекая постоянными чарами» (Апология, VIII, 11, 3—14).

Отношение Крестителя к есеевкам пока исследователям неясно. Можно даже думать, что он по тем или иным причинам некогда откололся от общины или, возможно, был исключен из нее. Можно также полагать, что Иоанн отличался от сотоварищей бóльшим радикализмом, что и явилось причиной предпринятой Иродом Антипой акции. Других ессеев он не

тронул, и они дожили до антиримской войны, когда были почти поголовно истреблены римлянами ²⁹.

С уничтожением ессеев-кумранитов и сокрытием в пещерах их священных книг, включая те, которые уже в нашем столетии пролили свет на историю ессейства и христианства, ессейская традиция не исчезла полностью. Ее следы мы находим и в книгах, введенных впоследствии в христианский канон, и в апокрифических Евангелиях. Особенно здесь важно то из них, которое открыли в начале XX в. в египетском Оксирихе: это папирус, принадлежавший христианину II в. н. э., представляющий собою исписанный с обеих сторон листок и служивший, видимо, амулетом ³⁰. В сохранившейся части текста содержится неизвестный каноническим Евангелиям эпизод спора Иисуса с Леви, главным жрецом храма в Иерусалиме. Жрец бросает Иисусу и его спутникам упрек в том, что они ворвались в святилище, не омывшись и не переменяв одежд. Иисус ответил: «Ты омылся в стоячей воде, в которой собаки и свиньи лежат день и ночь, и ты омылся и натер кожу, как блудницы и флейтистки душатся, моются, натираются (благовониями) и краской, чтобы возбудить желание, а внутри они полны скорпионов и пороков, но я и мои ученики, о ком ты сказал, что они нечисты, мы омылись в живой воде, которая нисходит (с небес)» ³¹. Здесь обнаруживаются два типично ессейских мотива: нападки на блудниц, к которым христиане относились иначе; намеки на крещение в текучих водах Иордана. Возможно, в не дошедшей до нас части папируса повествовалось именно о таком крещении. На эту мысль наводит другой, дошедший до нас в плохом состоянии, папирус II в. н. э., известный по имени его издателя как папирус Эгертона. В нем идет речь о чуде, сотворенном Иисусом на берегу Иордана: разбрасывании зерен, которые впоследствии дадут обильные плоды ³².

Однако ессейская струя, влившаяся в христианский поток, проявляла себя время от времени не только в подобного рода реминисценциях. Она принимала определенные организационные формы. Христианские писатели II—V вв. сообщают о христианах-эбионитах, самое прозвание которых (нищие) указывает на их связь с общиной Кумрана. Епископ галльского Лугдунума (Лиона) Ириней выделил такие основные черты учения эбионитов: отрицание догмы об Иисусе как сыне Бога при признании того, что мир является творением Божиим; соблюдение обрядов и образа жизни иудеев; поклонение Иерусалиму; пользование Евангелием от Матфея; признание апостола Павла, резко порвавшего с наследием иудаизма, отступником ³³. Подтверждая мнение Ириней, более поздние авторы добавляют детали, характеризующие аскетизм эбионитов, в частности неупотребление ими мясной пищи. Прошедшие через горнило эбионитов или других сектантов рассказы о Крестителе приобретают соответствующую специфику: у них Иоанн питается исключительно диким медом, поскольку акриды есть мясная пища ³⁴. Это течение не иссякло с падением античного мира. Так, до сих пор на юге Ирака существует христианская секта магдеев, члены которой порицают Христа, предавшего своего учителя Иоанна Крестителя. Европейские розенкрейцеры — члены мистических обществ XVII—XVIII вв., стремившиеся, в частности, к возрождению первоначального христианства, во многом копировали предписания ессеев и называли себя «церковью Иоанновой».

Немало вод Иордана утекло в Мертвое море с той поры, как на его берегах происходила освещенная в Евангелиях трагедия. Сильная вера и своеобразный гипноз Евангелий, овладевшие огромным миром, заставляли каждого вновь и вновь переживать былую трагедию. Здесь сыграло свою волшебную роль и искусство. В эпоху Возрождения художников и скульпторов особенно привлекала возможность художественного воплощения образа Крестителя или отдельных эпизодов его биографии. Родоначальник Возрождения Джотто (1266—1337 гг.) в посвященной Иоанну Крестителю флорентийской капелле Перуцци изобразил танец Иродиады и слуг, обслуживающих царский стол ³⁵. Привлекает внимание и другая фреска в той же капелле, изображающая рождение Крестителя: на ложе

в окружении трех служанок лежит в мечтательной задумчивости Елисавета; ничто не свидетельствует о перенесенных ею страданиях; кажется, что она парит в воздухе, тяжесть лежащего тела не ощущается.

Джотто не отвлекался на красочные детали и живописал наиболее существенное: стена, перед которой лежит Елисавета, уходит высоко вверх, завершаясь у потолка двумя узкими оконцами; плоскость стены украшена рельефом, продолжающимся в соседней комнате, отделенной от спальни дверью, а там три женщины и трое мужчин подносят старому Захарии, восседающему на кресле, младенца; счастливый отец готовится записать имя новорожденного в лежащий у него на коленях кодекс. Елисавета и Захария не видят друг друга, но как бы объединены общей идеей: вот родился тот, о ком возвестил архангел Гавриил и о ком он запретил говорить вплоть до его появления на свет. Поэтому появление младенца у Захарии — истинное чудо для домочадцев.

Еще в XIV—XV вв. приобрели популярность терракотовые и бронзовые фигурки Крестителя в образе пастушка-ангелочка, чему способствовало и то, что Иоанн считался покровителем столицы гуманистической культуры — Флоренции. Назовем тут работы Дезидерио да Сеттиньяно (1430—1464 гг.) и Луки делла Роббиа (1400—1482 гг.), которым моделями для статуэток служили дети из патрицианских семейств. Флорентиец Донателло (1386—1466 гг.) изобразил танец иродиадиной дочери Саломеи на бронзовом рельефе баптистерия в Сиене. Незадолго до переезда во Францию Леонардо да Винчи создал картину «Святой Иоанн Креститель»: полуобнаженный юноша с копной волнистых, ниспадающих на плечи кудрей назидательно указывает правой рукой на небо, а левая прижимает к груди тонкую длинную жердь, оканчивающуюся крестом. Этот изнеженный юноша далек от сурового аскета, образ которого встает из Евангелий.

На картине венецианца Тинторетто (1518—1594 гг.) изображена суматоха в богатом доме Захарии; счастливая и обессиленная роженица занимает постель у большого зарешеченного окна; рядом с ней повивальная бабка; в центре зала, возле пологой лестницы, ведущей на второй этаж, Мадонна передает новорожденного пышногрудой кормилице; вокруг хлопочут служанки; сбоку на переднем плане — хозяин дома в богатом одеянии; его поза, жесты и лицо выражают величайшее потрясение. Показан момент, когда к Захарии вернулась речь, отнятая архангелом Гавриилом за неверие в возможность рождения младенца у престарелых.

Но никто, пожалуй, из итальянских художников не работал так много над воплощением образа Крестителя, как Караваджо (1573—1610 гг.). По-видимому, трагическая фигура Иоанна была созвучна страшному времени Контрреформации с ее мучениками. У Караваджо в ранних картинах Иоанн предстает в облике жизнерадостного пастушка, обнимающего овечку (художественные собрания Базеля и римского Капитолийского музея). В картинах, хранящихся в канзасской Нельсоновской галерее искусств и в римской церкви Капуцинов, Креститель — это юноша и погруженный в глубокое раздумье мыслитель. В картинах последних лет жизни художника, времени его неудач и скитаний, воспроизводится сцена на пиру у Ирода Антипы: там Саломея с блюдом и головой Иоанна, Иродиада и царский оруженосец-палач. Поведение этих персонажей не соответствует той реакции, которую мог бы ожидать читатель Евангелий: Иродиада, добивавшаяся казни Иоанна, вовсе не испытывает чувства радости и застыла, как бы пораженная величием, которое источает голова ее недруга; Саломея вообще отвернула голову, не в силах взглянуть на того, которого она бездумно погубила; во взгляде оруженосца, тупого исполнителя царской воли, сквозит безгливость.

Двадцать лет жизни отдал А. А. Иванов (1806—1858 гг.) своему оставшемуся незавершенным великому полотну «Явление Христа народу». Он создавал его в Италии, стране, вобравшей в свою культуру многовековые традиции языческого и христианского искусства, знавшей тех первых последователей Иоанна и Иисуса, с которыми расправился император Нерон. Для более полного осуществления художественного замысла Ива-

нов исходил все холмы и долины Лация, пытаюсь найти ландшафт, подобный иорданскому; побывал бесчисленное множество раз в соборах и музеях, чтобы оценить опыт своих предшественников; пропустил и просеял через свои глаза и руки тысячи лиц, чтобы отобрать модели для Иоанна, Христа и евангельского народа.

В 1839 г., находясь в начале пути к картине, художник в письме к отцу, тоже художнику, подводил некоторые итоги: «Ансамблей для фигур, входящих в мое сочинение,— 105, писанных голов с натуры, близких к воображаемым в моей картине,— 20, рисованных — 40, писанных фигур голых — 6, с манекенов в драпировках — 8, рисованных прямо с натуры — 35. Эскизов, писанных в довольно большом виде,— 5. Рисованных, тоже в немалом — 5»³⁶. Казалось, делу не будет конца. И все же будущие персонажи постепенно выстраивались близ воображаемого Иордана на этюдах и на общем полотне. Оно вводит зрителя в ситуацию, изложенную в Евангелии от Луки (3,3,7—14):

«И он проходил по всей земле Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов... Приходившему креститься от него народу говорил: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойные плоды покаяния, и не думайте говорить о себе: «отец у нас Авраам»; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму; Уже и секира при корне дерева лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. И спрашивал его народ: что же нам делать? Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же. Пришли и мытари креститься и сказали ему: учитель! что нам делать? Он отвечал им: ничего не требуйте более определенного вам. Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем».

В поле зрения тех, кто смотрит на картину, находится раскидистое дерево. Но нет там секиры. Налицо и мытарь, обращенный к зрителю своей обнаженной спиной; тут же присел на корточки ухмыляющийся раб, обративший к Иоанну выпученные глаза. Есть там и фарисеи, пришедшие не креститься, а обличать Крестителя; и воины, сдерживающие удилами коней; и толпа из старцев, женщин и подростков, уже принявших крещение или готовящихся к нему, как уверовавших, так и колеблющихся, как равнодушных, так и ожидающих чуда. Их взгляды прикованы к Иоанну, обращенному лицом к пастве. О чем же вещает этот сильный, убежденный в своей правоте муж? «Я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я не достоин развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым» (Лука, 3, 16—17).

Эти слова не требовали непосредственной реакции и были рассчитаны на слушателей, обладающих воображением, могущих представить себе того Сильнейшего, в котором заключены Дух Святой и огонь; могущих вообразить знакомую им картину жатвы и отделения зерна от плевел. А те немногие, которым вера Иоанна уже проникла глубоко в душу, обернулись к холмам: оттуда, как бы отделяясь от полосы тумана, движется фигура в плаще. Не того ли Сильнейшего, о котором вещает суровый проповедник?

В отличие от всех других, кто трудился в воспроизведении этого евангельского сюжета, Иванов создал не только образы главных героев, но и групповой портрет людей Иудеи тех десятилетий, которые предшествовали антиримскому восстанию. Собравшаяся на берегу Иордана толпа состоит из персонажей, воссозданных художником как по литературным памятникам, так и по археологическим материалам. Проработаны племенной типаж, возраст, занимаемое в обществе место, одежда, очерчена даже социальная психология. Какие трудности пришлось преодолеть художнику при обрисовке таких типажей, может свидетельствовать трактовка им образа раба, самого неприглядного персонажа на полотне. Это не случайно: рабство, как прекрасно понимал художник, уродовало и тело, и душу

человека, нередко порождало злобу и жестокость. Предсказание в речи Крестителя пробудило в рабе чувство мести, для которого у него имелись все основания.

В этюдах, предшествующих окончательному варианту картины, раб занимает то же место, рядом со своим господином, но изображен страшнее и с клеймом на лбу. В последнем варианте у него оставлена лишь веревка на шее. Данный пример свидетельствует о глубоком чувстве историзма у художника, которым далеко не всегда обладали истолкователи этой картины в недавнее время, когда у нас в основе художественного анализа лежал классовый подход. Одна из истолковательниц образа раба даже писала: «В этом образе духовно пробуждающегося невольника с веревкой на шее нашла свое косвенное отражение одна из основных проблем русской жизни первой половины XIX века — проблема существования крепостного права, частной собственности на человека»³⁷.

Иванов глубоко вчитывался не только в Евангелия, в сочинения Иосифа Флавия и Филона. Настольной книгой ему служила двухтомная «Жизнь Иисуса» Штрауса, последнее в ту пору слово новой философии о христианстве³⁸. «Явление Христа народу» — не иллюстрация к евангельскому рассказу, а художественно-философское обобщение, основанное на понимании того, что учения Крестителя и Христа не совпадали, а христианство стало иным этапом развития религиозных воззрений, нежели ессыство. Сегодня, после открытия свитков Мертвого моря картина «Явление Христа народу» оказалась даже ближе к нашему, современному пониманию раннего христианства, чем многие ученые труды второй половины прошлого и первой половины нынешнего века.

Наглядным свидетельством поразительных раздумий Иванова над книгой Штрауса с его трактовкой евангельских чудес является хранящийся в Третьяковской галерее лист. На нем изображены двое: согбенный старец Захария и могучий ангел с двумя крыльями, распростертыми за спиной. Здесь на образ архангела Гавриила явно повлияли у художника, как нам кажется, открытые как раз в то время на Востоке каменные фигуры ассирийских крылатых демонов. Посланец небес протянул длань к губам Захарии, замыкая их молчанием. Весь рисунок пронизан светом, льющимся с небес и исходящим из горящего за спиной старца семисвечника³⁹.

Спустя 30 лет Креститель привлек к себе внимание французского скульптора О. Родена. Его статуя, выставленная в парижском Салоне в 1880 г., произвела эффект разорвавшейся бомбы, ибо в представшем перед зрителями человеке не было никакой ни привлекательности, ни святости: лицо с полуоткрытым ртом, редкая бородка, протянутая рука с загнутым указательным пальцем, словно бы Иоанн кого-то манил. Так мог выглядеть и какой-нибудь крестьянин, да и кто угодно. К тому же Иоанн был представлен обнаженным. Правда, итальянский Рубенс (как называли во Франции Караваджо) тоже изображал обнаженные части тела Иоанна. Как известно, Давид у Микельанджело вовсе гол. «Но ведь Давид, а не христианский святой!» — возражали критики. И все же жюри отметило статую поощрительной премией. Между тем одна лишь отливка статуи обошлась молодому скульптору в большую сумму, чем вся его награда. Только та слава, которую впоследствии принесли Родену его «Мыслитель» и «Граждане Кале», заставила критику и публику изменить отношение к этой его работе: в ней справедливо увидели одно из проявлений истинного искусства, чуждого фальши и манерности, зато проникнутого тонким психологизмом. Читая сегодня текст свитков Мертвого моря, если хочешь уйти мысленно в ту далекую эпоху, лучше всего держать перед собой именно воспроизведения картины Иванова и статуи Родена.

Примечания

1. Иногда вместо этой пары предлагают Иисуса Христа и апостола Павла (STAUFFER E. Die Geschichte von Jesus.— Historia mundi. Bd. IV. Bern. 1956, S. 129). Но ведь Павел не был лично знаком с Иисусом. К тому же он принадлежал к проповедникам, действовавшим

в другой среде и иными методами. От устной проповеди он перешел к письменным посланиям к рассеянным в Римской империи христианам. Наконец, деяния Павла знаменуют собой не только формирование христианской церкви, но и определенный отход от первоначальных принципов как Иоанна Крестителя, так и Иисуса.

2. См. Вопросы истории, 1990, № 4.
3. Эта научная школа возникла в конце XVIII в., а среди критиков христианства была представлена тогда трудами К. Ф. Вольнея и Ш. Ф. Дюбуа. Видным ее сторонником в XX в. был А. Дреус, автор популярных у нас книг «Миф о Христе» (М. 1926), «Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем» (М. 1930) и «Происхождение христианства из гностицизма» (М. 1930). На позициях данной школы стояла в основном и советская историческая наука 20—50-х годов. Впрочем, один из ее видных представителей С. И. Ковалев в работе, появившейся уже после открытия свитков Мертвого моря, допускал, что «Иоанн Креститель мог быть одним из тех многочисленных пророков, которые появились в напряженной атмосфере Палестины I в. и предсказывали скорое появление мессии» (КОВАЛЕВ С. И. Основные вопросы происхождения христианства. М. 1964, с. 34).
4. БРАНДЕС Г. Первоначальное христианство. М. 1929, с. 15 сл. В Ветхом завете имя Иоанн носят восемь различных лиц, а переводится оно «Милостивый бог» (АВЕРИНЦЕВ С. С. Иоанн Креститель. — Мифы народов мира. Т. I. М. 1987, с. 551). Иоаннес — греческая форма аккадского «умману» (творец людей).
5. Речь идет о поражении, которое нанес Ироду Антипе правитель Набатей Аретас IV, после чего римский император Калигула сослал обоих в Галлию (ИОСИФ ФЛАВИЙ. Иудейские древности, 17, 8, 1—18, 7, 2; Иудейская война, 1, 32, 7—2, 9, 6; STRAB., XVI, 765; DIO CASS., LV, 27).
6. ИОСИФ ФЛАВИЙ. Иудейские древности, XVIII, 5, 2.
7. НЕМОЕВСКИЙ А. Бог Иисус. Пб. 1920, с. 108.
8. EISLER R. The Messiah Jesus and John the Baptist. N. Y. 1931; KLAUSNER J. From Jesus to Paul. N. Y. 1945.
9. PINES S. An Arabic Version of the Testimonium Flavianum and Its Implications. Lnd. 1971.
10. АМУСИН И. Д. Кумранская община. М. 1983, с. 187—201.
11. PLINIUS. Historia naturalis, V, 73. Плиний никогда не был в Палестине. Источником его описания Прииорданья служил труд Исидора из Харакса, современника императора Августа. У Диона, от которого сохранилось 80 его блестящих речей, за которые его и прозвали Хрисостом (Златоуст), эссеи упоминались в речи, изложенной его почитателем Синесием (SYNESIOS. Dion., 3, 2).
12. SOLINUS. Collectanea rerum memorabilium, 35, 9—12.
13. Филон из Александрии (ок. 15 г. до н. э.—45 г. н. э.) получил греческое образование и писал тоже по-гречески. В своих трудах религиозно-философского и историко-апологетического характера пытался соединить мудрость ветхозаветных пророков с положениями греческой философии. Флавий упоминает о нем вскользь и довольно пренебрежительно (Иудейские древности, 18, 259 сл.). Древним латинским авторам Филон был неизвестен, зато он был популярен среди отцов церкви (Климент Александрийский, Ориген, Амвросий, Августин) и оказал сильное влияние на формирование раннехристианской учености.
14. ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ. О том, что каждый добродетельный свободен, 12, 77. Русский перевод этого и других текстов об эссеях сделан М. М. Елизаровой (прилож. к: АМУСИН И. Д. Тексты Кумрана. Вып. 1. М. 1971, с. 341—344).
15. ИОСИФ ФЛАВИЙ. Иудейская война, 11, 122 сл.
16. Там же, 128, 131—133, 136.
17. Там же, 145. Это преступление каралось смертью. «Законодатель» эссеев упомянут и Филоном (Апология, VIII, 11, 1), где он назван «наш законодатель». Это дает основание видеть в нем Моисея (АМУСИН И. Д. Кумранская община, с. 194).
18. ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ. Ук. соч., 12, 79.
19. Там же, 78.
20. ИОСИФ ФЛАВИЙ. Иудейская война, II, 139—142: «Вступающий клянется никому не сообщать основы Учения в ином виде, чем получил сам, воздерживаться от его искажения и сохранить в тайне в равной мере как книги своей секты, так и имена ангелов».
21. Об изучении эссеев европейской наукой см.: WAGNER S. Die Essener in der wissenschaftlichen Diskussion von Ausgang des 18. zum Beginn des 20. Jh.— Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft, № 79, Beiheft, Brl. 1960.
22. Таково, в частности, мнение И. Гердера, высказанное им в связи с появлением первого ставшего известным в Европе экземпляра религиозной книги зороастризма «Авесты»

- (HERDER J. G. *Neueröffnete morgenländische Quellen*. Riga. 1775, S. 4—5). Поразительно у Гердера не только предсказание им будущей находки ессейских текстов, но и то, что, как это выяснилось только теперь, данные тексты действительно испытали влияние Авесты.
23. Об открытии кумранских текстов: АМУСИН И. Д. *Тексты Кумрана*; TREVER J. C. *The Unfold Story of Qumran*. N. Y. 1965; AVI-YONAH M. *Ancient Scrolls*. Minneapolis. 1974.
  24. АМУСИН И. Д. *Кумранская община*, с. 68.
  25. YADIN Y. *The Scroll of the War of the Sons of Light against the Sons of Darkness*. Jerusalem. 1957; EISSFELDT O. *Einleitung in das Alte Testament*. Tübingen. 1964, S. 887.
  26. Об этом: КАЖДАН А. П. Новые рукописи, открытые на побережье Мертвого моря.— *Вопросы истории религии и атеизма*, 1956, № 4; АМУСИН И. Д. *Рукописи Мертвого моря*. М. 1960; ЛИВШИЦ Г. М. *Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря*. Минск. 1967.
  27. Прежние позиции мифологической школы относительно происхождения христианства, в соответствии со своей былой славой «главного атеиста», отстаивает у нас И. А. Кривелев (КРИВЕЛЕВ И. А. *История религий*. Т. 1. М. 1975, с. 126сл.).
  28. АМУСИН И. Д. *Кумранская община*, с. 221.
  29. ИОСИФ ФЛАВИЙ. *Иудейская война*, II, 152—153. Один из текстов Талмуда сохранил, впрочем, свидетельство об ессеях II в. н. э.
  30. GRENFELL B., HUNT A. S. *Fragment of and Uncanonical Gospel from Oxyrynchos*. Oxford. 1908.
  31. *Апокрифы древних христиан*. М. 1989, с. 447.
  32. BELL H. I., SCEAT T. S. *Fragments of Unknown Gospel*. Lnd. 1935.
  33. СВЕНЦИЦКАЯ И. С. *Иудео-христианские Евангелия*. В кн.: *Апокрифы древних христиан*, с. 51.
  34. *Апокрифы древних христиан*, с. 60.
  35. ВАЗАРИ ДЖ. *Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. Т. 1. М. 1956, с. 235.
  36. БУСЛОВИЧ Д., ПЕРСИАНОВА О., РУММЕЛЬ К. *Мифологические, литературные и исторические сюжеты в живописи, скульптуре и шпалерах Эрмитажа*. Л. 1976, с. 62.
  37. РАКОВА М. *Иванов*. М. 1960, с. 19.
  38. ШТРАУС Д. Ф. *Жизнь Иисуса*. Кн. 1—2. СПб. 1907 (нем. изд.: 1835—1836).
  39. ДМИТРИЕВА И. А. *Библейские эскизы Александра Иванова*.— *Искусство*, 1956, № 57.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Встреча с Аденауэром

Сейчас я выскажу некоторые соображения о приеме в СССР делегации Германской Федеративной Республики, возглавляемой Аденауэром. С Аденауэром у меня состоялась вообще единственная встреча — в Москве. Не помню точно, в каком это было году. Мы были очень довольны инициативой Аденауэра, когда он предложил встретиться в Советском Союзе. А по чьей инициативе? И та, и другая сторона хотели такой встречи, она была выгодна обеим. Положение в Германии сохранялось ненормальное (оно и сейчас остается таким). Поэтому возникло естественное желание нормализовать его.

После смерти Сталина Аденауэр и его партия считали возможным попытаться добиться максимума в деле поглощения Западной Германией Германской Демократической Республики для создания единого немецкого капиталистического государства. Аденауэр и его сторонники — наши бывшие союзники — ощущали, что ГФР уже набрала экономическую силу, у нее появилась возможность предоставлять другим странам кредиты. СССР нуждался в кредитах, в закупке современного оборудования на западном рынке. Кредиты помогли бы нам приобрести нужное оборудование, которое мы еще не могли производить у себя и не могли также приобрести в других социалистических странах.

Насколько помню, возникло мнение, что правительство ГФР готово предоставить нам кредит в виде компенсации за невыплаченные послевоенные репарации, положенные нам по Потсдамскому соглашению. ГФР своевременно не уплатила их. Сумму я не помню: что-то, как вертится в памяти, около 500 млн западногерманских марок. Эта валюта высоко ценилась на Западе. Однако Аденауэр неправильно представлял себе нашу возможную позицию относительно ГДР. Во-первых, мы не могли согласиться с постановкой перед нами вопроса, быть или не быть ГДР. Это ведь вопрос самих немцев, которые создали новую республику. Во-вторых, идеологически мы были заинтересованы не в ликвидации, а в укреплении ГДР. Трудно даже представить, как это мог додуматься Аденауэр, что мы сумеем пойти на ликвидацию ГДР. Наши идеологические, политические и экономические контакты с ГДР были не односторонними, а взаимными.

Мы настаивали на сохранении независимого немецкого государства рабочих и крестьян, которое являлось нашим союзником. Кроме того,

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—9, 11—12; 1993, №№ 2—8.

наши военно-стратегические интересы тоже заключались в том, чтобы укреплять ГДР. Западная же Германия добивалась создания единого государства на капиталистической основе. Если бы это произошло, то мы сразу территориально отступали как бы к границам Польши. Так что если бы мы поддались на подобные уговоры или угрозы, это стало бы политическим и стратегическим отступлением, отказом от ГДР, от ее пути социалистического развития. Это вдохновило бы агрессивные силы Западной Германии на еще больший нажим, чтобы потом отодвинуть польскую границу восточнее, чего западные немцы добиваются по-прежнему и сейчас, при уже сложившихся границах. Это могло послужить началом цепной реакции. На это мы никак не могли пойти, даже в мыслях не могли себе такого представить.

Но сильное желание ослепляет порою здравый рассудок, и появляются суждения, допускающие возможность получения недостижимого. Видимо, именно такие мысли толкнули Аденауэра и его окружение на решение поехать к нам, чтобы при личных контактах, в ходе беседований помянуть нас получением кредита, то есть создать для себя такие условия, чтобы без войны добиться желанной цели. Аденауэра тогда сопровождали: Кизингер (потом он стал канцлером), Арнольд (он возглавлял профсоюзы, потом умер), Шмидт и еще какой-то социал-демократ. Эти фамилии сохранились у меня в памяти. Не помню, был ли там Хальштейн? Кажется, и он тоже. В те годы прозвучала доктрина Хальштейна. Сейчас она уже не так выпячивается, но во всяком случае еще не отброшена: и в диспутах, и на практике западные немцы еще придерживаются доктрины Хальштейна.

Главный вопрос — заключение мирного договора. Аденауэр высказывался за это. Но мы считали, что к договору можно прийти лишь через заключение соглашения между обоими германскими государствами с выделением Западного Берлина как самостоятельного «вольного города». Со стороны же западных немцев выдвигалось предложение о создании единой Германии со столицей в Берлине, что никак не совпадало с нашими интересами. Мы не имели морального права оказывать давление на Германскую Демократическую Республику. Это ведь означало для ГДР отказ от независимости и растворение в буржуазном государстве. Зато мы хотели нацелить наши переговоры на констатацию ликвидации состояния войны, то есть не на заключение мирного договора, а на подписание соглашения, в котором было бы зафиксировано, что в СССР и ГФР не находятся более в состоянии войны. Такой договор дал бы возможность установить дипломатические отношения, что способствовало бы экономическим, культурным и общественным контактам между нашими странами.

Когда в ходе переговоров той и другой стороной безрезультатно были испытаны все средства достижения своих целей и намерений, возникла пауза. Не помню сейчас нюансов. Но на последнем этапе западные немцы категорически высказались против выдвинутого нами предложения, а мы тоже не согласились с предложениями Аденауэра. И вдруг он заявил, что, так как они не могут подписать соответствующего документа, то завтра уезжают. Я сказал им: «Выражаю сочувствие и сожаление. Таким шагом будет нанесен вред и нашим отношениям, и, прежде всего, Германской Федеративной Республике. Однако это ваше дело, можете уезжать, хотя и потерпите урон, как политический, так и экономический, потому что экономические связи с Советским Союзом очень выгодны».

Затем мы приготовились к их завтрашнему демонстративному отъезду без всякого итогового документа и без торжественных проводов. Но в тот же день узнали, что они еще раз хотят с нами встретиться. Угроза демонстративного отъезда оказалась лишь одним из способов нажима, попыткой вырвать наше соглашение и испытать, твердо ли мы стоим на своих позициях. Аденауэр хотел припугнуть нас тем, что состояние войны не будет ликвидировано. Мы же не особенно были обеспокоены этим, хотя, безусловно, и сожалели бы, если бы такое случилось. Капиталистические воротилы ГФР, видимо, оказали нажим на свое правительство, ибо им нужно было «прорубить окно» в Россию. Германия извлекала ранее боль-

шие выгоды от торговли как со старой Россией, так и с СССР. До прихода Гитлера к власти у нас существовали хорошие торговые и прочие отношения с Веймарской республикой, мы делали с немецкими капиталистами «большие дела».

Помню, как после гражданской войны немецкая фирма в Донбассе взяла у нас концессию на проходку шахты № 17-бис. Эта шахта закладывалась рядом с действующей шахтой № 30, но на большую глубину. Наш штейгер был обескуражен тем, что мы отдали шахту немцам, вроде сами не сумеем заложить, и пошел к Абакумову, управлявшему этим рудником, предложив свои услуги: «Доверьте мне, Егор Трофимович, я не хуже немцев пройду второй шурф, новый ствол шахты. Дайте только необходимое оборудование». Однако это-то как раз и было вопросом — оборудование! Все-таки, в порядке соревнования, мы мобилизовали свои возможности и позволили штейгеру посоревноваться с немцами. Он сумел пройти шурф. Так что мы не попали в безвыходное положение. По-моему, тогда же немцы восстанавливали нам коксохимический завод на шахте № 30.

В честь окончания работы состоялся митинг. Я тогда заведовал орготделом Юзовского окружка партии. Меня как старожила шахт бывшей Французской компании пригласили на этот митинг. Я работал там слесарем. Поэтому меня знали все, как облупленного, и я всех знал. Это район, где прошли мое детство и юность. На митинг я захватил с собой одного немецкого коммуниста, который учился у нас на курсах в Москве, а на весенние каникулы приехал в Юзовку. Мне хотелось, чтобы с нашей стороны выступил именно немецкий коммунист. Хорошо помню начало митинга. Сначала выступил представитель фирмы, которая вела работы, толстый такой инженер, не то техник. Говорил он по-немецки, и не уверен, имелся ли у нас переводчик. Рабочие стояли, слушали и, как говорится, глазели. Картина внешне была довольно неприглядной: все люди из деревни, многие в лаптях, в одежде очень поношенной, если не совсем изношенной. Одним словом, вид имели неприглядный, серо выглядели тогда люди. Да и вполне понятно: после мировой войны, гражданской войны и саботажа, который встретил революцию, восстановление хозяйства шло туго. Следовательно, туго шло и накопление средств, жизненный уровень народа не повышался. Мы понимали это, но я говорю тут о создававшемся внешнем впечатлении.

Рабочие выслушали иностранца, но не раздалось ни одного хлопка. Потом я объявил, что теперь выступит представитель Коминтерна, товарищ такой-то, сам тоже немец. Его сразу встретили аплодисментами. Когда же он закончил речь, а она была короткой, митинговой, ему вообще устроили бурную овацию. Слушатели, думаю, не целиком смогли понять суть речи представителя Коминтерна, слабо владевшего русским. Но достаточно было сказать, что это представитель Коминтерна, чтобы его наградили поистине по-братски теплой встречей и устроили ему овацию. Настолько тогда высоко ценили знамя и авторитет международной коммунистической организации — III Интернационала.

Промышленники Запада извлекали из связей, восстановленных с нами после окончания гражданской войны, все, что им удавалось. Естественно, представители концернов Западной Германии продолжали теперь, зная историю своих прежних связей и свои возможности, высчитывать, что они могут извлечь, если будут нормализованы наши отношения и они получают доступ к заключению сделок с СССР. Аденауэр ощущал давление этих деловых людей, да и сам был заинтересован в том же. И немцы не уехали. Мы продолжили наши беседы и стали работать над документом, который можно было бы подписать. По какому-то вопросу собеседники оказывали особенно упорное сопротивление. Мы удивились, и тогда они нам подбросили информацию, что на Аденауэра оказывает давление посол США в СССР Чарльз Болен.

На первых порах, когда он стал послом, у нас с ним возникли хорошие отношения. Наши симпатии к нему опирались на наше хорошее отношение к Рузвельту, а Болен был личным переводчиком у Рузвельта и в Тегеране, и в Крыму, да и не только в Крыму. Одним словом, создалось впечатление,

что это человек Рузвельта и потому придерживается его политического курса. Однако потом оказалось, что Болен — самый оголтелый реакционер. Он поддерживал ненавистную линию враждебных нам кругов США. Долгое время являясь послом, делал нам гадости, какие только мог: портил наши отношения и не только не способствовал их улучшению, но замораживал любые инициативы. Не знаю, получал ли он какие-то указания из Вашингтона по данному поводу или же тут была его личная инициатива... Думаю, что он сам все это выделывал, не желая улучшения наших отношений. Так что мы поверили немецкой информации о Болене.

Мне припоминается также человек по фамилии Арнольд, представитель какой-то германской земли. Потом он возглавлял аденауэровские профсоюзы. В ходе переговоров на официальных приемах у меня появилась возможность поговорить с ним. Арнольд больше остальных проявлял интерес к заключению договора, смягчению и нормализации наших отношений. Особую позицию занимал социал-демократ Шмидт. О Кизингере же у меня не сложилось тогда какого-то впечатления. Думаю, что он был правой рукой Аденауэра и никаких разногласий с ним во взглядах на возможность заключения договора не имел, тем более по линии «уступок Советам», как они говорили.

Аденауэр в конце переговоров похвастался, что, несмотря на давление, которое оказывал на него Болен, он все-таки довел переговоры до успешного завершения, так что мы в конце концов согласовали текст. Немцы передали нам свое пожелание поторопиться с подписанием, пока текст в последней редакции не увидел Болен. Мы согласились с их подходом. Если он был приемлем для нас, а для Болена неприемлем, то тут мы, конечно, были на стороне Аденауэра. Так этот документ и был подписан. Потом меня информировали, что Болен сильно возмущался позицией Аденауэра, но документ уже был подписан.

О самом Аденауэре у меня осталось особое впечатление. То был человек, который мог пойти, как я бы сказал, на грубую лезть, если понадобится. Во время бесед со мной он «выделял» меня и говорил, что, вот, «только в результате Вашего влияния произошло то-то и то-то»... Мне было неприятно слышать это от политического деятеля, это принижало его достоинство. Я, смотря на такой нехороший прием действий, размышлял, как же мелко думает он о других? Наверное, и сам он мелочный человек. Например, когда за обедом мы обменивались мнениями, он тут же мне на ухо шептал через переводчика какие-то любезности. Однако в смысле политики, понимания своих интересов он твердо представлял немецкий капитал и был большим его защитником.

Переговоры закончились, документы подписали, делегация ГФР уехала. Мы ее проводили, и это осталось нашим первым и последним контактом. После той встречи у нас с Аденауэром ни встреч, ни обмена правительственными делегациями не происходило. Правда, экономические связи между двумя странами стали развиваться. Я не однажды принимал представителей Круппа, других деловых людей из ГФР, с которыми нас связали общие экономические интересы. Мы давали им заказы, они поставляли нам хорошее оборудование. Немцы умеют и работать, и торговать.

Что еще сказать об Аденауэре? Он, конечно, вошел в историю своей страны как представитель крупного капитала. Но человек он, так сказать, ловкий: столько лет продержался там у власти! Да и пользовался поддержкой избирателей. Вспоминается такой эпизод. За столом во время обеда Шмидт обратился ко мне и назвал меня по партийной привычке товарищем («Геноссе Хрущев»). Я ему тоже ответил: «Геноссе Шмидт». Аденауэр, услышав, изобразил на своем лице иронию и, насмешливо повторив «Геноссе Хрущев», тут же обратился ко мне: «Господин Хрущев, Вы что же думаете, что рабочие у нас голосуют за социал-демократов? Нет, большинство рабочих Германии голосует за меня!» И тут же сообщил, сколько получили голосов социал-демократы, сколько рабочих объединяют в своих профсоюзах они, а сколько — его партия. Выходило, что большинство рабочих голосует за партию Аденауэра. К сожалению, это было правдой.

Если бы за социал-демократов голосовало большинство, то не Аденауэр возглавлял бы правительство ГФР. Даже после смерти Аденауэра ситуация не изменилась.

Аденауэр заложил основы сегодняшней политики христианско-демократической партии. Она и сейчас еще очень сильна и имеет там большое влияние. Аденауэру нужно отдать должное, с ним надо было считаться. Но он оставался непримиримым врагом коммунистических идей, поэтому был нашим непримиримым идеологическим противником. Это как раз и сдерживало его, и он не шел с нами на тесные контакты по государственной линии. Вот то, что я хотел как бы добавить к тому общеизвестному факту, что Аденауэр является представителем реакционных кругов Западной Германии. Он был таким, таким и ушел из жизни.

Но наша встреча стала полезной. Мы ликвидировали официальное состояние войны между Германией и СССР, обменялись посольствами. Через советского посла там усиливалось наше влияние на общественность, создавались возможности занять контакты с деловыми кругами и с теми людьми, которые нам симпатизировали. Такие контакты всегда приносят пользу. Мы пробили изоляцию, в которой находились, а это было невыгодно США. Их люди делали буквально все, чтобы не допустить подписания договора с СССР и тем самым не позволить разорвать кольцо изоляции, которым они окружили Советский Союз и другие социалистические страны. Мы такое кольцо прорвали. Это было выгодно не только для нас, но и для всех социалистических стран, хотя они еще не имели посольств в Бонне, потому что доктрина Хальштейна служила тому препятствием. Да и сейчас только Румыния и Югославия, по-моему, имеют там свои посольства.

Когда Югославия временно оказалась в плохих отношениях с другими социалистическими странами, она заключила свой договор с ГФР. Потом, когда отношения нормализовались, признала Германскую Демократическую Республику. Зато тут же автоматически прервались ее дипломатические отношения с Западной Германией. Но, нужно отдать должное товарищу Тито, он предпочел иметь отношения с ГДР и противостоял нажиму западных немцев. Так что доктрина Хальштейна не выдержала проверки временем, почему Западная Германия и нормализовала потом отношения с Югославией на каком-то этапе.

Считаю необходимым дополнительно подчеркнуть, почему Чарльз Болен предпринимал со своей стороны все, что было в его силах, чтобы не допустить соглашения с ГФР и СССР. Он всячески ставил палки в колеса, но Аденауэр все-таки не послушался его и после того, как мы договорились по основным вопросам, предложил, поскорее оформив договор, скрепить его подписями, так как боялся, что со стороны США уже напрямую из Вашингтона, через посла США в Бонне, усилится давление. Чем же руководствовался Аденауэр? Что, он выражал особые симпатии к Советскому Союзу? Почему хотел восстановить дипломатические отношения? Сказались сугубо торговые интересы западногерманских толстосумов. Наоборот, США было выгодно, чтобы Западная Германия, находясь официально в состоянии войны с Советским Союзом, не имела своего дипломатического представительства в Москве, а мы не имели своего представительства в Бонне.

У нас не возникли бы тогда деловые контакты, что служило бы интересам Соединенных Штатов. Они сами хотели размещать в ГФР свои капиталы и влиять на развитие ее экономики. ГФР же, наоборот, хотела вырваться из объятий США: капитал Западной Германии, обретя силу, искал себе рынки сбыта, искал заказы на продукцию. Поэтому Аденауэр и захотел открыть окно в Советский Союз. Вот главный мотив, а не какие-то особые симпатии, не какие-то благородные чувства, которые владела умом Аденауэра. Нет, тут главенствовала идея прибыли. Тут интересы США столкнулись с интересами Западной Германии. Когда дело касается кошелек и затрагиваются интересы банков, можно и не считаться с требованиями союзника. Немецкие капиталисты находчивы. Они хорошо знали возможности нашего рынка и пошли на нужные им ухищрения.

Сейчас, находясь на пенсии, я иной раз вспоминаю Аденауэра. Он подарил мне в качестве сувенира хороший пейзажный бинокль. Когда я выхожу на прогулку, то пользуюсь им, с «помощью Аденауэра» немножко раздвигаю свой горизонт, имея возможность обозревать обширные поля, леса и прочие прелести подмосковного пейзажа. Если встречные интересуются моим биноклем, я говорю им: «Подарок Аденауэра». Сразу повышается к нему интерес. Конечно, мы и сами делаем бинокли, причем, наверное, не хуже. У меня есть и другие бинокли. Но я пользуюсь этим как более удобным. Вот такая у меня осталась память о личной встрече с Аденауэром.

Визит во Францию

Теперь расскажу о поездке во Францию и о моих встречах с господином де Голлем. Эта поездка состоялась после визита в США, но точно не помню сейчас месяца. Получается, вроде как у запорожцев, которые писали письмо султану: «Месяц в небе, год в календаре». Тут я упомянул об известном историческом документе — письме запорожских казаков турецкому султану. Правда, историки разделились во мнениях: одни говорят, что подлинника такого письма не существует, другие — что он хранится в архиве. Тем не менее я горд за запорожцев. То был их коллективный труд, в него каждый вносил свою лепту и придумывал собственную формулировку в ответ на угрозы, раздававшиеся из-за моря. Видимо, все знают чудесную картину Репина на эту тему: художник изобразил казаков, когда они сочиняли это письмо...

Итак, получили мы приглашение от де Голля. Признаюсь, не ожидали. У нас имелось свое представление о генерале де Голле. Я хорошо знал эту фамилию: она замелькала в нашей печати еще тогда, когда он был, кажется, в звании полковника. Ему приписывалась идея использования подвижных бронированных сил по-новому. В нашей печати его склоняли как реакционера, и вследствие этого несведущие советские люди не были к нему особо расположены. Но, когда развернулась вторая мировая война и Франция капитулировала, подписала перемирие, а ее новое правительство вскоре переместилось в город Виши и стало сотрудничать с немцами, де Голль бежал из Франции. В Англии он начал создавать эмиграционное руководство, занимавшееся организацией Сопротивления фашистской оккупации; повел смелую борьбу. Нужно честно сказать, что в то время он проявил себя достойно, как истинный патриот и непримиримый враг нацизма; который потом до победного конца, до полного разгрома врага союзными войсками не складывал оружия.

Ученые, изучавшие историю движения Сопротивления, нередко сравнивали роль де Голля и роль Французской коммунистической партии. Считаю, что главная сила, которая оказывала там врагу сопротивление, это рабочий класс. Коммунисты явились главным организатором вооруженных отрядов на местах, которые вели борьбу против оккупантов. Самые большие потери там понесла тоже Французская коммунистическая партия. Дюкло и другие ее руководители были организаторами Сопротивления. Де Голль же обладал особым авторитетом как среди военных, так и среди класса буржуазии. То был очень звучный голос, который производил сильное впечатление. Так разные люди объединились ради общей цели — отпора врагу и очищения французской земли от оккупантов, ради дела Победы. После войны де Голль возглавлял французское правительство, и мы отдавали ему должное.

Вообще же к личности де Голля у нас отношение было двойственное. Ведь до войны мы рассматривали его как отрицательную фигуру, хотя в качестве военного он был новатором, искал новую тактику действий с применением танковых войск. Не знаю, насколько его идеи были реализованы во Франции и были ли созданы там именно такие танковые войска. Сопротивление же немцам французская армия оказала сначала, на

мой взгляд, ничтожное. Сейчас не буду вдаваться в причины того и анализировать, чем это было вызвано, тут дело военных историков, им, как говорится, и карты в руки. Зато все мы помним о дальнейшем участии французов в войне с фашистами. То, что их летчики сражались в Советском Союзе против общего врага на наших самолетах и под нашим верховным командованием, конечно, тоже заслуга де Голля. Он этому содействовал. Думаю, что если бы де Голль призвал летчиков не сражаться на нашей территории, то они и это выполнили бы. А большинство французов воевало на Западе, нанося удары по гитлеровской Германии вместе с англичанами и американцами.

Не помню, как конкретно прибыли к нам летчики-французы, каким сюда попали путем, но думаю, что все же не без прямого согласия де Голля. Был организован авиаполк, в составе которого они храбро сражались вместе с нашими летчиками. Это тоже характеризует де Голля: в критическую для Франции минуту он искал контакты с нами во имя разгрома гитлеровской Германии и освобождения родины. Когда де Голль приехал в Москву, я в те дни тоже находился там. Меня вызвал Сталин и сообщил мне о приезде этого гостя. Тогда-то я его впервые увидел. Если после победы Сталин ходил, буквально, как петух, грудь колесом, смотрел на всех свысока, и его нос задирался высоко в небо, то это понятно. Я только подчеркиваю тут разницу с прошлым: я же видел Сталина, и когда приближалась война, он ходил тогда, как мокрая курица. Когда война началась, он вообще сдал с лица. Когда я с ним встретился во время войны на подземном командном пункте Ставки на станции метро «Кировская», я просто не узнал Сталина: какой-то мешок в сером френче. И когда он спросил меня, как идут дела, я ответил ему: «Плохо, товарищ Сталин, нет оружия». Тут он медленно и тихо произнес: «Ну, вот, а говорили про русскую смекалку. Где же она теперь, эта русская смекалка?» И мне стало больно за народ. Я и сейчас чувствую щемящую боль, мне было стыдно и больно за свой русский народ. Сталин валил вину на народ в то время, как сам был кругом виноват. Даже при том оружии, которое у нас имелось, можно было бы лучше подготовиться и достойно встретить врага на советских границах.

Сейчас историки делают упор на то, что Гитлер вероломно и неожиданно напал на нас. Я уже говорил, что это глупость, глупость и глупость. Мы знали, что Гитлер на нас нападет. Как только он пришел к власти, то открыто заявил об этом. А уж когда в 1939 г. мы подписали с ним договор, то это прямо свидетельствовало как раз о том, что Гитлер реализует идею, заложенную в «Майн кампф»: драться поодиночке и расправиться с противниками сначала на Западе, потом на Востоке. Была такая теоретическая посылка, что Германии нельзя сражаться на два фронта: ей нужно разъединить своих противников и бить их порознь. Люди же, которые сейчас пишут о «неожиданности», — прихвостни Сталина. Они выгораживают его, а вместе с ним и себя. Некоторые из них — те штабные работники, которые занимали ответственные посты перед войной и были причастны к делу боевой подготовки Красной Армии... Но вернусь к де Голлю.

Когда Сталин сказал мне, что приехал де Голль, это прозвучало у него с гордостью. И я его понимал. Де Голль, который считался антикоммунистом и представлял, как у нас писали, реакционные военные круги, вдруг приехал в Советский Союз! За обедом, который состоялся у Сталина на квартире, он представил меня де Голлю. Людей там присутствовало немного. Сталин сказал Молотову, что де Голль предлагает заключить с нами договор. Все такие вопросы Сталин тогда обговаривал именно с Молотовым. Пункты договора я не помню, но речь шла о возобновлении отношений. Еще перед первой мировой войной отношения между Россией и Францией были самыми теплыми. Потом в 30-е годы у нас тоже был заключен с Францией хороший договор. В 1939 г. все пошло наоборот. А теперь отношения возобновлялись, только на новой основе. И Франция уже не та, и мы не те.

Желание подписать с нами новый договор мы расценивали как признание нашей мощи и возможностей социалистической системы. Конечно, тут

было признание не внутреннее, не согласие с коммунистической идеей, а признание де-факто: социалистическая система показала свою устойчивость и жизнеспособность, оказала сильное сопротивление германской армии и нанесла ей решающее поражение. Без Советского Союза союзники не смогли бы разгромить врага в такие сроки. На это им понадобилось бы значительно больше времени и больше крови. Они, как говорится, следовали в затылок нашей армии. Не буквально, конечно. Но это мы перемалывали воинские части вермахта, оттягивали все больше и больше его сил на себя, вынуждали Гитлера оставлять Атлантический вал. В месяцы, когда Гитлер уже еле держался на ногах, Запад высадил десант и тем самым принял участие в завершающих операциях по разгрому Германии, а потом получил возможность принять ее капитуляцию, когда немецкая армия была уже обескровлена Красной Армией.

Де Голль проявил явное понимание нашей роли, большее, чем американские политики и особенно Черчилль. После обеда Сталин пригласил его посмотреть кино (он тогда всех приглашал в кино). Де Голль поблагодарил, но отказался, сославшись на то, что занят. Он хотел поработать в тот вечер над документом, который готовился к подписанию. Зал, где Сталин смотрел кинокартины, был сравнительно небольшим. Как всегда, нам были поданы туда фрукты и, в виде исключения, шампанское. Сталин пригласил также летчиков из авиаполка «Нормандия – Неман». Он угощал их и очень любезно разговаривал с ними. Сам был крепко подвыпивши, его даже шатало. Нам стало неудобно, мы переглядывались между собой. С нашей стороны там присутствовали при этом Берия, Маленков и я. Не помню, кто еще. Мы беспокоились, что Сталин своим видом может создать себе плохую репутацию. Он обнимался с французами, пил сам и их спаивал. Французы могли подумать, что он пьяница. Нам же этого не хотелось, хотя такое заключение было бы абсолютно правильным. Нам было очень больно морально, но мы ничего не могли поделать. Остановить Сталина вообще никто не мог, да никто и не пытался. Это ведь означало стать его личным врагом.

Из кинозала Молотов сходил на встречу с министром иностранных дел Франции, и этот министр пришел к нам туда. Они уединились с Молотовым и согласовали документ, содержание которого в деталях я не помню. По какому-то пункту у них возникли столкновения: наша сторона не соглашалась с формулировкой де Голля, де Голль не соглашался с нашей. В конце концов кто-то кому-то уступил, не то нашли взамен эластичную фразу, и договор был подписан, но не помню, где конкретно: то ли в кинозале, то ли в торжественной обстановке. Однако де Голль вел себя гордо, держался достойно, не гнул спины и не склонял головы, а ходил, как человек, проглотивший аршин. Внешне он производил впечатление человека необщительного, даже сурового. Вот такие у меня остались впечатления от первой встречи с де Голлем.

После его отъезда Сталин нам рассказал, что он спросил де Голля о Торезе (Торез в это время находился в Москве) и сообщил, что Торез собирается уехать в Париж. «Когда он приедет в Париж, Вы арестуете его?» Ведь в 1939—1940 гг. Торез выступал против того, чтобы Франция сопротивлялась Германии.

Сталин не придавал особенного значения договору, который он подписал с де Голлем, хотя был удовлетворен тем, что Франция ищет контакты с Советским Союзом. Каждый из нас гордился бы этим. Сталин же по-своему понимал данную акцию, он смотрел как бы дальше: мол, сей договор — пустяки, Вот приедет во Францию Торез, развернет всю работу Коммунистическая партия. Ее авторитет был там очень высок. К тому же в то время она обладала большим количеством оружия и представляла реальную военную силу. Компартия имела большое влияние в народе, которое она по праву заслужила как главная организующая сила, не щадившая своих сынов в схватках с гитлеровской Германией. Эта ситуация давала не просто надежду: Сталин был абсолютно уверен в том, что коммунисты начнут определять политику Франции и, возможно, к власти придет правительство, возглавляемое их лидерами.

Может быть, так и случилось бы, если бы во Франции не было тогда американских войск. Такое же положение сложилось в Италии. Итальянская коммунистическая партия тоже была очень авторитетной. Тольятти готовился даже поднять вооруженное восстание и создать свое правительство. Сталин удержал его от этого, убеждая, что восстание будет раздавлено американскими оккупационными силами, которые находились в Италии. Получилось бы то же, что потом случилось в Греции. Там коммунисты тоже были многочисленны и господствовали на политической арене, народ их признавал и шел за ними. Но англичане раздавили их восстание, и рабочий класс не восторжествовал.

Итак, товарищ Торез выехал во Францию. Мы с напряжением ожидали, как отнесется к нему де Голль, не посадит ли его в тюрьму? И были удивлены, когда одним из своих заместителей он назначил Тореза. Это говорило о том, что де Голль умеет трезво оценивать положение и время, в которое живет. Я бы сказал, что было мудрое решение, тем более для него, антикоммуниста. Зная авторитет Коммунистической партии в народе и признавая Тореза как лидера этой партии, он правильно оценил внутреннюю обстановку. Стало быть, он был не только военным, как мы иной раз говорим — солдафоном, то есть не гибким человеком, который лезет напролом; нет, он проявил гибкость ума и показал себя тонким политиком, привлек к работе Тореза и, следовательно, всю Коммунистическую партию. Торез понимал, что тут вынужденное приглашение, но принял его. Когда же де Голль набрал потом силу и почувствовал, что может обойтись без коммунистов, он сейчас же вынудил отставку Тореза и его товарищей. Я лично не имел тогда какого-то своего взгляда на деятельность де Голля, а смотрел на него глазами нашей печати и в значительной степени воспринимал ту оценку, которую давал ему Сталин.

Потом, на каком-то этапе развития государственной системы во Франции, де Голль и его партия получили меньшинство голосов. После этого он вышел из политической игры, уединился в своем имении и жил на положении отставного генерала и отставного политического деятеля. Но, надо отдать ему должное, продолжал с уважением относиться к Советскому Союзу и Советской Армии. В чем это конкретно выражалось? После смерти Сталина нашим послом во Франции стал Виноградов. Он оказался гибким дипломатом и заимел с де Голлем хорошие контакты. Де Голль приглашал его в свое имение и вел там с ним беседы политического характера. Если нужно было проинформироваться и узнать взгляды де Голля по тому или другому вопросу, Виноградов свободно посещал его, и де Голль никогда ему не отказывал. Напротив, сам часто приглашал его к себе, иной раз даже на охоту. Это подтверждает тот факт, что и в отставке генерал считался с реальностями международной политики и поэтому не порывал связей с Советским Союзом, а все время поддерживал их через нашего посла.

Сам по себе де Голль — человек очень прямой. Он не боялся говорить откровенно. Высказывался в том духе, что во Франции существуют только две силы, способные руководить страной, ни во что не ставя другие силы, кроме своей партии и коммунистов. Полагал, что только они способны в критическую минуту взять на себя руководство и вывести страну из кризиса. Да, он считал для Франции свою партию особенно полезной и высоко оценивал свою личную роль. Коммунистическую же партию рассматривал как оппозиционную, но такую, с которой нельзя не считаться, потому что она способна поднять народ и поведет его за собой. Компартия имела ясную цель, знала, каким путем ей идти и как вывести страну из тупика. Это тоже говорит о том, что де Голль был реально мыслящим человеком, с которым как с политиком в свою очередь всегда надо считаться.

Вот предыстория правительственной встречи представителей СССР с де Голлем в 1960 г., уже при новой расстановке международных факторов. Дело в том, что когда пошел процесс послевоенного восстановления экономики и парламентской системы, то во Франции образовалось множество партий и группировок. Одним из самых неустойчивых в Европе было

именно французское правительство. Порою оно менялось по несколько раз в год. Одно время его возглавлял Ги Молле, глава левого течения в социалистической партии. Печать много шумела о его «левизне».

Как раз в то время Франция, Англия и Израиль начали войну с Египтом. Но их война позорно провалилась. Не помню, как тогда «выкрутился» Ги Молле. Идену же в Англии военная авантюра стоила отставки, и его место занял Макмиллан. Франция тогда основательно впряглась в агрессивный блок НАТО и играла в нем довольно видную роль, занимая антисоветскую позицию. Это вынудило нас аннулировать договор, подписанный с нею при Сталине. Поскольку французы сохраняли воспоминания о том, сколько раз германская армия оккупировала Францию и занимала Париж, то мы хотели использовать эти чувства, поставив Францию перед дилеммой. Когда Франция была вместе с Советским Союзом, тогда она одерживала победу. Поэтому де Голль и подписал договор с СССР. Он учитывал исторические обстоятельства. Его родине был нужен союзник, и этим союзником лучше других могла быть в старое время Россия, потом Советский Союз. Я думаю, что так понимал дело и де Голль, когда шел на подписание договора со Сталиным.

Теперь мы поставили перед Францией вопрос, как понимать роль французской политики в НАТО, которая направлена против СССР и против союзнического договора, подписанного де Голлем? Этим вопросом мы хотели воздействовать на французских политиков с тем, чтобы они трезво оценили новую обстановку и приподняли завесу, скрывавшую от них будущее. Германия опять набирала экономическую силу, стала самой могучей из европейских капиталистических стран. Это могло обернуться против Франции, чья внешняя политика создавала мираж у ее граждан. С одной стороны, отношения с СССР базируются на дружеском договоре; с другой, французская политика фактически направлена против Советского Союза и идет в одном фарватере с самыми агрессивными силами НАТО, является составной частью этой линии. То есть предупредили французскую сторону, что если так будет продолжаться, то мы не видим смысла в продолжении действия нашего договора, не хотим прикрывать собой политику французского правительства и поэтому считаем себя более не связанными договором, разрываем его.

Это оказало некоторое воздействие на умы какой-то части французов. Не говорю о Коммунистической партии, которая и без того правильно оценивала положение. Некоторые левые буржуазные деятели были вообще потрясены. Но лица, которые определяли политику страны, не сдвинулись с места. Они давно поставили крест на этом договоре и были заодно с реакционными силами, проводившими агрессивную политику против стран социализма. Конечно, в своих воспоминаниях я не лишен некоторых неточностей, потому что не пользуюсь ни справками, ни дипломатическим архивом, ни газетами или журналами, а диктую воспоминания, опираясь исключительно на свою память. Правда, память пока служит мне в моем возрасте неплохо. Возможны неточности, но основа правильна. А я стараюсь как можно объективнее излагать все дела, как я их понимал в то время и как оцениваю сейчас события тех дней.

Настал день, согласованный с французским правительством, и советская делегация, возглавленная мною, отбыла из Москвы в Париж. Не говорю здесь о проводах, обычном, уже сложившемся нашем трафарете. Кажется, вместе со мной вылетел тогда и посол Франции в СССР господин Дежан. Я его хорошо знал и с большим уважением относился к нему и его супруге. В Париж мы прибыли в обусловленный час. Расписания требовалось строго придерживаться, потому что к намеченному времени были сделаны необходимые приготовления к встрече нашей делегации, должен был приехать президент.

Парижский аэродром очень хорошо оборудован, с отличной бетонной дорожкой. Нужно отдать должное Западу, он умеет укладывать бетон лучше, чем мы. Там не встретишь ни сучка, ни задоринки, все лежит, как новенькое, будто только что уложенное. У нас, к сожалению, не так.

Сколько я ни занимался этим, сколько ни критиковал наших строителей, но уже через год заметны выбоины, дорожки приобретают старый вид. Считаю, что тут никаких секретов нет, а есть производственная дисциплина, соблюдение нужных пропорций и строгого технологического процесса при приготовлении смеси и при ее укладке. Весь секрет — в высокой культуре труда. Я это отмечаю сейчас и раньше всегда тоже отмечал, когда пребывал за границей. Разница сразу бросалась в глаза, а сравнения, к сожалению, были не в нашу пользу.

Когда наш самолет подрулил к месту остановки, я увидел из окна почетный караул, красную почетную дорожку и группу людей во главе с президентом. Президент выделялся, его можно было легко узнать даже в толпе. Он стоял рядом с супругой, поскольку и я прилетел вместе с Ниной Петровной. Мы поздоровались, и президент повел меня к почетному караулу принять рапорт. Потом почетный караул продефилировал мимо нас. Церемония проходила не на открытом воздухе, а в специальном зале для приема и проводов гостей. Речей сейчас не помню. Мы сели в машину президента и двинулись в город.

Париж произвел на меня очень хорошее впечатление. Я много читал о Париже, но всегда лучше увидеть, чем услышать. Нашу машину сопровождал эскорт. Не помню, много ли людей вышло на улицы города, зато сохранилось в памяти, что компартия приложила руку к организации нашей встречи с народом. На улицы вышли те, кто по политическим соображениям сочувствовал коммунистическому движению и нашему социалистическому государству, ценил нашу роль в разгроме гитлеровской Германии. Сугубо либеральные люди также с симпатией относились к политике Советского Союза. Эти симпатии тоже вывели их на улицы, и они приняли участие во встрече.

Нам был отведен для пребывания какой-то «знатный» дворец. Прошу извинить, но название его вспомнить не могу. Здание было роскошным, у подъезда нас встретила президентская гвардия, и автомашина теперь подстраивалась под скорость лошадей. Вероятно, гвардейская форма сохранилась с наполеоновских времен, была она нарядной. Мне показалось, что гвардейцы по возрасту, по росту, по цвету волос подбирались специально. Русские цари, подбирая себе гвардейцев, тоже так действовали. Лучше всего это получалось во Франции и Австрии, которые задавали тон дворцовой моде. Раскрылись ворота, нас впустили, гвардия остановилась у ворот, толпа осталась за воротами.

Президент показал помещение, в котором мы должны были разместиться, и откланялся, условившись о встрече. Дальнейшая программа была разработана заранее министерствами иностранных дел Франции и СССР. Предусматривалось пребывание там нашей делегации в течение 10 дней, включая различные поездки и ознакомление с городами страны. Французская сторона настаивала на моей поездке в Алжир, на сахарские нефтеразработки, вместе с президентом, но мы отказывались. Уже в Париже на меня продолжали оказывать давление, но я не соглашался, ибо наша поездка в Алжир приобрела бы особое политическое значение. Франция уже столько лет воевала с алжирским народом, и такая поездка могла быть неправильно расценена.

Франция считала Алжир своей провинцией. Мы не могли с этим согласиться, да и французам было известно, что мы сочувствуем освободительному движению арабов. Еще до встречи с де Голлем я много раз так высказывался, включая тот случай, когда в Москву приезжала делегация Франции во главе с Ги Молле. Я предрекал, что в Алжире Франция потерпит поражение, если не найдет разумного выхода и не предоставит независимость алжирскому народу. И мы не пошли поэтому навстречу де Голлю, считая, что содействие колонизаторам запятнало бы нашу политику. Поблагодарили за внимание, но сказали, что не можем принять предложение поехать в Алжир, хотя и не говорили открыто о причине отказа. Впрочем, де Голлю не надо было напрягаться, чтобы понять наши мотивы.

Сейчас не смогу вспомнить последовательность посещения нами

городов и провинций страны. Но везде и всюду мы были очень довольны хорошим приемом. Нигде я не встречал каких-либо признаков неприязни. Иногда мы приезжали в город, в котором отмечался местный праздник. Так произошло в Арле. Арлезианцы выбирали королеву красоты. Нас тоже пригласили на празднество. Почти вся публика была в национальных костюмах. Потом нам с Ниной Петровной представили избранную там королеву красоты, действительно красивую девушку. Если бы нам лишь дали фотографию, то мы сказали бы, что это русская красавица. Такая и у нас получила бы признание: дородная девушка, краснощекое лицо, так и пышет здоровьем, одета в красивый национальный костюм. Нине Петровне она подарила куклу. Впрочем, везде, куда бы мы ни приезжали, нас ожидала добрая встреча.

Сопровождал нас в поездке доверенный представитель президента де Голля, один из его сподвижников по Сопротивлению. Он был несколько суховат (видимо, таково свойство его характера), но относился он к нам с большим вниманием, и у меня остались о нем наилучшие впечатления. В некоторые города к моменту прибытия туда нашей делегации приезжал министр, занимавший видное положение в правительстве де Голля, бывший посол Франции в СССР, по профессии, кажется, историк. Очень интересный собеседник, к тому же с ним было легко беседовать: он отлично говорил по-русски, а сам был, если говорить по старинке, «артельный человек», то есть общительный. После обеда, попивая кофе с коньячком или ликером, любил запеть русские песни и знал их. Естественно, мы подтягивали, как умели, не преувеличивая своих возможностей, как могли. Ведь каждый человек поет в принципе для себя. Но нам было приятно, что инициативу проявлял француз. Такой уважаемый человек, который ряд лет был послом в Советском Союзе, и постоянно проявлял внимание, приезжал в тот город, где мы гостили, и сразу создавал непринужденную, простую, товарищескую обстановку. Жена посла тоже сопровождала нас (видимо, из-за Нины Петровны). Мы ее хорошо знали, то была старая знакомая по Москве, очень приятная женщина.

Согласно разработанному протоколу, при посещении департаментов Франции нас должен был принимать префект. Там это, собственно говоря, администратор, назначенное, а не выборное лицо. Префект представлял власть. Он назначается президентом, поэтому имеет административные права. Ему подчиняется полиция. В нашем понимании он вроде начальника полиции, что меня слегка коробило. Как же так? Нас будет принимать полицейский начальник, и мы потом будем проживать под крылышком французской полиции? Нет ли тут какого-то ущемления? Какой-то дискриминации? Мы проконсультировались с товарищем Торезом, и он разъяснил: «Ну, что вы! Наоборот, это считается проявлением внимания со стороны президента. Префект — именно представитель президента, поэтому он и принимает его гостей. Так что это выражение особого внимания».

По плану мы должны были посетить Бордо. Мэром города был тогда Шабан-Дельмас, сейчас премьер-министр Франции. Тогда он был энергичным молодым человеком, который с увлечением рассказывал о перестройке города, показывал нам целые кварталы, которые намеревался снести и построить там новые жилища, больницы, школы. Одним словом, имел широкие намерения. Я слушал его, но в суть особо не вникал, потому что тут внутренний вопрос, вопрос города и его мэра. Признаться, я не понимал, зачем он хочет сносить большое количество домов? Может быть, потому, что мы в СССР ощущаем большую потребность в жилье и бережно относимся к каждому дому, который может еще послужить как жилище, пока мы не выстроим нужного количества домов? Да, мы не могли удовлетворить тогда самые насущные потребности в жилье у нашего населения, в первую очередь в Москве. И в других городах положение было не лучше. Люди страдали, жили, как клопы, в каждой щели, в одной комнате по несколько человек, в одной квартире много семей. У них это совершенно немыслимо. К сожалению, наши люди жили именно в таких условиях.

А Шабан-Дельмас строил с размахом. У капиталистов — свои законы

и свои соображения. Не знаю, куда при этом там выселяли людей, я не стал расспрашивать. Задавать такие вопросы, значит брать в какой-то степени под сомнение планы, которые руководитель города развивал передо мной. Мне сказали, что он деголлевец, он и сам не скрывал этого, а гордился, ссылаясь на свою близость к де Голлю и говорил, что всецело поддерживает его политику.

Мы должны были посетить также Дижон. Его мэр каноник Кир — очень оригинальная личность, один из организаторов антифашистского Сопротивления. Его дважды приговаривали к смертной казни, но все-таки не казнили. Этот человек занимал дружескую позицию по отношению к Советскому Союзу, высоко ценил вклад СССР в разгром гитлеризма и ненавидел фашизм. Когда наша делегация приехала в Дижон, встреча состоялась царская. Мы разместились в отведенном для нас помещении, а народ собрался огромной толпой у нашего дома, выкрикивая приветствия. Я попросил, чтобы мне перевели. Оказывается, как раз перед моим приездом высшие церковные сановники, не желая, чтобы меня встречал каноник, временно куда-то его отозвали. Мне передали даже слухи, что его держат якобы в келье, пока я не уеду из Дижона. Поэтому толпа, собравшаяся около резиденции, выкрикивала: «Господин Хрущев, освободите Кира!» Они хотели, чтобы я вмешался, как-то воздействуя на кого следует. Но никто не знал, где он находится. Если бы даже и знали, то из этого ничего не последовало бы, потому что тут внутренний вопрос страны, хотя мои симпатии целиком были на стороне Кира. Там считали, что в своих дружеских речах он может выйти за пределы желаемого с точки зрения тех кругов, которые хотели бы принять нас с достоинством, но не более того. Кир же мог не посчитаться с условностями как человек горячий и прямой.

Я сожалел о том, что не имел возможности встретиться с ним. Встреча наверняка оказалась бы очень теплой. Заменял Кира заместитель мэра. Гостеприимство, впрочем, было безупречным, беседы — самые дружеские и располагающие. Вообще вся Франция проявляла к нам особые симпатии, и такое отношение выражал широкий круг людей. В Дижоне в разгар обеда, организованного в честь нашей делегации, появился паренек в крестьянской одежде, вроде той, которую у нас носит подпасок, помощник пастуха. Он принес мне барашка белой шерсти с красным бантом, и я взял его. В этой связи было высказано много шуток, барашек переходил из рук в руки. Щелкали фотоаппараты и трещали кинокамеры, фиксируя необычный подарок. Считалось, что барана надо зажарить как угощение. Стали мы судить и рядить, как быть с ним, и решили: пусть он живет, это будет символ, так как баран, когда его не трогают, существо мирное. Возникла веселая и непринужденная обстановка, домашняя обстановка, которая располагала к себе. Вот президент пригласил представителей Советского Союза, следовательно, хотел улучшения отношений между нами, и народ с одобрением относился к поступку президента, приветствуя его гостей.

Сам же де Голль посоветовал мне посетить одну провинцию неподалеку от границы с Испанией. Там добывали подземный газ, может быть, там были нефтеразработки. Он порекомендовал также посмотреть опытовое поле, зная, что меня интересуют всякие изобретения: «Вы получите удовольствие, там имеются новинки, которые Вас заинтересуют». Мы, прилетев туда, наблюдали строительство химического завода по переработке газа или нефти. Я не специалист в этой области, поэтому мне трудно было вникнуть в детали, но стройка произвела сильное впечатление. Буровые вышки не удивили, но дело не в количестве вышек, а в буровых машинах и в скорости проходки. Потом поехали на экспериментальное поле. Де Голль тоже там бывал, он знал состояние работ в этом хозяйстве. Какова же его особенность? Я впервые увидел там распределение воды на орошаемых площадях не путем арыков, то есть канав, какие веками делают в Средней Азии, а разводкой на современном техническом уровне. Лотки поставили на опоры. Требовалось только провести нивелировку с геодезической съемкой местности, расставить опоры, создав нужный уклон,

уложить лотки и зацементировать швы. При этом не будет утечки воды. К тому же можно обрабатывать почву под лотками. Сорняков тоже не будет.

Мне все это очень понравилось, и я решил соорудить у нас железобетонный завод, на котором будем формовать лотки и опоры. Вернувшись из Франции, с похвалой отозвался об этой системе орошения. Мы снарядили туда своих ирригаторов, они посмотрели, похвалили, и мы решили перенять новый метод, который мог дать хороший эффект в Таджикистане, Узбекистане и пр. Потом стали использовать данный метод, особенно в Узбекистане. Я много раз ездил туда и всегда восхищался результатами. Сейчас забыл фамилию директора треста, армянина, который занимался этим строительством в Узбекистане. Это истинно советский человек и хороший организатор. Я с большим уважением относился к нему. Думаю, что он по сей час с большой пользой занимается своим делом.

Что именно выращивали французы на орошаемом поле, не помню, но это не имеет значения. Нам были показаны и другие полевые системы, например дождевание. Видимо, там было какое-то экспериментальное поле с применением разных инженерных сооружений для орошения. Показали нам насосную станцию. Если сравнивать по техническому уровню и замыслу с нашими станциями, то гораздо лучше того, что имелось у нас. Так что я был признателен президенту за экскурсию. В план посещений входил и Марсель, город с революционной славой и революционными традициями. Но каких-либо контактов с рабочими или коммунистическими организациями во время пребывания во Франции у нас не было, да и не могло быть. Мы знали политические взгляды президента, поэтому предпринимать что-либо со своей стороны, что могло бы быть им неодобрительно принято, и вмешиваться во внутренние дела страны мы не хотели.

В Марселе тоже состоялись встречи на улицах, хорошие и дружественные. Потом мы выехали в порт и на катере продолжили визуальный осмотр старого большого города, очень интересного. Природа, с которой мы сталкивались вокруг Марселя, имела большое сходство с одесской: та же низкая колючая растительность и прочее. Да и в общественном понимании всех дел Марсель и Одесса очень близки, два города-побратима. Марсель с Одессой издавна имели торговые связи. Не случайно некоторые украинские крестьянские хатки в степи крылись черепицей той формы, которая называется марсельской. Мне так объясняли происхождение названия. Французские корабли, отправляясь за украинской пшеницей, загружались в качестве балласта черепицей для обеспечения нужной осадки кораблей, чтобы их не качало во время волнения моря. В Одессе черепицу выпружали и потом продавали, а корабли с пшеницей возвращались назад. Как в до-революционное время существовали связи между двумя портовыми городами, так и сейчас между Марселем и Одессой поддерживаются добрые отношения.

Разместили нас там во дворце, предназначенном для гостей. Префект принял нас очень любезно. Когда зашли в спальню, он пошутил: «Господин Хрущев, вот Ваша кровать, а на ней в свое время спал Наполеон III». Я отшутился: «Мне от этого не мягче». Хозяин отлично понимал, что ссылка на императора не произведет на меня особого впечатления, но рассчитывал, что я соответственно оценю историчность дома как места, где останавливались видные особы, посещая Марсель. Так что кровать, предоставленная мне, тоже была исторической. Потом за обедом мы опять много шутили на этот счет. Туда тоже приехал бывший посол, встрече с которым я был рад. И, конечно, там присутствовал Дежан.

У префекта оказалась очень милая жена, англичанка. Между прочим, она сама сказала, что любит русскую водку. Мы привезли с собой какие-то сувениры, включая водку. Распили там одну бутылку, и я увидел, что у некоторых есть потребность выпить еще. Тогда я обратился к охране: «Нет ли у вас чего-нибудь? Выручите меня!» «Есть!» — говорят. И сейчас же появилась русская очищенная. Хозяйка сразу заулыбалась, а присутствующие распили и эту бутылку. Но должен сказать, что хозяйка держалась с достоинством и не была нисколько хмельна. Видимо, умела пить, а здоро-

вье ей позволяло, и она знала свою грань. Поэтому не хочу, чтобы создалось представление, будто я вольно говорю о супруге хозяина. Нет, то была хорошая мать и хорошая жена. Просто веселая по природе. Не знаю, таков ли вообще характер англичан, она же была гостеприимной, открытой, все время проявляла какую-то инициативу, излучала добро, показывала энергию хозяйки стола. Ее муж тоже был весьма гостеприимен. Вот, могут сказать, что Хрущев — коммунист, глава Советского правительства, а так отзывается о французском полицейском! Да, но что же делать? И под полицейским мундиром встречаются истинно человеческие сердца. А мне было приятно иметь дело с таким человеком и чувствовать его теплоту и внимание.

К концу вечера мы, подвыпив, стали петь русские песни. Потом «Марсельезу». Ну, уж без этого никак нельзя обойтись: быть в Марселе и не спеть «Марсельезу»? Вспомнили историю Французской революции. Мне лично было особенно приятно петь «Марсельезу», потому что в молодости мы буквально воспитывались на этой песне, призывном революционном гимне, государственном гимне Франции. Исполняя ее, каждый, видимо, думал по-своему. Французы могли петь ее как национальный гимн, мы — революционный. Потом я спросил бывшего посла: «А знаете ли Вы, какие песенки пели в свое время у нас?» И рассказал ему о смысле одной из таких песен: «Я бы спел ее, да не знаю, как отнесется к этому наш хозяин, ведь речь идет о полицейском начальнике. Хотя и о царском, о русском, но все же!» — высказал я сомнение. Он ответил: «Давайте попробуем вместе, я буду подпевать». И мы запели:

«Вот как Трепов-генерал всех жандармов собирал.

Всех жандармов собирал и такой приказ давал:

«Эй вы, синие мундиры, общите все квартиры!».

Обыскали квартир триста, не нашли социалиста.

В триста первую зашли и студента там нашли.

У студента под полою пузырек нашли с водой».

Эта песенка была народной. В свое время среди юношества она пользовалась большой популярностью. Собираясь в узком кругу у Сталина, мы тоже ее пели, но не все ее знали, даже такой обстрелянный в революционных событиях человек, как Ворошилов. Теперь же наш хозяин слов, конечно, не понимал, а бывший посол хорошо понимал и поэтому сказал: «На этом мы прекратим петь, потому что хозяин может нас неправильно понять». И засмеялся. Он умел себя держать, умел также расположить к себе и снять напряжение в обществе. Могут спросить, а где же тут политические разговоры? Не было их. Надо ведь знать, где мы находимся и с кем. Какие могут быть политические разговоры или дискуссии с представителем президента, который всю свою деятельность направляет на подавление коммунистического движения? Зачем же и затевать такие разговоры, к чему это приведет? И мы вели себя соответственно, разговаривая лишь на отвлеченные темы.

Посетили потом могилы солдат, погибших во время первой мировой войны. Тогда русские войска сражались и на французской земле и были захоронены вместе с французами, погибшими в борьбе против кайзеровской Германии под Верденом. На кладбище было возведено сооружение в виде трибун, а внизу распланированное поле с крестами, крестами, крестами... Даже не знаю, сколько их там тысяч. Мы отдали должное: были исполнены гимны, французский и советский, собралась довольно большая рабочая манифестация. Рабочие прибыли на автобусах из ближнего города с красным знаменем и встретили меня по-братски: и как бывшего пролетария, и как главу Советского государства, и как представителя Коммунистической партии. Уезжая с кладбища, сопровождавший нас представитель президента сказал: «Я очень признателен коммунистам за то, что они приурочили свой приезд на кладбище к Вашему посещению и ничего особого не предприняли, чтобы как-то не омрачить память о погибших». Да, они поступили как настоящие французы, продемонстрировав единство народа. Я был доволен: умно сделали! А о том представителе

мне говорили, что он до войны примыкал к коммунистам, а после войны стал деголлевцем.

С крестьянами я почти не общался, состоялись лишь мимолетные встречи. Был и такой случай. Однажды мы проезжали мимо крестьянских виноградников. Невдалеке от дороги работал крестьянин. Когда он увидел, что наши машины подъезжают, стал махать руками, показывая бутылку со стаканом, и побежал навстречу нам, к дороге... Припоминаю и такой случай. Мы хотели возложить венок у памятника Неизвестному солдату на могилу павшим в борьбе против гитлеровской Германии. За мной заехал министр внутренних дел, сравнительно молодой человек. Мы сели с ним в одну машину и отправились к месту назначения. В пути он изъяснялся по-русски, но я был особенно удивлен, когда он запел русскую песню. «Откуда Вы знаете наши песни?» — спросил я. «Я, — отвечает, — знаю много русских песен и люблю их. Я находился в заключении в концлагере вместе с русскими, подружился с ними и слышал, как они пели. Там я научился вашим песням и вашему языку». Этот министр тоже был деголлевцем, но очень тепло говорил о русских пленных, с которыми вместе был в концлагере. Думаю, что он, находясь в заключении в гитлеровском лагере, понял, что дружба с Советским Союзом позволит исключить возможность повтора поражения Франции. Залогом безопасности тут служили не столько договоры, сколько хорошие отношения между странами.

Общество советско-французской дружбы устроило в Париже собрание, на котором я должен был выступить. Народу пришло видимо-невидимо, Большой зал был переполнен. Товарищи, которые смотрели в окна на площадь, говорили, что и она была заполнена народом, и там установили репродукторы. Митинг проходил в исключительно теплой атмосфере, люди выражали самые искренние чувства дружбы к Советскому Союзу и высказывались за дальнейшее развитие и укрепление наших контактов. Франция ценила вклад, который был внесен нашим народом в разгром гитлеровской Германии, в результате чего Франция вновь обрела независимость. Это понимал каждый француз, а не только коммунист, не только рабочий, понимали люди любых политических взглядов. Правда, когда мы говорили, что построение лучшей жизни есть вопрос революционных преобразований, ликвидации капиталистического строя и установления социалистического, с этим большинство французов не соглашалось. И не раз они демонстрировали это при голосовании и при опросах, которые проводились в стране. Но понимание правильности политики, направленной на обеспечение мира, объединило нас. Даже некоторые капиталисты признавали необходимость крепить дружеские отношения с Советским Союзом.

Программа визита была обширной, но я с удовольствием следовал ей и наслаждался местами, которые посещал, встречами и знакомством с разными людьми. Франция — подлинный музей искусств и истории, там есть на что посмотреть, чему удивиться, чем восхититься и поразиться. Увы, как говорил Козьма Прутков, нельзя объять необъятное. Я смог посмотреть только какую-то долю интересного из бесконечного множества любопытных сооружений, прекрасных художественных полотен и скульптур, дворцов и пейзажей. Когда-то, после окончания рабфака, я впервые посетил в Петрограде Зимний дворец и бегло прошел по нему. Это отняло у меня целый день. Потом у выхода я буквально свалился на какую-то скамейку, чтобы передохнуть. Тогда я был молод и крепок, но так утомился... Лувр же более обширен и богат, и за один раз его нельзя только даже осмотреть. Показали мне также Елисейские поля и Версаль. Там необычайно красивые сооружения с впечатляющей планировкой насаждений. Объяснения нам давал министр культуры, писатель. Мне рассказывали о его сложной биографии. Когда-то он был активным коммунистом, потом стал не менее активным деголлевцем. Он тоже был весьма любезен, и думаю, что искренне. Со своей стороны он делал для нашей делегации все, чтобы создать наилучшее представление о Франции, и старался показать все, что заслуживало внимания.

С интересом познакомился я с посадкой фруктовых деревьев шпалера-

ми. Ветки все подвязаны, деревья невысокие, плоды удобно снимать без усилий, не надо сбивать или стряхивать. Такие плоды не бьются и хранятся потом длительное время. На одном гектаре насаждений их получается больше. Правда, у таких деревьев меньший срок жизни, но это окупается. Считаю, что это очень хороший метод садоводства. Потом я ознакомился с литературой по такому способу насаждений. Наши специалисты тоже одобрительно относятся к этому способу посадки, но, к сожалению, я нигде не встречал его в СССР, кроме как у отдельных любителей.

На пресс-конференциях, собраниях и митингах нам предоставляли возможность излагать свою точку зрения по вопросам международного характера и внутреннего устройства. Мы не прятали своих идей, не маскировали их, полным голосом высказывали свою точку зрения на капитализм как общественный строй, который должен уступить место более прогрессивному, социалистическому строю. Говорили, что буржуазное общество отживает свой век. Отвечая на вопросы, отвечали, что внутреннее устройство каждого государства и изменение существующего строя зависят от желаний народа. Мы же не вмешиваемся во внутренние дела, революция — не экспортный товар, как и контрреволюция. Иное дело, что наши симпатии — на стороне идей, основываясь на которых, мы сами строили свое государство. Говорил я, что друг другу всегда надо желать добра, и я желаю французам того, чего и себе желаю, то есть процветающего общества. Это хорошо воспринималось, хотя и не всеми. Многие стояли на буржуазных позициях, но проявляли вежливость, диспутов не возникало.

Когда я беседовал с товарищем Торезом, он одобрил наше поведение, наши острые речи, в которых мы не сглаживали углов и прямо высказывали свои классовые симпатии: «Вы очень содействовали нашей пропаганде социалистических идей», — говорил он. Само его лицо свидетельствовало об этом. Его приятная, простая, душевная улыбка и сияющие глаза показывали, что он не играет. Передо мной сидел крупный политический деятель, который умел защищать свои идеи и бороться за них, непримиримый к фальши, прямо высказывавший свои чувства, и мне было приятно наше полное единство. Он благодарил нас за прямоту, с которой мы выступали. Прямота-то бывает разная. К примеру, бывает колкая. Но мы понимали, что являемся гостями де Голля, хотя и нашего антипода по общественным взглядам, и поэтому во внутренние дела страны не влезали.

Завершив запланированное путешествие по стране, мы вернулись в Париж. Президент предложил нам с Ниной Петровной съездить в его загородную резиденцию. Таким приглашением тоже выражалось особое уважение к нашей стране. Оно было аналогичным той чести, которая была выказана нам президентом США в Кэмп-Дэвиде. В загородном дворце, действительно, никто не мешает беседам, чувствуешь себя свободно, есть возможность для обмена мнениями и за завтраком, и за обедом, и за ужином. Действительно, де Голль с женой и мы с Ниной Петровной вместе обедали, завтракали и ужинали. Не знаю, соответствует ли действительности (как нас предупреждали), что супруга президента была убежденной католичкой, которая терпеть не может коммунистов. Значит, приглашая нас, она учиняла над собой внутреннее насилие. Но мы этого не почувствовали. Это культурная женщина, хорошо умеющая владеть собой и ничем не выдававшая своих чувств в отношении нас, коммунистов и атеистов. Она очень любезно ухаживала за нами как хозяйка дома и как хозяйка стола. Почти все остальное время мы проводили в беседах с де Голлем один на один. Приезжали к нам для участия в переговорах Громыко с Виноградовым, а Нина Петровна оставалась полностью на попечении жены де Голля.

Не помню, где начались официальные переговоры, в Париже или в загородной резиденции. Но для вопросов, которые требовали решения, это не имело значения. Поэтому я скажу лишь о сути дела, как излагали мы свою позицию и как реагировал де Голль (как мы чаще его называли, господин генерал). Основным оказался германский вопрос. Если бы я начал подробно излагать де Голлю нашу позицию, думаю, что ему было бы

неинтересно, потому что он хорошо ее понимал. Но мы де Голля понимали плохо. Этот политический деятель во время оккупации возглавлял движение Сопротивления, а теперь стал союзником Западной Германии. Их союз был направлен против СССР и всех стран социализма. Да, такого де Голля мы не понимали! Что он антикоммунист, в этом у нас никогда не было сомнений. Но теперь в вопросах межгосударственных отношений у него проявились оттенки, которых мы не могли объяснить. Какие-то особенности его личных политических взглядов, которые он не раскрывал публично.

При переговорах все садятся за общий круглый стол. С обеих сторон присутствовали министры иностранных дел и чиновники. Мы сначала изложили свою позицию (существует такая формальность), потом поставили главные вопросы, по которым хотели найти общий язык с французами, чтобы принять решения на общее благо. Каковы же эти вопросы? Во-первых, подписание мирного договора с Германией. Вопрос вопросов! Он является узловым. Если его разрубить, то сразу ослабнет международное напряжение. Перед важным решением человек собирается с духом, напрягается, особенно если тут вопрос жизни или смерти. Решится такой вопрос, и сразу мускулы расслабляются, человеку свободнее дышится, у него начинает нормально биться сердце. Так и в политической жизни. Вопросы разоружения, торговли, культурных связей, обмена научными достижениями, все то, из чего складываются нормальные межгосударственные общения, составляют основную цель естественного развития отношений между государствами и решаются положительно только в случае исключения возможности военного столкновения. Именно в исключении будущего военного столкновения состояла суть германского вопроса. Крепкий орех, который не так-то легко расколоть или разгрызть.

Де Голль вел беседу очень спокойно и неторопливо. Он даже несколько поражал нас своим спокойствием. «Господин Хрущев,— говорил он,— а зачем Вам сейчас обязательно надо заключать мирный договор? Нужные условия еще не созрели, поэтому сейчас трудно договориться. А что изменится, если решение отложить? Поэтому на сегодня я не считал бы это главным вопросом». Мы с этим не могли согласиться. Но он так искренне и так убедительно доказывал, что я, посматривая на него, думал: а не шутит ли он с нами? Нет, он говорил серьезно. Потом я поверил в его серьезность. У него имелось свое понимание событий: «Вы,— говорил он,— сейчас имеете Восточную Германию, и она входит в Варшавский договор. А мы имеем Западную Германию, которая входит в наш НАТО. Пусть так и будет. Западный же Берлин обладает особым статусом». По Потсдамскому соглашению мы тоже так толкуем дело, но видим, что на практике западные державы не выделяют Западный Берлин как особую политическую единицу, а дают возможность ГФР включить его в свой состав. Де Голль соглашался с Потсдамским соглашением и в данном вопросе не вступал с нами в спор, вроде бы соглашался с нашим толкованием. Особый статус Западного Берлина другие западные державы признают лишь на словах, тогда, когда им это выгодно, а в жизни они его игнорируют, проводя свою экономическую и административную политику и считая, что Западный Берлин является частью ГФР (нынешней ФРГ).

Мы повторяли свои соображения на сей счет. Ранее мы много раз их высказывали и в документах, и на митингах, и в диспутах, и на пресс-конференциях. Доказывали, что Западная Германия набирает силу. Что она экономически уже достигла большой мощи и является сильнейшей из европейских стран, входящих в НАТО. Ее экономика самая могучая, а ее армия — самая многочисленная. На основе достижений науки и техники ее вооружения становятся все более смертоносными. Приводил я и прочие доказательства, которые не требовали особых усилий для понимания их де Голлем. Как военный, политик и государственный деятель он все прекрасно понимал.

Однако, когда мы заговорили о том, что может разразиться война, а Франция будет втянута в нее как союзница НАТО, он спокойно и доволь-

но твердо ответил: «Господин Хрущев, смею Вас заверить, что Франция никогда не будет вместе с Германией воевать против Советского Союза. Пока Германия (так он говорил: Германия) входит в состав НАТО, она вообще не получит возможности развязать войну против СССР и ГДР. Если Германия объявит войну ГДР, то это будет со слабым прикрытием военных целей, сквозь это прикрытие просветит полный скелет агрессивных планов». И доверительно добавил: «Мы Вас понимаем, мы тоже сейчас против объединения Германии. Господин Хрущев, Вы, наверное, знаете, что Франция занимала особую позицию во время потсдамских переговоров. Но нас не послушали. Господин Сталин нас не поддержал, а мы еще тогда предлагали более радикальные решения».

Кажется, Франция тогда стояла за большее раздробление Германского государства, не такое, какое сложилось в результате оккупации. Де Голль предлагал тогда новое государственное устройство Германии, с тем чтобы она утратила единую государственность. Это предполагало отсутствие и единого правительства, и единой военной, и единой внешней политики. Кроме того, Франция претендовала на некоторые пограничные немецкие районы, которые вошли бы в ее состав. Но сейчас не смогу, взяв карандаш, точно показать, на какие территории претендовала Франция. Черчилль во время войны тоже высказывался за расчленение Германии. Но сейчас я не буду об этом вспоминать, потому что это потребовало бы обратиться к архивным материалам или хотя бы к газетам.

«Да, я помню, что Вы занимали особую позицию по немецкому вопросу,— тоже спокойно ответил я. Вы говорите, что Сталин Вас не поддержал? Но я понимаю Сталина. В то время у нас были другие взгляды на Германию, мы по-другому оценивали послевоенное положение и направление развития будущего германского государства. Видимо, исходя из этих соображений, Сталин и не поддержал Ваших предложений». Далее ни президент, ни я со своей стороны не стали детализировать эти взгляды. Однако хочу изложить свое понимание взглядов Сталина на немецкий вопрос в преддверии разгрома Германии. Они не изменились и в дни Потсдамской конференции.

Чем руководствовался Сталин в немецком вопросе? Он был убежден (и я тоже придерживался такого мнения), что после разгрома немцев и разорения, в котором оказалось их государство, немецкий рабочий класс, крестьянство и все общество захотят выйти из того политического и социального состояния, в котором Германия находилась перед войной. Мы предполагали, что там свершится социальная революция, будет ликвидировано капиталистическое господство, возникнет пролетарское государство, которое будет руководствоваться марксистско-ленинским учением, установится диктатура пролетариата. Это было нашей мечтой. Мы считали, что это будет самым простым решением немецкого вопроса. В результате Германия перестанет быть милитаристским государством и перестанет угрожать Европе войной, которую она уже несколько раз развязывала. Нам казалось, что такое возрождение страны неизбежно. Исходя из нашего понимания дела, мы считали, что после разгрома фашизма создавались самые благоприятные условия для объединения рабочего класса с беднейшим крестьянством в борьбе за революционное государство, в котором не стало бы частной собственности и осуществился переход на позицию строительства социализма.

Такое же положение, по нашему мнению, складывалось в те годы во Франции и Италии. И там, как мы надеялись, вскоре победят коммунисты. Тут — простая аналогия. После первой мировой войны Россия совершила у себя рабочую революцию. После катастрофы, в которую Европа была ввергнута Гитлером и Муссолини, после второй мировой войны Франция и Италия тоже должны перейти в социалистический лагерь. А насчет Германии у нас и сомнений не было. Мы были абсолютно уверены в том, что она станет социалистическим государством. Не говоря уже о других странах, которые тоже пойдут вслед за этими державами. Поэтому, естественно, после разгрома Германии, чтобы заручиться симпатиями немцев

к советской политике, Сталин высказывался за единую Германию. Он представлял себе, что единая Германия будет социалистической и станет союзницей СССР. Вот концепция, которой придерживались и Сталин, и мы, все его окружение.

Но после Потсдамской конференции события развивались не в нашу пользу. Вся мощь США была поставлена на ноги для того, чтобы удержать разоренные страны Европы от революционного взрыва масс. США пустили в дело свой капитал, постарались накормить голодных и удержать их в узде, стали восстанавливать промышленность, чтобы занять массу людей и сохранить тамошнее хозяйство на капиталистической основе. Так оно и произошло. И Франция и Германия, и Италия, то есть государства с наиболее развитым капиталом, мощной промышленностью, сильным рабочим классом и могучими коммунистическими партиями, переживали сложные дни...

Однако не получилось так, как мы предполагали. Капитализм продемонстрировал свою живучесть и остановил шедший процесс. Мы были разочарованы. Вот наши взгляды в те годы. Руководствуясь этими соображениями, Сталин проводил политику, которая вступила в противоречие с пожеланиями де Голля, который тогда представлял Францию. Но я не стал теперь объяснять де Голлю все это, а только сказал, что Сталин имел свои соображения, сейчас же обращаться к обсуждению этого вопроса в прежнем виде нецелесообразно. Де Голль это понимал и в противовес нашей точке зрения сделал только один экскурс в прошлое. Он вспомнил Потсдам, когда стрелка весов склонялась в пользу союзников, и привел высказывания политических деятелей и журналистов, которые отражали взгляды своих государственных лидеров насчет будущей Германии. Тут мы, сознавая свою правоту, стали, грубо говоря, нажимать на него, чтобы он если и не принял нашу точку зрения, то проникся сознанием тревоги.

Действительно, Западная Германия угрожала Европе. Если бы новая война была развязана, она стала бы катастрофой. Носителем этой заразы и военного психоза являлась партия Аденауэра. Чтобы предотвратить опасность, надо было заложить в Германии другие основы, а Советскому Союзу и Франции проявить больше взаимопонимания и приложить побольше усилий, чтобы не допустить такой войны. В первую очередь немцы, ища слабое место, безусловно, опять обратили бы свои взоры на Францию, а не на СССР. Так что Франция не меньше, чем Советский Союз, а даже больше должна быть заинтересована в укреплении с нами дружеских отношений и в противопоставлении их агрессивности Германского государства. История доказывает, что многое может повториться, могут возродиться в какой-то форме и идеи Гитлера. На почве шовинизма вырастает агрессивность, питательная среда для политики реванша. Гитлер именно на этой основе обрел силу, его лозунгом стала реставрация величия Германии, утверждение ее главенства в Европе и в мире. Он развязал войну, как раз считая, что добьется мирового господства и станет владыкой мира, а Германия будет диктовать свои условия всем другим.

Вот что я «втолковывал» де Голлю. Он вел себя умно, понимал наши аргументы и считал, что они заслуживают внимания, но ведь он принадлежал к другому классу: был противником революции, был и остался противником социализма, являлся антикоммунистом. Его классовая сущность тянула его в другой лагерь. И он балансировал, стремясь не ослабить свой лагерь, а с другой стороны, не позволить контрсоциалистическим силам столкнуть нас и развязать войну. «Господин Хрущев, — несколько раз повторял он, — я Вас понимаю, давайте договоримся: пусть остается так, как есть, пусть ГДР входит в состав Варшавского союза, а ФРГ — в НАТО. Оставим все так, как сложилось, не будем нарушать разграничения стран, входящих в НАТО и в Варшавское объединение, разваливать статус-кво. Франция никогда не будет воевать против ГДР, она нам не нужна. Но и Вы поймите наше положение: мы не хотели бы ослаблять себя. Следовательно, СССР должен признать необходимость вхождения Западной Германии в НАТО».

Он хотел не нарушать равновесия между двумя блоками, как географическими, так и социально-политическими. Именно нарушение равновесия, по его мнению, могло кончиться катастрофой. Мы снова твердили свое. А де Голль, очень умело ведя беседу по столь острому вопросу в спокойной, даже флегматичной манере, излагал нам необходимость сохранения статус-кво. И вместо того, чтобы вступить с нами в спор, сказал: «Что вы получите от заключения мира? Ничего добавочно не получите. Поэтому довольствуйтесь тем, что есть. Вы уже имеете очень много и представляете огромную силу, с которой мы считаемся и будем считаться. Зачем вам добиваться для вашей ГДР подписания мирного договора?» Он считал, что ГДР принадлежит нам, и не понимал, зачем нужно оформлять мирный договор. А нас просто рассматривал как собственников Восточной Германии. Мы же хотели другого, подходя к делу по-коммунистически, желали, чтобы мирный договор установил нормальные отношения между всеми государствами, ГДР получила бы полный суверенитет и возможность строить дипломатические, культурные, экономические связи со всеми странами по своему усмотрению и в своих интересах.

Де Голль, делая вид, что не понимает этого, несколько грубовато представлял наши взаимоотношения с ГДР. Конечно, он знал, что подписание мирного договора изменило бы всю атмосферу в НАТО. Знал своих союзников, понимал, что они не пойдут на это, и поэтому не хотел представлять Францию оппозиционной силой по отношению к НАТО. Правда, позже он как раз так и поступил, когда вывел Францию из военного объединения НАТО, вывел ее войска из-под власти натовского главнокомандующего. Но это было потом. А во время переговоров даже намек не делал на то, что политика США навязывалась Франции и всем другим странам НАТО. Затронул он и идею объединенной Европы. Полагал, что Европа должна объединиться, а ее восточная граница — проходить по Уралу. Эту формулировку я не понимал, да и сейчас с трудом себе ее представляю. Что такое «Европа до Урала», если она разделена? В ней имеется несколько государств с различным социально-политическим устройством в разных военных группировках. К тому же нас настораживала неприятная аналогия: Гитлер тоже говорил, что дойдет до Урала. «Вот тебе раз,— думал я,— одного разгромили, теперь другой подбрасывает ту же идею».

Как Европа объединится? Чем будет такое объединение? Мы, например, хотели бы, чтобы вся Европа от Урала до западных морских границ стала социалистической и чтобы европейские страны ликвидировали капитализм. Западные политические деятели имели в виду то же самое, только наоборот, на основе капитализма. Поэтому я тоже не вступил в дискуссию и не задавал никаких вопросов, не уточнял мысль президента. Тем более, что за столом, когда мы остались одни, де Голль с женой и я с Ниной Петровной, он в ходе беседы, обращаясь ко мне через переводчика, произнес «Мон ами!» (то есть, мой друг). Обратившись так, он посмотрел на меня по-особенному (не сказал бы, что улыбнулся; нет, он вообще очень редко улыбался). Я соответственно ответил ему тем же «Мой друг, господин президент!» То был хороший признак. Де Голль хотел показать, что, несмотря на то, что мы люди противоположных политических убеждений, наши усилия объединяются в вопросе обеспечения мира. Вот он и считал меня и своим другом, и другом Франции. Я ответил ему тем же.

Что еще было примечательного в наших беседах? Вспоминаются различные их штрихи. На приеме, который был дан в нашу честь французским правительством, собралось много гостей. Впрочем, так всегда бывает, когда принимаются знатные иностранные гости. Де Голль энергично знакомил меня с представителями тех африканских стран, которые входили во Французское содружество. На деле то были колонии. Куда бы он ни ушел, его сразу издали видишь, не потеряешь глазами, такой высокий. Смотришь, а он уже ведет с собой какого-то негра и представляет его: «Вот представитель такой-то провинции Франции». Естественно, эти люди всегда улыбались, были любезны со мной, но особенно любезны с президентом. Он

оставлял нас вдвоем, а сам шел за другим. Подошел ко мне со смуглой женщиной средних лет из Алжира, членом какой-то французской палаты, представил ее, а она защебетала: хвалила Францию, хвалила де Голля, хвалила Французское государство и доказывала, что арабам Алжира прекрасно живется во Французском содружестве. Мне было неприятно слушать ее, но в спор я не хотел вступать, тем более в такой обстановке. Это была бы демонстрация с моей стороны. И только задал ей вопрос: «Госпожа, видимо, не все так думают, как Вы? Встречаясь с Вашими соотечественниками, я услышал бы, наверное, и другое?». «Ну, конечно, не все, но большинство». «А кто же тогда воюет против французского режима в Алжире? — спрашиваю.— Война длится уже несколько лет, сами факты противоречат Вашим словам. Видимо, Вы лично действительно довольны. Это случается, когда бывают довольны отдельные личности. Но я сомневаюсь, что Вы выражаете думы своего народа».

Тут де Голль подвел ко мне других гостей. Познакомил меня с каким-то сенегальцем, высоким и красивым мужчиной. Его кожа была черной с синим оттенком. И он тоже стоял за содружество, за то, чтобы Сенегал входил в состав Французской республики, и говорил, что они очень хорошо живут. То есть де Голль хотел показать мне, что колонии Франции и их представители не являются угнетенными, а наоборот, пользуются всеми правами, которыми пользуются французы, счастливы и хотели бы продолжить существование в составе Франции. В данном случае он представлял мне своих подопечных, входивших в состав правительственных органов, людей избранных, откормленных, выхоленных, образованных и, возможно, богатых. Поэтому они и были довольны своими колонизаторами, а де Голль мне их представлял как выразителей воли африканских народов, которые восхваляют Францию. Одним словом, я мог бы вспомнить великого украинского поэта и мыслителя Шевченко, как сказал он о Российской империи: «От молдаванина до финна во всей стране все молчит, ибо благоденствует». Очень умные слова с едкой иронией. В данном случае мне можно было бы высказать их де Голлю. Но как гость я должен был слушать, делать выводы и не вступать в дискуссию.

Не помню, при каких обстоятельствах заговорили мы о Секу Туре, президенте Гвинеи. Я сказал, что знаком с ним, и отозвался о нем хорошо. Де Голль знал, что я мог быть с ним знаком, поскольку тот не один раз бывал в Советском Союзе после обретения Гвинеей независимости. В то время французы были изгнаны из Гвинеи. Прекратилась всякая связь двух стран, и Гвинея оказалась в критическом положении. Из-за отсутствия кадров парализовалась ее жизнь, закрылись даже банки. Тогда по просьбе Секу Туре мы подали руку помощи и послали своих специалистов. Помоему, отправили им пшеницу и что-то еще. И я тотчас вспомнил о тех событиях, но с де Голлем говорить о них тоже не стал, хотя мы были полностью на стороне гвинейского народа и делали все, что в наших силах, для укрепления полученной им независимости.

Правительство де Голля провело в колониях голосование: хотят ли они получить полную независимость или желают остаться в составе Франции? Нужно отдать де Голлю должное, ведь не каждый на это пошел бы. Но де Голль был уверен, что все колонии проголосуют за Францию. И не обманулся. Однако так проголосовали все, кроме Гвинеи. Ее народ сказал «Нет!» и проголосовал за выход из Французского содружества, за независимость. Нам было очень интересно узнать, действительно ли Франция согласится с выходом Гвинеи из содружества, выведет свои войска и не будет вмешиваться в ее внутренние дела? Но де Голль — человек слова! Потом на примере Алжира он еще раз подтвердил то же самое. Гвинея получила независимость. Думаю, что это единственная страна, получившая независимость без особого столкновения. Де Голль сказал мне, что лично знал Секу Туре. И при этом голос его прозвучал с грустью, с сожалением: «Да, эти люди получили образование во Франции, а теперь Гвинея вышла из состава Франции». В его словах звучала настоящая скорбь. Но никаких других выражений, которые как-то принизили бы Секу Туре, он не допустил.

Там, на приеме, собралось много разных людей: и политических деятелей, и финансистов. Де Голль подводил ко мне только представителей африканских народов, а французы подходили сами. Пришли крупнейшие капиталисты, но, как обычно, деловых разговоров на приеме не вели, а обменивались общими фразами. Один подходит, другой подходит, получается толчея, но тут правильная форма общения. Каждый, приглашенный на прием, получает возможность выбрать собеседника. Таким образом создаются лучшие условия общения, чем за столом, когда не можешь сменить свое место.

В программе пребывания во Франции было запланировано посещение автомобильного завода Рено. Директор завода произвел на меня благоприятное впечатление, был внимателен к нашей делегации. Предприятие тоже нам понравилось, оно выпускало хорошие автомобили. Директор высказывал мысль о сотрудничестве с каким-то нашим автомобильным заводом, и я поддержал его. Мы тоже были бы согласны на такое сотрудничество, но из этого тогда ничего не получилось. Не так-то легко установить сотрудничество, имея разные социально-экономические системы. На заводе Рено было проявлено и в политическом отношении благосклонное к нам отношение. Видимо, среди рабочих имелось много коммунистов. Не помню, состоялось ли там наше выступление, но общее впечатление сохранилось у меня в памяти как радужное.

Затем послом Виноградовым и его супругой в честь моего приезда был организован прием. Они вдвоем встречали всех гостей, и я тоже какое-то время постоял рядом с ними, так как гости приглашались в честь именно моего пребывания во Франции. Пришли все известные лица, в том числе считавшиеся знатью. Современная знать Франции не всегда обладает предлогом «де» перед фамилией, подчеркивающим принадлежность к дворянскому сословию (например, де Голль). После Великой Французской революции поблекло значение фамилий с такими предлогами, вперед выдвинулся Господин Капитал. Поэтому новую знатность обрели те люди, кто обладал большим капиталом. Чем больше капитала, тем знатнее человек.

Когда я увидел, что по лестнице поднимается человек красивой наружности с внешностью, которая смахивала на рисунки парикмахеров на вывесках — черненькие усики, соответствующая прическа, облик рекламного характера, — посол сказал, что это крупнейший капиталист Франции Ротшильд, и представил нас друг другу. Ротшильд — громкая фамилия. Когда еще я был рабочим, она была знакома мне из газет. Возможно, его фамилия мелькала в наших газетах в какой-то связи с забастовками на его фабриках. Но и после революции об этом представителе банковского капитала Франции мы хорошо знали. «Раз познакомиться, — сказал ему я, — теперь буду иметь представление о господине Ротшильде. Я только слышал о Вас, а сейчас имею честь пожать Вам руку как гостю нашего посольства». Он что-то буркнул в ответ и сразу отошел, потому что гости валили густым потоком.

По-моему, никаких деловых связей мы с Ротшильдом не имели, хотя посол говорил, что он проявляет к нам внимание и, возможно, хотел бы установить контакты. А если Ротшильд пришел на прием, то этим хотел продемонстрировать, что вовсе не бойкогирует нас. Но я не сказал бы, что тем самым он пожелал выразить личное уважение к моей персоне. Никакого особого уважения к представителю Советского государства, Председателю Совета Министров и Первому секретарю ЦК компартии у него, конечно, не могло быть. Я коммунист, он капиталист, оба мы мыслили в этом плане реально, а пришел он потому, что получил приглашение посетить гостей своего президента. Правда, тем самым он выражал признание нашему государству.

И, естественно, на этом приеме были товарищи Торез, Дюкло, Жаннетта Вермерш — жена Тореза, активный политический деятель Франции. Эта бывшая работница не только являлась женой вождя Французской компартии, но и сама представляла рабочий класс. С ними я обменялся дружескими рукопожатиями и объятиями, однако беседовал недолго, требовалось

оставить время для разговоров и с другими гостями, тем более что с лидерами коммунистов мы уже встречались в нашем посольстве и наметили свои новые встречи, обсудив также все вопросы, которые нас интересовали и как политических деятелей, и как друзей, связанных братскими узами.

На приеме я познакомился с крупным капиталистом Франции господином Буссаком, владельцем нескольких фабрик с тысячами рабочих. У него имелись текстильные, трикотажные и иные предприятия, вырабатывавшие ткани, одежду, галантерею. Продукция его была замечательной. Сам он был уже в летах, одряхлел. Бывают случаи, когда капиталисты питают искренне дружеские чувства к Советскому Союзу. Так — и с Буссаком: он питал к нам добрые чувства и выражал их открыто, это нас быстро сблизило. Его особенно привлекала наша борьба за мирное сосуществование, видимо, только она, ничего другого не могло быть, потому что он не мог сочувствовать нашей общественной системе. Ну, да и это уже хорошо! Борьба за мирное сосуществование — одна из форм укрепления связей между государствами. В борьбе за мир должны участвовать все народы, все люди, независимо от их принадлежности к тому или иному социальному строю и независимо от их политических убеждений. Образцом таких отношений являлись контакты с господином Буссаком. Мне рассказывали, что он по национальности чех, но давно выехал из Чехии и офранцузился. Он пригласил нашу делегацию на выставку, которую организовал на одной из своих фабрик, и мы с удовольствием приняли приглашение.

Буссак явно «ухаживал» за нашей делегацией и за мной как ее главой. Считаю, что он лелеял тут какую-то надежду на продажу своих изделий в СССР. Это было бы выгодно каждому фабриканту, и Буссаку тоже. Нам он показал товар лицом. Изделия были изумительными: отменные ткани, всевозможная текстильная галантерея, женские туалеты — все очень изящно, красиво, добротнo сделано. Нам надо учиться такому. В состав посетителей выставки входили также Косыгин и (кажется) Фурцева. А Косыгин как крупный специалист по легкой промышленности особенно интересовался продукцией Буссака. «Все, что вас заинтересует на моих фабриках, — говорил этот господин, — я готов показать, ворота открыты. Могу даже показать свое конструкторское бюро, над чем мы сейчас работаем, чтобы сменить современную продукцию еще более модной».

Сотрудники посольства шепнули мне, что в сверхсекретное конструкторское бюро владелец прежде никого не впускал. Конечно, ведь капиталист рассчитывает на успех, поэтому боится конкурентов. Но наших представителей он туда пригласил. После осмотра я попросил Косыгина еще раз и более детально познакомиться с производством у Буссака. Косыгин еще при Сталине занимался этими видами продукции и даже в Москву приехал в свое время из Ленинграда, где был директором фабрики. Как министр он позднее вплотную занимался обувной и тому подобной промышленностью. Украина была важным поставщиком кожевенного сырья, и у нас возникали порою трения на этой почве: я как бы возглавлял поставщиков, он — потребителей. Кажется, после моего возвращения в Москву Косыгин еще раз съездил во Францию для ознакомления с названным производством. Мне очень хотелось перенести что-то полезное в нашу промышленность, тем более что Буссак предложил свое содействие. И я сказал: «Раз он будет оказывать содействие во внедрении способов изготовления хороших изделий, надо этим воспользоваться».

Конечно, за это придется платить. Он ведь капиталист и не станет бесплатно передавать свою технологию. Да и нельзя просто воспользоваться его любезностью, выгода должна быть взаимной. Заплатим ему той же монетой, дадим возможность заработать на поставках в СССР какого-то количества своих изделий. Действительно, с его помощью мы кое-что сделали потом в данной сфере, хотя продолжали отставать и по качеству, и в организации производства трикотажных изделий. Во всем том, что привлекает покупателя, создает ему хорошее настроение, превращается в хозяйственную необходимость, украшает человека и его жилье, мы отстаем. А за границей изготовляют все, что только может пригрезиться хозяйке:

отличное белье, верхнее платье, то, чем можно убрать стол и постель... Все это делает Буссак, и все — исключительного качества.

Во время осмотра выставки его изделий он сам показывал экспонаты, стремясь, чтобы мы узнали о них более детально. И мы затратили там много времени, о чем не жалею. Я запомнил и раздел, где были выставлены фотографии, рассказывающие о быте его рабочих. У них имелся фабричный дом отдыха, им они пользовались на льготных условиях. Существовали также детские ясли и детские сады для детей его работников, дети выглядели очень привлекательно, одеты нарядно, их дома — в зелени, с отличным оборудованием. И я подумал: «Фабрикант, а создает такие условия для своих рабочих!». Конечно, Буссак и не думал убедить меня, что капитализм тоже заботится о всех рабочих, создавая им такие условия. Он-то знал, сколько внимания и средств уделяем мы организации домов отдыха, санаториев, детских яслей и садов, лечебниц и прочего. Никакой капиталист в мире не сможет соревноваться с нами в этой сфере, чего я не сказал Буссаку, не желая затевать спор о капитализме и социализме. Сей вопрос для меня лично решен очень давно. Но я не думал, что при споре смогу выиграть и из капиталиста сделать коммуниста, поэтому не стал углубляться в проблему. Тем не менее то, что нам показали, можно и изучать, и применять у нас.

Лично с Буссаком я был знаком и до той встречи. А познакомились мы так: однажды он прислал мне телеграмму с просьбой принять его, указав время, в которое мог бы посетить Советский Союз. Мы через Министерство иностранных дел ответили господину Буссаку, что я буду рад принять его. Он приехал. Наша беседа носила общий характер и затянулась. Но, когда она кончилась, он поблагодарил меня и уехал, не поставив никаких конкретных вопросов, чем я был удивлен. Зачем же он приезжал? Говорили мы только о борьбе за мир и германской проблеме, хотя нашу позицию он в целом знал, мы ее довольно полно излагали в печати. Он, как выяснилось, с большим уважением относился к нашей внешней политике, особенно борьбе за мир. Это привлекало его симпатии и к нашим политическим деятелям, в том числе ко мне. Советская внутренняя политика его не привлекала, внешняя — удовлетворяла. Он уже издавал газету «Орор», по нашим меркам — самую реакционную. Первой нас не щадила именно эта газета. Получалась странная ситуация: человек, на деньги которого издавалась такая газета, возможно, не согласовывала с ним своей политической направленности? То есть, не сопрягалась с тем духом, который я уловил в беседах Буссака со мной?

Однако и об этом я ему ничего не сказал. Капиталист есть капиталист, лучше всего реально представлять себе интересующие его в первую очередь вопросы. Он совпадал с нами только в аспекте борьбы за мир. А просил о встрече, видимо, желая побеседовать со мной, чтобы сделать вывод о наших дальних намерениях и лично от меня услышать о них, а не основываться на чтении газет и наших речей. Мы расстались тогда с ним по-доброму, и он тут же уехал. Ведь проблема стоимости прилета из Франции в СССР и назад для него не существовала. Он имел тысячи рабочих, которые создавали необходимые ценности для обеспечения любых его поездок. Потом к моему 70-летию он прислал мне несколько бутылок коньяка и кальвадоса из своих подвалов. Последнее вино — очень крепкий напиток на основе яблочного сока. «Посылаю Вам несколько бутылок из моих подвалов, — писал он в поздравительном тексте, — тем самым свидетельствую свое уважение и поздравляю Вас с 70-летием». Его коньяк 70-летней выдержки я охотно попробовал и попутно вспомнил о своих встречах с этим интересным человеком.

Буссак являлся каким-то отдаленным подобием нашего Саввы Морозова. Когда Морозов узнал, что Горький связан с большевистской партией, он не только не порвал их дружбы, но, когда возникла нужда, через Горького помогал большевикам деньгами. Встречаются вот такие оригиналы... Буссак не буквально, но был похож на Морозова. Имея дело со мной как с главой Советского правительства, он ничего общего не имел, однако,

с коммунистами Франции и никаких ссуд им не давал. Его газета вела самую жестокую борьбу с коммунистами, да и сейчас ее ведет. Возможно, что тут была и другая сторона дела. Обладая хорошими отношения с главой Советского правительства, он рассчитывал наладить деловые, торговые связи и заработать. Ну и что же? Мы тоже так смотрим на дела. Мы с ним правильно друг друга понимали и исходили из верных взаимных оценок. Каждый из нас считал, что сложившиеся связи полезны.

Вернусь к приему в нашем посольстве. Там, а также на приеме, который был дан французской стороной в честь нашей делегации, я встречался и с политическими тенями прошлого. Наш посол представил мне Даладье, предвоенного премьер-министра, уже старого человека, одного из тех людей, кто несет ответственность за то, что в 1939 г. Франция не договорилась с Советским Союзом и мы не смогли противопоставить наши объединенные силы гитлеровской Германии. Во Франции бывшие премьеры сохраняют в обществе прежние звания, поэтому посол и сказал: «Премьер Франции» и тут же произнес его фамилию, чтобы не возникло путаницы. После поездки во Францию я встретился с Даладье еще раз и беседовал. Он поехал в Китай в качестве туриста, а на обратном пути попросил о встрече со мной, обратившись через Министерство иностранных дел СССР. Мы решили, что я его приму в Кремле. Добавлю, что я никогда лично не принимал никакого рода иностранцев без согласования с руководством МИД.

Меня тоже интересовала встреча с Даладье: хотелось еще раз взглянуть на человека, который вместе с Невилем Чемберленом определял, быть новой мировой войне или не быть. Я не стал первым затрагивать этот вопрос, навязывая дискуссию насчет чьей-то ответственности за кровавую войну. Но он заговорил сам об этой серьезной теме: «Возвращаюсь из Китая. Ездил я там и увидел, что вы очень много делаете для Китая. Видел заводы, фабрики, другие сооружения, которые строятся под ваши кредиты и под руководством ваших инженеров и техников. Таким образом, СССР оказывает очень большую помощь по перестройке промышленности Китая. Не считаете ли Вы, что это может потом обернуться для СССР опасностью?» Говорил он очень спокойно. Может быть, такова его манера говорить вообще. Может быть, по старости...

Я ему: «Нет, мы такой опасности не видим. Китай является нашим другом и братом». «А Вас не беспокоит желтая опасность, о которой во всем мире звучат голоса? Не угрожает ли и вам желтая опасность?» Я был удивлен такой постановкой вопроса и резко отверг его рассуждения: «Мы по-другому относимся к людям, не делим их по цвету кожи на желтых, белых, краснокожих, черных и коричневых, а смотрим на принадлежность к классу. Китай является социалистическим государством, китайцы — наши братья по классу. Мы, руководствуясь тут общими соображениями, заинтересованы в дружбе с Китаем, поэтому оказываем ему поддержку в развитии современной промышленности». Даладье не вступил со мной в дискуссию, а просто высказал свои соображения. Встреча продолжалась недолго, да у нас и не было каких-то вопросов для ведения продолжительной беседы. Но памятное мне высказывание он сделал.

Теперь он в могиле, однако, если бы был жив, то посмеялся бы, вероятно, над моим ответом. Для него, буржуазного деятеля, и не потребовалось бы никаких других доказательств, кроме наших сегодняшних взаимоотношений с Китаем. Он, дескать, меня предупреждал, а я отверг «желтую опасность» с марксистской, классово-точкой зрения. А теперь кто прав? Даладье сказал бы, что это он прав. Ведь отношения СССР с Китаем ухудшились так, что дальше некуда, мы уже дошли до военных столкновений.

Хотя Даладье посчитал бы себя правым, я как коммунист полагаю, что я дал ему тогда правильный ответ. Другого сказать и не мог, даже сомневаясь в верности политики Мао Цзэдуна, сомневаясь не с позиции «желтой опасности». У меня возникли сомнения в том, что Мао занимает правильную политическую позицию, и я жалел, что он высокомерно ведет себя от отношению к Советскому Союзу.

Я высказывался об этом еще по возвращении из первой поездки в Китай в 1954 г., вскоре после смерти Сталина. Уже тогда, несмотря на исключительное внешне дружелюбие со стороны Мао, проскальзывало его высокомерие, какие-то националистические проблески, пошли первые его заявления о превосходстве китайской нации над другими (совершенно немарксистский подход). В беседах со мной о ходе истории Китая, о его завоевателях и народном им сопротивлении он отмечал, что китайский народ вообще не поддается ассимиляции. Разговаривая в таком тоне, он как бы давал почувствовать человеку другой нации, что относится к нему свысока. Это оставляло неприятный осадок. Позднее, когда Мао дошел до открытой наглости в отношении Советского Союза, он просто заявил о незаконности наших границ, что эти границы навязаны Китаю русскими царями. Однако такие обвинения несостоятельны, не оправдываются ни исторически, ни просто фактически.

Значит, Даладье был прав? Сейчас опасность для Советского Союза существует. Политика, которую проводит Мао, чревата опасностями и для китайского народа. Мы все не вечны на Земле. Придет неизбежно час, когда Мао уйдет с политической арены. Думаю, что Линь Бяо, который еще при жизни Мао назначен его преемником, поймет, что политика, которая сейчас проводится Китаем в отношении братских социалистических стран, неправильна и никак не согласуется с интересами коммунистического движения. Думаю, о Даладье можно долее не вспоминать. Тем более, что Мао еще жив и я жив, а Даладье уже нет.

На приеме в нашем посольстве я встретился в Париже, как со старым знакомым, и с другим бывшим премьер-министром Франции, господином Фором. Он представлял свою страну на Женевском совещании четырех лидеров. С его разрешения я стал называть его тогда Эдгар Иванович. Он познакомил меня со своей супругой, любезной женщиной. Да и сам он общительный и приятный человек. Потом, находясь в отставке, Фор приезжал в СССР, и я не раз с ним встречался. Его жена была редактором в каком-то женском журнале и тоже приезжала в СССР. Я и с ней встречался. Мы с Фором люди разной политической направленности, но острых столкновений между нами никогда не возникало.

Встретился я в Париже и с Ги Молле, и с Мендес-Франсом, другими известными политическими деятелями. Я был благодарен Мендес-Франсу за то, что в ходе Женевских переговоров по Лаосу он нашел в себе политическое мужество выступить с вопросом о Вьетнаме. Конечно, вьетнамский народ проявил и мужество, и выдержку, показал свое упорство и разгромил французских оккупантов. Но все-таки большая личная заслуга принадлежит Мендес-Франсу в том, что, когда он пришел к власти, сменив Ги Молле, то предложил в Женеве разделить Вьетнам на Южный и Северный и назвал границу между ними. Она была не без споров принята, в том числе нами и Хо Ши Мином. Наш представитель тоже участвовал в той Женевской конференции. Мы не только поддерживали и поддерживаем политику Северного Вьетнама, но и помогаем ему оружием и чем только можем. А тогда прекратилась война, которая велась там ряд лет.

Генерал де Голль неоднократно высказывал мысль о том, что Европа должна жить своим умом, должна освободиться от опеки со стороны США. Он прямо заявлял, что тяготится таким положением, которое создалось в мире вообще и особенно для Франции, а в разговоре со мной давал понять, что мы со своей стороны могли бы содействовать освобождению стран Европы от американской опеки. Де Голль тяготился положением, создавшимся в НАТО. Я, признаться, не смог сразу разобраться, чего же он хотел? По своему классовому положению он, конечно, душой и телом должен был бы поддерживать политику США, и мне было трудно представить, что Франция потом уйдет из военной части НАТО. Де Голль не высказывался на этот счет прямо, говорил намеками, но у меня сохранилось в памяти, что он уже тогда вынашивал какие-то такие намерения. Одно было сразу видно: что он не хотел быть пешкой в «большой политике» США, направленной на окружение и изоляцию Советского Союза; не

хотел являться каким-то слепым орудием в чужой политике, которая не всегда согласовывалась с интересами Франции. Тут он проявлял и трезвость ума, и волю.

Посол Виноградов просто преклонялся перед де Голлем, и я в шутку наедине называл его деголлевцем. Посол очень высоко ценил генерала, его ум, его поведение и считал, что де Голль не преследует никаких агрессивных целей против Советского Союза. Виноградов скорее чувствовал это, чем мог убедить меня в этом. После личных встреч и бесед с де Голлем мое мнение начало совпадать с мнением Виноградова. Я оценил де Голля как партнера. Вопросов внутренней жизни СССР и Франции мы с ним не затрагивали, потому что эти вопросы именно внутренние для каждой страны. Это де Голль понимал хорошо, поэтому и намеков не делал никаких насчет нашего внутреннего устройства, хотя я понимал, что он являлся тут противником. Я тоже понимал, с кем имею дело. Не скрою, однако, что и на меня он произвел сильное впечатление.

Сталин был невысокого мнения о способностях военных лиц в политической деятельности. Его любимое слово «солдафон» означало наличие тупости, ограниченности, непонимания социальных условий, в которых живешь. Такое мнение распространялось им не только на наших генералов, но и на генералов всех стран, включая де Голля, чье гордое, независимое поведение, та особая позиция, которую он занимал в своей среде и которая способствовала его своеобразной изоляции, Сталина не заставляли менять своей точки зрения. Ведь де Голль не занимал тогда ведущего положения в политике Франции. Сталин относился к нему без особого уважения. Теперь личное знакомство убедило меня, что этот генерал очень хорошо разбирался в политике, в международных вопросах и занимал четкую позицию, отстаивая интересы Франции. Он вовсе не был подвержен чуждому влиянию, ему вообще нельзя было навязать чужое мнение, особенно в политике, не отвечающее интересам Франции. По всем вопросам, которые мне приходилось с ним обсуждать, он высказывался сам, не нуждаясь в комментариях Министерства иностранных дел или премьер-министра, хотя на такие беседы последний приглашался. Но приглашался скорее для проформы. Во имя представительства. А де Голль, по всем вопросам имея законченное мнение, лично излагал его, прочие же политические деятели Франции всегда соглашались с ним.

Внутреннюю политику де Голля я считаю реакционной. Он был не только слугой капиталистов, а идеологом капитализма во Франции. Когда он стал президентом, Французская компартия провозгласила борьбу с личной властью, потому что там возникло уже не правительство как таковое: оно олицетворялось в де Голле. Его правительство понимало свое положение и не претендовало на большие права. Исчезло коллективное управление Францией, действовал в основном ее президент: он-то и есть Франция, грубо говоря. Вернее сказать, он есть та власть во Франции, которая определяет всю политику. Этот верный защитник капиталистического строя, защитник буржуазных устоев ввел в жизнь законодательство, которое свело на нет демократическую конституцию, принятую после разгрома Германии, за счет прав трудящихся создал лучшие условия для непролетарских элементов, и это сказалось при первых же выборах, когда резко сократилось коммунистическое представительство в парламенте.

Де Голль пришел к власти в бурное время. Во Франции сохранялось неустойчивое положение, ультраправые элементы были близки к захвату власти, перешли к террору и готовили путч. Предполагался и разгром Коммунистической партии. У нас тогда сложилось впечатление, что де Голль тоже направит свои усилия в эту сторону, но такого не произошло. Президент провел опрос населения, изменил Конституцию, усилив свою власть, но не стал громить Коммунистическую партию, и она даже при новых порядках сохранила депутатов в парламенте. Конечно, де Голль открыл шлюзы для реакционных сил. Но он считал, что коммунисты имеют глубокие корни в народе, особенно в рабочем классе. Поэтому надо остановить прямое наступление на них. Его что-то удержало. Вероятно, он не хотел вызвать волнения, даже может быть гражданскую войну.

Несмотря на свою непримиримость к коммунистическим идеям, де Голль проявил трезвость ума, считая, что Франция — демократическая страна, что рабочий класс завоевал себе право иметь свою партию и представителей в парламенте. Правда, он сузил дверь, оставив только маленькую щель, и все-таки голос представителей пролетариата звучал в парламенте. Сохранилась и пролетарская печать. Коммунисты открыто продолжали вести борьбу против личной власти, так они формулировали тогда свою позицию. Даже при тех реакционных основах избирательного права, которые ввел де Голль, они на очередных выборах в парламент каждый раз проводили в него своих представителей.

Во французском парламенте две палаты. И в той, и в другой есть представители Коммунистической партии, а в какой больше, ответ каждый желающий может найти в справочниках. Так что у нас к де Голлю было два чувства. Мы ценили его международную политику, правильное понимание им значения Советского Союза. Не говорю, что он одобрял нашу политику. Нет, он правильно понимал ее, хотя и не во всем нас поддерживал, далеко не во всем был с нами согласен. Но он не являлся какой-то агрессивной силой, нацелившейся против СССР, и тоже стоял на позиции обеспечения мира. За это мы его и уважали. Внутренняя же политика, которую он проводил, была реакционной. С ней боролась Коммунистическая партия, борется и сейчас, когда де Голля уже нет у власти. Зато у власти остались прямые деголлевцы, и политика ими проводится та же, которую определил в свое время де Голль. Но мы считаем, что это их внутренний вопрос. Во Франции есть пролетариат, который борется за свои права, эта его борьба будет продолжаться до полной победы. Мы уверены, что рано или поздно победа останется за рабочим классом и за Коммунистической партией, которая является его политическим организатором.

Я был знаком со многими руководителями Французской компартии, и не просто знаком, а дружил. Лучше всех я знал Тореза, много раз отдыхал с ним на Кавказе, встречался и в Москве. У нас никогда никаких разногласий с Торезом не возникало. Я очень уважал и товарища Дюкло. И с ним никаких различий в политических оценках, в нашем понимании вопросов международной политики и коммунистического движения не существовало. С уважением относился я и к Вальдеку Роше, которому недавно исполнилось 65 лет. По причинам, связанным с моим сегодняшним положением, я лично не послал ему официально добрых пожеланий, но зато диктую их сейчас, с удовольствием шлю ему привет, желаю бодрости и успехов в деятельности по сплочению рабочего класса, в достижении целей, которые ставит перед собой Коммунистическая партия. У меня были хорошие отношения также с Кашеном, с другими лидерами французских коммунистов. Сейчас у меня нет возможности иметь с ними по-прежнему какие-то контакты, а из-за ослабшего зрения я сейчас меньше читаю международную прессу, чем прежде, так что не обо всех них могу судить, как раньше.

Итак, де Голль блеснул трезвым умом, продемонстрировал правильное понимание им положения, в котором оказалась Франция после многолетней войны в Алжире. Придя к власти, он направил усилия против экстремистов, путчистов и расистов, организовавших военные отряды и перешедших к террору. Де Голль провел опрос населения Алжира для выяснения, хочет ли оно оставаться с Францией или предпочитает стать независимым. Жители Алжира высказались за самостоятельность, и де Голль (отдадим должное трезвости его ума и твердости характера) согласился. Но арабы получили независимость не на блюде, а завоевали ее с оружием в руках, заплатив кровью своей за свободу. Де Голль верно думал, что дальнейшее противостояние не принесет ничего хорошего ни Франции, ни Алжиру, а только истощение и разорение. Коммунистическая партия Франции всегда стояла на позиции предоставления Алжиру независимости и прекращения войны, и не только на словах. Она одобрила такой поворот событий. А де Голль затем повел наступление против сил, которые стояли за продолжение колониальной политики. Несмотря на неоднократные покушения на него, он проявил мужество и не отступил.

Только он смог сделать такое. Находился же ранее у власти Ги Молле, представитель Социалистической партии. В парламенте ее представители были в большинстве, и если бы Ги Молле искал возможность предоставления независимости Алжиру, то это произошло бы. Но и он оставался в душе колонизатором несмотря на то, что когда-то ходил даже в левых социалистах. Когда он посетил Советский Союз в составе правительственной делегации, я много с ним беседовал, и он доказывал мне необходимость сохранения Алжира в качестве владения Франции. Де Голль один понимал там из «вышестоящих», что колониальное время прошло. Нас, добавлю, мучил вопрос, сдержит ли он свое слово и выведет французские войска? Да, он сдержал свое слово и вывел оттуда все войска. По этому поводу я не раз беседовал с журналистами и говорил им, что, на мой взгляд, во Франции кроме де Голля или коммунистов никто не смог бы прекратить войну и предоставить независимость Алжиру. Ведь последнее есть фактическое признание поражения в войне. Она длилась много лет, а согласия на переговорах не достигали. Мы теперь искренне радовались за Алжир. И не меньше нас радовалась Французская коммунистическая партия, которая затратила массу средств и пролила много крови во имя справедливости. Де Голль же завоевал симпатии всех здравомыслящих людей.

Упомяну, что во время Карибского кризиса, когда настал критический момент и Кеннеди был готов применить военные средства против Кубы, с тем чтобы вынудить нас ликвидировать там ракетно-ядерные установки, он как будто заручился поддержкой де Голля, который вроде бы сказал, что Франция будет вместе с США. Конечно, если бы началась война между СССР и США, полагаю, что Франция вынуждена была бы воевать на стороне США. Крупные американские воинские контингенты располагались на территории Франции и Западной Германии. Куда от этого деваться? Сей факт свидетельствует о двойственности души де Голля. Он тяготел к капитализму, а то, что нарушало его устои, генеральская душа не принимала. Когда я оказался в отставке, де Голль посетил Советский Союз с ответным визитом. Потом разные деятели СССР в различном составе делегаций неоднократно бывали во Франции. Сложились хорошие отношения и сотрудничество наших двух стран в развитии промышленности, в сферах науки, культуры, открытий и изобретений и прочих, которые интересуют обе стороны. Я считаю, что основу всему этому заложил де Голль.

Правда, сейчас соотношение сил в мире изменилось, причем резко. Нет даже сравнения с тем положением, которое существовало 10 или хотя бы 5 лет тому назад. Наша экономика каждый год дает прирост, повышается наш потенциал, включая военный, и в большей степени, чем в капиталистических странах, за исключением США. Но если ослабнут тормоза, сдерживающие развитие военной машины НАТО, и разразится война, то больше всего пострадает Западная Европа. Массированный удар будет нанесен по Западной Германии, Франции, Англии. Еще когда я был в руководстве, мы накопили столько ракет и ядерных зарядов, что уже тогда решили: «Довольно!». Можно, конечно, заменять устаревшие ракеты более совершенными, но по количеству их имелось предостаточно. Думаю, что сейчас это понимают все руководители буржуазных стран. Это понимал и такой человек, как Аденауэр. Он публично говорил: «Разве Германия не видит, что если разразится третья мировая война, то прежде всего будет разрушена именно она? Как же мы можем быть сторонниками войны?» Вот его точка зрения. Если проанализировать действия и направленность политических тенденций тех лиц, которые верховодят в Западной Германии, то нельзя сказать, что там всеми умами овладело такое же благоразумие. Они опять прут на рожон и не исключено, что в какой-то момент могут поджечь фитиль порохового погреба.

Когда мы вернулись в Париж из поездки во Францию, ЦК ФКП предложил нам познакомиться с квартирой, в которой жил Ленин. Там теперь создан музей. Нас сопровождали Торез, Вермерш, другие товарищи. На нас произвела сильное впечатление забота о памяти Великого Ленина. Он принадлежит рабочему классу всего мира, всему прогрессивному челове-

честву, но он наш соотечественник, наш вождь, первым провозгласивший, что в России созрели условия для социальной революции. То было смелое по тому времени, можно сказать — дерзкое, заявление. Многие издевались над ним, высмеивали его. Однако Ленин доказал всем скептикам и маловеерам даже внутри большевистской партии, что победная революция возможна. Вокруг дома, где располагается его бывшая парижская квартира, собралось тогда много народа. Когда мы с товарищем Торезом вышли на балкон, то увидели, что вся улица запружена людьми. Мы выступили с речами. Рабочие и члены их семей с большой симпатией приветствовали нашу делегацию как представителей советского народа. Митинг прошел очень торжественно.

Советское руководство выразило удовлетворение отчетом о визите во Францию, который мы сделали, одобрив его целиком и полностью. А я лично остался доволен знакомством с де Голлем, лучше стал понимать его, представлять себе его концепцию развития международной ситуации. При том положении вещей, в котором мы в то время жили, его позиция оказалась в германском вопросе наилучшей. Во всяком случае, она учитывала и наши интересы. Франция не хотела усиления Германии, а де Голль не хотел ослабления НАТО и признавал одновременно такие же права за Варшавским договором, стоял на рубеже статус-кво: как сложились границы и блоки после войны, так пускай и остаются.

Это не означало решения проблемы и не исключало случайности, которая могла бы привести к военному столкновению, но было лучшим из худшего. А потом де Голль пошел дальше и вывел свои войска из-под командования НАТО, что в военном отношении ослабляло агрессивные силы, нацеленные против стран социализма. Де Голль хотел бы единой Европы, сплотив ее от Атлантики до Урала. Она содержала бы в себе различные социально-политические системы, но таким образом он хотел обеспечить мир на этом участке земного шара. Он видел такую возможность, однако ставил условие, чтобы США не вмешивались в европейские дела. Это для нас тоже было и приемлемо, и выгодно. Политика де Голля выглядела разумной.

Правда, другие его не поддержали, и он не добился решения вопроса по-своему. Ныне деголлевцы руководствуются основами его политики. Насколько углубится эта линия в дальнейшем, покажет будущее. Данный процесс будет зависеть от обеих противостоящих сторон, я же надеюсь, что взаимоотношения будут развиваться на здоровой, обоюдовыгодной основе. Пусть у нас разные общественные системы, интересы дела мира зато общие!

(Продолжение следует)

Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р. В. Малиновского (май — ноябрь 1914 г.)

Журнал начинает публикацию материалов следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Романа Вацлавовича Малиновского, который, будучи членом ЦК РСДРП, депутатом IV Государственной думы (избран по рабочей курии), одновременно являлся секретным сотрудником царской охраны. Ранее доступ к документам комиссии даже исследователям был фактически закрыт, что порождало неточности и вымысел в работах, касавшихся этого дела.

Документы следственной комиссии — ценный источник как для раскрытия принципов и приемов борьбы спецслужб Российской империи против революционного и оппозиционного движений, так и для изучения многих аспектов истории этих движений, и прежде всего истории РСДРП, деятельности известных и ныне или давно забытых ее членов, внутренней атмосферы и нравственных принципов революционного подполья.

По делу Малиновского проходили три следственных процесса, отраженных в документах: комиссия ЦК РСДРП в составе Я. С. Ганецкого (председатель), Г. Е. Зиновьева и В. И. Ленина, работавшая в Поронине (Галиция) в 1914 г.; Чрезвычайная следственная комиссия, созданная Временным правительством в марте 1917 г. для расследования противозаконных действий должностных лиц царского режима; Верховный революционный трибунал при ВЦИК, заседавший в ноябре 1918 г. и приговоривший Малиновского к расстрелу. Материалы расследований 1917 и 1918 годов опубликованы¹. Вероятно, в конце 1913 — начале 1914 г. (это явствует из содержания документов) проводилось негласное расследование в связи с распространением слухов о сотрудничестве Малиновского с охранкой и расследование комиссии двух социал-демократических фракций IV Государственной думы в мае и июне 1914 г. в Петербурге, материалы которых не найдены (возможно, записи не велись)². Немалый интерес представляют написанные участниками событий в 20-х — начале 30-х годов воспоминания, касавшиеся дела Малиновского, особенно мемуары Г. Е. Зиновьева³.

Ниже публикуются материалы первого из следственных процессов по делу Малиновского, наиболее драматичного по результатам, ибо ему удалось ввести в заблуждение достаточно опытное в конспиративных делах руководство большевистской партии и получить официальное, опубликованное в печати заключение ЦК РСДРП о его «политической честности».

Можно выделить несколько причин, вызвавших неудачу комиссии ЦК РСДРП. Во-первых, недостаточность объективных доказательств провокаторской деятельности Малиновского, приведенных свидетелями. Он следо-

вал сценарию наиболее опытных и изощренных в сыске чинов охраны, которые помогали ему запутывать следы. Департамент полиции проявлял осмотрительность в планировании и проведении полицейских акций, вызванных информацией Малиновского. Оценивая деятельность охранных служб, Ленин в показаниях Чрезвычайной комиссии Временного правительства в 1917 г. подчеркивал: «Я могу теперь, вспоминая всю деятельность Малиновского, сказать, что за его спиной стояла, несомненно, комиссия умных людей, которая направляла каждый его политический шаг, ибо собственными силами он бы не мог так тонко вести свою линию»⁴. Малиновский ловко приспособился к обстоятельствам и окружавшим его людям, учитывая их характеры, психологию, использовал в своих интересах их настрой против шпиономании, взаимной подозрительности, зачастую парализовавших подполье в годы реакции.

Другой причиной, по-видимому, притупившей бдительность комиссии ЦК РСДРП, являлась активная деятельность Малиновского в пользу партии, по укреплению авторитета большевиков в рабочем движении, его тесная связь с заграничным центром партии и осуществление политической линии и конкретных указаний последнего. Комиссии это казалось слишком дорогой для охранного отделения ценой за внедрение провокатора в революционного движение.

И еще одна причина, повлиявшая на работу комиссии: острейшая конфронтация между большевиками, с одной стороны, меньшевиками и другими фракциями и течениями в РСДРП — с другой. В этих условиях возникли нетерпимость, непримиримость, взаимное недоверие по всем вопросам. Поскольку подозрения в отношении Малиновского первоначально исходили главным образом от меньшевиков, большевистская комиссия не смогла занять полностью объективную позицию, рассматривая свидетельства против него как очередную интригу политических противников. Особенно ярко эта позиция отразилась в проекте заключения комиссии по делу Малиновского.

Публикуемые документы, находящиеся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)⁵, составляют единый комплекс из протоколов заседаний следственной комиссии в мае — июне 1914 г. (они поочередно велись Лениным и Зиновьевым), письменных показаний Н. И. Бухарина, Н. М. Бухариной, А. И. Елизаровой, Г. И. Петровского, А. С. Романова, М. А. Савельева (автографы указанных лиц или копии — автографы Ленина), материалов очных ставок Малиновского с Бухариным и Е. Ф. Розмирович. В деле имеются также письма Малиновского, Бухарина, Розмирович, ссыльных социал-демократов, находившихся в Вологде, представителя Московской большевистской организации (написанные собственноручно или в копиях, снятых Крупской) и биография Малиновского — автограф. Заключение комиссии сохранилось в виде плана, составленного Зиновьевым, и проекта, написанного Зиновьевым и Лениным. Завершает публикацию письмо Бухарина (осень 1914 г.) по поводу заключения комиссии. Наиболее важные относящиеся к делу документы ЦК РСДРП и большевистской фракции IV Государственной думы, не входящие в дело следственной комиссии, публикуются в примечаниях.

Публикация подготовлена сотрудниками РЦХИДНИ Ю. Н. АМИАНТОВЫМ и З. Н. ТИХОНОВОЙ, ими же написана вступительная статья. Слова, подчеркнутые авторами документов, даны в разрядку, а расшифрованные подготовителями заключены в квадратные скобки. Реальные примечания пронумерованы арабскими цифрами и набраны в конце публикации в каждом номере журнала, примечания по передаче текста помечены арабскими цифрами со звездочкой и помещены после каждого документа.

Амиантов Юрий Николаевич — главный хранитель РЦХИДНИ; *Тихонова Зоя Николаевна* — старший научный сотрудник РЦХИДНИ.

Примечания

1. См. Падение царского режима. Стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царизма. Тт. 1—7. М.-Л. 1924—1927; Материалы революционного трибунала по делу провокатора Малиновского.— История СССР, 1991. №№ 1—6; Дело провокатора Малиновского. М. 1992. Биографию Малиновского, факты его сотрудничества с охранными службами см.: ЭРЕНФЕЛЬД Б. К. «Дело Малиновского» (Из истории политических провокаций царской тайной полиции).— Вопросы истории, 1965, № 7; Дело провокатора Малиновского.
2. См. Дело провокатора Малиновского, с. 43—44, 84 и настоящую публикацию: Копия письма Н. Бухарина Ленину (с. 117).
3. Известия ЦК КПСС, 1989, №№ 5—7.
4. Дело провокатора Малиновского, с. 54.
5. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 27130.

1. *Протокол первого заседания следственной комиссии* *28(15) мая 1914 г. ¹*

28.V.1914 (Двадцать восьмое, пятница) 11 часов утра.

Р. Малиновский заявляет, что просит ЦК назначить комиссию для всестороннего расследования его дела. Письменно внесет заявление после ². Ленин констатирует, что заявление Малиновского принято, и комиссия Центральным Комитетом назначена в составе Ленина, Зиновьева и Ганецкого ³.

Открывая заседание комиссии, Ленин задает Малиновскому первый вопрос об его имени. Малиновский отказывается ответить, пока не будет поездки на место для проверки. После обмена мнений по этому вопросу, в каком-то обмене участвовали Зиновьев, Ганецкий, Малиновский и Ленин, решено выслушать все данные о семейном положении Р. Малиновского и затем потребовать объявления фамилии ⁴.

М а л и н о в с к и й. 1) Дед — уроженец города Плоцка, radca stanu (тайный советник), умер в Плоцке, осталось 4 сына и 2 дочери. Сыновья: Александр, Иосиф, [остальных] не помню, сосланы в Иркутск на 4 года. Отец уехал на 7 лет в ссылку на Волгу. Имения конфискованы, но часть денег осталась. Матери происхождение знаю мало. У матери сестра — жена владельца аптекарского магазина. Отец вернулся обратно, служил управляющим имения, заведовал сахарным заводом, помер в Плонском уезде Варшавской губ. от паралича сердца, подозревали, что отравлен. Сыновья: старший Сигизмунд (Зигмунд), лет 46; сестра Казимира (окончила консерваторию); [я] — третий по возрасту; четвертый — Викентий, пропал шестнадцати лет, нет до сегодня; пятая — сестра Вацлава (замужем за инженером); шестая — младшая хромая (Калишская губ., учительница).

Я лично в 1891—1892 гг. был отдан в книжный магазин Байера в Плоцке. Пробыл с год. От Байера ушел. Родная сестра моего отца замужем за владельцем маленького завода Бурзынским. В 1892—1893 гг. отдали к нему на попечение. Брат был в университете. Одна сестра в гимназии. Семья была в деревне Крубицы.

В годы около коронации ⁵ меня отдали в золотосеребряную и мельхиоровую мастерскую Грошковского и шурина моего Годыцкого (Жабья, 9). Во время беспорядков калишских брат (студент) был арестован. Был социалист. Где именно участвовал — не знаю. Был сослан в Пермскую губ. Во время коронации был сокращен срок. Возвращен в Польшу, разрешили вернуться в университет, но не в Польшу. Перевелся в Казанский университет на медицинский факультет. Кончил, женился. Получил паспорт на основании разных документов без справок по месту рождения. В книгах сказано: разыскивается. Ездит в Ессентуки, там практикует. Женат на дочери ревизора. Политикой теперь не интересуется. Социалистом перестал быть, но прогрессист ⁶.

Сестра Вацлава замужем за инженером-строителем, живут в Варшаве. Он и сестра за бойкот евреев, но против москалей, беспартийные эндеки ⁷. Политикой не интересуются.

Старшая сестра Казимира жила в Киеве, Петербурге, ездит по богатым домам, на полном содержании 40—45 руб., бонна, обучает разным языкам, девица, 42—43 года. Не соглашается с бойкотом евреев, против правительства, более культурный человек.

Самая младшая воспитывалась в очень тяжелых условиях (мать померла), кажется, в Пробошелицах. Учительница в Калишской губ. В личном знакомстве с депутатом Калишской губ.

Трое сосланных старших сыновей⁸, сослан двоюродный брат Иван (мужик). Живут ли сосланные дяди — не знаю. Одна из жен дядей служит в Иркутской обсерватории. Бурзынский жив и теперь в Варшаве, жена — тоже. Стефан, сын Бурзынского, служит. Другой сын сидел полтора года за подделку бумаг в исковом деле. Перевели его в мастера по винокуренному делу в Калишскую губ.

Брат Викентий переехал в Америку и пропал. Последние сведения в 1903—1904 гг. будто богатый человек в Америке. Перешел границу без паспорта с партией. Уехал, ибо не было средств. Крепкого сложения, немного заикается.

В Цехановском уезде мы получили от Ключе 7000 руб. Мать жила под Плоцком в деревне Крубицы. После смерти отца я уехал в Варшаву. До 1894—1897 гг. (год огромного наводнения в Варшаве⁹) в мае — июне мой товарищ (Сигизмунд Кокуляр, имеет золотосеребряную мастерскую в Ченстохове) и я (мне было тогда лет 17, я родился 18 марта 1877 г.) собирались в кругосветное путешествие из Варшавы. Денег у нас было рублей 15. Взял у брата куртку, сели на пароход. Приехали в город Плоцк, там увидели, что плохо. Взялся за работу на разгрузку песка, а товарищ в переплетной мастерской у госпожи Домбровской. Так шло до осени. Был я уже протестантом, но ничего не понимал. Был патриотом.

В Плоцке встречаю Якубовского, который меня избил десятилетним мальчиком, издеваясь. Я ударил его. Начинается следствие. Я перебираюсь за границу (на германскую сторону, около самой границы), поступаю (уже без Кокуляра) на перламутровую фабрику. Здесь на почве любовных дел (только частная неприятность) происходит неприятная история, после зимы и весны возвращаюсь в Россию. Еду назад в Плоцк. Мать жила в Крубицах с некоторыми средствами. Там оказали впечатление буйные подвиги некого¹⁰. В Плоцке хотели арестовать за битье Якубовского. Я сопротивляюсь, срываю шашку у городского. Через 1—2 недели городской был убит. Меня с этим делом связывают. Я скрываюсь. Опять хочу бежать за границу.

В это время были уже кой-какие симпатии к социализму, социалистический дух. По дороге за границу меня арестовывают, узнавши меня, в Добржине над Вислой. Сажают в каталажку. Через 2—3 дня бегу, разрывая печку. Возвращаюсь в центр Польши, возвращаюсь в Плоцк, там арестовывают, сижу год 7 месяцев в плоцкой тюрьме до суда. Обвиняют в убийстве городского. За побег не судили, ибо бежал не из казенного дома. Сидел все время до свид.¹¹ Увлекаюсь религией. Затем начинается разлад. На суде оправдали. Суд был в 1900 г. в июне — июле месяце. Помню только последние слова: «Не лишайте меня лестницы спасения». Отношение в тюрьме было вежливое. В камеру мне дали станочек (перламутровые пуговицы).

Решаю ехать в городок Сохотин (перламутровые пуговицы). Происходит у меня вторая любовная история. Судился под настоящим именем. Дело пахнет поселением. Еду на призыв. Человек пропадает, его нет до сих пор. В 1901 г. я иду на военную службу¹². Я оказываюсь пропавшим. Тот, по паспорту которого я пошел, умер. Иду на службу в лейб-гвардии Измайловский полк в Петербурге. Получаю вывих руки. Отправляюсь в Семеновский госпиталь. Лежу два месяца. Отстаю в занятиях. Гордеев и Розгильдеев — штабс-капитаны — ко мне придираются. В строю прослужил от 22 февраля до 10—12 мая. Переводят в Красное село в мастерские Главного штаба. Условия сносные, военной дисциплины нет. Однажды дали 25 руб. (Мирбах) наградных. Выпили. Стал тонуть. Меня вытащили. Сажают в каталажку на ночь. Переводят обратно в Измайловский полк.

Остается быть 4 года простым рядовым. Удастся перевестись в оружейную мастерскую гвардейского Измайловского полка. Там встречаюсь с одним социал-демократом (его разыскивают и сейчас за передачу оружия революционерам). Это приблизительно 1902—1903 гг. Он произвел на меня большое влияние. Что он выдавал винтовки — я не знал, но револьверы и патроны — я знал и помогал. С того времени я стал революционером.

Отправили назад в полк. Попал опять под руку Гордеева. Пошел в конюхи к полковнику Ботерьянову. Здесь начинается знакомство со Стефой (женой)¹³. Через ее родственников знакомлюсь с путиловскими рабочими. Скоро возвращаюсь в полк. Скоро начинаются уличные волнения. Агитационная речь в казарме в связи с похоронной процессией «забастовщика». Донесли по начальству. Розгильдеев предложил или идти на войну, или делу дан будет ход. Иду на войну. По дороге в Могилеве военный бунт (полк был очень революционен, укомплектован из латышей). Заключение мира¹⁴. Возвращаюсь в Россию. Крестьянские волнения. Железнодорожная забастовка.

Прибыл в Петербург приблизительно в феврале — апреле 1906 г. (ребенок уже был, Володя). Денег — у жены рублей 40, у меня ничего. Поступил на 1-ой роте на фабрику труб. Через неделю поступил к Лангензипену¹⁵ (мастер поляк Бернацкий). Работу знал плохо. Сосед по станку Бойс. Вошел в заводскую организацию. Встречался там с первыми с Озеровым, Мясниковым. Участие в Союзе металлистов¹⁶ (лето 1906 г.). Свеаборгское восстание¹⁷. Забастовка. Вхождение в организацию (подрайонную организацию). Состав районного правления Петербургской стороны: Озеров, Петров (Лангерман)¹⁸, Яцыневич¹⁹, Мясников. Работа в общегородском правлении металлистов. Работа в Центральном бюро союза. Съезды: фабрично-заводских врачей, кооперативный. Выбран делегатом на антиалкогольный съезд²⁰. Делегаты антиалкогольного съезда. Арест их в Петербурге²¹: Малиновский, Дементьев, Предкальн, дама-ликвидатор, Магидов, человек 10. Первый арест. Продержали три месяца. Высылка около пятидесяти человек по всей России. Р. Малиновский выслан из Петербурга²². Отправили в Финляндию. Сделали мне сборы.

Сообщили мне, что Шевченко²³ в Москве. Поехал туда²⁴. Достал работу в Москве у Штолля. Во время работы у Штолля (начало 1910 г.) явился ко мне²⁵ Макар (Рыжий). Рассказал, как и что. Предложил помочь организации ЦК и организовать типографию²⁶. Я обратился к Шевченко и Богомазову. Я, Шевченко и Макар решили, что Шевченко ставит типографию, но никто не должен знать. Макар дал наборщика и наборщицу. Типография должна была быть в Ярославле. Купили уже машину. Бюджет был около тысячи рублей. Адрес типографии должна была еще знать моя жена.

Во время переговоров Макар предложил войти в ЦК. Стал еще вопрос о кооптации Шевченко и Милютин²⁷. Макар приходил ко мне на квартиру раза два-три. Макар дал около 100 рублей на жизнь, когда [я] бросал работу. 18 или 28 апреля 1910 г. должно было быть пленарное собрание ЦК в Москве (я согласился войти в ЦК). Я должен был поехать на Урал, Шевченко — типография. 18 апреля уже должна была девица принести адрес ЦК. В воскресенье девица принесла адрес: Большая Якиманка, номер не помню, час дня. Перед часом собрания прибегают с предупреждением, что нельзя идти на квартиру (воскресенье), ибо вчерашний день, накануне, сел цекист-латыш со своими латышами. Макар говорил, что через день латыши были выпущены. Заседание ЦК было отложено. Налегли на типографию. Я взял расчет по поручению Макара. Типография была уже совсем оборудована. Бумагу покупал я. Ехал в Ярославль.

Перед 1 мая 1910 г. на Воробьевых горах происходило собрание «как бы» ЦК: Инок²⁸, Макар, Шевченко, Милютин, Малиновский. Малиновский там утверждал, что за ним слежка. Шевченко говорил, что за ним нет слежки, Инок — тоже. Макар и Милютин тоже говорили о шпиках. Составился первый номер газеты ЦК²⁹.

После 1 мая днем на улице меня арестовали³⁰. Арестовали тоже Шевченко и Макара. Где жил и бывал Макар — я не знал. О типографии на допросе ни звука не спрашивали. Только о знакомстве с Макаром. Через месяц Р. Малиновского и Шевченко освобождают³¹. На докладе в «Возрождении» Милютин и другие сели, человек 9³².

После всех этих происшествий поступил учиться в наборные машинисты, а потом знакомство с Кржижановским³³ и поступление на трамвай (лето 1910). Через Шера³⁴ и других стал хлопотать о лучшем месте. Занесли меня в черные списки. Р. Малиновский и Шевченко пытались сделаться машинными наборщиками. Круглов³⁵ и Шер усиленно помогали мне деньгами и прочим. Знакомство с Кржижановским и другими инженерами. Кржижановский помог определиться на трамвай. (Машинному набору не доучился.)

Поступил на вечерние курсы Шанявского ³⁶. Осенью 1910 г. в Москве освобождают Кацапа (Полякова) ³⁷. Стали часто видаться. Во время толстовских дней ³⁸ обыск у Р. Малиновского и арест на несколько дней ³⁹. То же еще раз. Через Кацапа узнаю, что Макар опять в России и хочет увидаться. Под новый год (1911) Кацап отвозит меня в Тулу (было всего 4 часа). Видаюсь с Макаром. Должен был видеть меня и Линдов ⁴⁰, но не увидался. Макар главным образом спрашивал о положении дел, но предложений не делал. Теперь Макар впервые стал высказываться против «ленинцев» и за границы. Свидание было за Тулой верст 5. Кацап там бывал уже несколько раз. Р. Малиновский посещал еще тогда клуб общедоступных развлечений. Там встречался с В. Н. Лобовой ⁴¹. Летом 1911 г. вхожу в московские профессиональные союзы (знали: Шер, Ежов, Кибрик, Колокольников, Ленский, Тан ⁴²). Работал тогда в Союзе текстильщиков. Был членом правления и председателем ревизионной комиссии Сокольнического отделения Московского потребительского общества городских служащих и Пименовского отделения.

Летом совещание для «возрождения партии» в Москве. Р. Малиновский, Шер, Кибрик, Чиркин ⁴³, Ежов, Колокольников и еще один ликвидатор.

Осенью 1911 г. поступил на курсы. Знакомство с Алей (Георгием) ⁴⁴. Явился, чтобы помочь восстановить связи. Несколько раз встречался. Ходил на небольшие собрания. Приезжал Лазарь. Валентина Николаевна [Лобова] и Лазарь предложили поехать на конференцию от Московского комитета ⁴⁵. Приезд на январскую конференцию ⁴⁶. Ездил с заграничным паспортом Павла Сицинского. Маршрут: Москва — Варшава — Александров — Берлин — Лейпциг — Прага. Возвращение с конференции. Доклад МК и еще кому-то (на квартире у студента). Пошли слухи о заграничной поездке. 2 февраля 1912 г. (праздник Богоматери) уехал в Плоцкую губ., чтобы «легализовать» поездку за границу. Приехал записать жену и детей своих. Дней через 7 вернулся. Обратился к инженеру поляку Двожанчику (Окулич, Галецкий) и еще одному, чтобы устроили. Дали письмо на фабрику Фёрмана ⁴⁷. Жил в Ростокино и не показывался в Москве. Свидание с Георгием архиконспиративно. Только Серго знал, где служу (Коба не знал) ⁴⁸. Серго посвятил только потому, что пришлось дать ночевку Серго.

Организационно с ППС ⁴⁹ связан не был, был только в подготовительных кружках. «Денежных историй» никаких никогда с ППС абсолютно не было.

Уже во время депутатства Валентина Николаевна говорила, что какой-то один рабочий обвинял Р. Малиновского в «провокаторстве». Она не придавала никакого значения. История с incognito очень сильно влияла на решение об отказе от полномочий ⁵⁰. Все время волновался. Бурцев во время свидания ⁵¹ имени литератора не назвал. Говорил, что литератор большевик, но настолько далеко стоит, что повредить не может.

Помощь семье получил один раз до думской. Немного наследства получила жена, в том числе для брата жены (с условием не говорить до поступления его на военную службу) — около 2 тысяч. Во время Думы жене давал по 150, потом повысил до 200. Никаких доходов не было, кроме думского жалования. Никаких займов не делал.

Относительно дальнейшего существования — ничего еще не думал.

Запись протокола — автографы Ленина и Зиновьева

2. Заявление Р. В. Малиновского ⁵². Не ранее 28(15) мая 1914 г. ⁵³

Кроме всего сказанного, считаю долгом заявить комиссии, что еще до вступления в сознательную политическую жизнь, в самых молодых годах, со мной было крайне печальное и тяжелое происшествие, наложившее свою печать на всю мою дальнейшую жизнь. Это происшествие связано с честью женщины. Мне крайне тяжело, и я не считаю возможным об этом говорить, но в случае, если бы от этого зависел вопрос о моей политической честности, или по другим крайне важным причинам комиссия хотела бы знать и это, то для этого указываю две фамилии ⁵⁴, которые могут рассказать все подробно.

Р. Малиновский

Автограф

3. Показания Н. И. Бухарина ⁵⁵
Ранее 11 июня (29 мая) 1914 г. ⁵⁶

Н. И. Бухарин рассказал: весной 1911 г. ^{1*} (точно), когда я сидел в тюрьме ^{2*}, там было четыре рабочих: Козлов, Бронников, Плетнев и Быков ⁵⁷. Они имели дело с Малиновским. Эти рабочие ^{3*} были настроены ликвидаторски и передавали, что Малиновский работал тоже среди ликвидаторов. Однажды на прогулке они мне заявили, что подозревают Малиновского в провокации (кажется, что Быков первый говорил, но наверное говорили все вместе). Кажется, это было приблизительно 2—3 месяца спустя (во всяком случае отнюдь не сразу) после того, как мы оказались вместе в тюрьме. (Они взяты в связи с подготовкой второго съезда фабрично-заводских врачей.)

Они меня просили передать это, когда я выйду из тюрьмы ^{4*}. Я передал, когда проездом из ссылки был в Москве (около IX.1911 г.) Шулятикову ⁵⁸ (Шулятиков был тогда в следственной комиссии по провокаторским делам при Московском комитете ⁵⁹). Шулятиков заявил, что следственная комиссия не существует в данный момент и что он предупредит одно — два лица из близких. Шулятиков заявил, что переживается эпидемия провокационных слухов, но что он примет заявление во внимание (Шулятиков лично знал Малиновского и имел с ним конфликты на первом съезде фабрично-заводских врачей, конфликты принципиального характера) ⁶⁰. Больше, кроме этой беседы, у меня ничего не было по этому поводу. Сказал только еще своей жене ^{7*} (когда сказал, не помню: на свидании ли в тюрьме или проездом из ссылки) ⁵⁹. Из ссылки за границу прибыл осенью 1911 г.

Улики, выставлявшиеся четверкой, были следующие (помню их лишь приблизительно, ибо дело было очень давно, я никогда их не записывал ^{8*} и не намеревался поднимать никакого дела): 1) в связи с фабрично-заводским съездом провалился харьковской [делегат] ^{9*}, который послал письмо одному товарищу в Москве. Письмо относительно съезда с упоминанием о партийной подготовке съезда ⁶¹. Упоминалось имя Малиновского в связи с социал-демократической подготовкой к съезду. Малиновский был назван по фамилии. Адресат и харьковский делегат (автор письма) были арестованы, кто адресат, неизвестно, и я не помню, знала ли его имя четверка. Малиновский не арестован. (Точнее вспоминая, скажу, что письмо, кажется, было послано из Харькова, но харьковским ли делегатом — не знаю.) Харьковский делегат сидел в Сущевке с нами всеми вместе, хотя я был не в той камере, где была четверка, и не в той, где был харьковец, но мы имели постоянную возможность сообщения. Я видел и беседовал с харьковцем, но не по поводу этого ^{10*}. Беседовала ли четверка с харьковцем — не знаю. Адресат письма в Сущевке не сидел. Где он сидел, не знаю. Что было потом с харьковцем и адресатом, забыл. Как будто бы кому-то показывали при допросе это письмо, но это помню не наверное.

При каких условиях была арестована четверка? Четверка была в ресторане, навеселе, пели революционные песни ^{11*} (об этом было в газетах). Когда сторож или дворник привел их в участок, там при обыске нашли прокламацию у одного из четверки, кажется, у Козлова ^{12*}. Один из этой четверки, кажется, Плетнев, был делегатом на фабрично-заводском съезде. Потом их выслали в Вологодскую губ., на сколько — не помню. Вышли ли они, не знаю, раньше ли меня, ибо я был переведен в Бутырки из Сущевки, но мне кажется, что они сидели около четырех месяцев ^{13*}. Неизвестно, знал ли харьковец, который мог и не быть автором письма, о провале этого письма до своего ареста. Откуда и как четверка узнала о письме, не знаю или не помню. Малиновского все звали Малиновским. Клички не было, или, вернее, я ее не знал. Иногда звали Романом. Вся четверка — молодежь от 23 до 30 лет ^{14*}. Мне было 23 года.

Характеристика четверки: безусловно ^{15*} порядочные люди, вышли из новой школы, т. е. не прошли старой партийной школы, выросли, главным образом, на легальном рабочем движении, за исключением Бронникова, который давно работал в партии среди меков. Он был, кажется, всех старше, во всяком случае помню, что седоватый, хотя ^{16*} седина казалась преждевременной. Все они были в тюрьме с неопределенно-ликвидаторскими симпатиями, тяготая к группе, бывшей вокруг Шера, где был и Малиновский. Шера все четверо лично знали. Шер был, по-моему, наверное не помню, арестован позже. Плетнев — очень образованный рабочий,

пишущий теперь в «Нашей Заре»⁶² и «Борьбе»^{17*}. У четверки подозрения возникли раньше, чем она попала в тюрьму, так я заключил из непосредственного разговора с четверкой.

2) Когда готовились демонстрации — толстовская или по поводу каторжных тюрем⁶³ — собирались представители профессиональных союзов, в том числе Малиновский (не знаю, лично приглашен или от профессионального союза). Все сели, собрание было, как заявила, кажется, четверка, около Сухаревой башни. Полиция захватила на собрании. Все (в том числе Малиновский) были захвачены вечером. Рано следующим утром Малиновский получил из дома вещи, кажется, от жены. Четверке казалось подозрительным, как могла жена так рано узнать об аресте, хотя никаких сношений с волей не было. (Все ли четверо или часть их была тогда арестована, не помню.) В каком участке сидели — не помню. Где жил тогда Малиновский — не знаю^{18*}. Фактически это собрание было Центральным бюро профессиональных союзов. Насчет того, были ли в эту ночь обыски у арестованных, помню, что мне говорили что-то, но я забыл, что именно. Вероятно, все были легальные люди и сразу открыли имена. Долго ли просидели — не знаю, чем кончилось — не знаю. Относительно допросов по этому поводу мне ничего не известно, о допросах вообще будет речь ниже. Кроме подозрения, указанного выше, четверка никаких иных подозрений не высказывала по этому пункту.

3) Теперь о допросах, только что мною упомянутых. В Москву приезжали около того времени, зимой 1910—1911 гг. (помню, что зимой, ибо указывалось на игру в снежки) какие-то социал-демократические депутаты Думы, едва ли большевики. Помнится, назывались имена Кузнецова и Егорова⁶⁴. Эти депутаты участвовали с выдающимися рабочими — мне кажется, что, по большей части, деятелями легального движения, представителями профессиональных союзов или работниками в этой области — в каких-то совещаниях и прогулках. По-видимому, у них был какой-то центр, конечно, не формальный, а как инициативное ядро, и около этого центра — периферия. К центру принадлежали Шер — наверное, затем Кибрик и Орлов (он же Круглов, Орлов — настоящая фамилия), кажется, Дмитриев — вероятно, и т. д., Хейсин⁶⁵ — кажется.

Вообще для меня вся эта группа ликвидаторов сливалась^{19*} в одно целое по своим идейно-политическим убеждениям, так что я не могу точно утверждать, в какой комбинации они входили в те или иные группы своего течения, кто был в центре, кто в периферии и т. д. Мы называли это течение «новой социал-демократией». Мы, «подпольщики», беки — москвичи, члены нелегальной организации. Помоему, называли мы их так до тюрьмы. «Мы», это, например, «Василий Иванович»⁶⁶, я^{20*}, кажется, Виноградов⁶⁷, о коем речь ниже, потом рабочие из нелегальной организации. Имен и кличек рабочих не помню.

Кличка «новая социал-демократия» пошла тогда в Москве у нас среди нелегальных работников вообще в ход. Мы не отождествляли всю эту «новую социал-демократию» с ликвидаторами, потому что некоторые из них^{21*} были «левыми ликвидаторами», не отказывавшимися совсем от идеи строения партии^{22*}.

Перед декабрем 1910 г., т. е. перед тем, как я был арестован, я высказывался против допущения в партию даже «левых ликвидаторов», т. е. группы Шера, но другие мои коллеги эту группу хотели включить в партию. Точнее скажу, или эту группу, или часть ее, или периферию ее.

Улика, по мнению четверки, заключалась в том, что когда члены этой группы были арестованы, то на допросах обнаружилась чрезвычайная осведомленность полиции о том, что происходило на вышеупомянутых прогулках и совещаниях — будто бы знали, кто кому жал руку, кто с кем пил чай и т. п. Мне кажется, что кроме осведомленности полиции об этих внешних фактах, была, по мнению четверки, осведомленность полиции о содержании речей. Была ли полиция больше осведомлена о п р о г у л к а х или о с о в е щ а н и я х^{23*}, решительно не могу сказать, ибо все это вообще я в состоянии передать лишь очень суммарно. Из четверки, по-моему, некоторые участвовали в этой группе^{24*}. Против Малиновского их подозрения строились ими только по методу исключения. Абсолютно ни о каких разногласиях между Малиновским, участником этих совещаний, и левыми ликвидаторами я не слышал от четверки. Мне кажется, что были еще улики, но я теперь их решительно не могу припомнить.

Относительно тульского провала⁶⁸ четверка не говорила, утверждаю положите-

льно ^{25*}, относительно же московского провала российской коллегии ЦК — не помню. Относительно имен должен прибавить, что приезжали из Питера в Москву Чиркин, Шевченко, которые должны были, по-моему, ввиду их тесных отношений с Малиновским и незамкнутого характера Малиновского (Малиновский вообще вел себя, по моим наблюдениям, довольно откровенно) ^{26*} — знать о роли Малиновского ^{27*}. Возможно, что Чиркин и Шевченко участвовали в вышеупомянутых совещаниях.

В качестве общей характеристики бесед четверки со мной я должен отметить, что эти беседы не носили прокурорского характера. Они ^{28*} не говорили, что обвиняют, а просили предупредить товарищей об имеющихся у них подозрениях. Они колебались сами обвинять прямо, но считали долгом предупредить организацию. Впоследствии я никогда больше никаких сношений не имел ^{29*}.

Быков мне сам говорил, что однажды, будучи в компании с Малиновским, причем были навеселе, он сказал Малиновскому: «Роман, ты провокатор». На это Малиновский ответил: «Мало ли что болтают».

До моего ареста до меня никаких слухов о Малиновском не доходило. Впоследствии я узнал, что, попав в вологодскую ссылку, четверка не скрывала от товарищей своих подозрений. Об этом расскажу, передавая свой венский разговор с Шером.

О моих личных встречах с Малиновским. Я встретился с ним зимой 1910 г., т. е. в самом конце этого года, перед моим арестом в декабре 1910 г. Первый раз видел в одной воскресной ^{30*} школе (Дорогомиловской, при обществе трезвости), где я был преподавателем политической экономии, а Малиновский приходил читать доклады, устраивать вечеринки и т. п. Здесь я с ним и познакомился. Познакомила меня одна из учительниц — либо Мария Петровна Розанова (она не знаю где, легальная, как найти не знаю, возможно, что в Москве), либо Мария Ивановна Лазарева ⁶⁹ (она села, выслана была в Вологду, бежала в Париж, а потом, кажется, снова вернулась в Вологду. Была, вроде, неопределенной социал-демократкой. Я был против принятия ее в группу социал-демократических работников в легальных учреждениях, ибо считал ее мало подготовленной).

Вскоре мы встретились с ним в редакции «Голоса Ткача» ⁷⁰ (частная квартира Глеба --- Манцева ⁷¹)^{31*}, куда приходили и сотрудники этой газеты, Лукин ⁷² — брат моей жены, я и Малиновский. Малиновский стоял близко к Союзу ткачей, куда входили Плетнев и Козлов. Зашел разговор о подготовке к фабрично-заводскому съезду. Я сказал Малиновскому, что та группа, в которой он работает (Дмитриев, Шер и т. д.), ведет себя по-ликвидаторски, что они вырабатывают ликвидаторский план кампании, не желая иметь дело с нелегальной организацией, в то время как с ней весьма легко связаться, хотя бы через меня. Он отказался связываться, заявив, что мы не умеем себя вести, резко отозвался о Шулятикове и вообще устроил мне дикую сцену.

Малиновский вел себя, как душа-парень, со всеми откровенничал, вел себя крайне неконспиративно, о многом говорил по телефону, читал очень революционные стихотворения на вечеринке в присутствии полуоктябристов, вообще казался совершенно неприспособленным к нелегальной работе. Кроме конфликтной встречи у меня было с ним лишь немного встреч нейтрального, случайного характера. После конфликтной встречи Малиновский пустил про меня слух среди партийной публики, что я выступал перед ним как представитель МК с чрезмерными претензиями. Малиновский пользовался в этой школе, а я думаю, что и вообще, очень широкой популярностью ввиду его заслуг по ^{32*} работе в Питере и превосходства питерского рабочего над москвичами.

Я лично вообще неоднократно колебался по поводу слухов о Малиновском, переходя от убеждения в том, что это пустяк, к более или менее основательным подозрениям, но никогда эти подозрения не шли так далеко, чтобы я брал на себя смелость выступать в качестве прямого обвинителя.

Я познакомился с Виноградовым (настоящая фамилия, Александр Иванович, кличка Сидор) в Москве, не помню, в котором году, около 1909—1911, а может быть и раньше. Он был тогда студентом-юристом, работал в качестве бека. Приблизительно к концу 1910 г. у него стали замечаться ликвидаторские тенденции, он хотел работать с Шером и его группой и т. д. Я был с ним знаком года два, а может быть и больше, довольно близко. У нас охладели отношения из-за его колебаний в сторону ликвидаторства. Он был арестован некоторое время после меня, и с тех пор мы не видались.

Мне лично он никогда не говорил о своих подозрениях о Малиновском. Я думаю, что он сказал бы мне о них, если бы у него таковые были. Я отсюда заключаю, что они явились у него позже. Он не сидел с четверкой в тюрьме, но был в сношениях с ними и в ссылке был в той же Вологодской губернии. Расскажу о Виноградове, во-первых, в связи с разговорами с Шером (декабрь 1913 г. в Вене), во-вторых, в следующей связи: жена писала мне из Москвы в Вену (когда не помню, не то во время выборов в IV Государственную думу ⁷³, не то в непосредственной близости к ним, буду искать письмо), что Виноградов (названный в письме женой условно) «звонит» в Москве о ненадежности Малиновского. Больше ровно ничего не писала. Я слышал, что Виноградов стал ликвидатором, но не могу передавать этого за факт. Единственное, что я знаю о Виноградове не от Шера ^{33*}, это то, что писала мне жена.

К характеристике роли Малиновского в рабочем движении добавлю еще. После пленума (январь 1910) приехал в Москву Макар, которого я видел часто в одном частном доме (кроме партийных свиданий). Спорил с ним о § 1 («впервые») резолюции пленума 1910 г., обвинял его в оппортунизме; затем говорил ^{34*} и ^{35*} о «единстве тактики» (из резолюции пленума), о пустоте этого пункта ⁷⁴. Я выяснил себе, что люди типа Макара преувеличивают легальные возможности и что они ищут опоры в работниках типа Малиновского. Не помню, от кого я слышал (в Москве же) о плане кооптации Малиновского в ЦК, но не от Макара и не от Малиновского. Что слышал это, утверждаю положительно. Возможно, что от Шулятикова. Я считал, что Малиновский только по имени бек, а на деле левый ликвидатор группы Шера, служащий посредствующим звеном между ними и примиренцами в ЦК (Макар и др.). С Макаром о Малиновском я не говорил ни слова.

Я познакомился с Трояновскими в Вене через Н. К. ⁷⁵ тотчас как они приехали в Вену. Первый мой разговор с ними о Малиновском был после очень продолжительного знакомства с ними ^{36*}, во всяком случае перед разговором с Шером. Разговор был первый с Александром Антоновичем Трояновским перед его поездкой в Поронин летом 1913 г. ⁷⁶ За неделю, за две и т. п. было ли это, не помню. Каков был повод к разговору, не помню ^{37*}. Я ему рассказал историю с четверкой и московскими слухами (не помню, говорил ли ему о письме жены и было ли это в то время) ^{38*}. Он, насколько я помню, не берусь утверждать этого категорически, ограничился тогда ^{39*} только изложением своего и Е. Ф. (Трояновской) неблагоприятного впечатления от Малиновского на февральском совещании 1913 г. ⁷⁷. Не помню точно, ибо впоследствии, после приезда Трояновского из Поронина в Вену, у нас было много разговоров, и мне трудно установить, что было сказано раньше и что после. (Припоминаю, что, м о ж е т б ы т ь ^{40*}, толчком к первому разговору с Трояновским был арест Е. Ф. Трояновской, и то, что ей говорили на допросе.)

В какой-то газете появилась заметка, что у Малиновского (в квартире Малиновского) в Москве была взломана дверь и т. п. или перерыта квартира и т. д. Я был у Рязанова. Мне сказала жена Рязанова ⁷⁸ об этом ^{41*} и спрашивала меня ^{42*}, что за странная история. Я отделался ничего не значащей фразой. Известие было не в «Правде» ⁸¹. Я не помню, было ли известие об этом в «Правде». «Правду» читаю постоянно. Жена Рязанова прочитала мне об этом из какой-то буржуазной газеты, кажется «Речь» или «Русские Ведомости» ⁸². В тот же день я был у Шера. Чтобы узнать его осведомленность, я нарочно задал ему вопрос, бросил мимоходом замечание: «Странная история, у Малиновского взломали квартиру». Шер взволнованно ответил: «Это — товарищеский обыск». Нет никакого сомнения, что он понимал под этим обыск, произведенный социал-демократами с целью найти улики против Малиновского. Из этого я понял, что ему известно все, что исходило из четверки, ибо он с ней был в ссылке и тесно связан до ссылки ^{43*}. Я задал ему ряд дополнительных вопросов (после того, как рассказал ему, что мне сказала четверка, или вообще в ходе разговора упомянул о том, что мне сказала четверка). Из прежних разговоров с Шером выяснилось, что Шер знал про то, как я был в тюрьме вместе с четверкой. Дополнительные вопросы носили характер взаиморазведки.

С моей стороны было рассказано о четверке то, что мной сообщено выше и исключительно это. Шер же сообщил мне следующее: 1) Было собрание у Троцкого или у кого-то из теперешних «борьбистов» ⁸³ за некоторое время до нашего разговора (я вынес впечатление, что не особенно задолго) — это должно было быть после появления статьи Мартова ⁸⁴, о коей ниже и (до «товарищеского обыска» ^{44*}).

Присутствовали Троцкий и Шер наверное, кажется, еще Сандомирский (Фрейман). Единственно, кто мог еще быть,— это Зурабов ⁸⁵. Между прочим, разговор коснулся на этом собрании статьи Мартова по поводу Данского ⁸⁶ (как подписана была статья, не помню) ^{45*}. В статье была фраза, что отсюда недалеко до охраны (было ли это слово, не помню, но смысл именно таков). При этом Троцкий заметил: «Это — намек на Малиновского». Троцкий, видимо, возмущался Мартовым, Шер еще резче.

2) Уликой, в глазах Шера, была подготовка ликвидаторской конференции ⁸⁷. Дело было так: составила группа лиц, хорошо друг друга знавших — Шер, Кибрик, Орлов, Малиновский и др. (всего около 8 ^{46*}). Эта группа должна была начать работу по созыву ликвидаторской конференции. Был ряд совещаний. Кончилось провалом — этой ли группы или намеченных ею делегатов, не помню ^{47*}, за исключением Малиновского ^{48*}. Отсюда возникли подозрения, как и у кого — я не помню, говорил ли об этом Шер. Быть может, он эти подозрения сконструировал уже в Вене, вспоминая прошлое. По-моему, эта подготовка ликвидаторской конференции совпадала с выше очерченной деятельностью «новой социал-демократии». Шер ни слова не говорил о каких бы то ни было разногласиях между ними и Малиновским по поводу созыва ликвидаторской конференции. В числе подозрений Шера, я твердо помню, было и то, что Малиновский слишком быстро, по его мнению, превратился в ярого большевика, но в какой именно формулировке это сказал Шер, я не помню. Вообще же в его конструкции это соображение не играло решающей роли.

3) Шер был арестован при странных, по его мнению, обстоятельствах. Он уехал в свое имение и там был взят (имение где-то под Москвой). Возможны были две гипотезы: а) провал адресов Рыкова ⁸⁸ (среди этих адресов был или мог быть адрес Шера) или б) провокация. Мне кажется, что Шер приводил какие-то основания считать этот арест странным, но я их забыл ^{49*}. Гипотеза о Рыкове опровергалась, по мнению Шера, заявлением М. И. Ульяновой ⁸⁹ лично ему, Шеру, что сй Рыков сказал, что у него никаких адресов не взято.

4) Шер слышал в вологодской ссылке от четверки о ее подозрениях и напомнил мне случай с харьковским письмом, об этом случае я к тому времени позабыл. Шер говорил мне, что в вологодской ссылке были довольно распространены слухи о ненадежности (политической) Малиновского.

5) Шер рассказал, что некий Александр Иванович Виноградов в вологодской ссылке хотел поднимать формальное дело против Малиновского, но он, Шер, ему отсоветовал, сославшись на недостаточность улики. Как будто у Виноградова были, по словам Шера, еще какие-то улики, но я не помню этого твердо. Кажется, Шер высказывал опасения, что Виноградов будет «звонить» в Москве.

6) В числе улик Шера было то, что казалась несколько странной целость Малиновского, тогда как все его товарищи попадались. Не помню твердо, но как будто бы в вологодской ссылке были, по словам Шера, и такие соображения, что Малиновский любит выпивать и много тратит. В заключение разговора Шер дал мне слово, по моей просьбе, что никому рассказывать об этих слухах он не будет, т. е. о происшедшем между нами разговоре, причем Шер выражал опасение, как бы это ^{50*} не послужило поводом ^{51*} к фракционной склоке. Я сказал Шеру, что я напишу «нашим» о разговоре с ним. Шер не ставил мне никаких условий насчет того, должен я или не должен сообщать об этом разговоре. Шер говорил мне, что в его отношениях к Малиновскому бывают колебания от худых предположений до полного доверия. Как пример колебаний он приводил факт посланки им и, кажется, Плетневым телеграммы Малиновскому с приветствием по поводу его выбора в Думу.

Через несколько дней после этого разговора Шер спросил меня, получил ли я ответ на письмо с сообщением о разговоре? Я ничего не ответил или сделал неопределенный жест. Шер мог догадаться, что я получил ответ, для меня лично неприятный, и никаких дальнейших вопросов мне не задавал. В это же свидание или в одно из следующих Шер заявил мне, что, может быть, у него тогда разыгралась фантазия (не в смысле передачи фактов, а в смысле оценки их) и что, возможно, все его опасения — чепуха. Не ручаюсь за формулировку, но за смысл ручаюсь ^{52*}. Вообще Шер отзывался о Малиновском как о человеке талантливом, но слишком тщеславном, самолюбивом, взбалмошном. Отношения у Шера к Малиновскому

были хорошие. Шер высказывал также предположение, что, возможно, вина (например, в оповещении полиции) лежала ^{53*} на его жене, ибо она была особа несимпатичная. Смутно припоминаю, что, кажется, была речь у Шера о не особенно хороших семейных отношениях Малиновского и его романтических историях ^{54*}.

Добавлю, что может быть, сидя в Сушевке вместе с «Василием Ивановичем», я ему говорил о сообщениях четверки. Возможно, что и четверка ему говорила. Забыл за давностью.

Я только в Хемнице ^{55*} узнал от Каменева ⁹², что Малиновский был на январской конференции и стал ярым большевиком. Мне показался странным этот быстрый переход, ибо сравнительно незадолго до этого его я знал полуликвидатором.

После ухода Малиновского из Государственной думы в Вене среди ликвидаторов и «борьбистов» ходили три версии: 1) провокатор; 2) деньги украл; 3) поссорился с ЦК. Рязанов говорил Чудновскому ⁹³, что Малиновский давно подозревался в провале тульского собрания ЦК.

Проверить сообщение Али о провале московских адресов до начала объезда (не знаю, когда были провалы и когда предполагался объезд), думаю, что дело относится к периоду перед последней конференцией 1912 г.

С Трояновским я говорил летом 1913 г. перед его отъездом в Поронин. Ему тогда, не знаю, были ли известны подозрения Е. Ф. Я рассказал ему о четверке, о своих колебаниях и т. д.— вообще приблизительно то, что здесь рассказал. Мы советовались с ним насчет того, стоит ли делать сообщение в ЦК. Пришли к решению, что надо сделать. По возвращении из Поронина беседовали более подробно с Трояновским, причем у него наблюдались те же колебания ^{56*}.

Н. Бухарин

Дополнение. Имеется еще:

- 1) Копия письма к тов. Ленину. (Страницы письма пронумерованы отдельно.)
- 2) Ответы на дополнительные вопросы.

Н. Б.

Автограф

Дополнения к показаниям Н. И. Бухарина

За несколько (1—2) дней до моего отъезда в июне 1914 ⁹⁴ я беседовал с Трояновским. Он говорил, что у Е. Ф. имеются какие-то наблюдения, сделанные ею за последнее время. Знал ли он, каковы эти наблюдения, я не знаю, но думаю, что нет. Все это относится к эпохе после ухода. Трояновский с Е. Ф. переписывались довольно часто. Думаю, что за последнее время конспиративной переписки между ними не было. После ухода Малиновского среди прочих бесед в Вене были у меня беседы и с Суницей (Лев Суница, который приехал в Вену, кажется, около Рождества, т. е. в декабре 1913 г. или, вернее, в начале 1914 г.) ⁹⁵. Суница говорил, что в Москве давно подозревали Малиновского. Определенных подозрений или слухов он не передавал. Слышал он об этом, кажется, от рабочих. Между прочим, он сказал: «вы ^{57*}, видимо, знаете об этом меньше, чем ликвидаторы», причем такое заключение он делал на основании тона «Нашей Рабочей Газеты» ⁹⁶.

С Е. Ф. я ни разу не говорил о подозрениях против Малиновского.

Из числа подозрений Трояновского припоминаю: а) провал Е. Ф. в связи с ее допросом (свидание с Шотманом ⁹⁷ в Летнем саду, кажется); б) невероятная, для него, карьера Малиновского из бравого гвардейца в полицейского; в) последний провал Е. Ф. (после ухода Малиновского) ^{58*}; г) не от этого ли стопорится работа в Москве?; е) после первого провала Елены Федоровны Трояновский писал своему брату в Россию ⁹⁹ со специальной целью произвести нечто вроде опыта: «Если,--- писал он,--- ее быстро не выпустят, то здесь провокатор, я это знаю и приму против него меры» ^{59*}. Когда Елену Федоровну вскоре после этого выпустили, то Трояновский приписывал это возможному действию своей угрозы. Добавляю, что он был почти совершенно уверен, что письма вскрываются. Прибег ли он второй раз к такому опыту, не знаю. Я абсолютно точно утверждаю, что с Шером я никогда не говорил о подозрениях Трояновского. Трояновский мне никогда, кажется, не говорил о его личных столкновениях с Малиновским ^{60*}.

Прочтенное мною указание «Нашей Рабочей Газеты» (№ 20) на каких-то рабочих-правдивистов не вызывает во мне никаких предположений и ассоциаций, ибо из четверки правдивистов быть не могло, а других я не знаю.

*Н. Бухарин*¹⁰⁰

До сих пор — переписанный с целью дополнений (дополнения, которых нет в тексте, равно и всякие другие изменения, даже стилистического характера, мною оговорены) текст показаний. Далее следуют показания, сообщаемые мною письменно впервые, в ответ на ряд дополнительных вопросов, мною записанных.

Н. Б.

1) К характеристике того периода, когда по предположениям возникли слухи о провокации Малиновского, следует заметить, что заявление т. Шулятикова (о котором я упоминал выше) совершенно совпадало с действительностью. Развал организации, наличность всевозможных «трущихся около партии» элементов, частые полицейские разгромы, невозможность широкой работы и прочее создали действительно целую эпидемию провокационных слухов. (Последующее прошу не оглашать ввиду того, что могут воскреснуть старые сплетни, задевающие ряд лиц.)

Я приведу несколько конкретных примеров. Мне рассказывали о встрече двух партийных товарищей, некого Аркадия и Одиссея¹⁰¹. Одиссей не подает руки Аркадию и говорит, что Аркадия подозревают; Аркадий отвечает, что вся Таганка (тюрьма в Москве) говорит о провокации со стороны Одиссея. Другой пример. Встречаюсь я однажды на улице с одним товарищем, рабочим, он мне рассказывает: «На днях к нам прислали работника, а мы о нем уже следственную комиссию назначили». (Речь шла о тов. Голубеве¹⁰², о котором ходят слухи и до сих пор, лично я считаю тов. Голубева безусловно честным.) Долгая история была с неким Иваном Матросовым. При этом объявлен провокатором был, насколько мне помнится, только один, некий Никифор. В результате создалась такая атмосфера, что один товарищ, некий Химик (он же Яков)¹⁰³, говорил мне, что он, приступая к работе, ставит определенные условия, а именно, чтобы ему ничего не говорили о провокаторах и провокации, т. к. в конце концов получается, что вся партийная работа сводится к расследованию провокационных дел, а действительная социал-демократическая работа сходит на нет.

2) Характеристика А. И. Виноградова. Человек безусловно честный, очень добрый, но крайне нервный, нервным он был и в 1910—1911 гг.; я, кажется, слышал, что это еще более усилилось впоследствии.

3) (Прошу не оглашать.) Я не отрицаю возможности каких-либо столкновений на романтической почве между А. И. Виноградовым и Р. В. Малиновским, что у А. И. Виноградова были близкие отношения с вышеупомянутой М. И. Лазаревой, об этом можно было догадываться, с ней же был знаком и Малиновский, с другой стороны, я не знаю точно, каковы были отношения у М. И. с Малиновским и было ли их знакомство чем-либо большим, чем простое знакомство. Вообще, в Дорогомиловской школе все были знакомы между собой не только официально, так что личный элемент, по моему мнению, не раз вторгался в работу. Особенно этим грешила М. И., о которой ее подруга М. П. Розанова говорила мне, что она работает не для дела, а из-за людей, которыми она почему-либо интересуется.

4) Я считал свою обязанность (передать поручение четверки) исполненной, рассказав об этом т. Шулятикову, по следующим соображениям: 1. перед тем Шулятиков был в следственной комиссии; 2. он оставался (из тех лиц, которых я знал), не считая Д. И. Курского¹⁰⁴, единственным более или менее компетентным лицом, которое могло бы иметь связи с организацией, буде последняя возникнет; 3. он к тому времени перестал страдать запоем, и возможность последнего казалась мне исключенной, т. к. ему было заявлено о смертельной опасности запоя в данный фазис болезни; 4. я тогда проезжал из ссылки, и разыскивать неизвестную мне партийную организацию (ее, впрочем, тогда, кажется, не было вовсе) мне было невозможно.

5) (Прошу не оглашать.) Я слышал от Шера, который просил меня не оглашать этого факта, о романтической истории между женой Чиркина и Малиновским, кончившейся крупной ссорой между Чиркиным и Малиновским.

Н. Бухарин

«13/ХІІ. [1913] Дорогой В. И.!

...^{61*} Но пишу Вам с таким треском (т. е. заказным экспрессом) по совсем особому и очень неприятному поводу. Речь снова идет относительно тех подозрений, которые возникли... Дело, В. И., оказывается гораздо серьезнее, главным образом, в смысле страшной распространенности слухов, о чем я только что узнал и что считаю нужным Вам сообщить. Вчера жена Рязанова сказала мне удивленно, что на квартире Малиновского, судя по «Речи», был произведен разгром, очень странный. Я сделал вид, что не придаю этому никакого значения. Вечером (вчера же) я был у Шера и, зная, что он был в ссылке совместно с публикой, обвинявшей Малиновского, мимоходом сказал относительно разгрома квартиры. Шер сразу же заявил: «Это — товарищеский обыск». Тогда я понял, что ему все известно.

В результате разговора (причем на его вопрос, сообщил ли я Вам обо всем этом, я ответил отрицательно) выяснилось следующее: 1) Здешним верхам эта история известна. Шер передавал мне разговор с Троцким (там присутствовал еще какой-то народ) по поводу статьи Гаммы (Мартова) «Со ступеньки на ступеньку», где, между прочим, сказано что-то о возможности более предосудительного «двуручия», чем в случае с Данским. «Это намек на Малиновского», — сказал Троцкий, возмущаясь Гаммой. Шер тоже протестовал и сказал им, что он знает о слухах, но что они лишены основания, по его словам, он заявил это весьма резко.

С другой стороны, Шер рассказал мне следующее: 1) Слухи появились еще в 1910 г. 2) Самым важным обвинением со стороны четверки (о котором я совершенно забыл) был тот факт, что перед вторым съездом фабричных врачей провалилось письмо, явно компрометирующее Малиновского, адресат был арестован, Малиновский — цел. 3) Подозрительным был выпуск Малиновского после того, как он был арестован совместно с Макаром на собрании российской коллегии ЦК, он был выпущен, как «чистый профессионалист», хотя фон Коттен (начальник охраны) говорил ему (Малиновскому), что их проследили, и точно назвал, где они были, что ели и т. д. 4) Подозрителен и последний арест самого Шера. Тогда у них (ликвидаторов) была группа из 9 лиц: З. Ленский, Ежов. К. Дмитриев, Кибрик и др., в том числе и Малиновский, лица все друг друга знавшие, предполагался объезд области с целью созыва конференции. Должно было ехать два лица, одно из них — Шер. Дело велось сугубо конспиративно, никто об этом не знал, кроме всех этих ликвидаторов (Малиновский был все время на этих совещаниях). Внезапно Шер был арестован («задержать независимо от результатов обыска») и «награжден» пятью годами отдаленных губерний. По словам Шера, могло быть одно из двух: или его адрес, как говорили, был провален при аресте Рыкова (Алексея), или же был провален изнутри. Ваша сестра (Мария Ильинична, она была в Вологодской губ.) положительно утверждала, что ей Алексей говорил, что адресов у него не брали. 5) Публику удивляло вообще, что с 1910 по 1913 г. Малиновский ни разу не высылался etc, один из всех «деятелей». 6) Есть еще факты, о которых Шеру нужно справиться.

Затем, в Вологодской губ. (ссылка) о ненадежности Малиновского говорили совершенно открыто. Один хотел было поднимать дело официально, но Шер убедил его не начинать, ибо нет достаточных данных. В Москве, говорил Шер, все знают: это секрет полишинеля. Я взял слово с Шера никому здесь об этих историях не говорить больше ни слова.

Владимир Ильич, прямо ужас какой-то! Я хотел сгоряча ехать к Вам в Краков и, только поуспокоившись немного, решил сперва написать. Быть может, был вовсе и не обыск, и все напрасная тревога. И прямо обалдеваешь, если подумаешь, что может быть... Почему Малиновский, зная (это несомненно) об этих слухах, не требует (хотя бы негласно) расследования? Не знаю, что написать Вам больше. Все отвратительно.

Крепко жму руку. Ваш Н. Бухарин. Ответьте поскорее ¹⁰⁶.

Автограф

Примечания

- 1*. Просидел я тогда около 7 месяцев, а вышел в ссылку (Архангельская губ.) около июля 1911 г.
- 2*. Дополняю: в Сушевском полицейском доме в Москве.
- 3*. Первоначально, т. е. в тексте показаний, данных комиссии, было: «Они». Изменение стилистическое.
- 4*. Дополняю: передать в надлежащие партийные учреждения.
- 5*. Точнее: был в следственной комиссии несколько ранее всего происходившего.
- 6*. Дополняю: Через некоторое время (точно не помню) т. Ш. умер; других разговоров с т. Шулятиковым или переписки с ним по этому поводу у меня не было.
- 7*. Дополняю. См. дополнение, сделанное еще первоначально ниже.
- 8*. Дополняю. Кроме того случая, когда о них шел разговор с Шером, в связи с которым мной было послано письмо в ЦК РСДРП. Об этом ниже ⁶⁰.
- 9*. Фамилии не помню. Наружность: крепкого сложения, блондин. Шевелюра имела. Рост и прочее не помню. Дополнение: Быть может, из Харькова был не один делегат.
- 10*. Т. е. дела Малиновского.
- 11*. Дополняю. Точнее. Пели уже на улице.
- 12*. Дополняю. Считаю нужным сообщить, что обстановка ареста, равно как и опубликование его подробностей в газетах, произвели такое угнетающее впечатление на четверку, что в Сушевке при известии об опубликовании с арестованными из четверки было несколько истерических припадков и т. д.
- 13*. Т. е. в общем просидели в Сушевке.
- 14*. Дополняю. Впрочем, Бронникову было, кажется, больше.
- 15*. Дополняю. Слово «безусловно» вставлено. Считаю вставку стилистической поправкой.
- 16*. Дополняю. Слово «хотя» вставлено из стилистических соображений.
- 17*. Дополняю. По профессиям Плетнев и Козлов были ткачами (фабрика Гивартовского в Хамовниках), работали в Союзе ткачей (впрочем, точнее: Плетнев был, кажется, столяром при ткацкой фабрике); Бронников и Быков — золотосеребряники.
- 18*. Дополняю. Мне сейчас вспоминается, что он жил как будто в Лефортовском или Рогожском районе и на окраине города.
- 19*. [Слово «сливалась»] в тексте первого показания пропущено, очевидно, при записывании.
- 20*. Дополняю. Во избежание недоразумений замечу лично о себе, что, несмотря на то что я в указанное время работал исключительно в области легальной (я был под судом по 102 статье, выпущен под залог), и идейно, и лично был связан с работавшими тогда в Московской нелегальной организации товарищами. Через меня легальные работники сносились с нелегальными, от которых представителем был вышеупомянутый Василий Иванович, мой давнишний товарищ по партийной работе.
- 21*. Дополнение. Слова «из них» следует заменить «из нее». В первоначальный текст, очевидно, вкралась ошибка при быстром записывании.
- 22*. Дополнение. Ликвидаторство в Москве переживало тогда еще в значительной степени кустарнический период, и многие ликвидаторы вели исключительно кустарную работу в легальных учреждениях, не помышляя о создании общероссийской организации какого бы то ни было типа.
- 23*. Дополнение. Подчеркнуто здесь впервые, чтобы точнее передать смысл.
- 24*. Дополнение. Т. е. в этих прогулках и совещаниях.
- 25*. Дополнение. Если не ошибаюсь, тульский провал был уже после того, как все мы сели.
- 26*. Об этом подробнее ниже.
- 27*. Дополнение. Речь идет о роли Малиновского как члена российской коллегии ЦК.
- 28*. Дополнение. Т. е. четверка.
- 29*. Дополнение. Т. е. с четверкой. Впрочем, вспоминаю теперь, что мною было послано одно письмо Плетневу из Вены, в котором, однако, не было ни звука обо всем деле.
- 30*. Дополнение. Ошибочно сказано «воскресной», нужно «вечерней». Я оговорился, очевидно, при даче показаний.
- 31*. Дополнение. Точнее, это было лишь собрание сотрудников.
- 32*. Дополнение. Вставлено пропущенное слово «по».
- 33*. Дополнение. Т. е. о последних годах, после того, как мы перестали с ним видеться.
- 34*. Дополнение. Вставлено из стилистических соображений.
- 35*. Дополнение. Выпущено слово «еще» из стилистических соображений.
- 36*. Дополнение. Нужно заметить, что я жил несколько месяцев у Трояновских.

- 37*. Дополнение. Помню только, что был какой-то более или менее основательный повод.
- 38*. Дополнение. Вспоминаю, что о письме говорил, но было ли это тогда или значительно позже — не помню. Кажется, письмо было написано позже, и о нем я говорил А. А. в одном из последующих разговоров.
- 39*. Дополнение. Вставлено слово «тогда», чтобы подчеркнуть смысл.
- 40*. Дополнение. Подчеркнуто впервые для выяснения смысла.
- 41*. Сам я лично газеты не читал, при мне ее читала жена Рязанова, от которой я и услышал о факте. Из сличения показаний, данных мною комиссии, с письмом, посланным мною на имя тов. Ленина ⁷⁹ и написанным непосредственно после разговора с Шером, видно, что газета эта была «Речью» ⁸⁰.
- 42*. Дополнение. В первоначальном тексте ошибочно поставлено слово «Вас» вместо «меня».
- 43*. Дополнение. До ссылки, по крайней мере, с некоторыми из них.
- 44*. Дополнение. В первоначальном тексте было и «товарищеским обыском». Исправление стилистическое.
- 45*. Дополнение. Из сличения с письмом видно, что статья была подписана «Гаммой» и называлась «Со ступеньки на ступеньку».
- 46*. Дополнение. Из сличения с письмом видно, что их было 9 человек, в письме названы: З. Ленский, Ежов, К. Дмитриев, Кибрик, Малиновский.
- 47*. Дополнение. Вставлено «не помню», явно пропущенное при записывании показаний.
- 48*. Дополнение. Здесь показания мои неточны. Из сличения с письмом видно, что дело происходило так, цитирую письмо: «Тогда у них (ликвидаторов) была группа из 9 лиц: З. Ленский, Ежов, К. Дмитриев, Кибрик и другие, в том числе и Малиновский; лица, все друг друга знавшие. Предполагался объезд области с целью созыва конференции. Должно было ехать два лица, одно из них — Шер. Дело велось сугубо конспиративно, никто об этом не знал, кроме всех этих ликвидаторов (Малиновский был все время на этих совещаниях). Внезапно Шер был арестован («задержать независимо от результатов обыска») и «награжден» пятью голами отдаленных губерний. По словам Шера — может быть одно из двух». Далее следует о причинах ареста Шера, о чем ниже в тексте. Противоречия между письмом и текстом показаний объясняются полугодовым промежутком времени между разговором и дачей показаний. Показания в письме передают разговор верно.
- 49*. Дополнение. Из предыдущего дополнения эти основания ясны. Ясно также, что при даче показаний я неверно выделил из пункта о подготовке конференции арест Шера. См. предыдущее дополнение.
- 50*. Дополнение. Т. е. вся история с Малиновским.
- 51*. Дополнение. В тексте было «повод».
- 52*. Дополнение. Из сличения показаний с письмом видно, что в показаниях были пропущены следующие пункты (цитирую письмо, нумерация пунктов другая): «1. Слухи о Малиновском появились еще в 1910 г.; 2. Подозрительным был выпуск Малиновского после того как он был арестован совместно с Макаром на собрании российской коллегии ЦК, он был выпущен как «чистый профессионалист», хотя фон Коттен ⁹⁰ (начальник охранки) говорил ему (Малиновскому), что их проследили и точно назвал, где они были, что ели и т. д.».
- 53*. Дополнение. Если лежала. Дополняю для более точной передачи смысла.
- 54*. Дополнение. Между прочим, Шер заметил, что Малиновский «из-за бабы» многое может сделать. Точно формулировки не помню. Считаю нужным добавить, что я лично считаю Шера человеком в высшей степени порядочным и неспособным на политический шантаж а la Мартов. С Шером я нахожусь в хороших отношениях, главным образом, на почве общих теоретических интересов.
- 55*. Дополнение: На съезде германской социал-демократии ⁹¹.
- 56*. Дополнение. Считаю нужным добавить, что Александр Антонович Трояновский никому, я знаю это положительно и вполне ручаюсь за это, из венской публики не говорил ни о наших разговорах, ни о своих подозрениях.
- 57*. Дополнение. Т. е. беки.
- 58*. Дополнение. Быть может, я оговорился при показаниях, но этот провал был не после, а до ухода ⁹⁸.
- 59*. Дополнение. За точность формулировки не ручаюсь.
- 60*. Дополнение. Впрочем, быть может, и говорил. Во всяком случае не подчеркивал этого факта — иначе я его бы запомнил.
- 61*. Раньше шла речь об одной моей журнальной статье ¹⁰⁵. П. Б.

4. Вопросы следственной комиссии Р. В. Малиновскому
Ранее 11 июня (29 мая) 1914 г.¹⁰⁷

1. Были ли в группе (Шер, Ежов, Дмитриев), созывавшей «совещания», Козлов, Бронников, Плетнев и Быков?
2. Личные отношения с каждым из этих четырех.
3. Не предъявлял ли каких обвинений Шулятиков?
4. Знаете ли Н. И. Бухарина? Где встречались? Как относились?
5. Кто был харьковским делегатом на фабрично-заводском съезде (письмо¹⁰⁸)?
6. Собрание около Сухаревой башни, где все были арестованы (толстовцы). Где жили Вы? Близко ли? Как жена узнала?
7. Приезжали ли с.-д. депутаты III Думы в Москву? Участвовали ли в прогулках, совещаниях?
8. Какие личные отношения с Чиркиным? Были ли личные конфликты?
9. Говорил ли Быков навеселе: «Ты провокатор»?
10. Вечеринка в Дорогомиловской школе.
11. Знали ли А. И. Виноградова (Сидор, студент)? Работали ли вместе? Были ли конфликты? Слышали ли об обвинениях?
12. Расскажите подробно об обыске в Москве. Где он был? В редакции? В личной квартире? Кто обнаружил?
13. Где арестован Шер? Не в имении ли? Каковы были его планы перед арестом?
14. Макар, Фома¹⁰⁹, Кацап и его участие в фабрично-заводском съезде.

Автограф Зиновьева

(Продолжение следует)

Примечания

1. Название документа дано подготовителями.
2. Возможно, речь идет о следующем заявлении Малиновского: «В ЦК РСДРП. Ввиду тех обстоятельств, которые я изложил в письме в «Правду», считаю своей обязанностью устраниваться от всяких партийных дел. Р. Малиновский. Поронин. 2 июня 1914 г.» (РЦХИДНИ, ф. 17, кн. вн. пер. 4075, 25/VIII—77 г., автограф). Письмо в «Правду», упомянутое в заявлении, было написано 28(15) мая, в день начала работы следственной комиссии в Поронине. Опубликовано в газете «Путь Правды» № 91 2 июня (20 мая): «Открытое письмо. Прошла неделя с того времени, как я сложил свои полномочия. И со спокойной совестью скажу, что, сделай этот шаг и так именно, как сделал я, кто-нибудь другой, я бы его осуждал не меньше, чем осуждают меня, и то осуждение, которое выносят мне товарищи по фракции и организованные рабочие Петербурга и Москвы, пробудило сознание той ответственности, которую я не учел, идя на этот убийственный шаг. Кто возьмется, да и возьмусь ли я сам, оправдывать тот политически непростимый шаг, но [я] бы просил, чтобы товарищи, осуждающие меня, хоть на минуту подумали о тех условиях, при которых приходилось работать, и о том, что я ведь только человек. Можно меня осуждать, что делаю и я, можно порицать, можно найти или не найти оправданий для моего шага, но добивать человека, который наполовину убил сам себя, это слишком жестоко. Единственным моим утешением в этом тяжелом для меня состоянии есть то, что пролетариат России продолжает вести свою тяжелую борьбу вместе с Российской с.-д. рабочей фракцией, ей же от души желаю полного успеха и сил на этом тяжелом посту. Р. Малиновский. 15 мая 1914 г.»
3. В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев были членами ЦК РСДРП. В 1917 г. они давали показания по делу Малиновского Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Я. С. Ганецкий (1879—1937) входил в состав ЦК РСДРП в 1907—1911 годах.
4. Вопрос задан о подлинной фамилии, происхождении и составе семьи Малиновского.
5. 1894 г., коронация Николая II.
6. Прогрессист — член «Прогрессивной партии» в России в 1912—1917 гг., занимавшей позицию между октябристами и кадетами. Малиновский, вероятно, имеет в виду не членство своего родственника в этой партии, а его прогрессивные взгляды.

7. *Эндеки*, народовцы — члены партии «Народова демократия» — партии польских помещиков и буржуазии, связанной с католической церковью.
8. Речь идет о сыновьях деда Малиновского, родных братьях его отца.
9. Июль 1897 года.
10. Так в тексте. По данным Департамента полиции, судился три раза за кражу со взломом в 1897, 1898 и 1899 годах.
11. Вероятно — «без свиданий».
12. Ноябрь.
13. *Малиновская С. А.* официально с 1906 г. жена Малиновского. В январе — мае 1914 г. выступала как издательница газеты «Путь Правды».
14. Август 1905 года.
15. В апреле 1906 года поступил на чугунолитейный завод Р. Л. Лангензишпена.
16. Малиновский с мая 1906 г. был членом, районным секретарем Петербургского союза металлистов, с ноября 1906 по ноябрь 1909 г. — секретарем Центрального правления союза.
17. *Свеаборгское восстание* — восстание солдат и матросов гарнизона крепости Свеаборг (близ Гельсингфорса) — началось 30(17) июля 1906 года. Лозунги: свержение самодержавия, передача земли крестьянам и др. 2 августа (20 июля) было подавлено, 43 человека казнены, несколько сотен отправлено на каторгу и в тюрьмы.
18. Завод Лангермана.
19. *Яцыневич А. Г.* рабочий, член РСДРП с 1901 г., меньшевик. Один из организаторов Петербургского союза металлистов, в 1906 г. — казначей, затем до 1910 г. — председатель союза, был арестован и выслан из Петербурга.
20. *Первый съезд фабрично-заводских врачей и представителей фабрично-заводской промышленности* состоялся в апреле 1909 г. в Москве. *Первый всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений* проходил в апреле 1908 г. там же. *Первый всероссийский съезд по борьбе с пьянством* проходил в декабре 1909 — январе 1910 г. в Петербурге.
21. 28(15) ноября 1909 года.
22. На подготовительном собрании к Первому всероссийскому съезду по борьбе с пьянством 28(15) ноября 1909 г. было арестовано 15 человек; 6 из них, в том числе Малиновский, 19(6) января 1910 г., после съезда, были освобождены с запрещением проживать в Петербурге.
Предкальн А. Я. (1873—1923) — врач, член Социал-демократии Латышского края, депутат III Государственной думы, член с.-д. фракции, примыкал к большевикам.
Магидов Б. И. (1884 - 1972) — с 1905 по 1910 г. — профсоюзный деятель в Петербурге; в 1910 г. арестован, затем работал в Киеве; в 1911 г. снова арестован и до 1917 г. находился в ссылке.
23. *Шевченко С. Е.* — рабочий, член РСДРП, меньшевик. В январе 1910 г. выслан из Петербурга, работал в Москве, участвовал в организации типографии ЦК РСДРП в Ярославле.
24. Февраль 1910 года.
25. Апрель 1910 года.
26. *Макар, Рыжый* — *Ногин В. П.* (1878 — 1924) — член РСДРП с 1898 г., большевик, с 1907 г. член ЦК РСДРП и Русского бюро ЦК. 26(13) мая 1910 г. арестован в Москве и выслан в Тобольскую губ., из ссылки бежал в сентябре 1910 г., приехал в Тулу, где в марте 1911 г. вновь арестован и выслан в Верхоянск. До июля 1914 г. в ссылке. В 1917 г. давал показания по делу Малиновского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
В начале 1910 г. вследствие ареста ряда членов ЦК, избранного на V (Лондонском) съезде РСДРП в 1907 г., возникла необходимость пополнить ЦК новыми членами. Меньшевики-ликвидаторы отнеслись отрицательно к возобновлению деятельности Русского бюро ЦК, отказались от созыва оставшихся членов ЦК и кооптации новых. Попытка большевиков восстановить деятельность бюро в 1910 и 1911 гг. из-за новых арестов окончилась неудачей. Типография в Ярославле предназначалась для печатания летучих листков.
27. *Милютин В. П.* (1884 -1937) — член РСДРП с 1903 г., меньшевик, затем большевик. Весной 1911 г. арестован.
28. *Инок Дубровинский И. Ф.* (1877—1913) — член РСДРП с 1896 г., большевик, с 1904 г. член ЦК РСДРП, с 1907 г. — Большевикского центра. В 1913 г. погиб в ссылке.
29. Вероятно, имеется в виду газета «Наш Путь» большевистского направления. Издавалась полулегально с июня 1910 по январь 1911 г. в Москве. Орган Московского центрального бюро профессиональных союзов.

30. 26(13) мая 1910 года.
31. 8 июня (26 мая) 1910 года.
32. «*Возрождение*» -- двухнедельный легальный журнал меньшевиков, издавался с декабря 1908 г. по июль 1910 г. в Москве. Вокруг журнала образовалась группа меньшевиков. В числе арестованных из этой группы кроме Милютин были Генгросе, Цукасов и др.
33. *Кржижановский Г. М.* (1872—1959) --- член РСДРП с 1893 г., большевик. В 1910—1912 гг. заведовал трансформаторно-кабельным отделом Московской электростанции «Общества 1886 года».
34. *Шер В. В.* (1883—1940) — член РСДРП с 1905 г., меньшевик. Деятель профсоюзного движения. В 1908—1911 гг. работал в Москве, в 1911—1913 гг. — в ссылке в Вологодской губ., в 1913—1915 гг. — в эмиграции в Вене.
35. *Круглов* (И. Круглов, Козельский, Николай Семенович, Семеныч) — Орлов А. В. — врач, член РСДРП, меньшевик. Деятель профсоюзного движения.
36. Речь идет о курсах при *Университете Шанявского* в Москве — демократическом учебном заведении. Был открыт в 1908 г. по завещанию А. Л. Шанявского на его средства. Слушателями могли быть все желающие.
37. *Кацап* --- Поляков А. А. (1884—1918) --- рабочий, член РСДРП, большевик. С 1909 г. — секретарь областного бюро РСДРП Центрально-промышленного района. С октября 1909 по май 1910 г. находился в Таганской тюрьме в Москве. В 1912 г. входил в состав социал-демократического комитета по выборам в IV Государственную думу. Был отстранен от работы по подозрению в провокации. В 1911—1915 гг. — секретный сотрудник Московского охранного отделения.
38. *Толстовские дни* --- дни смерти и похорон Л. Н. Толстого.
39. Был арестован 27(14) ноября 1910 г. и 29(16) ноября выпущен.
40. *Линдов* — Лейтейзен Г. Д. (1874—1919) — член РСДРП с 1894 г., большевик. С 1907 г. — кандидат в члены ЦК РСДРП. В 1911 г. в Туле занимался врачебной практикой. Участвовал в подготовке собрания Бюро ЦК в России.
41. *Лобова В. Н.* (Бина) (1888—1924) — член РСДРП с 1905 г., большевик. С 1911 г. — член МК РСДРП, с ноября 1912 г. — секретарь Русского бюро ЦК РСДРП, с 1913 г. — секретарь большевистской фракции IV Государственной думы. В конце февраля 1913 г. организовывала в Москве отделение «Правды». В сентябре 1913 г. после закрытия газеты «Наш Путь» арестована.
42. *Ежов* --- Цедербаум С. О. (1879—1939) --- член РСДРП, меньшевик. Работал в профессиональном движении в Москве. *Кибрик Б. С.* — член РСДРП, меньшевик, деятель профсоюзного движения. В 1911 г. арестован. *Колокольников П. Н.* (Дмитриев К.) (1871—1938) --- член РСДРП, меньшевик. Деятель профсоюзного движения. *Ленский З.* — Виленский Л. С. (1880—1950) — член РСДРП с 1899 г., большевик. В 1905 г. вышел из РСДРП, был в организации анархистов-коммунистов. В 1907 г. выслан на 4 года в Туруханский край. После возвращения деятель профсоюзного движения. *Тан* — Богораз В. Г. (1865—1936) — писатель-публицист, этнограф. В 1906 г. --- один из организаторов партии «народных социалистов» — Трудовой народно-социалистической партии.
43. *Чиркин В. Г.* (1877—1954) — рабочий, член РСДРП с 1903 г., меньшевик. С 1906 г. — деятель профсоюзного движения.
44. *Аля (Георгий)* Романов А. С. (1882—1918) — рабочий, член РСДРП, большевик. Член Московского областного бюро РСДРП, в 1912 г. делегат VI (Пражской) конференции РСДРП. С 1910 г. — секретный сотрудник Московского охранного отделения.
45. Ноябрь 1911 года.
46. VI (Пражская) конференция РСДРП (январь 1912 г.).
47. В феврале — марте 1912 г. Малиновский поступил на красильно-аппретурную фабрику В. Фермана в Ростокинском уезде Московской губернии.
48. *Серго* — Орджоникидзе Г. К. (1886—1937) — член РСДРП с 1903 г., большевик. На VI (Пражской) конференции РСДРП избран членом ЦК, в апреле арестован. *Коба* --- Сталин И. В. (1879—1953) — член РСДРП с 1898 г., большевик. В декабре 1911 г. сослан в Вологду. В январе 1912 г. заочно кооптирован в ЦК РСДРП. В феврале 1912 г. бежал из ссылки.
49. *ППС* — Польская социалистическая партия, основана в 1893 году. Деятельность ее проходила в основном на территории Королевства Польского.
50. Речь идет об уходе из IV Государственной думы. *Incognito* -- некий литератор, говоривший о провокаторстве Малиновского. Вероятно, речь идет о Б. О. Богданове (1884 — ?) публицисте, участнике меньшевистских изданий в Петербурге.

51. *Бурцев В. Л.* (1862—1942) — публицист, историк, близок к эсерам, затем кадетам. В 1907 г. эмигрировал из России. Занимался разоблачением секретной агентуры царской охранки, внедренной в революционные и оппозиционные организации. В 1917 г. давал показания по делу Малиновского Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Малиновский встречался с Бурцевым по поручению ЦК РСДРП во время своего пребывания в Париже в январе 1914 г. для получения сведений о члене Парижской группы РСДРП Я. А. Житомирском, являвшемся с 1910 г. провокатором.
52. Название документа дано подготовителями.
53. Датируется по док. 1.
54. Фамилии свидетелей не указаны. Один из них — профессор Казанского университета, другой жил в Варшаве, их предполагалось вызвать в Краков, но начавшаяся первая мировая война помешала этому (см. Дело провокатора Малиновского, с. 52).
55. *Бухарин Н. И.* (1888—1938) — студент Московского университета, член РСДРП с 1906 г., большевик. До конца 1910 г. работал в Московской организации РСДРП, в декабре арестован, летом 1911 г. выслан в Архангельскую губ., из ссылки бежал, с 1912 г. находился в эмиграции, жил в Вене. В 1917 г. давал показания по делу Малиновского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
56. Название документа дано подготовителями, датируется он по док. 5. Записи устных показаний Бухарина не сохранились. В конце июня 1914 г. он представил следственной комиссии эти письменные показания, внося в первоначальный текст дополнения, что и обговорил в подстрочных сносках. Текст был отработан в связи с тем, что материалы комиссии предполагалось опубликовать, но сделать это не удалось. В примечаниях, помещенных вслед за документом и помеченных арабскими цифрами со звездочкой, даны дополнения Бухарина.
57. Речь идет о рабочих, арестованных накануне *II Всероссийского съезда фабрично-заводских врачей* (27(14) апреля — 4 мая (22 апреля) 1911 г.) в Москве. Все они участвовали в его подготовке. *Козлов А. Г.* (1888—?) — ткач, член РСДРП, меньшевик, работал в Московском союзе ткачей. *Бронников В. С.* (1887—?) — рабочий-золотосеребряник, член РСДРП, меньшевик, член Московского союза золотосеребряников и бронзовщиков. В 1906—1910 гг. — член Пресне-Хамовнического районного комитета РСДРП. *Плетнев В. Ф.* (1886—1942) — столяр, член РСДРП, меньшевик. В 1904—1914 гг. (с перерывами) — секретарь Московского союза ткачей. В 1917 г. давал показания по делу Малиновского Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, а в 1918 г. — Верховному революционному трибуналу при ВЦИК. *Быков М. П.* — золотосеребряник, член РСДРП, меньшевик.
58. *Шулятиков В. М.* (1872—1912) — литературный критик, публицист, член РСДРП с 1895 г., большевик. С 1908 г. работал в Московской организации РСДРП, член комиссии МК по расследованию провокаций.
59. *Бухарина Н. М.* (урожд. Лукина) (1887—1940) — первая жена Н. И. Бухарина, член РСДРП с 1906 г., большевик. Работала в Московской организации РСДРП. С 1912 г. — в эмиграции, жила в Вене. В июне 1914 г. находилась в Москве из-за болезни отца.
60. См.: Копия письма Н. Бухарина В. Ленину, с. 117.
61. Письмо, с которым приехал на *II Всероссийский съезд фабрично-заводских врачей* делегат от харьковского союза портных, было написано Г. М. Бекон и адресовано делегату съезда от Московского союза портных И. А. Пильщикову. Отобрано у него при его аресте накануне съезда. В письме содержалась просьба расспросить Малиновского о высланном в Харьков петербургском рабочем-металлисте Ф. А. Семенове (Булкине) (1888—?) — члене РСДРП с 1904 г., меньшевике.
62. «*Наша Заря*» — ежемесячный легальный журнал меньшевиков, выходил в Петербурге в 1910—1914 годах. «*Борьба*» — журнал группы Л. Д. Троцкого, издавался в марте — июле 1914 г. в Петербурге.
63. Уличные демонстрации студентов и рабочих проходили в связи со смертью 20(7) ноября 1910 г. Л. Н. Толстого; в день его похорон, 22(9) ноября, на ряде фабрик и заводов была прекращена работа. Тогда же проходили и демонстрации протеста против зверств тюремщиков в каторжных тюрьмах в Вологде и Зерентуе.
64. *Кузнецов Г. С.* (1881—?) — рабочий, член РСДРП, меньшевик, депутат III Государственной думы от Екатеринославской губ. *Егоров Н. М.* (1871—?) — рабочий, член РСДРП, меньшевик, депутат III Государственной думы от Пермской губ.
65. *Дмитриев* — П. П. Колокольников. *Хейсин М. А.* (1871—1924) — врач, член РСДРП, меньшевик.

66. *Василий Иванович Яковлев* Н. Н. (1886—1918) — член РСДРП с 1904 г., большевик. В 1910 г. работал в Московской организации РСДРП. В 1911—1913 гг. находился в Германии, весной 1913 г. ЦК РСДРП был направлен в Москву, один из организаторов газеты «Наш Путь». Был арестован, выслан, из ссылки бежал в Харьков.
67. *Виноградов А. И.* (Сидор) — студент-юрист, член РСДРП, сначала большевик, с 1910 г. — меньшевик. Работал в Московском союзе ткачей. В 1911 г. арестован и выслан в Вологодскую губернию.
68. Речь идет об аресте в Туле в марте 1911 г. В. П. Ногина, В. П. Милютин, Г. Д. Лейтейзена и др., которые собрались для возобновления деятельности Русского бюро ЦК РСДРП.
69. *Лазарева М. И.* — учительница, член РСДРП, в 1910 г. работала в вечерней рабочей школе в Москве, в 1911 г. арестована и выслана в Вологодскую губ.
70. Речь идет о журнале меньшевистского направления «Голос Жизни», издававшемся в 1910—1911 гг. Московским союзом ткачей.
71. *Глеб* — Манцев В. Н. (1889—1939) — член РСДРП с 1906 г., большевик, секретарь Московского областного бюро РСДРП. В 1911 г. арестован, выслан в Вологодскую губ., в августе того же года бежал, эмигрировал во Францию, где жил до 1913 года.
72. *Лукин Н. М.* (1885—1940) — член РСДРП с 1904 г., большевик. Брат жены Н. И. Бухарина. С 1909 г. работал в профсоюзах Москвы. Принимал участие в организации газеты «Наш Путь».
73. IV Государственная дума начала работу в ноябре 1912 года.
74. Речь идет о Январском «объединительном» пленуме ЦК РСДРП 1910 г., состоявшемся в Париже. В § 1 резолюции «Положение дел в партии» говорилось: «Тактика с.-д. всегда едина в своей принципиальной основе».
75. *Трояновский А. А.* (Антоныч) (1882—1955) — член РСДРП с 1904 г., большевик. В 1910 г. эмигрировал из России, жил в Вене, участник Краковского и Поронинского (1912, 1913) совещаний ЦК РСДРП. В 1917 г. давал показания по делу Малиновского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. *Трояновская-Розмирович Е. Ф.* (Галина, Татьяна) (1886—1953) — член РСДРП с 1904 г., большевик. В 1910—1913 гг. находилась в эмиграции, жила в Париже и Вене. Весной 1913 г. вернулась в Россию, секретарь Русского бюро ЦК РСДРП и большевистской фракции IV Государственной думы. В 1917 г. давала показания по делу Малиновского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 1918 г. возглавляла следственную комиссию Верховного революционного трибунала при ВЦИК по делу Малиновского. *Н. К. Крупская* Н. К. (1869—1939) — член РСДРП с 1898 г., большевик. В 1912—1917 гг. — секретарь Заграничного бюро ЦК РСДРП. В 1917 г. давала показания по делу Малиновского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
76. Речь идет о поездке в Поронин на совещание ЦК РСДРП с партийными работниками (так называемое «летнее» августовское 1913 г.).
77. Совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, названное по конспиративным соображениям «февральским», состоялось в Кракове 8—14 января 1913 г. (26 декабря 1912—1 января 1913 г.).
78. *Рязанов Д. Б.* (1870—1938) — член РСДРП с 1898 г., меньшевик, затем большевик. Работал в Центральном бюро профсоюзов в Петербурге. *Рязанова А. Л.* (1878—1968) — член РСДРП с 1898 г., меньшевик, жена Д. Б. Рязанова. С 1908 г. находилась в эмиграции. Упомянутый разговор произошел 12 декабря (30 ноября) 1913 года.
79. См. прим. 60.
80. «Речь» — ежедневная газета. Центральный орган партии кадетов. Выходила в 1906—1917 гг. в Петербурге — Петрограде.
81. «Правда» — ежедневная легальная большевистская газета. Выходила с 5 мая (22 апреля) 1912 г. по 21(8) июня 1914 г. в Петербурге. Ввиду частого закрытия издавалась под разными названиями. В № 45 «За правду» от 10 декабря (27 ноября) 1913 г. была помещена телеграмма Малиновского: «Обнаружен разгром квартиры «Нашего Пути». Дверь вскрыта, шкафы, столы взломаны. Унесли самовар. Депутат Малиновский».
82. «Русские Ведомости» — одна из крупнейших русских газет, выходила в 1863—1918 гг. в Москве. С 1905 г. — отражала политические позиции правого крыла партии кадетов.
83. *Троцкий Л. Д.* (1879—1940) — член РСДРП с 1897 г., в годы реакции стоял на позиции примиренчества к ликвидаторству, редактор газеты «Правда» в Вене (1908—1912 гг.) и журнала «Борьба».

84. *Мартов Л.*, Гамма — Цедербаум Ю. О. (1873—1923) — член РСДРП с 1898 г., меньшевик. До июня 1911 г. — член редакции Центрального Органа РСДРП газеты «Социал-Демократ» и газеты меньшевиков «Голос Социал-Демократа». Его статья «Со ступеньки на ступеньку» за подписью «Гамма» была опубликована в легальной меньшевистской «Новой Рабочей Газете» за 1913 г., № 81.
85. *Зурабов А. Г.* (1873—1920) — член РСДРП с 1896 г., меньшевик.
86. *Данский Б. Г.* (1883 ?) — член РСДРП с 1911 г., большевик. Сотрудничал в «Звезде» и «Правде». В 1913—1914 гг. — член редакции журнала «Вопросы Страхования», работал в легальном большевистском книгоиздательстве «Прибой». Меньшевики обвиняли Данского в «двуручии». Обвинения были несостоятельными.
87. Речь идет о подготовке московской областной конференции меньшевиков.
88. *Рыков А. И.* (1881—1938) — член РСДРП с 1899 г., большевик. В 1907—1911 гг. кандидат в члены ЦК РСДРП, член Большевистского центра. В августе 1911 г. арестован и сослан. В 1917 г. давал показания по делу Малиновского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
89. *Ульянова М. И.* (1879—1937) — член РСДРП с 1898 г., большевик, младшая сестра В. И. Ленина. С 1909 г. работала в Московском областном бюро ЦК РСДРП. В мае 1912 г. арестована в Саратове и выслана на три года в Вологду. В октябре 1914 г. вернулась в Москву.
90. *Коттен М. Ф., фон* (1870—1917) — в 1909—1914 гг. начальник Петербургского охранного отделения.
91. Съезд германской социал-демократии проходил в Хемнице в сентябре 1912 года.
92. *Каменев Л. Б.* (1883—1936) — член РСДРП с 1901 г., большевик. С 1907 г. — член Большевистского центра. В 1911 г. — член редакции «Рабочей Газеты». В 1914 г. направлен ЦК РСДРП в Петербург для руководства «Правдой» и большевистской фракцией IV Государственной думы. Был арестован и выслан в Туруханский край.
93. *Чудновский Г. И.* (1890—1918) — член РСДРП, меньшевик. В 1913 г. бежал из ссылки и эмигрировал из России.
94. Речь идет об отъезде Бухарина из Вены в Поронин на заседание следственной комиссии по делу Малиновского.
95. *Суница Л. Б.* (1887—1943) — член РСДРП с 1905 г., большевик. В 1913 г. сотрудник редакции газеты «Наш Путь». В январе 1914 г. был выслан из России, жил в Вене.
96. «Наша Рабочая Газета» — ежедневная газета меньшевиков. Издавалась легально в мае — июле 1914 г. в Петербурге.
97. *Шотман А. В.* (1880—1939) — рабочий, член РСДРП с 1899 г., большевик. В 1913 г. на Поронинском совещании ЦК РСДРП был кооптирован в состав ЦК и в Русское бюро ЦК. В ноябре 1913 г. арестован и выслан в Сибирь.
98. Речь идет об уходе Малиновского из Думы 21(8) мая 1914 года.
99. Трояновский писал в Черниговскую губ. своему брату врачу.
100. Имеется текст этих дополнений, переписанный Лениным (ф. 2, оп. 1, д. 27130, лл. 144—148, автограф).
101. *Одиссей* — Мандельштам А. В. (1878—1929) — член РСДРП с 1902 г., большевик. В 1906—1910 гг. (с перерывом) — член МК РСДРП.
102. *Голубев И. М.* (1875—1938) — рабочий, член РСДРП с 1900 г., большевик. В 1909 г. — член МК РСДРП, в том же году арестован и выслан в Вологодскую губ. на два года.
103. *Химик, Яков* — Бубнов А. С. (1883—1938) — член РСДРП с 1903 г., большевик. Работал в Московской организации РСДРП.
104. *Курский Д. И.* (1874—1932) — присяжный поверенный, член РСДРП с 1904 г., большевик. С 1906 г. входил в Московское областное бюро РСДРП. В 1914 г. мобилизован в армию.
105. Речь шла о рецензии Н. И. Бухарина на книгу П. Б. Струве «Хозяйство и цена. Ч. 1. Хозяйство и общество. Цена — ценность» (СПб.— М. 1913). Была напечатана в журнале «Просвещение», 1913, № 12 под названием «Фокусы покусы г-на Струве».
106. Имеющийся в РЦХИДНИ подлинник этого письма (ф. 2, оп. 1, д. 27130, лл. 478—479, автограф Бухарина) опубликован (Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 206—207). Ответ на письмо не обнаружен.
107. Заголовок подготовителей. Вопросы были сформулированы на основании показаний Бухарина. См. док. 3. Датируется по док. 5.
108. См. прим. 60.
109. *Фома* — Смирнов А. П. (1877—1938) — член РСДРП с 1896 г., большевик. Работал в Московской и Петербургской организациях РСДРП.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том четвертый. Вооруженные силы Юга России

Глава VII. Кубань: атаман Филимонов, правительство Сушкова и Законодательная рада

5 декабря Рада утвердила кубанскую конституцию¹, предпослав ей следующую декларацию: «Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью. Ныне же Кубанский край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собой всю полноту государственной власти в пределах Края и управляется органами, поставленными его населением».

«Носителями законодательной власти» в Кубанском крае признаны были Краевая и Законодательная рада, а «носителями исполнительной» — безвластный атаман и ответственное перед Законодательной радой правительство. При обсуждении текста присяги для атамана и членов рад в заседании правительства Быча произошло разногласие: часть членов настаивала на оставлении употребленной в проекте фразы — «нося в сердце своем любовь к матери-России» (вариант — «к Родине»); Быч и большинство других требовали исключения приведенных слов, на том основании, что «присяга имеет целью связать человека в отношении честного исполнения возложенных на него определенных обязанностей; обязать же кого-либо чувством любви к матери-России или к Родине нельзя»²... В результате оба понятия были из текста изъяты, и кубанские правители обязывались направить свой путь к «пользе Государственной и к величию Кубанского Края».

Атаманский вопрос составлял главное событие, вокруг которого сосредоточились усилия борющихся групп. Наиболее сильной по организованности и численности была «черноморская» группа, тем более что весь административный аппарат, денежные средства, казенная печать и «осведомительный отдел» сосредоточивались в руках правительства Быча и направлены были всецело в интересах его единомышленников. Оппозиция, по преимуществу депутаты линейных отделов, была раздроблена, группируясь вокруг отдельных членов Рады, разбивая свои голоса в пользу нескольких кандидатов — полк. Филимонова, Ляхова, Покровского и других генералов³, тогда как «черноморцы» единодушно проводили в атаманы Быча. Только перед самыми выборами по инициативе полковника Чекалова образовалась более сильная организация, по преимуществу линейцев, принявшая название «казачий круг», основавшая газету и поставившая своей задачей «борьбу с сепаратизмом

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4—8.

и демагогией правительственной группы и полное соглашение с командным составом Добровольческой армии».

К декабрю в Раде шло состязание из-за атаманской булавы только уже между Бычом и Филимоновым — средствами, весьма неразборчивыми, практикуемыми, впрочем, во всех парламентах мира. В числе интимных деталей этой борьбы можно отметить небезыntenесный случай: лицо, близкое к Бычу и ведавшее официально политической работой в его кабинете, вело кампанию за Филимонова, освещая и ему, и председателю Особого совещания всю игру противной стороны...

Командование приняло также участие в атаманских выборах, но вполне лояльное, оказав моральное содействие полк. Филимонову; заинтересованные круги были осведомлены, что избрание Филимонова даст прочное основание для соглашения Кубани с Добровольческой армией. Мне указывали настоятельно еще на другую возможность — поддержать кандидатуру ген. Покровского... Покровский сумел бы, вероятно, мерами суровыми и кровавыми подавить кубанскую оппозицию, но пошла ли бы за ним казачья масса и куда повел бы он ее — это никто предугадать не мог.

В разгаре предвыборной борьбы по распоряжению куб. военного прокурора Лукина был арестован помощник Быча по управлению ведомством продовольствия — ген. Букретов по обвинению в ряде злоупотреблений. Оппозиция выдвинула и прямые обвинения против Быча — в заключении им заведомо убыточных для края договоров... Атмосфера обострялась до крайности, и в Раде ораторы не жалели черных красок для опозорения противных кандидатов. Под влиянием всех этих обстоятельств Быч снял свою кандидатуру в атаманы; Рада не приняла отказа; 5 декабря состоялась баллотировка, и полк. Филимонов 275-ю голосами был переизбран кубанским атаманом.

Председателем правительства стал Сушков, членами такие же умеренные представители бывшей оппозиции, в том числе большие доброжелатели Армии — полковники Н. Успенский (управ. внутр. дл.) и Науменко (воен. управл.). Создавалась, таким образом, как будто благоприятная обстановка для урегулирования наших взаимоотношений...

Но над правительством довлела Законодательная рада, впитавшая в себя наиболее активные элементы «черноморской группы». Еще в последние дни Краевой рады (13 февр.), новая оппозиция — прежняя правительственная партия — показала, что она далеко не бессильна... Под ее ударами по вопросу о «недостаточно настойчивом и энергичном осуществлении постановлений Рады» 13 марта Сушков и весь состав правительства сочли себя вынужденными подать в отставку. Под впечатлением этого правительственного кризиса через два дня состоялось закрытие Краевой рады, которую атаман напутствовал словами: «...Я расстаюсь с вами, господа, с чувством неудовлетворения... Смысл и ценность (ваших решений) заключаются в том, чтобы вносить спокойствие, порядок, единение... И вот мне думается, что этого единения нет. Следующее наше свидание поэтому будет скорее, чем вы желали бы».

Рада обласкала всех: атамана Филимонова — линейца и автономиста — из полковников произвела через чин в генерал-лейтенанты; выразила желание о производстве в генерал-майоры полковника Шкуро — инициатора предполагавшегося переворота, приверженца Добровольческой армии — «за выдающиеся военные подвиги»; и б. управляющего военным ведомством, полковника Савицкого — шовиниста и самостийника — «за самоотверженную защиту прав и идей кубанского казачьего войска и Краевой рады перед высшим командованием»⁴. Всех почтила и всем искренно рукоплескала.

С 13 февраля в продолжение почти трех месяцев длился перманентный кризис правительства. Все усилия атамана сформировать новое правительство оказались безрезультатными, и у власти оставалось «временно» старое. Не выражая формально недоверия правительству Сушкова, Законодательная рада подвергала его, как и командование, поношению в каждом своем заседании, в каждом номере своего официоза «Кубанский край», издававшегося к тому же в краевой типографии, на счет казны... Газета в политическом задоре, пороча всемерно Кубанское правительство и Добровольческую армию, дошла даже до восхваления большевизма и призыва к отказу исполнять распоряжения командования⁵. Против Рады в формах более сдержанных выступали правительственный орган «Вольная Кубань» и листовки

«культурно-просветительного отдела» и с большей резкостью — «российская печать».

Создавалось положение, напоминавшее в миниатюре взаимоотношения Временного правительства и Совета раб. и солдатск. депутатов,— положение, которое Сушков, не без основания, так определил в последней своей речи: «...Вы хотите свалить правительство до войскового атамана включительно, но взять власть вы боитесь. Вы протягиваете к власти дрожащие руки. Действуйте прямо, не прикрываясь красивыми покровами. Берите власть, от которой правительство отказывалось открыто»⁶.

5 мая, после резолюции недоверия, вынесенной наконец Законодательной радой, правительство Сушкова ушло в отставку. Его сменило правительство Курганского, составленное из лиц «черноморской группы», враждебное Армии.

Эта внутренняя рознь, поражавшая территорию войны и ближайшего тыла, отражалась чрезвычайно вредно на интересах борьбы. Она накопляла горючий материал в тылу и на фронте, понижала воодушевление кубанских войск и казачества, парализовала деятельность правительства, чувствовавшего себя непрочным, и тем вносила большое расстройство в хозяйственно-экономическую жизнь края.

Междоусобная война кубанских деятелей имела характер чисто политический. Борьба за власть. Если не считать небольшой группы крупной кубанской буржуазии (Бабкин, Маймулин и др.), преследовавшей интересы своего класса и выдвигавшей своим орудием ген. Покровского, то вне рамок общероссийского вопроса, в области социального уклада и своеобразного казачьего демократизма, оба сектора кубанской общественности существенно не расходились. Главнейшие обвинения, которые предъявляли Рябовол и Законодательная рада правительству Сушкова, сводились к тому, что оно не проводит немедленного объединения новообразований Юга и выделения Кубанской армии и не ведет борьбы, а наоборот поддерживает дружбу с Добровольческой армией⁷.

Командование и Особое совещание в свою очередь совершенно не вмешивались во внутренние дела Кубани, поскольку они не затрагивали общенациональной идеи борьбы, единства Армии и вопроса ее снабжения. Но и эти вопросы оказались почти неразрешимыми, ставя правительство Сушкова между молотом и наковальней, вызывая гибель оппозиции и неудовольствие командования, не всегда считавшегося с исключительной трудностью положения и с фактом подневольного бытия атамана и правительства. Не считая возможным переход власти в крае всецело в руки самостийников и вместе с тем избегая неизбежно кровавого переворота, мы — и я, и Филимонов — выходили, естественно, на скользкий и зыбкий путь компромиссов.

13 февраля Рада постановила «не позже марта созвать в Екатеринодаре конференцию из представителей Дона, Кубани, Терека, Дагестана, Крыма, Армении, Азербайджана и т. д.»⁸ на предмет составления и принятия союзного договора и конституции». Сушков во исполнение этого постановления решил обратиться к правительствам этих территорий с приглашением прислать своих представителей на конференцию к 5 мая. Такое же приглашение прислано было и мне⁹. Председатель Особого совещания ген. Драгомиров ответил от моего имени отказом¹⁰, мотивируя его следующими положениями: 1) Командование может участвовать только в такой конференции, которая приняла бы принцип «воссоздания Единой и неделимой России с предоставлением самоуправления отдельным ее областям»; 2) Командование отказывается входить в соглашение с теми новообразованиями, «которые строят свое благополучие на отторжении от России»; 3) В частности Грузия находится в состоянии войны с Добровольческой армией, и приезд грузинских представителей поэтому недопустим; 4) Горские народы Северного Кавказа и Дагестана «находятся под верховным управлением главнокомандующего, а потому посылка им приглашений, минуя главнокомандующего, будет рассматриваться как действие, явно враждебное».

Конференция не состоялась. Я считаю своей ошибкой воспрепятствование ее осуществлению. Опасения наши в отношении усиления таким путем центробежных течений были, вероятно, преувеличены. Между тем картина, которую представила бы екатеринодарская конференция, преломив в горниле словопрений все вожделения окраин,— я убежден в том — была бы достаточно внушительна, чтоб разрушить в конце концов легенду о спасительности в то время лозунга общей «федерации» или «конфедерации» в борьбе Юга за освобождение России.

В перечне «держав», которые приглашались на конференцию, на этот раз отсутствовала Украина. Атаман Петлюра, потеряв Киев, вел в это время неудачную борьбу за последний клочок украинской земли возле Шепетовки. Официально Кубань с начала выступления Петлюры «сохраняла нейтралитет в борьбе между правительством гетмана и организациями Петлюры и Вишниченко». Тайно — связь кубанских самостийников с петлюровским штабом, начавшаяся задолго до переворота, не прекращалась, будучи направлена острием своим против Добровольческой армии. Петлюра, несомненно, имел основание тотчас по вступлении в Киев обратиться с приветом в лице Рябовола «к братьям по крови, украинскому, кубанскому лыцарству»¹¹ и говорить об «объяднанн украинского нарида вид Кубани по Сян»... На заседании 15 ноября председатель первого правительства Быч, по поводу предполагавшегося мною выдвижения дивизий Май-Маевского¹ в Донецкий район для прикрытия левого фланга Донской армии и Ростовского направления от вторжения большевиков, сделал заявление¹². «...Добр. армия бросает войска на Украину. И если она поддержит гетманское правительство, то нам, казакам, это будет тяжело. Я это буржуазное правительство поддерживать не могу»...

Таким образом, государственные по внешнему своему впечатлению речи Быча и «черноморцев» о «широком фронте», о «союзе от Закавказья до Белоруссии» оказались только тактическим приемом. Всего месяцем раньше, когда Украина твердо блюла идею суверенности, кубанский атаман и правительство «приветствовали его светлость (пана гетмана) и правительство державы украинской» и писали им: «Буде на то воспоследует согласие Вашей Светлости, (мы решили) поставить вопрос о заключении в ближайшее время соглашения... Питая уверенность, что исстари связанные... полной ярких примеров борьбой за независимость Украины и Кубани, (обе страны) вновь явят пример могучего братского союза»¹³... Но когда 1 ноября гетман объявил грамоту о федерации с Россией и вскоре после этого у Белой Церкви зашевелился Петлюра, отношения изменились: в кубанской политике произошел крупный сдвиг, как раз обратный тому, который повернул Добровольчество в сторону единения с Украиной. Кубанские самостийники строили «широкий фронт» не для этой цели. Это был фронт центробежных сил, на котором, естественно, Добровольческой армии места не находилось.

Осенью 1918 г. в Екатеринодаре появился «министр-резидент» гетманского правительства барон Боржинский, оказавшийся тайным сподвижником директории, а в конце года и другой агент — по иронии судьбы «горячо рекомендованный гетманом Рябоволу»¹⁴ — полковник Блохин (псевдоним Здобутволя) с несколькими спутниками. В январе 1919 г. чинами нашей контрразведки был задержан курьер Блохина, ехавший в Киев с большой корреспонденцией, в том числе с докладами на имя Петлюры и Грекова. Возникшее следственное дело обнаружило большую агитационную работу украинцев на Кубани и тесный контакт членов директории, при посредстве Боржинского и Блохина, с кубанскими самостийниками — Бычом, Рябоволом, Макаренкой и друг.

По захваченным письмам обрисовалась и колоритная фигура Блохина. В 1915 г. он попал в плен к австрийцам, был начальником солдатского лагеря в Зальцведене и затем командовал сформированной австрийцами дивизией «синезупанников». Появившись в Киеве во времена гетмана, он, поддерживал связь с Украинским национальным комитетом, вошел в доверие к гетману и командовал у него Черноморским полком, вскоре расформированным за большевистское настроение. При выступлении Петлюры Блохин был командирован последним «подымать Кубань». Мрачная ненависть Блохина к России сквозит в каждом письме¹⁵. «Готовься, — пишет он в одном месте, — к кровавой борьбе с проклятым москалем — представителем великой Руси, пускай в последний раз умоется в крови бедная наша мать Украина»...

В докладе Блохина Петлюре описана подробно его деятельность¹⁶. По дороге на Кубань Блохин «раздавал призывы уважаемой директории, а, приехав в Екатеринодар, немедленно явился к Луке Лаврентьевичу Бычу (мой родственник)¹⁷ и передал от Вас (Петлюры) поклон. Информировал Л. Л. о требованиях и домоганиях украинского народа и передал призыв директории, который я с великой опасностью донес до места»... Пользуясь своими связями Блохин получил в командование запасный кубанский батальон на Тамани, но это не удовлетворяет его — он желает попасть в члены Рады: «Лука Лаврентьевич имеет меня в виду,

Рябовол говорит, что все будет отлично... Мечтает о назначении «на великий пост — атамана Черноморского отдела, если не перебьют добровольцы-черносотенцы».

Одновременно Блохин со своими спутниками вел широкую пропаганду против Добровольческой армии и распространял брошюры по станицам и по отделениям «Центральной Просвительницы», во главе которой стоял один из лидеров самостийников — Бескровный, а в числе членов — видные представители Законодательной рады. Эти брошюры (издания М. Грушевского, «катехизис украинца» и проч.) проповедовали единство «украинской нации» от Сана до Кавказа, ненависть к России и «изгнание чужеземцев-угнетателей».

Когда в газете «Кубанец» и на Армавирском «Съезде уполномоченных казачьего круга» поднято было это дело и упомянуты фамилии членов Рады — Шахим-Гирея, Рябовола и др., Законодательная рада выразила доверие своему председателю и его единомышленникам и потребовала от правительства решительных мер против «клеветы и провокации «Кубанца»...

Блохин исчез. В своем последнем докладе украинскому военному министру — докладе, носящем признаки истерии и хлестаковщины, он явно преувеличивал результаты своей краткой работы, когда писал: «Казачья симпатизирует, склоняется к Украине, вот-вот будет страшное восстание»... Но кое-что было сделано действительно... 23 января пришедший из Керчи к Перекопу для действий против скопившихся в северной Таврии большевистских и махновских банд 9-й пластунский батальон (Таманский) отказался выполнить приказ, бросил фронт и самовольно двинулся на Кубань. Представители батальона заявили, что этот фронт — против Украины и что до получения указания Краевой рады пластуны драться с «петлюровцами» не будут.

Это был первый случай в Добровольческой армии невыполнения целой частью боевого приказа — случай, явившийся грозным предостережением не только для Армии, но и для кубанских властителей... Насколько мало значения имел при этом элемент национально-украинский, видно из того, что тот же батальон, переброшенный в феврале на царичинское направление, только в пути дал 50% дезертиров... Вообще Таманский округ на почве петлюровщины и ее всегдашнего спутника — повторного большевизма представлял из себя опасный очаг брожения, проявлявшегося пока сплошными разбоями и массовым дезертирством таманцев из рядов Добровольческой армии. Кубанский военный министр полковник Науменко стремился подавить таманские бесчинства суровыми мерами, а Законодательная рада, под предлогом злоупотреблений карательных отрядов, бурно протестовала и сваливала министерство¹⁸...

Вообще украинский вопрос, в особенности в краткий период второй директории, создавал чрезвычайно острую, напряженную атмосферу вокруг отношений Кубани и командования. Происходило какое-то сплошное «недоразумение»... Директория объявляет грамоту гетмана о федерации с Россией¹⁹ «зрадничским актом Скоропадского при скасуванні самостийности Украинской держави» (предательским актом Скоропадского о провозглашении самостоятельности Украинской державы (укр.). — *Ред.*), а кубанские федералисты официально приветствуют директорию, их официоз по поводу акта воссоединения Галиции с Украиной с пафосом восклицает: «Прекрасная сестра своего замученного брата-кубанца возвратилась к своей горячо любимой матери-Украине»²⁰...

Петлюровские войска избивают русских офицеров, Петлюровский универсал²¹ призывает казаков «не служить продавцам, которые сами продались и хотят Украину продать — недобитым царским министрам России и ее буржуазии, ленивому русскому офицерству, паразитам народным, собравшимся в контрреволюционное гнездо на Дону»... А секретарь украинской миссии Поливан при содействии председателя правительства Быча в то же время ведет разговоры по прямому проводу с повстанческими украинскими отрядами, сообщая им сведения о положении на территории Добровольческой армии²²...

Посол гетмана, Боржинский, сбросив маску, в заседании Чрезвычайной рады сообщал полученные им известия об успехах Петлюры на Украине и даже привет от никому неведомого «командующего войсками Екатеринославщины Горобця»: «Від імені українських республіканських військ, що повстали зараз за незалежність і кращу будучину Матері України на боротьбу з віковими ворогами, котрих ре-

презентуе на Кубані (?) Київській черносотонець Шульгін»... («От имени украинских республиканских войск, которые восстали теперь за независимость и лучшее будущее Матери Украины на борьбу с вековыми врагами, которых представляет на Кубани (?) киевский черносотонец Шульгин» (укр.).— *Ред.*). И Рада рукоплескала ²³...

Искушенные политики знают цену всем этим патетическим фразам воззваний, деклараций и переменчивому настроению толпы, аудитории, парламента. Но рядовая русская общественность, и в частности Добровольческое офицерство, принимали все украинофильские проявления горячо и непосредственно. Между ними и украинофилами-самостийниками выростала острая ненависть. В печати, в собраниях, в повседневном обиходе установились вульгаризованные приемы отношений и ходячие эпитеты, из которых «предатели» для одной стороны и «черное воронье» для другой — были не наихудшими.

После ухода правительства Быча официальные отношения с украинской директорией и Петлюрой прекратились; неофициально же связь их с самостийной кубанской группой продолжалась все время при посредстве украинской миссии в Константинополе. При этом мы имели сведения, что Екатеринодар снабжал Петлюру денежными средствами и в период борьбы его с Добровольческой армией, летом 1919 года.

Так же тяжело проходил вопрос о выделении Кубанской армии. Желая дать нравственное удовлетворение кубанцам, я после поворота на север предполагал армию, предназначенную на Царицынское направление, назвать «Кубанской», без изменения существовавшего порядка подчинения. Но под давлением Рады атаман Филимонов, после освобождения Северного Кавказа, без соглашения со мною, отдал приказ по войску: «...Ныне настало время и является возможность выполнить постановление Чрезвычайной Краевой рады — образовать свою Кубанскую армию. С этого дня все вооруженные силы, выставляемые Кубанским краем, объединяются в Кубанскую армию, под начальством походного атамана (ген. Науменко), подчиненного непосредственно мне... Для дальнейшей борьбы с большевиками Кубанская армия будет выделять части войск, сведенные в Кубанский корпус..., а остальные части армии будут заканчивать очищение, обеспечение и умиротворение края» ²⁴...

Борьба требовала не ослабления сил, а полного их напряжения и полного единства. Поэтому приказ остался мертвой буквой. При молчаливом непротивлении атамана, полковник Науменко ведал только тыловыми, учебными и гарнизонными частями, не вмешиваясь в командование, добросовестно боролся с дезертирством, пополнял фронт и формировал для него новые части.

В этом вопросе атаман лично разделял пожелания Рады, закрывая глаза на политические последствия выделения самостоятельной армии при условии безвластия атамана, непрочности правительственного курса и враждебности к Армии главенствующей политической партии. Во всех речах ее членов, в самостийной печати — цель овладения армией как орудием политики ставилась совершенно открыто.

«Невыполнением этой претензии всех искренно расположенных и преданных делу Добровольческой армии кубанских казаков,— писал он однажды,— дается пища, для самой вредной агитации и отнимается всякая почва у кубанцев доброжелателей Армии... Существование Кубанской армии не будет грозить интересам общего дела и не может вызвать никаких дурных последствий для русского оружия» ²⁵...

Оптимизм атамана не разделяла вовсе сама армия в лице ее командного состава и офицерства. В один из последующих острых периодов домогательств Рады ген. Науменко послал запрос 14 старшим кубанским начальникам о возможности выделения особой Кубанской армии и от 13 из них получил ответ резко отрицательный ²⁶. Мотивы были разнообразны: организационные, стратегические, бедность кубанского войска в командном составе и технике, наконец, главный — опасение, что «армия окажется орудием в руках самостийников и крайних федералистов» ²⁷...

Что же касается рядового казачества, оно с полным равнодушием относилось к этому вопросу почти до осени, когда общее утомление и начавшиеся неудачи создали более восприимчивую почву для разрушительной пропаганды, исходившей от правительства Курганского и Законодательной рады и с особенной силой обрушившейся на Армию.

Наконец, крупный вопрос — единства снабжения — также не получил разрешения. 12 и 13 марта под моим председательством состоялось совещание представителей Добр. армии, Дона, Крыма, Терека и Кубани по вопросу об объединении дела продовольствия и товарообмена на Юге России в одном коллегиальном органе при главнокомандующем²⁸. Все представители пришли к соглашению, кубанцы отказались. «Вопрос затрагивает самую суть нашей экономической жизни,— говорил в Раде Рябовол.— Они ничего не могут дать. Только мы можем дать». Действительно, Кубань имела в своих руках огромную силу: невзирая на большевистское разорение, в ее закромах к весне 1919 г. оставалось все же до 30 милл. пудов хлеба четырех урожаев, богатые запасы растительных масел и табаку — для товарообмена. Без кубанского хлеба было бы до крайности затруднительным существование Армии и потребительных районов.

26 марта было утверждено мною положение о «Совете по продовольствию», фактически не осуществленное благодаря противодействию кубанцев. Между тем с весны 1919 г. на Дону и на Тереке создалось тяжелое положение в отношении продовольствия, и главному командованию приходилось путем длительных переговоров, преодолевая сопротивление кубанского ведомства, производить наряд туда для армий и населения кубанского и ставропольского хлеба²⁹.

Таким образом, ни один из важнейших вопросов взаимоотношений Кубани с Добровольческой армией разрешен не был. Весь наш современный путь был усеян крупными и мелкими столкновениями, расчищался бесконечными компромиссами и вел к неизбежному разрыву.

Причины, как мы видели, многообразны и питались источниками с обеих сторон. Оставим обвинение в личном, своекорыстном стремлении к власти, которое печать и общество взводили на кубанских деятелей-самостийников. Эта область — больше психологии, чем истории, и трудно поддается анализу. Остановимся на положениях, чисто объективных.

Кубанская революционная демократия, хотя и лишила в своей державе политических и земельных прав иногородних — половину населения области, но в отношении России блюла демократические заветы и не доверяла Добровольческой власти, считая ее реакционной, реставрационной, монархической. Неудачное управление первоначальной территорией нашей — Ставропольской и Черноморской губерниями — подрывало доверие к государственному творчеству этой власти. Безвременье открывало соблазнительные перспективы округления границ области за счет всей Черноморской и части Ставропольской губерний, главное — обладание черноморскими портами, ибо пока они в «чужих руках (командования, потом России), невозможно свободное развитие торговых отношений»³⁰. Стремление к максимальной самостоятельности, естественно, толкало Кубань к союзу с единомышленными образованиями, а не к Добровольческой армии, которая исповедовала Единую и Неделимую Россию и говорила только о «широкой автономии» и о «крайне бережливом отношении к вековому укладу казачьего быта»...

Кубань хотела быть полным хозяином в своем доме, а в нем распоряжался также некто другой, и невыясненность правовых взаимоотношений порождала с обеих сторон в повседневной жизни, в практике войск и администрации целый ряд злоупотреблений, превышений власти, столкновений и обид.

Кубань хотела быть полным хозяином своих несметных богатств и вывозить их в Грузию — за равноценный товарный эквивалент, за границу — за доллары и франки, а командование ограничивало экспорт и требовало направления хлеба, жиров и проч. в армию и в нуждающиеся районы Вооруженных сил Юга в обмен за малоценные знаки ростовской экспедиции... Известное утомление и видимая безопасность самой Кубани вызывали у многих близорукий взгляд на возможность отдохнуть и перейти к мирному порядку, а командование требовало новых призывов, новых жертв для продолжения борьбы за Россию — борьбы, конца которой не видно было.

Но над всеми этими причинами доминировала одна — главнейшая. Официальный лозунг, выброшенный «черноморской» группой для успокоения казачьей массы, гласил: «Через федерацию к Единой России». Мы этому не верили. И неверие наше получило компетентное и исчерпывающее подтверждение — правда, несколько поздно — в 1921 году. Вся соль кубанской революционной демократии, все те лица — Быч, Тимошенко, Воропинов, Намитоков, П. Макаренко и проч., и проч., которые

в течение 1917—1920 гг. держали в своих руках власть на Кубани, теперь, после крушения всех фронтов, не связанные более «тактическими соображениями», открыли нам свой символ веры в прошлом, настоящем и будущем³¹.

«...Ровно 4 года тому назад народ кубанский³² ясно и твердо выразил свою волю к государственной самостоятельности... Законодательная рада, на основании этого решения, в январе 1918 г. провозгласила землю Кубанскую — Кубанской народной республикой... С того времени Краевая рада... неоднократно подтверждала государственную независимость земли кубанской...

Эти страшные 4 года прошли для населения Кубани в непрерывной, истощающей ее силы борьбе за свою независимость... В течение трех лет Кубань боролась и против советской России, и против военных организаций, пытавшихся представлять собой Россию антисоветскую и вобравших в себя весь цвет великодержавной российской контрреволюции... Борьба за независимость Кубани есть наш основной долг, наша первая задача».

На какие внешние силы опиралась эта борьба? «Успех борьбы за независимость Кубани нам мыслится возможным не только в зависимости от усилий нашего народа, но в значительной мере и от тех отношений, которые будут установлены между Кубанью и ее естественными союзниками. Их нам указала Краевая рада в ноябре 1918 г. на Севере — суверенный Дон, Украина, Белоруссия; на Юге — Горская Республика, Грузия, Азербайджан, Армения. С ними мы намерены установить или укрепить не только отношения добрососедства и дружбы, но считаем необходимым войти с ними в самые тесные договорные отношения на базе взаимного признания суверенности каждого из этих государств и взаимной помощи военной, дипломатической, экономической и финансовой».

Какая же роль предназначается при этом русским людям и России? «Мы будем искать себе союзников также и в среде демократических русских политических групп и течений, при условии, если эти группы вполне определенно и совершенно искренно будут признавать право Кубани, как и других территорий и национальностей бывшей Российской Империи, на полное самоопределение и политическую независимость. Со своей стороны, мы будем считать себя обязанными дать гарантии, обеспечивающие законные экономические интересы России при условии ненанесения этим ущерба суверенным правам Кубани».

При такой политической идеологии вопросы о личности главнокомандующего³³, «реакционности» его правительства, о формах верховного возглавления (диктатура или директория), наконец, о путях сложения власти (октроирование сверху или сговор снизу) и т. д., и т. д. значения иметь не могли. Кубанский сепаратизм по существу ополчался против национальной России.

Глава VIII. Дон: события на Донском фронте в конце 18-го и в начале 19-го года. Борьба за единство военного командования на Юге

Падение Германии поставило в весьма затруднительное положение Донское войско. Во Второй половине ноября германские части очистили территорию области, открыв опаснейшее и кратчайшее к ее столице направление — Воронежское. В то же время немцы, занимавшие Украину, объявили нейтралитет, и в «пограничных» районах Харьковской и Екатеринославской губерний появились петлюровские атаманы, ниспровергая власть гетмана, прервав снабжение Дона боевыми припасами с Украины и неизбежно подготавливая вторжение большевиков с не менее грозного направления — Харьковского.

К началу ноября фронт Донской армии шел от Кантемировка на Таловую и далее, приблизительно по северной и восточной границе области, подходя к Камышину на 20—30 верст и к Царицыну [на] 30—40 в.; на юго-востоке фронт шел через станцию Житово по большому Царицынскому шляху до Маныча, где он входил в соприкосновение с левым флангом армии Добровольческой. На этом фронте Дон располагал 52 тысячами против 100 с лишним тысяч войск советского Южного фронта.

Задача, данная армии донским командованием, заключалась в обороне на юго-востоке и овладении важнейшими ж.д. магистралями путем занятия станций Лиски — Елань — Камышин — Царицын.

Затихшие было в октябре военные действия на Воронежском направлении в начале ноября возобновились с новой силой, начавшись блестящим делом ген. Гусельщикова в районе Таловой и развившись затем в большую операцию, завершившуюся поражением VIII советской армии и занятием Донцами линии Лиски — Таловой — Новохоперска. В районе Луганска небольшой отряд «молодой» Донской армии стоял прочно и отбивал все атаки противника.

В середине ноября усилившиеся советские армии вновь перешли в наступление, нанося концентрический удар на Воронежском направлении и с северо-востока на фронт Урюпинская — Усть-Медведицкая. IX советская армия имела вначале успех, проникнув глубоко в Хоперский округ, но, благодаря подошедшему к Донцам с царицынского и воронежского фронта подкреплению, была опрокинута, и донские полки, преследуя ее, доходили до Елани и Камышина. Это наступление, прервав ж.д. связь между Поворином и Царицыном, поставило в критическое положение советскую X армию, вследствие прекращения навигации по Волге оставшуюся без подвоза. Точно так же успешно отражались все настойчивые атаки красных на царицынском направлении, и войска ген. Мамонтова, с конца ноября сами перейдя в наступление, к 5 января подошли вплотную к городу Царицыну на линию Сарепта — Воропоново — Гумрак.

Весь ноябрь и декабрь на огромном фронте от Луганска до Царицына, от Царицына до Маныча, в мороз и стужу, поставив в строй поголовно всех казаков, способных носить оружие, изнемогая от потерь и лишений, Дон доблестно отстаивал свое существование против вдвое сильнейшего врага. Донская армия неизменно одерживала верх, брала тысячи пленных и богатую военную добычу. По существу, стратегическая победа была уже на стороне Донцов: зимняя операция красных расстроилась, потеряла свой планомерный характер и продолжалась лишь по инерции, без внутренней идейной связи.

Но в гражданской войне моральный элемент более, чем где бы то ни было, властвует над всеми прочими слагаемыми успеха. То, что было выиграно в течение многих месяцев моральным подъемом и оружием, в один миг было потеряно упадком духа. В казачьем настроении опять наступил перелом, который умело использовала советская пропаганда. Наиболее чувствительным ее аргументом были обещания советской власти сохранить казачий уклад и уверения в тщетности надежд на иностранную помощь, о которой так часто и неосторожно говорил атаман колеблющемуся фронту.

Уже в ноябре, невзирая на успехи, в армии чувствовалась некоторая моральная неустойчивость. В конце декабря сначала один донской полк предался на сторону красных, потом несколько станиц, и войска Верхнедонского округа заключили мир с большевиками и начали расходиться по домам. Пораженческое настроение ширилось по фронту, и одновременно шарились прорывы, в которые беспрепятственно вливались волны красных, выходя в тыл и угрожая окружением еще боровшимся войскам Хоперского округа.

В то же время большевики напрягали большие усилия, посылая для вразумления войск VIII и IX армии карательные отряды, усилив Южный фронт четырьмя новыми дивизиями и направив из Харькова на линию Бахмут — Луганск армейскую группу Кожевникова.

И к концу января Донская армия на северном и северо-восточном фронте отхлынула за Дон. «Прекрасно вооруженные, снабженные пулеметами и пушками отряды наши, — говорил атаман Краснов на Круге³⁴, — уходят без боя в глубь страны, оставляя хутора и станицы на поругание врагу. Теперь сдаются на милость красной сволочи целыми сотнями и с нею вместе идут избивать своих отцов и братьев. Теперь арестовывают офицеров и старших начальников, выдают их на расстрел красным и тем подрывают в них веру в казаков и лишают их необходимого мужества»... Чем же объяснялся такой резкий перелом в настроении казачества и такой глубокий, ничем не оправдываемый развал армии?

Общество, армия, Круг искали прежде всего «виновных». Их назвал Круг, собравшийся в феврале, осудил и удалил. Виновными сочтены были — командующий Донской армией и начальник штаба ее, генералы Денисов и Поляков. Круг поставил им в вину, косвенно и атаману, «недостаточную осведомленность о фронте..., легковесную самоуверенность..., трения с Добровольческой Армией..., убеждение в период успехов, что справятся собственными силами, и делить победу с кем бы то

ни было не хотелось... оповещение фронта о скором прибытии (неприбывшей) союзной помощи»... Наконец, непосещение фронта командующим, «невнимание к нуждам фронта, злоупотребление реквизициями, особенно в Южной армии» и т.д., и т.д. ³⁵. Ген. Денисов указывал причины иные: 1) утомление казачества, 2) гибель веры в союзников, 3) возрастание сил противника, 4) лютая зима при недостатке одежды и теплых вещей, 5) агитация большевиков, 6) агитация «общественных деятелей» против атамана и против командующего, 7) развал тыла ³⁶.

В сущности обе стороны в своих обвинениях исследовали только нездоровую почву, на которой могло произрасти то явление чисто психологического характера, которое Краснов и Денисов определяли согласно «заболеванием фронта большевизмом». Определение -- верно только в отношении симптомов той болезни, которая поражала временами не одно донское, но и другие казачества, русскую интеллигенцию и русский народ. Болезни -- воли и духа. Ибо донское казачество, органически чуждое коммунистическому укладу, приняв внешние формы и даже практику большевизма как личину, как средство кого-то провести и от кого-то спастись, на другой же день вступало с ним в глухую борьбу всем своим нутром, всем бытовым укладом, в свою очередь встречая со стороны советской власти полное недоверие и прямое посягательство на жизнь казачью, быт и достояние.

Эта двойственность казачьих настроений чрезвычайно ярко проявилась в красочной истории донского казака, войскового старшины Миронова. Демагог и честолюбец, мечтавший об атаманском перначе, он с самого начала гражданской войны поступил на службу к большевикам и, командуя бригадой, потом дивизией, дрался весьма усердно на их Донском фронте. Но после большевистского вторжения на Дон в начале 1919 г. зверства большевиков пробудили совесть в нем и в его казаках. Миронов стал на защиту разоряемых станиц, был обвинен в демагогии и отправлен на Западный фронт. Летом, однако, ввиду тяжелого положения на Юге, его переводят обратно на Донской фронт и ставят во главе вновь сформированного «Донского корпуса», ядром которого служили казаки северных округов.

В августе Миронов поднял восстание, к которому примкнули несколько донских советских полков. В приказе-воззвании от 9 августа он говорил казакам: «...Что остается делать казаку, объявленному вне закона и подлежащему беспощадному истреблению? Только умирать с ожесточением. Что остается делать казаку, когда он знает, что его хата передана другому, его хозяйство захватывается чужими людьми, а скотина выгнана в степь в загон? Только сжигать свои станицы и хутора. Таким образом, в лице всего казачества мы видим жестоких мстителей коммунистам за поруганную справедливость, что в связи с общим недовольством трудящегося крестьянства России, вызванным коммунистами, грозит окончательной гибелью революционным завоеваниям и новым тяжким рабством народу. Чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь -- свалить партию коммунистов».

Восстание было подавлено в несколько дней полуказачьими войсками Буденного. Миронов и его соучастники были преданы суду и приговорены к смертной казни. Но все они «выразили чистосердечное раскаяние» и просили взять их опять на службу в Красную армию... Миронова большевики помиловали, и в 1920 г. мы видим его вновь командующим 2-й конной армией, сражавшейся против крымских войск ген. Врангеля. Зимой 1921 г. он снова принимает участие в организации восстания в Донской области и, не будучи более нужен большевикам, использовавшим его популярность до конца, предается снова суду и кончает свою жизнь под расстрелом.

Взаимоотношения наши с донской властью с мая и до конца 1918 г. определялись непримиримой позицией ген. Краснова в вопросе об едином командовании.

Если огромный вред, приносимый отсутствием общего плана и разрозненностью действий белых армий во всероссийском масштабе (Сев., Вост., Юг и Запад) не всеми сознавался достаточно отчетливо, то на общем, по существу, Дону-Кавказском театре эти тягчайшие нарушения основ военного искусства сказывались ясно и разительно на каждом шагу. Вопрос этот раздирал Юг, отражаясь крайне неблагоприятно на ведении военных операций, вовлекая в борьбу вокруг него общественность, печать, офицерство, политические организации, даже правительство Согласия.

Ген. Краснов суживает теперь весь этот вопрос больного прошлого до

размеров «екатеринодарской интриги» и «борьбы Краснова с Деникиным», которого он «не хотел признать», отрицательно относясь к его личным качествам как государственного деятеля и стратега... Наши взаимные характеристики могут быть несколько пристрастными. Но ясно одно: личная незаинтересованность и государственные побуждения донского атамана в этом вопросе теряют значительно свою цену, если принять во внимание, что одним из «наиболее желательных вождей для объединенного командования» он называл... ген. Н. И. Иванова³⁷, на котором, по его же, Краснова, словам,— отозвались «пережитые потрясения и немолодые уже годы и несколько расстроили его умственные способности»...

Отбросим личности. За ними стояло явление несравненно более крупного масштаба: вопрос шел о признании военного центра в борьбе Юга: «Дон» или «Добровольческая армия»? В глазах огромного большинства русской общественности первый представлялся началом областным, вторая — общегосударственным; в глазах правительств и командования держав Согласия Дон был недавним союзником — пусть даже невольным — немцев, а Добровольческая армия «сохранила верность Согласию до конца». Эти две предпосылки имели решающее значение в спорном вопросе.

Были, очевидно, объективные причины — не только «интриги Екатеринодара», которые задолго до образования мощной организации «вооруженных сил Юга» привлекали в орбиту Добровольческой армии спутников из самых отдаленных краев разваленной России. Мы видели стремление к объединению с нами «Волжской армии» Чечека и даже «Армии Учредительного Собрания»³⁸... К нам тянулись «Псковская армия», Балтийские отряды и Терек. Крым просил о присылке Добровольческих войск... Подложный приказ от имени главнокомандующего Добровольческой армией о подчинении ему украинских войск достаточно выяснил отношение к нам русской общественности и офицерства Украины...³⁹ Уральское войско сообщало, что «ожидает с большим нетерпением» подхода к Волге Добровольческой армии, «имея желание в общих интересах объединиться с нами»⁴⁰. Оренбургский атаман Дутов писал мне⁴¹: «...Наше войско сепаратических стремлений не имеет и борется за всю Россию. На Вашу Армию мы все возлагаем большие надежды и полагаем, что только Вы и решите окончательно судьбу России. Ваша армия находится на юге и имеет все под рукой. В Ваших руках уголь, железо, нефть, лучшие пути сообщения, сравнительно короткое расстояние до Москвы. Кроме того, Вы имеете возможность, владея Черным морем, получить всевозможные пополнения и припасы»...

Расходясь, подчас серьезно, в вопросах государственного устройства, с большим единодушием относилась к военному верховенству Добровольческой армии и организованная русская общественность (кроме крайней правой) до Союза Возрождения включительно. Даже весьма демократический «Съезд земских и городских самоуправлений Юга»⁴², представленный такими столпами революционной демократии, как Руднев, Гоц, Вишняк, Гвоздев и друг., возлагал на Добровольческую армию «ответственную роль служить на Юге России ядром для воссоздания российской народной армии»...

Только самостийные круги смотрели иначе... «Меморандум четырех государственных образований»⁴³, представленный французскому командованию, отрицал самую идею необходимости единства армии, допуская лишь создание «общего генерального штаба, для руководства всеми операциями на основе соглашения государственных новообразований»... «Защита своего дома, своего очага, своей семьи, своего народа — таковы должны быть лозунги, к которым следует апеллировать для искоренения большевизма»... Составитель «меморандума» Марголин рассказывает, что «настроение у всех (собравшихся для обсуждения этого «акта») было торжественное»; и единственный военный представитель совещания, внесший сей новый вклад в военную науку, донской генерал Черячукин «осенил себя даже крестным знаменем перед подписанием...»⁴⁴. Молил, должно быть, у Господа прощения...

В этом отношении соединенное заседание Донской законодательной комиссии и кубанских делегатов выказало бóльшую широту взглядов. Требуя автономности Донской и Кубанской армии, оно считало, однако, необходимым «скорейшее подчинение Донск., Кубанск., Добров. и других армий... в пределах России единому

командованию» и допускало возможность борьбы с большевизмом, «выходящей за пределы охраны Донской и Кубанской области».

Интересно, что такая же борьба за единство командования, вызванная мотивами другого рода — боязнью бонапартизма, велась и в советской России между Бронштейном, проникшимся идеями «военспецов», с одной стороны, и большинством коммунистической партии — с другой. Только после поражений, понесенных большевиками на Востоке и Юге летом 1918 г., советская власть создала «Революционный военный совет республики»⁴⁵ с единым главнокомандующим (Вацетис, потом Каменев) на всех фронтах. Это единство командования, по словам Бронштейна⁴⁶, спасло Красную армию, дав, наконец, возможность переброски, сосредоточения и вообще использования центрального положения армии для действия по внутренним операционным линиям. «Только после установления общего оперативного руководства и строгого исполнения боевых приказов, идущего сверху вниз, все почувствовали на деле... огромное преимущество централизованной армии над партизанством и кустарничеством».

В вопросе единого командования, и притом возглавляемого главнокомандующим Добровольческой армией, сошлись и союзные представители. В начале ноября вернулся из Румынии командированный туда Донским атаманом за снабжением ген. барон Майдель и представил доклад⁴⁷: «...С 2 по 12 ноября (нов. ст.) я находился в полном контакте с представителями Согласия... Меня уполномочили уведомить: а) что Согласие верит лояльности Дона, но требует полного объединения командования всей русской армии в лице ген. Деникина; б) ген. Краснов скомпрометирован все-таки своей деятельностью, письмом Вильгельму и речами на Круге... Поэтому, если общественное мнение, ген. Деникин и вы⁴⁸ укажете, что Краснов, согласившись на полное подчинение главнокомандующему, ген. Деникину, может остаться, то пусть остается; а если нет, желательно, чтобы он добровольно ушел; в) если объединение произойдет и Дон войдет в Русскую армию, то союзники обеспечивают помощь войсками, деньгами, всем. Мои требовательные ведомости (на снабжение) вручены румынам при вербальной ноте послон Согласия»...

6 ноября Донской атаман, очевидно, встревоженный этими сведениями, послал в Яссы и Бухарест посольство в составе генералов Сазонова и Янова и дипломатического чиновника Карасева. Посольству вменено было в обязанность, кроме проверки докладов Майделя, ознакомить союзников с положением Дона, убедить их в неприемлемости подчинения мне Донской армии, указать наиболее желательных вождей для объединенного командования на Юге (генералы Н. И. Иванов и Щербачев) и просить непосредственной помощи — боевым снабжением, деньгами и войсками.

Донское посольство, посетив ген. Бертело, русского посланника Поклевского-Козелл и ген. Щербачева, выяснило, что вопрос об едином командовании решен окончательно в пользу главнокомандующего Добровольческой армией. Генерал Янов — человек крайне невоздержанный, по природе демагог, ненавистник Добровольческой армии — не жалел красок, чтобы очернить Армию и ее командование в глазах союзников, доказывал невозможность подчинения ген. Краснова мне и считал даже уместным «запугивать их (союзников) возможностью соглашения казаков с большевиками, если будут настаивать на подчинении Краснова»⁴⁹...

Русская распря произвела тяжелое впечатление и в русских, и в союзных кругах и вызвала отповедь ген. Бертело Янову: «Нехорошо бросать упрек в сторону родственной вам армии. Вы на первых же порах затрудняете работу союзников своими раздорами... Донская армия многочисленнее Добровольческой? Но если бы у генерала Деникина был даже один солдат, то и тогда симпатии наши будут все-таки на его стороне: он был одним из немногих генералов, который при невероятно трудных условиях остался верным идее союза»... В результате Бертело остался при первоначальном решении, сообщив его письмом атаману Краснову, а генерал Щербачев категорически отказался участвовать в этой сомнительной игре.

Представители Согласия, прибывшие в Екатеринодар — Пуль, Эрлиш, Фуке, также единодушно поддерживали идею объединения русских армий в лице Добровольческого командования. В виде протеста против политики Краснова они ответили отказом на его приглашение посетить Новочеркасск... Пышными речами и приказами население и фронт были уже оповещены широко о союзниках, спешивших на помощь Дону, и отсутствие представителей их наносило большой урон

атаманскому престижу. С большим трудом генералу Краснову удалось устроить непосредственным обращением к командовавшему союзными морскими силами в Севастополе адмиралу прибытие двух миноносцев — английского и французского, шедших в Мариуполь за углем, — в Таганрог и визит затем их экипажей в Новочеркасск.

С большой торжественностью были встречены в Новочеркасске иностранные гости, рекою лилось вино и вдохновенные патриотические речи; но среди них диссонансом для недоброжелателей Добровольческой армии прозвучало ответное слово французского гостя ⁵⁰: „Пусть будет дозволено солдату Франции сказать вам: все достоинства и доблесть не привели бы к положительным результатам, если бы не существовало самого тесного единения между всеми союзными армиями в лице славного маршала Фоша ¹¹ и такого же единого командования на море под славным английским флагом... Благородная и великолепная армия казаков и неустрашимая, героическая Добровольческая армия станут (также) непобедимыми, тесно соединившись и образовав из себя гранитную скалу, страшную для врагов».

Ни в вопросах политики, ни в вопросах войны мы не могли понять, какие, собственно, конкретные цели преследует атаман Краснов. Его перо, его слово были полны такими внутренними противоречиями, что мы становились в полнейшее недоумение.

8 сентября 1918 г. он писал ген. Алексееву: «Я не думаю о будущем России — это не мое дело — это решит Учредительное Собрание, Земский Собор, вернее — Господь Бог, но я мечтаю об одном — освободить Россию от большевиков».

А в октябре (без даты, № 02) он писал ген. Драгомирову: «Приближается время мирной конференции народов... И думается мне, что время Добровольческой армии, Дону, Украине, Кубани, Грузии и другим свободным от большевистского террора частям России собраться и сговориться... по следующим вопросам: 1. Что будет представлять из себя бывшая Российская Империя в политическом отношении (монархию, республику, федерацию и, если федерацию, то какого типа?). 2. Какие части бывшей Российской Империи войдут в это новое государственное образование и какие станут вне его (Финляндия, Прибалтийский край, Белоруссия, Польша, Украина, Крым, Закавказье?). 3. Кто поможет объединиться тем частям России, которые не заражены самостийностью?.. Помогут в этом отношении союзники, которые кругом должны нам за 1914, 1915 и 1916 годы, или центральные державы как соседи?»

Решение в то время вопроса о будущем государственном устройстве России Добровольческим командованием, Скоропадским, Красновым, Бычом и Жордания представлялось мне несвоевременным и недостаточно компетентным ⁵¹.

«Выдвигать (этот вопрос) на первый план теперь же, — отвечал ген. Драгомиров ⁵², — это значило бы вносить раздор чрезвычайно острого характера в ту минуту, когда для спасения Родины нужно, прежде всего, единение всех сил». «Что же касается «выбора ориентации», то «является совершенно невозможным, чтобы в ту минуту, когда союзники наши со дня на день могут прибыть в Новороссийск и пожелают опереться на Добровольческую армию, последняя стала бы на путь колебания — на кого опираться».

А еще через 2—3 дня глава Донского правительства, по поручению атамана, обратился ко мне с предложением ⁵³ созвать совещание в Екатеринодаре по вопросу об едином представительстве на мирной конференции, на которой, «конечно, должны быть представители настоящей России, желающие ее восстановления в прежних пределах и моши».

Я ответил полным согласием, прибавив, что общность наших задач властно требует объединения всего дела внешних сношений и полного взаимодействия всех вооруженных сил путем объединения командования. «Если... исходя из самого искреннего желания найти пути к полному единству, нам удастся сговориться по (этим) кардинальным вопросам, — писал я ⁵⁴, — то в недалеком будущем можно было бы выдвинуть на очередь объединение и в тех отраслях государственного устройства, которые Донской атаман перечислил в своем письме от 3 сентября № 679» ⁵⁵: финансовых, юстиции, продовольственного дела и торгово-промышленной политики, путей сообщения и телеграфа...

8 ноября ⁵⁶ ген. Драгомиров вызвал в Екатеринодар представителей Дона на совещание по следующим вопросам: «Первое — единое представительство на пред-

стоящем мирном конгрессе, второе — объединение командования всеми вооруженными силами Юго-Восточной России в оперативном отношении и вместе с этим объединение всего дела военного снабжения всех фронтов этого района в руках Главного начальника снабжения Добровольческой армии, в распоряжение которого от союзников в ближайшее время поступят громадные запасы».

Совещание под председательством ген. Драгомирова состоялось 13 ноября ⁵⁷. Вопрос о представительстве на мирном конгрессе был разрешен легко, возложением миссии персонально на быв. мин. иностр. дел Сазонова «с тем, чтобы в состав технических советников делегации вошел бы представитель от Дона». Прочие вопросы были Донцами сорваны. Ген. Поляков от имени Донского атамана заявил, что «для осуществления единого фронта и единого командования Дон может дать гвардейскую стрелковую бригаду (не казачью), конную казачью дивизию, 4—6 броневых поездов, 4 брон. машины и... Южную армию» ⁵⁸. И то только при условии движения Добровольческой армии на север. Донская же армия оставалась вне подчинения.

Такую постановку вопроса ген. Лукомский назвал «с военной точки зрения безграмотной», а ген. Драгомиров «насмешкой над идеей единого командования» ⁵⁹. Она находилась, однако, в полном соответствии с теми взглядами, которые атаман внушал войску относительно будущего характера борьбы: казаки скоро отдохнут от трудов бранных, а их сменят на севере «Народная» и Добровольческая армии... Внушение — психологически опасное для стойкости Донского фронта и производившее тягостное впечатление на Добровольчество, разрушая идею общей борьбы за Россию.

Замечательно, что по возвращении в Новочеркасск, ген. Поляков по поручению атамана, чтобы сгладить впечатление от совещания, тотчас же вызвал к аппарату донского посла в Екатеринодаре ген. Смагина и приказал ему передать союзным представителям, что атаман не отказывается от единого командования, но ставит, между прочим, «непременным условием, чтобы армия имела определенную борьбу против большевиков (?) и чтобы войско Донское сохранило свою самостоятельность до образования единой России» ⁶⁰. Первое глубоко оскорбило нас и вызвало горячий письменный протест ген. Драгомирова, второе весьма удивляло, так как вопрос шел только об армии, а о «войске» (области) ни на совещании, ни в разговорах с союзниками не подымался вовсе.

Из Новочеркаска обильно текли письма, речи, заявления, в которых крупица правды была переплетена с вымыслом.

Донской фронт начинал морально колебаться и, ввиду закрытия границ с Украиной, терпел крайнюю нужду в снабжении ⁶¹... Ген. Краснов писал горячие послания союзным представителям, прося о помощи, без которой считал невозможным дальнейшее сопротивление Дона, и в то же время заявлял горделиво полковнику Кизу: «Передайте ген. Пулю, что я являюсь выборным главою свободного пятимиллионного народа, который для себя ни в чем не нуждается. Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниция — он имеет все свое и он убрал от себя большевиков. Завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично (!). Но нам нужно спасти Россию, и вот для этого-то нам нужна помощь союзников» ⁶².

Я требовал нормального подчинения армий, чтобы иметь возможность дивизии и корпуса Донской, как и Добровольческой армий перебрасывать на тот фронт, где это вызывается стратегической обстановкой... В художественном переложении атамана это требование преподносится казачеству в таком виде: «...Полное подчинение вооруженных сил Дона, с получением конницы казачьей с фронта и перемещиванием казачьих частей с частями Добровольческими, иными словами: нарушение образа служения войска, толикою славою покрытого». Замечательно, что в то же время ген. Краснов, не боясь перемещивания, настойчиво просил о переброске Добровольческих частей на Донской фронт, справедливо видя в этом единственное спасение Дона.

«Общерусские» войска были желательным гостем в противоположность «общерусским учреждениям»... 9 января 1919 г. (№ 092) по поводу размещения в Ростове отдела пропаганды атаман Краснов писал генералу Драгомирову: «На земле войска Донского не может и не должно помещаться ни одно из учреждений общерусских. Это требование автономии Войска...». «...Старшие начальники и офицеры, — говорил он ген. Щербачеву и внушал, без сомнения, эту мысль армии, — будут бояться,

что от них отнимут все высшие командные должности и заменят их лицами, удобными Деникину, и не казаками, и это может вызвать упадок их энергии в решительные минуты борьбы»⁶³.

Я добивался сосредоточения всего военного снабжения в одних руках для правильного распределения снабжения, доставляемого союзниками, для учета и регулирования потребности фронтов в хлебе и стратегических железнодорожных линий — в нефти и угле. Это мое требование, проявившееся реально в снабжении Дона английскими запасами и в довольствии края и армии кубанским и ставропольским хлебом, в стилизованном изложении атамана формулируется словами: «Снабжение, находившееся в распоряжении войска Донского, хлеб и уголь передаются в распоряжение Добровольческой армии» (?) — «выгоды и угодия (войска), утвержденные грамотами Императрицы Екатерины Великой, от него отходят».

Я писал Богаевскому о желательности объединения некоторых отраслей государственного управления, предложенного некогда самим ген. Красновым, — это предложение превращалось в «полное подчинение всего войска Донского с его населением и армией генералу Деникину». Мои помощники, ведшие непосредственно переписку с атаманом, нервничали и положительно терялись от изумительных оборотов в посланиях атамана, извращавших самую элементарную сущность всяких вопросов.

Атмосфера, между тем, сгущалась все более и более. Ширился круг лиц, принимавших участие во взаимной расправе военачальников, осложняя своим вмешательством и без того тяжелое положение. Печать принимала все более резкий, нервный тон. Атаманский официоз «Часовой» возбуждал казачество против Добровольческой армии... Кубанские самостийные органы, сохраняя в отношении ген. Краснова «вооруженный нейтралитет», травили меня и Добровольческую армию... Все екатеринодарские «российские» газеты, не исключая и социалистических, и кубанские — «линейные» травили атамана Краснова... И атаман жаловался на них моему представителю в Новочеркасске, принимал у себя, на Дону, ряд драконовских цензурных мер в отношении екатеринодарской прессы и относил все это всецело к работе своих недругов — Харламова, Парамонова, Сидорина и других, «под крылом Добровольческого командования ведущих кампанию против него».

Председатель Особого совещания ген. Драгомиров, поставленный в очень щекотливое положение в отношении поддерживавшей армию печати, писал редакциям письма, прося их воздержаться от выступлений против донского командования и «использовать (свое) влияние для упрочения хороших отношений с Доном, начало которых уже положено»⁶⁴.

Содействие союзников принимало иногда недопустимые формы, ставя меня в чрезвычайно тягостное положение. Так, при посредстве телеграфного агентства, 20 ноября в газетах появилось сообщение «из достоверных источников», что груз, привезенный первым транспортом и предназначенный совместно для Добровольческой и Донской армий, по распоряжению французского командования передан только ген. Деникину для Добр. армии..., что «Донская армия ничего не получит из транспортов, которые находятся уже в пути или будут отправлены в будущем... до тех пор, пока Дон не признает ген. Деникина верховным главнокомандующим». Ген. Драгомиров сделал серьезное внушение газетам, поместившим это ложное известие, и произвел расследование, которое выяснило, что сведение было прислано агентству непосредственно из... французской военной миссии...

О ходе переговоров с ген. Красновым ген. Драгомиров осведомлял председателя Донского круга Харламова и при его посредстве законодательную комиссию Круга и донскую общественность. Иногда союзников и прессу. Содержание этих переговоров таково, что без всякого злого умысла давало агитационный материал против ген. Краснова донской и «российской» оппозиции. Харламов и комиссия в вопросе об едином командовании были на нашей стороне. Они ставили вопрос этот «вне связи с вопросом о помощи извне Донской армии, руководствуясь, прежде всего, стратегической целесообразностью»⁶⁵.

Это единомыслие, естественно, сближало нас с донской оппозицией, причем, во взаимоотношения ее с атаманом и во внутренние дела, мы, конечно, совершенно не вмешивались. Комиссия не раз пыталась устранить трения с Добровольческой армией, но совершенно безуспешно. Прибывшей к нему 12 ноября делегации комиссии ген. Краснов заявил категорически, что «признание ген. Деникина для него

является неприемлемым и что Донская армия ни в чем, кроме разве танков, не нуждается».

Лично для меня эта борьба за приоритет Добровольческой армии, веденная вокруг моего имени, была до крайности тягостна. И в душе я готов был не раз помириться со всеми недостатками разьединенного фронта, лишь бы окончилось это прискорбное соревнование, возбуждавшее общественные страсти, отзывавшееся на фронте и ронявшее нас в глазах союзников. Положение мое было тем более трудным, что ни одна из известных мне русских общественных групп, ни одна область, ни одна армия, не исключая даже Донской, не выдвигали ген. Краснова на пост главнокомандующего соединенными силами Юга. А других претендентов на главнокомандование в ту пору еще не было

Глава IX. *Дон: трагедия Донского фронта. Объединение вооруженных сил Юга России. Уход атамана Краснова*

В начале декабря ген. Пуль обратился ко мне со словами: «Считаете ли Вы необходимым в интересах дела, чтобы мы свалили Краснова?» --- Я ответил: «Нет. Я просил бы только повлиять на изменение отношений его к Добровольческой армии».--- «Хорошо, тогда будем разговаривать».

Через день --- два Пуль прислал ген. Драгомирову копию своего ответа ген. Краснову ⁶⁶ на письмо, полученное от него 7 декабря: «Я должен благодарить Вас за помощь и откровенное выражение Вашей точки зрения, хотя, к сожалению, я нашел, что Ваше мнение несогласно с моим по вопросу о назначении генералиссимуса для командования всеми русскими армиями, действующими против большевиков. Я также намерен ответить совершенно откровенно.

Я должен указать Вашему Превосходительству, что я полагаю, по вопросу о назначении главнокомандующего, необходимым предварительно ознакомиться с мнением союзников, ибо, как я понимаю из Вашего письма, только при условии содействия союзников и получения от них снабжения, Вы считаете, что будете в состоянии двигаться вперед или даже только обороняться.

В полученных мною инструкциях моего Правительства, мне указано было войти в сношение с генералом Деникиным как с представителем, согласно английскому мнению, Русских армий, действующих против большевиков. Я сожалею поэтому, что для меня является невозможным даже рассмотрение вопроса о признании какого-либо иного офицера в качестве такого представителя. Я вполне сознаю ту великолепную работу, которую Ваше Превосходительство так искусно выполняли с Донскими казаками, и я смею поздравить Ваше Превосходительство со славными походами.

Я бы желал надеяться, что Ваше Превосходительство проявите себя не только выдающимся воином, но и великим патриотом. Если я принужден буду возвратиться и донести своему Правительству, что между русскими генералами существует зависть и недоверие, это произведет очень тяжелое впечатление и, наверное, уменьшит вероятность оказания помощи союзниками. Я бы предпочел донести, что Ваше Превосходительство проявили себя столь великим патриотом, что готовы поступиться собственными желаниями для блага России и согласиться служить под начальством генерала Деникина.

Как я уже словесно изложил князю Тундутову, я был бы рад встретиться с Вашим Превосходительством неофициально и обсудить все это дело, если бы Вы этого пожелали; и я мало сомневаюсь в том, что мы могли бы прийти к удовлетворительному решению. В случае этой встречи меня сопровождал бы ген. Драгомиров — помощник Главнокомандующего Добровольческой армией».

Свидание состоялось 13 декабря на границе двух областей, в Кушевке. После встречи двух поездов и длительного, довольно оригинального вступления, когда между «суверенным главой пятимиллионного народа» и «представителем Великобританского правительства» шел спор о первом визите, состоялся, наконец, обмен мнений и намечены были общие основания возможного соглашения:

1. Не объявлять об этом подчинении в приказе до той поры, пока, по заявлению Атамана, — мысль о необходимости подчинения Донской армии генералу Деникину не войдет в сознание казаков. 2. Избегать на первых порах отдачи

категорических приказов, касающихся Донских казаков, а заменять их «указаниями» о желательном направлении операции, с предоставлением права Донскому Атаману представлять на нем свои соображения. 3. Невмешательство высшего командования Добровольческой армии во внутреннее управление Донской Армии, т.е. в назначения командного состава, производства в чины, призывы казаков и т.п.

Эти условия, в сущности, сводили на нет единство командования, но, во всяком случае, признавали идею его, сдвигали вопрос с мертвой точки и давали основания для дальнейших переговоров. Они состоялись на станции Торговой 26 декабря ⁶⁷. Их описал впоследствии ген. Краснов ⁶⁸, переплетая правду с вымыслом и внося в рассказ обычные особенности своего стиля: высокую самооценку свою личную и своих помощников — мудрых, красноречивых и государственно мыслящих — прямую противоположность противникам, которым приписываются наивные по форме и содержанию речи, циничные взгляды и побуждения...

Нет надобности повторять те положения и доводы, которые сводились, с одной стороны, к определению нормальных форм единого командования, с другой — к полному отрицанию их на том главнейшем основании, что казачество с недоверием относится к «солдатским» (не казачьим) генералам и офицерам и что «гласное признание подчинения разложит Дон». «Отчего же вы мне предлагали пост главнокомандующего?» — задал недоуменный вопрос ген. Щербачев...

Собеседование открыло такую бездну накопившейся ненависти к нам со стороны донского командования, что дальнейшие прения казались бесполезными. Дважды я прекращал переговоры и дважды атаман и ген. Щербачев просили меня продолжить их: положение Донского фронта становилось трагичным, донская оппозиция росла в числе и в силе, и весть о разрыве могла отразиться действительно печально на судьбе фронта и атамана. Меня также заботила немало участь Донского фронта и одолевало искреннее желание прекратить это постыдное единоборство какую угодно ценою.

В силу этих побуждений появились на свет два акта:

1. Мой приказ (26 декабря 1918 г., № 1): «По соглашению с атаманами Всевеликого войска Донского и Кубанского, сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России».

2. Приказ Донского атамана, отданный «во избежание кривотолков»: «Объявляя этот приказ (мой № 1) Донским армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с главнокомандующим в.с. на Юге России, ген.-лейт. Деникиным, конституция Войска Донского, Большим войсковым кругом 15 сентября с.г. утвержденная, нарушена не будет. Достояние донских казаков, их земли и недра, земельные условия быта и службы Донских армий затронуты не будут. Единое командование есть своевременная и необходимая ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками».

Эти акты не определяли совершенно правовых взаимоотношений между главным командованием и Донской армией. Их должна была установить жизнь.

Пока происходили все эти события, Добровольческая армия кровавыми боями приступала к финальному акту освобождения Северного Кавказа и разгрома большевистских сил. Как только улучшилось положение под Ставрополем, я перебросил оттуда 6 декабря 3-ю дивизию ген. Май-Маевского с бронепоездами, броневиками и авиационными отрядами в район Юзовки для прикрытия каменноугольного района и обеспечения левого фланга Донской армии ⁶⁹. Май-Маевский попал в чрезвычайно сложную военную и политическую обстановку в районе, где перемещались повстанческие отряды Махно ^{III}, Зубкова, Иванько и друг., петлюровские атаманы, советские войска группы Кожевникова и, наконец, застрявшие немецкие эшелоны. Кубанские самостийники подымали сильную агитацию против «вторжения на территорию Украины»; донской атаман настойчиво добивался наступления отряда на Харьков, взятый большевиками 21 декабря, и «занятия северных границ Украины»; а Май-Маевский в течение двух месяцев со своими 2^{1/2}, потом 4 тысячами штыков, с огромным напряжением и упорством едва отбивался от Махно, петлюровцев и двух дивизий большевиков.

Вместе с тем, с поября месяца я непрестанно напоминал союзникам о необходимости скорейшего направления вооруженных сил, прежде всего, на Дон, где помощь эта имела бы колоссальное значение для морального подъема уставшего духом казачества. «Целым рядом телеграмм я просил оказать содействие союзными

войсками на Донском фронте... Донские казаки в течение года героически сражались и сопротивлялись превосходным силам врага, но теперь усталые начинают терять веру в поддержку союзников... Если союзным командованием решено помочь нам в борьбе с большевиками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поддержать дух казачества и сохранить Донскую область»⁷⁰.

Был один момент (21 ноября), когда французская миссия сообщила нам о подходе двух дивизий к Новороссийску, и штаб мой отдавал уже спешное распоряжение о подготовке поездных составов для перевозки головной французской дивизии на Дон... Твердой уверенности, однако, в ее прибытии у меня не было. Поэтому об ожидаемом событии штаб никаких объявлений не делал, а переписка о перевозке велась в «весьма секретном» порядке. Действительно, десант в Новороссийске не появился, а взамен того вскоре начали высаживаться небольшие части союзников в Одессе, Севастополе и Батуме.

На мои телеграммы генералу Франше д'Эспре ответов не поступало. Англичане были положительнее и откровеннее: на мою телеграфную просьбу в Батум ген. Уоккеру о необходимости оказать «немедленную моральную помощь Дону, которая могла бы выразиться в присылке на Донской фронт (хотя бы) двух — трех английских батальонов»⁷¹, ген. Мильн выразил «крайнее сожаление, что указания, полученные (им) от Великобританского правительства, не дают (ему) права выслать (мне) войска»⁷². А советские прокламации, разбрасываемые во множестве по Донскому фронту, злорадно утверждали, что никакой союзной помощи и не будет...

Французская военная миссия, между тем, продолжала поддерживать иллюзии. К несчастью, во главе ее стоял некто капитан Ген. штаба Фуке — человек, мало соответствовавший трудной роли представителя Франции. И начал-то он свою карьеру на Юге как-то странно — представлением мне на подпись дифирамба своим заслугам для ходатайства перед Франше д'Эспре о производстве его в следующий чин. Окончил же совсем печально.

30 ноября я получил письмо ген. Краснова⁷³, весьма меня поразившее. 27 числа к нему явился капитан Фуке, заявив, что он действует по поручению ген. Франше д'Эспре. Фуке сообщил, что немедленно же будет послана французская дивизия из Севастополя на помощь Дону в район Луганска, если атаман подпишет два «соглашения». Первое из них, заключавшееся от имени французского правительства, гласило:

1. События, происшедшие в районе Донецкого бассейна, позволили советским войскам его занять и совершенно дезорганизовать и разрушить промышленную жизнь. Эти события были вызваны недостатком средств защиты и охраны, так как Донские войска, которые были бы необходимы, охваченные большевистской пропагандой, изменили или не выполнили всего того, что при иных обстоятельствах они могли бы сделать.

2. Донское Правительство, признавая, что, не будучи в состоянии обеспечить охрану и защиту заводов, рудников и других промышленных учреждений, считает обязательным справедливое удовлетворение как за погибшие человеческие жизни, так и — для полного возмещения причиненных убытков — восстановление, вознаграждение за бездействующие предприятия и т.п.

3. Атаман Краснов и Донские власти, выше перечисленные, настоящим принимают на себя как выборные и признанные представители настоящего Донского Правительства, а также как представители одной из будущих частей Великой России — обязательство удовлетворить лиц и общества французских и союзных подданных Донецкого бассейна как на территории в пределах Донского войска, так и соседних районов, куда могли распространиться волнения, вследствие материальных затруднений Дона. Право взыскания убытков с Украинских и других властей предоставляется Войску Донскому...

4. Возмещение убытков, так же как и 5% доходов (проторей) со дня прекращения работы вследствие событий, будут уплачены потерпевшим в 10 сроков, считая со дня решения комиссии. Способ и правила уплаты будут совершенно те же, как принятые для оплаты купонов русской 5% ренты 1906 года.

Другое соглашение, заключаемое от имени французского главнокомандующего ген. Франше д'Эспре, состояло в следующем: 1. Соглашение, подписанное 26 декабря между генералом Деникиным, Главнокомандующим Армиями Юга России, и генералом Красновым, Донским Атаманом, и Всевеликой Донской Армией,

с сегодняшнего дня будет иметь полное применение. 2. Генерал Краснов, Донской Атаман, заявляет о признании полной власти ген. Деникина, а как высшего командования и власти по вопросам военным, политическим и общего порядка, обусловленным обстоятельствами, — генерала Франше д'Эспре, командующего Армиями союзников, все инструкции которого будут исполнены немедленно по передаче их французской миссией.

«Вы знаете, В.П-ство, --- писал мне ген. Краснов --- в каком критическом, почти безвыходном положении находится Донское войско. Но при всем этом я не считаю возможным взять на себя подписать такие документы. Я прошу Ваших, как главнокомандующего, указаний. Можете Вы помочь Донскому войску --- сейчас послать две или три дивизии в район Звереве, Морозовская, Царицын для выпрямления фронта? Я ответил в тот же день телеграммой ⁷⁴: «Письмо Ваше 109 получил. Вполне разделяю Ваше негодование по поводу предложения капитана Фуке и одобряю Ваш отказ подписать соглашение. Со своей стороны заявляю следующее:

1) Какие бы ни бывали между нами несогласия и различия во взглядах, я никогда не позволял себе какого-либо действия, направленного во вред интересам Донского казачества, и которое могло бы затруднить героическую борьбу казаков против нашего общего врага. Еще до нашего соглашения об едином командовании я настойчиво требовал от союзников помощи живой силой и всегда совершенно определенно указывал, что таковая должна быть дана прежде всего Дону, выдерживающему главный напор большевиков.

2) Поэтому, предложение капитана Фуке оказать Вам помощь только при условии подписания особого соглашения сделано не только без моего ведома, но я считаю верхом цинизма подобное ультимативное требование в ту тяжелую минуту, которую переживает доблестное Донское казачество. Считаю также верхом бестактности предъявление капитаном Фуке подобного требования Вам без предварительного извинения на то моего согласия.

3) При всех требованиях помощи союзными войсками я всегда совершенно определенно и настойчиво подчеркивал, что таковая ни под каким видом не должна носить характера оккупации, что никакое устранение или даже ограничение власти военной и гражданской не будет допущено. Между тем предложенное Вам соглашение предусматривает подчинение ген. Франше д'Эспре по вопросам военным, политическим и общего порядка. На подобное подчинение я сам никогда не пойду и не допущу, чтобы таковое было бы признано какою-либо из подчиненных общему командованию частей.

4) Равным образом никогда не допущу никакого вмешательства в наши внутренние дела и считаю, что вопросы общего порядка, равно как и политического, должны решаться только нами, русскими, по нашему усмотрению, как мы их понимаем, и никакие чужеземные власти не смеют даже претендовать на какое-либо руководство в этом направлении.

5) На ваш вопрос отвечаю: Донской атаман не может подписывать подобных соглашений, и Добровольческая армия всецело станет на защиту достоинства и чести Донских казаков, если бы то потребовалось как последствие отказа дать подпись под такими позорными для русского имени документами.

6) Мною принимаются все меры переброски частей Кавказской добровольческой армии на помощь Донским армиям, и последним в скором времени будет оказана всяческая поддержка, которая, не сомневаюсь, скоро поможет остановить продвижение красных и с Божьей помощью и верой в наше правое дело позволит обратить временный успех противника в полное его поражение».

Вместе с тем я сообщил ген. Франше д'Эспре ⁷⁵ о действиях капитана Фуке, выразил свою уверенность, что «эти не соответствующие достоинству русского имени документы... не были присланы французским командованием, а явились результатом неправильного понимания капитаном Фуке всей ответственности сделанного им по личной инициативе выступления»... Фуке был отозван, но на вопрос мой ответа не последовало.

Донская армия откатывалась, и депутаты северных округов, собиравшиеся на Круг, который должен был открыться 1 февраля, приносили тяжелые вести о том полном развале, который охватил северный фронт. Росли растерянность, уныние и вместе с тем недовольство властью и особенно командованием. Генерал Краснов в ряде писем сообщал об отчаянном положении Дона и просил помощи.

Еще до открытия Круга, по постановлению частного заседания его, прибыла ко мне в Екатеринодар депутация членов Круга во главе с ген. Поповым узнать, правда ли, что, благодаря нежеланию Донского атамана подчиниться фактически единому командованию, Дону не будет оказана помощь. Я ответил: «Это вздор. Наши личные отношения ни в малейшей степени не могут повлиять на отношение к Дону. Снабжение, которое мне дадут союзники, будет посылаться и Дону; все иноземные силы, которые пришлют мне, будут отправлены исключительно на Дон. Все, что можно будет извлечь с Кавказского театра, я перебрасываю на помощь Дону...»

Не закончить операции на Северном Кавказе — значило бы свести на нет все огромные наши усилия, допустить вновь залить многострадальную Кубань красной гвардией, лишить себя и Дон открытого во внешний мир окна (Черное море, Новороссийск) и поставить самую Донскую область под угрозу окружения.

Только к январю 1919 г. обозначился решительный перелом операции в нашу пользу. И в январе была переброшена на усиление Май-Маевского еще одна Добровольческая дивизия (1-я), жестоко пострадавшая в боях под Ставрополем и не имевшая отдыха. 23 января мы взяли Грозный, 29 — Владикавказ, а уже 2 февраля ген. Попов телеграфировал Кругу, что кубанские дивизии для переброски на Дон готовы, но мало подвижного состава, застрявшего после перевозки Добровольцев на Дон, и необходимо... избрать членов Круга для сопровождения поездов...

Ибо тот прием, который практиковался Донским атаманом для «успокоения умов казаков» — объявление в приказах и речах о необходимости «заняться строительством своей разоренной родины» и о невыводе их поэтому за пределы Дона, вызвал подражание на Кубани: Кубанцы также не хотели удаляться «от родных хат» и не понимали, почему Донцы могут не оставлять свои пределы, а они должны «бросать Кубань». Поэтому, кроме непосредственного воздействия на Кубанцев, мне пришлось просить Донской круг выслать на Кавказ своих делегатов — уговаривать кубанских казаков, во что бы то ни стало желавших побывать в своих станицах, ехать на помощь старшему брату.

В связи с предстоящим открытием Донского круга часть екатеринодарской прессы вновь ополчилась в чрезвычайно резком тоне против ген. Краснова. Я приказал закрыть газету «Истина», и в официальном сообщении штаба ⁷⁶ это распоряжение мотивировано было недопустимостью «подрывать доверие к атаману, под руководством которого доблестная Донская армия прилагает величайшие усилия к спасению своей области». Надо было окончательно рассеять недоразумения, поддержать Донцов морально и заверить их в помощи. И я решил поехать на Круг, о чем уведомил атамана.

Атаман, чувствуя неблагоприятное для себя настроение съезжавшихся членов Круга, 20 января запрашивал меня, не считаю ли я «своевременным, чтобы в февральскую сессию он просил Круг освободить его от должности атамана». Я ответил, что вмешиваться в его отношения с Кругом не буду.

Генерал Краснов считал, что я в союзе с ген. Богаевским и Харламовым готовлю его свержение и не верил в искренность моего «невмешательства» ⁷⁷. Письма этих лиц ко мне, относящиеся к концу января, должны значительно ослабить возводимое обвинение... «Страшная усталость,— написал мне Богаевский ⁷⁸,— падение духа, измена — все соединилось против нас... Надежды на союзников нет... Верьте тому, что пишет Вам атаман. Я не завидую его положению: он готов пасть духом под ударами судьбы... Блестящие успехи Добровольческой армии дают всем надежду на быструю помощь. Ваш приезд всех радует»... То же писал и Харламов ⁷⁹: «С чувством большой радости я услышал о Вашем желании посетить Дон и быть на Войсковом круге... Узнал об этом от атамана Краснова... Проникавшие на фронт сведения о трениях по вопросу об едином командовании вселили в казаков тревогу, что Вы из-за этих трений не даете помощи и что наше командование не сделало всего, чтобы устранить эти трения... Сейчас Ваш приезд психологически необходим».

К февралю месяцу на севере Донской фронт представлял из себя неопределенную прерывчатую линию, шедшую от Луганска через Миллерово в общем направлении на Царицын. Еще в середине января насчитывавшая до 40 тыс. Донская армия таяла с каждым днем. У Луганска отбивал успешно наступление противника ген. Коновалов с 1½ дивизиями «молодой Донской

армии»... У Миллерово медленно отходил вдоль ж.д. на юг восьми-, десяти тысячный отряд ген. Фицхелаурова... Далее на расстоянии 100—150 в. фронта не было, и только где-то у п. Петровского храбрый ген. Гусельщиков, затерянный с тысячным отрядом среди мятущихся или переходивших на сторону врага станиц, атаковал еще и бил большевиков, брал пленных и оружие... За Чиром поспешно отходили на юго-запад растаявшие отряды Саватеева, Сутулова, Старикова и к февралю приблизились на полперехода к ж.д. линии Лихая — Царицын, поставив тем под угрозу коммуникационную линию ген. Мамонтова, который все еще дрался под самым Царицыном.

В такое тревожное время собрался 1 февраля Войсковой круг. Донской атаман в длинной волнующей речи нарисовал историю 10-месячной борьбы Дона, его героических подвигов и падения. Очертил без утайки тяжелое, но не безвыходное положение фронта, и призывал Донцов бросить колебания и робость и воспрянуть духом. Помощь близка. «Мы живем в сказке великой... Царевна с нами, господа, Русская красавица. Это Добровольческая армия. Покончив покорение Кавказа, освободивши Терское войско, помогши кубанцам, она пришла к павшему духом Донскому богатырю и вспыснула его живой водой... А левее, уступом, медленно и грозно поднимается французская армия ген. Бертело. Она заняла Раздельную и идет дальше на север от Одессы... Великая борьба за Россию вступила в новый и последний период. Единое командование осуществлено. И вашими болями, вашими неудачами болеет вся Россия и спешит вам на помощь»...

Круг отнесся отзывчиво к речи атамана, но в тот же день в вечернем заседании встретил враждебно доклад командующего армией ген. Денисова. В заседании 2 февраля все округа выразили единодушно недоверие ему и начальнику штаба армии ген. Полякову. Три округа ⁸⁰ предоставляли решение вопроса об их замене главнокомандующему В.с.Ю. России. Атаман Краснов заявил ⁸¹: «Недоверие, выраженное ген-ам Денисову и Полякову, принимаю на себя как верховный вождь Донской армии. Да, я знаю — горе побежденным! Мы побеждены болезнью, которая разъела нашу армию... Вы теперь отрубаете у меня сразу и правую, и левую руку... Я прошу... выбрать мне заместителя». После баллотировки отставка атамана была принята, и по донской конституции временная власть перешла к председателю правительства ген. Богаевскому.

Если в вотуме Круга в отношении ген. Краснова можно было видеть прежде всего осуждение его общей политики, то враждебность, проявленная всем Кругом чрезвычайно остро и ярко к Денисову, была основана в значительной мере на личных его качествах: этот человек обладал исключительной злобностью и сомнением, вооружавшим против него людей. Даже несколько лет спустя, после жестоких уроков, заставляющих, казалось бы, осторожнее относиться к прошлому, он остался неизменным и в таких словах свидетельствует перед лицом истории о самом себе в третьем лице: «Под его командованием Донская армия не видала поражений, а военное управление не ведало разрухи». И противопоставляет «правлению донской власти, воцарившейся со 2 февраля 1919 г.» — «выдающийся по мудрости, красоте и деятельности период их предшественников» ⁸²...

Рано утром 3 февраля мой поезд подходил к Кущевке. Здесь на границе Донской области встретил меня бывший атаман, ген. Краснов, предупредивший лидеров донской оппозиции, также желавших побеседовать со мной до выступления моего на Круге... В третий раз за время борьбы на Юге я встречался с человеком, с которым судьба так резко столкнула меня на широкой, казалось, русской дороге. Передо мной был уже не гордый своими и Донского казачества заслугами атаман, а человек, жестоко придавленный судьбой за свои и чужие вины. Человек, несомненно, одаренный, но не владевший своим словом и чувствами, создавший себе повсюду противников и врагов и нерассчетливо расточавший свои силы на борьбу с ними. И никакой горечи против него в душе моей тогда не было. Я выразил Краснову сожаление об его уходе. Он ответил: «Круг подчинится всякому вашему слову»...

После приветствий по моему адресу Круга, я сказал: «Господа члены Войскового круга, я так взволнован вашим приемом, так овеян вашей лаской, что вряд ли сумею сказать все, что хотел сказать, и так сказать, как хотел...

С чувством душевного волнения, после года отсутствия, я вновь приехал в Новочеркасск. В тот город, где с огромным трудом, окруженные слепой стеной злобы, предательства и непонимания, три великих русских патриота — Каледин,

Корнилов и Алексеев начали строить заново русскую государственность. Я приехал исполнить свой долг: поклониться праху мертвых и приветствовать живых, чьими трудами и подвигами держится Донская земля. Я приехал приветствовать Войсковой круг, олицетворяющий разум, совесть и волю Всевеликого войска Донского.

Перенеся вместе с Добровольческой армией через ее крестный путь неугасшую и непоколебимую веру в великое будущее единой и неделимой России, я не отделяю от блага и пользы России интересов Дона. Я знаю, что силы, благоденствие и процветание Донского войска служат залогом спасения России.

Вот почему год тому назад, защищая подступы к Таганрогу и Ростову, я болел душой, видя полное наше одиночество. В феврале я с тяжелым чувством покидал Донскую землю; в апреле я с великой радостью узнал, что Дон очнулся от наводнения и встал на защиту поруганной свободы своей. Летом соединенными силами Добровольцев, Кубанцев и Донцов боролся в Задонье. И в героической борьбе Дона, вместе с Добровольческой и Кубанской армиями, радовался вашим успехам и скорбел при ваших неудачах. То, что сделано Доном в беспрецедентной борьбе его с разрушителями Родины, никогда ею не будет забыто.

Теперь опять страшась беда над Доном. Неужели же вся огромная созидательная работа целого года должна пропасть даром? Нет. Донское свободололюбивое войско не может пойти в кабалу к грязному, безумному, проклятому большевизму. А те, кто предал Дон, забыв честь и совесть, пусть знают, что «отдохнуть» им не придется. Если «новоявленные друзья» красноармейцы не пошлют их на восток проливать братскую кровь сибирских, оренбургских и уральских казаков, то здесь они встретятся в смертном беспощадном бою с нами.

В помощь Дону я развернул уже самый крепкий корпус Добровольцев и посылаю все, что можно оттянуть с Кавказского фронта и что могут перевезти расстроченные несколько железные дороги.

Доблестные кубанские казаки, которым посчастливилось освободить уже всю землю и которые, самоотверженно сражаясь в Терско-Дагестанском крае, докончили его освобождение, поспешат на помощь Дону — я в этом глубоко уверен. Идут и Терцы. Союзники пока не пришли к нам. Трудно сказать, какие технические и политические условия тормозят прибытие союзных войск, но, очевидно, имеются на это свои причины. Во всяком случае, живая сила, которую пошлют они мне на помощь, будет направлена на Донской фронт. В конечной победе не сомневаюсь, ибо дело наше правое.

Я знаю, что Дон может колебаться, что от перенесенных лишений, невзгод, тяжелых потерь у малодушных упало сердце. Положение грозное — нет сомнения. И не потому, что враг силен, а от усталости, уныния и, может быть, предательства некоторых станиц и Донских частей. Но ведь было еще хуже. Ведь год тому назад весь Дон заполнен был большевиками, которые нагло издевались над всем укладом казачьей жизни, над вашими вольностями, которые завладели казачьим добром, убивали лучших людей ваших. Однако Дон встал. Встал во весь рост. Так же будет и теперь.

Не могут же Донцы допустить, чтобы наглые пришельцы — красноармейцы сели на их землю, лишили их свободы, обобрали их до нитки и посылали в братоубийственный бой против своих же казаков, как это делают уже в северных округах.

Я верю в здоровый разум, русское сердце и любовь к Родине донского казака. Верю, что ваша внутренняя распря, в которой я не могу и не хочу быть судьей, не отразится в борьбе с врагами Дона и России, на общей дружной работе. И Дон будет спасен.

Но на этом путь наш не кончится. Путь тяжкий, но славный. Настанет день, когда, устроив родной край, обеспечив его в полной мере вооруженной силой и всем необходимым, казаки и горцы вместе с Добровольцами пойдут на север — спасти Россию от распада и гибели. Ибо не может быть ни счастья, ни мира, ни сколько-нибудь сносно человеческого существования на Дону и на Кавказе, если рядом с ними будут гибнуть прочие русские земли. Пойдем мы туда не для того, чтобы вернуться к старым порядкам, не для защиты сословных и классовых интересов, а чтобы создать новую, светлую жизнь всем: и правым, и левым, и казаку, и крестьянину, и рабочему...

Много терний на этом пути. Но при добром желании, при общем и искреннем стремлении всех новых образований к государственному объединению он приведет нас к желанной цели — к счастью Родины.

И я от души желаю сил, мужества и удачи Кругу, Атаману и Правительству в их непомерно тяжелой, но благодарной работе. В тесном единении с Добровольческой армией, с кубанцами, терцами и горцами Северного Кавказа, опираясь на все государственно мыслящие круги, донская власть примирит интересы разнородного населения, внесет начала справедливости и внутреннего мира, даст победу над врагом и счастье родной области. В этом — залог нашего общего благополучия, в этом — важный этап в строительстве Великодержавной России, которой мы без сомнений, без колебаний отдадим все свои желания, все помыслы, и даже жизнь».

Речь отвечала тому, чего хотел Круг, и по свидетельству официального отчета⁸³ «влила бодрость в удрученные сомнениями души членов Круга, дала им уверенность, что Дон не будет одинок в борьбе»...

Но того слова, которого хотел услышать ген. Краснов, я по совести сказать не мог. «В нашей внутренней распре я не могу и не хочу быть судьей»... Вот все, что я считал себя вправе сказать атаману и Кругу накануне атаманских выборов, решивших судьбу ген. Краснова... «Невмешательство» мое пошло несколько далее: я не считал возможным в эти тяжелые для Дона дни предъявлять Кругу требования, которые обеспечивали бы реальное содержание «договору» в Торговой и реальную власть главнокомандующему — требования, которые были бы выполнены несомненно.

Кавказская добровольческая армия, овеянная столькими победами, была уже свободна, и эшелон за эшелоном текли на север без всяких кондиций, просто — для спасения Дона и общерусского противобольшевистского фронта.

Ввиду ухода Денисова и Полякова, Донское правительство в выборе командующего остановилось на ген. Абрамове и в качестве начальника штаба армии — на ген. Райском. Я согласился на эти назначения, уехал на фронт, а через три дня телеграф принес известие об избрании атаманом ген. А. П. Богаевского и одновременно — ходатайство нового атамана о назначении командующим армией ген. Сидорина и начальником штаба — ген. Кельчевского. Первого, очевидно, по соображениям политическим⁸⁴, второго — по военным. Так как военные познания и опыт Кельчевского компенсировали отсутствие командного стажа у Сидорина, я согласился и на эти назначения.

Обращение ко мне по этому вопросу нового атамана было большим шагом вперед, ибо «договор» в Торговой не предусматривал даже такого «вмешательства» моего в управление автономной Донской армией. Новая Донская власть вступала в исполнение своих обязанностей в момент исключительно тяжелый. Кроме восстановления разложившегося фронта, ей предстояла задача умиротворения сильно замутившейся внутренней жизни Дона.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. «Вр. полож. об управл. Куб. краем».
2. Протокол № 94 заседания совета Кубанского правительства 30 октября 1918 года.
3. Одно время по инициативе покойного Н. Успенского «для согласования деятельности Кубани и Добр. армии» выдвигалась моя кандидатура в атаманы. Я решительно отклонил эту комбинацию, не веря в ее целесообразность.
4. Заседание 30 ноября.
5. 7 марта «Кубанский край» был закрыт полк. Успенским одновременно с газетами противного лагеря — «Единая Русь» и «Кубанец», закрытых за поношение «избранников народа и Законодательной рады».
6. Стенограмма заседания Законодательной рады 2 мая.
7. Заседание Закон. рады 27 февраля 1919 г. и др.
8. Добровольческая армия не была упомянута. На вопрос, где же она — председатель Рады Рябовол пояснил: «Сказано «и т.д.» — всех не перечислишь»...
9. 5 апреля, № 14.
10. 12 апреля, № 523.
11. Радиogramма 9 декабря 1918 года.
12. Из секретного отчета о заседании 15 ноября.

13. Из послания гетману, прочитанного ему чрезвычайной куб. миссией на приеме 8 октября 1918 года.
14. В бытность последнего с первым посольством в Киеве. Заявление Рябовола в Раде 2 марта.
15. Все выдержки приведены в переводе с украинского.
16. Доклад от 10 января.
17. Т.е. родственник Блохина.
18. Заседание 3—4 мая 1919 года.
19. 2 ноября 1918 года.
20. «Кубанский край» 3 января 1919 года.
21. 15 ноября 1918 года.
22. Офиц. сообщение штаба от 22 ноября 1918 года.
23. Отчет о заседании 20 ноября 1918 года.
24. Приказ 1 февраля 1919 г., № 172.
25. Письмо генералу Лукомскому 20 июня 1919 г., № 27.
26. Генералы: Врангель, Улагай, Покровский, Щкуро, Топорков, Крыжановский, Бибиев и др. За выделение высказался один ген. Гейман.
27. Из секретного отчета о заседании Кубанского правительства в начале сентября 1919 года.
28. В орган этот должны были входить на равных началах представители Дона, Кубани, Терека, Крыма и Особого совещания.
29. В июне, например, для нужд армий Дона, Терека и Донецкого района потребовалось более 1 милл. привозного хлеба, который был разверстан между Кубанью (60%) и Ставропольск. губ. (40%).
30. Подымавшиеся не раз в Раде прения и «Меморандум 4-х государственных образований» — Дона, Кубани, Украины и Белоруссии, поданный державам Согласия и подписанный от Кубани — Бычом. Январь 1919 года.
31. Декларация «Конференции кубанских политических и общественных деятелей в городе Праге 11—20 октября 1919 года».
32. По теории П. Макаренко, «кубанцы есть самостоятельная ветвь славянского племени».
33. Я имею основание считать, что личность главнокомандующего не вызывала в свое время особенного недоверия кубанских правителей.
34. Стенограмма заседания Круга 1 февраля 1919 года.
35. Краткое сообщение о заседании 1—8 февраля 1919 года. Офиц. изд.
36. Отчет о вечернем закрытом заседании Круга 1 февраля.
37. Письмо к ген. Франше д'Эспре 6 ноября 1918 года.
38. Т. III, гл. XII.
39. Гл. XXI.
40. 16 октября 1918 г., № 200 и письмо от января 1919 года.
41. 11 января 1919 года, № 1328.
42. Симферополь 30 ноября — 8 декабря 1918 года. Резолюция.
43. «Меморандум» Дона, Кубани, Украины и Белоруссии, подписанный Черячукиным, Бычом, Марголиным, Галипом, Бохановичем 5 февраля 1919 г. в Одессе.
44. «Украина и политика Антанты».
45. Учрежден 2 сентября 1918 года. Объединение органов снабжения произошло значительно позже — декретом 9 июля 1919 года.
46. Из доклада 24 февраля 1919 года.
47. Выдержки из доклада генералу Богаевскому от 4 ноября 1919 года.
48. Т.е. ген. Богаевский.
49. Доклад К. Карасева от 16 августа 1919 года.
50. Из речи капитана Кошена 25 ноября.
51. Любопытно, что 18 декабря ген. Краснов по аналогичному поводу писал кубанскому депутату Макаренко: «Будущая Россия — федеративное или унитарное государство — праздный вопрос... Гадание о будущем явится лишь пустыми разговорами, для чего у меня нет ни свободных людей, ни времени».
52. 13 октября № 149.
53. Письмо 12 октября 1918 г., № 1145.
54. Письмо ген. Богаевскому 25 октября 1918 г., № 318.
55. Письмо ген. Алексееву, См. Т. III, гл. XXXIV.
56. Телегр. № 517.
57. Участники со стороны Д. А.: генералы Драгомиров, Лукомский, Санников, Романовский, Тихменев; Сазонов и Нератов. Со стороны Дона: ген. Поляков, Греков и Свечин.

58. Разлагающаяся организация.
59. Из протокола заседания.
60. Копия ленты разговора Смагина и Полякова.
61. 21 октября атаман Краснов писал ген. Лукомскому: «У меня (в армии) две трети не имеют сносных сапог, одна треть совсем не имеет сапог, обута в лапти, даже офицеры. Не только полушубков, не только телогреек, но даже шинелей далеко не хватает. Патронов осталось только 13 миллионов. А война идет страшно жестокая».
62. Со слов ген. Краснова — «Всевеликое войско Донское», «Архив Рус. Рев.», т. V.
63. Я должен заметить, что эти мысли не прививались донскому офицерству и отношение его к Добровольческой армии и ко мне оставалось доброжелательным.
64. Циркуляр 14 декабря 1918 г., № 1161.
65. Из стеногр. заседания Круга 4 февраля.
66. Оставляю без изменения русский перевод письма, полученный из английской миссии.
67. Участники: 1) со стороны Добр. арм.— я, генералы Драгомиров, Щербачев (приехал из Румынии), Романовский и др.; 2) со стороны Дона — атаман Краснов, ген. Денисов, Поляков и др.
68. «Архив Рус. Рев.», т. V. «Всевеликое войско Донское».
69. Стратегическая задача «обеспечение линии Юзовка — Мариуполь, а затем... распространение на Бердянск — Синельниково — Нырково с прочным закреплением занятого района».
70. Из телеграммы моей генералу Франше д'Эспре.
71. Телеграмма 13 января 1919 г., № 0735.
72. Телеграмма от 24 января 1919 года.
73. От 29 января, № 0109.
74. 30 января, № 157.
75. Телеграмма 3 февраля, № 188.
76. 28 января.
77. «Всевеликое войско Донское», «Архив Рус. Рев.», т. V.
78. От 26 января 1919 года.
79. От 26 января 1919 года.
80. Черкасский, Таганрогский и Ростовский.
81. Из отчета о заседании.
82. Ген. Денисов. «Записки».
83. Краткое сообщение о заседаниях 1 --8 февраля 1919 года.
84. Видный член оппозиции.

Примечания редакции

- I. *Май-Маевский Владимир Зенонович (Зиновьевич)* (1867—1920) — один из руководителей белой армии в гражданскую войну в России, генерал-лейтенант (1917 г.). Из дворян. Окончил Академию Генштаба (1896 г.). Участник первой мировой войны. После октябрьского переворота 1917 г. бежал в 1918 г. на Дон. С декабря командовал 3-й пехотной дивизией Добровольческой армии; весной 1919 г., в ходе боев в Донбассе, дивизия была преобразована в Донецкую группу войск. В мае — ноябре командовал Добровольческой армией; был главноначальствующим Харьковской области. После поражения «похода на Москву» отстранен от должности и заменен в декабре 1919 г. Врангелем. 30 октября 1920 г. умер в Севастополе.
- II. *Фош Фердинанд* (1851 - 1929) — маршал Франции. В первую мировую войну командующий армией, группой армий, в 1917 --1918 гг. начальник Генштаба, с апреля 1918 г. верховный главнокомандующий союзными войсками. Один из организаторов интервенции в Советскую Россию.
- III. *Махно Нестор Иванович* (1888—1934) — анархист. В 1917- 1921 гг. возглавлял большое крестьянское войско на Украине, основу которого составляли конные отряды. Воевал практически со всеми властями и режимами того времени: атаманом Калединым, Центральной радой, гетманом Скоропадским, Петлюрой, Деникиным, Врангелем, атаманом Григорьевым, австро-немецкими и антантовскими интервентами. Трижды вступал в соглашение с советской властью и трижды поднимал мятеж. Движение махновцев было ликвидировано Красной армией. 26 августа 1921 г. Махно ушел в Румынию, оттуда переехал в Польшу, затем в Германию и Францию. Умер в Париже.

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Имя Евгения Францевича Шмурло (1854—1934), по всей вероятности, известно в настоящее время лишь в узком кругу специалистов. Ведь он был практически вычеркнут из числа отечественных историков конца XIX — первой трети XX века. В СССР о нем вспомнили почти спустя 30 лет после смерти. Б. Б. Кафенгауз, занимавшийся эпохой Петра I, и, очевидно, в связи с этим обратившийся к работам Шмурло, упомянул в своей статье о его архиве, из которого были опубликованы два документа, касающиеся времени Ивана Грозного¹. В последние годы к личности Шмурло обратилась Л. И. Демина². В недавно опубликованной книге В. Т. Пашуто речь идет о деятельности Русского исторического общества в Праге и приводится выборочная библиография работ Шмурло, возглавлявшего его³.

Шмурло — выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, ученик К. Н. Бестужева-Рюмина, профессор Дерптского университета, ученый корреспондент Императорской Академии наук в Риме, член-корреспондент Императорской Академии наук, председатель и, фактически, основатель Русского исторического общества в Праге⁴. Его научная деятельность заслуживает высокой оценки. П. Н. Милюков писал ему в связи с 80-летним юбилеем: «Вашей последней работой⁵ Вы облегчили путь нашим преемникам к серьезной, критической научной разработке исторических данных по наиболее тяжелому периоду нашей истории. Всем этим Вы сделали большой вклад в историю нашей науки, и труд Вашей жизни не будет ни забыт, ни обойден»⁶.

В автобиографических заметках Шмурло⁷ можно встретить упоминания о написанных им стихотворениях или рассказах; некоторые из них он опубликовал под псевдонимом⁸. Художественные пристрастия его нашли воплощение в литературно-критической сфере, то есть именно там, где особенно требовался ум аналитика и художественный вкус. Еще в конце XIX в. он обратился к творчеству А. С. Пушкина, по случаю 100-летия со дня его рождения выступив с речью на торжественном собрании⁹ и статьей «Маска и письмо А. С. Пушкина», хранящихся в библиотеке Императорского Юрьевского университета, а затем в течение всей жизни продолжал обращаться к творчеству великого поэта не только как читатель, но и как исследователь¹⁰.

Шмурло активно интересовался не только русской, но и европейской культурой. После первого года преподавательской работы в гимназии, летом 1880 г. он отправился в путешествие по Европе (Вена, Мюнхен, Швейцария, Милан, Павия, Генуя, Флоренция, Падуя, Венеция). В 1886 и 1890 гг. он еще дважды побывал в Италии и по возвращении оттуда организовал для учениц гимназии М. Н. Стоюниной кружок, где в праздничные дни читал лекции об итальянском искусстве¹¹. Как знать, может быть, итальянские впечатления определили впоследствии

научную судьбу Шмурло — с 1903 по 1924 г. он жил и работал в Риме в качестве ученого корреспондента Императорской, а затем Российской Академии наук.

Шмурло не ограничивался научной и педагогической деятельностью, он активно откликался на различные события общественной жизни: участвовал в ликвидации последствий голода в Воронежской губернии, выступал с публицистическими статьями и заметками¹².

Характер его научной деятельности в значительной степени был определен влиянием Бестужева-Рюмина, о котором он написал большую работу¹³. Как представитель Петербургской исторической школы Шмурло всю жизнь был верен ее завету, в соответствии с которым «русскую историю нельзя писать, не изучив предварительно критически ее источников...»¹⁴. Милуков писал в связи с этим: «Трогательно видеть, как до конца жизни ученик сохранил завет учителя. «Русская история» Бестужева-Рюмина, наш общий университетский учебник, подает руку литографированному «Курсу русской истории» Е. Ф. Шмурло, его последнему труду: там и здесь дается сжатый репертуар главных фактов и явлений в разных областях жизни, с необходимой библиографией и критическим аппаратом, который у Евгения Францевича принимает форму ряда специальных экскурсов по спорным и невыясненным вопросам русской истории». При этом «принцип воздержания от исторического рассказа и ограничения себя предварительным изучением источников, остается неприкосновенным»¹⁵.

Научное кредо Шмурло было сформулировано им в статье, которая представляет собой текст доклада, прочитанного на XI археологическом съезде в Киеве. В ней он написал: «Монументальный труд С. М. Соловьева в свое время составил эпоху в истории развития русской исторической науки; он дал целостный взгляд на судьбы нашего прошлого, осветил это прошлое известным светом, установил методы и приемы в его изучении. Наметив главные вехи, дав общую руководящую нить, великий историк предоставил уже последующим деятелям разработку деталей, пополнение оставленных им пробелов, наконец, исправление тех частных исторических ошибок в оценке исторических явлений, какие мог он допустить. Нового целостного взгляда после Соловьева никто еще пока не выработал, и русская наука продолжает работать в направлении, указанном знаменитым московским историком. Поэтому дальнейшие успехи ее могли быть обусловлены преимущественно путем работ монографических, детальными исследованиями по отдельным вопросам и сторонам русской жизни. Но один пересмотр старого материала для этого, разумеется, был бы теперь уже недостаточен, и вот почему мысль современных историков направлена в значительной степени на открытие и обнародование новых материалов в возможно большем количестве»¹⁶.

Основные научные усилия Шмурло и были направлены на «прояснение деталей» и «обнародование новых материалов»¹⁷. Но они существенным образом дополняли и конкретизировали, а в некоторых случаях и меняли сложившееся представление о русском историческом процессе¹⁸. Шмурло чрезвычайно много сделал для разыскания, исследования и публикации архивных документов зарубежных, прежде всего — итальянских, о взаимоотношениях между Россией и Европой, католическим миром в XVI—XVIII веках. Правда, его деятельность в этом направлении не реализовалась в форме обобщающего труда¹⁹, но собранные и обработанные им документальные материалы дают много нового для понимания отношений между Россией и Западом.

Деятельность в качестве ученого корреспондента Императорской Академии наук, работа в зарубежных, в первую очередь — итальянских, архивах, составляют, быть может, наиболее важный период в ученой карьере Шмурло. Впервые с научными целями он побывал в Риме, Италии в 1892 году. Тогда он собирал материалы для книги о Петре I, а результатом поездки стал, в частности, отчет, в котором упоминались не только документы, непосредственно относящиеся к этой теме, но и к более раннему времени²⁰.

С 1903 г., после учреждения в Риме должности ученого корреспондента Историко-Филологического отделения Императорской Академии наук, он жил и работал там, регулярно приезжая в Россию. В 1916 г. он последний раз побывал на родине — война и революция сделали его новый приезд невозможным. Фактически, сложности в получении жалованья от Академии наук возникли уже в 1917 г., но Шмурло удавалось, хотя и с трудом, преодолевать материальные трудности. «За-

имообразно» он получал деньги из других источников²¹, но постепенно нити, связывающие его с Россией и ее представителями за рубежом стали ослабевать, рваться, и в течение нескольких послереволюционных лет он был предоставлен самому себе.

В 1924 г. Шмурло был вынужден передать на сохранение в Институт Восточной Европы в Риме прекрасную библиотеку ученого корреспондента, насчитывавшую около 6 тыс. томов, и перехал в Прагу. Когда в 1925 г. в ежегодном отчете Академии наук его имя даже не было упомянуто, он считал себя освобожденным от должности ученого корреспондента, хотя официально его об этом никто не уведомлял. Более того, в 1925 и 1927 гг. в Ленинграде без согласования с ним и без его участия были изданы две его публикации²². Причем, первая из них (часть ее была напечатана еще в 1916 г.) по техническим причинам была издана не полностью²³.

В целом, научная деятельность Шмурло в этом направлении явилась важным этапом в изучении материалов по русской истории, хранящихся в итальянских архивах и библиотеках. Он не только подвел итоги той работе, которая была проделана до него, но наметил пути дальнейших архивных поисков и публикаций. Объектом пристального внимания Шмурло наряду с Ватиканским архивом стал также Архив Конгрегации пропаганды веры, в который ему долгое время не удавалось попасть²⁴. Результаты его исследований были опубликованы в IV томе сборника «Россия и Италия» (Л. 1927) и в других изданиях, а также стали темой доклада, прочитанного им на V Международном конгрессе исторических наук в Брюсселе (1923 г.²⁵). Кроме того, на основании материалов Архива Конгрегации пропаганды веры в 20—30-х годах им было написано несколько статей.

В Праге, где Шмурло прожил последние 10 лет жизни, он продолжил свою научную деятельность во главе организованного им Русского исторического общества. Оно провело первое заседание 7 апреля 1925 года. В основу его деятельности были положены два принципа: объективное изучение прошлого и широкое понимание термина «история» как «разнообразных проявлений народной жизни в... отдаленном или близком прошлом...»²⁶. В 1935 г. оно отметило свое десятилетие. Юбилей стал данью памяти двум первым председателям Общества — Шмурло и А. А. Кизеветтеру. По мнению сменившего их на этом посту А. Н. Фатеева, характерной чертой и заслугой объединения русских историков за рубежом было то, что оно продолжило традиции русской исторической науки, сумело собрать вокруг себя и воспитать группу молодых историков²⁷. Шмурло, который первые семь с половиной лет возглавлял его, в значительной степени повлиял на его развитие и чисто научный характер его работы. Шмурло ориентировал ее на разработку проблем российской истории. Об этом свидетельствуют в первую очередь книги самого Шмурло, написанные или опубликованные в 20—30-е годы²⁸.

Шмурло начинал и закончил свой путь в науке как исследователь истории России. С. М. Соловьев остался для него ученым, уважение к которому он пронес через всю свою жизнь. Свидетельство этого публикуемая ниже речь, произнесенная 12 февраля 1930 г. в заседании Русского научного института в Белграде и напечатанная в «Записках» этого института (вып. 1. Белград. 1930).

С. Г. Яковенко

Примечания

1. См. КАФЕНГАУЗ Б. Б. Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России. В кн.: Международные связи России до XVII в. М. 1961, с. 533—540.
2. ДЕМИНА Л. И. «Записки» Е. Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889—1892).— Археографический ежегодник за 1984 год, М., 1986, с. 252—256. См. также: ЯКОВЕНКО С. Г. Переписка папских нунциев в Речи Посполитой (вторая половина XVI в.). В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. ст. М. 1989, с. 87—90.

Яковенко Сергей Георгиевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

---

3. ПАШУТО В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М. 1991, с. 54—60, 187—189.
4. Перечень научных званий Шмурло, членства его в различных обществах и комиссиях см.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5965, оп. 1, д.630, л. 7.
5. Речь идет о «Курсе русской истории».
6. ГАРФ, ф. 5965, оп.1, д.695, л. 1. Отклики на кончину Шмурло см.: Записки Русского исторического общества в Праге, кн. 3. Прага Чешская — Нарва. 1937.
7. ГАРФ, ф. 5965, оп. 1, д.8.
8. См. САХАНЕВ В. В. Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк.— Записки Русского исторического общества в Праге, кн. 3, с. 76—77.
9. ШМУРЛО Е. Пушкин в развитии нашего самосознания. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Юрьевского университета 26 мая 1899 года. Юрьев. 1899.
10. См. ШМУРЛО Е. Этюды о Пушкине. В кн.: Пушкинский сборник Русского института в Праге. Прага. 1929.
11. См. САХАНЕВ В. В. Ук. соч., с. 34—35
12. См., напр.: ШМУРЛО Е. Ф. Голодный год. Письма в «С.-Петербургские Ведомости». 1898—1899. М. 1900.
13. ШМУРЛО Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829—1897. Юрьев. 1899.
14. МИЛЮКОВ П. Н. Воспоминания. М. 1991, с. 108.
15. МИЛЮКОВ П. Н. Три поколения.— Записки Русского Исторического общества в Праге, кн. 3, с. 13—14.
16. ШМУРЛО Е. Ф. Об учреждении Русской исторической комиссии в Риме. М. 1900, с. 3.
17. «От своего учителя. Е. Ф. получил особый вкус к занятиям над источниками... По его мнению, Бестужев не стоял на точке зрения одной только критики источников, но видел в ней всегда обязательную для каждого исследователя исходную точку. Только благодаря такому подходу к источнику явилась возможность нового широкого освещения целых эпох и ряда явлений русской истории» (САХАНЕВ В. В. Ук. соч., с. 30—31).
18. Среди наиболее важных изданных Шмурло сборников публикаций: Сборник документов, относящихся к истории царствования имп. Петра Великого. Юрьев. 1903; Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Тт. 1—4. СПб.—Л. 1907—1927; Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Т. 1, вып. 1. Л. 1925; Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 годах. Прага. 1928.
19. Представляется весьма сомнительной точка зрения немецкого историка Э. Винтера по этому поводу: «Осуществить широко задуманное исследование этой проблемы на основе собранных им источников он не смог, вероятно, вследствие внутреннего разлада, вызванного невозможностью примирить православную и католическую точки зрения на эту проблему, а также вследствие своих твердо установившихся реакционных убеждений» (Э. ВИНТЕР. Папство и царизм. М. 1964, с. 24).
20. См. ШМУРЛО Е. Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. Юрьев. 1895.
21. См. ГАРФ, ф. 5965, оп. 1, д. 625.
22. Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Т. 1, вып. 1; Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 4. Л. 1927.
23. В предисловии от редакции к «Памятникам...» говорилось, что «печатание первого тома было начато в 1911 году. К 1917 г. было напечатано 17 листов текста и один лист примечаний. Длительный перерыв в типографской работе и в сношениях Академии наук с ученым корреспондентом в Риме задержал выход в свет первого тома «Памятников». Ввиду этого Постоянная Историческая Комиссия постановила выпустить отпечатанные листы первого тома, как первый выпуск его (остальная же часть его №№ 352—600, также намечаемое проф. Е. Ф. Шмурло предисловие ко всему тому и примечания войдут в состав второго выпуска)» (Памятники, с. 11).
24. См. переписку с П. Пирлингом, хранящуюся в Славянской библиотеке в Медоне под Парижем. Копии писем Шмурло Пирлингу были любезно предоставлены мне Франсуа Руло. По мнению К. Королевского, двери Архива Конгрегации пропаганды веры открылись перед Шмурло благодаря поддержке дипломатических представителей России при Святом престоле (KOROLEVSKIJ C. Metropolit Andre Szeptyckij. 1865—1944. R. 1964, pp. 77—78). Шмурло был одним из первых исследователей, который систематически начал работать в этом архиве и списал его в целом, и в частности — материалы, относящиеся

- к русской истории, включая и сюжеты, связанные с Украиной и другими территориями, входившими в состав Российской империи (см.: SCHMOURLO E. L'Archivio di Propaganda. Roma e l'Oriente. Vol. I. Anno 1910--1911. Badia de Grottaferrata, p. 100—110 (Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 4. Л. 1927). Издатели документов «Acta S.C. de Propaganda Fide historiam Ucrainae et Bjelarussjae spectantia» (Vol. 1, pt. XIII. R. 1953) и «Litterae S.C. de Propaganda Fide Ecclesiam Catholicam Ucrainae et Bielarussjae spectantes» (Vol. 1, pt. XI. R. 1954) пользуются классификацией архивных фондов, предложенной Шмурло.
25. Переписку Шмурло с Председателем организационного комитета и Международного конгресса исторических наук А. Пиренном по поводу участия в работе конгресса и темы доклада см. ГАРФ, ф. 5965, оп. 1, д. 626, л. 1—5. Резюме доклада опубликовано в Трудах конгресса (см. SMURLO E. Les Archives du College «De Propaganda Fide» et leur importance pour l'histoire de la Russie. Resume. — Compte Rendu du V Congress International des Sciences historiques à Bruxelles. 2. 1923). Русский оригинал — «Архив пропаганды Фиде и его значение для русской истории» см.: ГАРФ, ф. 5965, оп. 1, д. 110.
  26. Русское Историческое Общество в Праге за девять лет существования (1925—1934). Прага. 1934, с. 4.
  27. См. Два историка и два построения русской истории. Памяти двух первых председателей Русского Исторического Общества в Праге — Евгения Францевича Шмурло и Александра Александровича Кизеветтера. Речь, произнесенная преемником по должности председателя Общества, А. Н. Фатеевым, на заседании Общества 13 июня 1935 г. по случаю и полнявшегося десятилетия существования Общества. — Записки Русского Исторического Общества в Праге, кн. 3, с. 1.
  28. ШМУРЛО Е. Ф. История России. 862—1917. Мюнхен. 1922; е г о ж е. Введение в русскую историю. Прага. 1924; е г о ж е. Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 годах. Прага. 1928; e j u s d. Storia della Russia. Vol. I—III. R. 1928—1930; е г о ж е. Курс русской истории. Тт. I—III. Прага. 1931—1934 (II и III тома были изданы уже после смерти Шмурло).

С. М. Соловьев

Е. Ф. Шмурло

В чествовании памяти великих людей — это чувствуется — затаен некий глубокий смысл. Он может быть не всегда выступает наружу, не всегда может быть и нам самим достаточно ясен — тем не менее отделить его от самого чествования было бы трудно: он как бы прирос к нему. Смерть может вырвать большого человека из нашей среды, лишить тех благ, какие связаны были с его существованием; но смерть не в силах отнять у нас памяти о таком человеке, и чем больше он поработал на своем веку, чем благотворнее его духовное наследие, тем эта память ярче, проникновеннее и — добавлю — благодарнее. Исчезла плоть, но остался дух живой, найдя свое выражение в делах. «Нет, весь я не умру!» — эти слова великого нашего поэта, в той или иной степени, одинаково приложимы ко всякому, кто своими делами оставил по себе прочный и благодатный след в потомстве.

Сказанное вполне применимо к тому лицу, чествовать память которого собрались мы сегодня.

I

В текущем году, через три месяца, 5 мая, минет 110 лет со дня рождения, а 4 октября прошлого года минуло 50 лет со дня смерти Сергея Михайловича Соловьева, профессора Московского университета по кафедре русской истории

и первостепеннейшего из первостепенных, виднейшего из самых видных русских историков. Кто не знаком, хотя бы понаслышке, с его монументальной 29-томной «Историей России с древнейших времен», — нашей национальной гордостью, этим, поистине, национальным памятником, — плодом многолетнего труда, впервые давшим русскому обществу настоящую, научно обоснованную историю его прошлого?..

Я видел Соловьева в первый и в последний раз в жизни незадолго до его смерти, когда он, весной 1879 года, приезжал из Москвы в Петербург и захал навестить тяжело больного младшего своего сверстника и сотоварища по кафедре, а раньше и своего университетского слушателя — петербургского профессора Бестужева-Рюмина. Соловьев сам в это время серьезно недомогал: желчь разлилась по его лицу, придавая коже сухой, безжизненный, пергаментный оттенок; тусклый взгляд, замедленные движения, какая-то усталая надломленность невольно останавливали на себе внимание. Он сидел на стуле, у изголовья больного, опираясь на палку, и вся его фигура, спокойная, крепко сколоченная, широкоплечая, несколько холодная и отяжелевшая, так и напоминала тех великоруссов из глухой, лесной полосы, которых он так хорошо изобразил в лице суздальских и московских князей, противопоставляя их деятелям Юга, Степи, Поля с их красивой бравурой, вечным задором и неустанной подвижностью-казакованьем. Солидным, чем-то кондовым, цельным, реально земным и потому вечным, прочным, неломким веяло от этой фигуры, внушая к себе, одновременно, и уважение, и полное доверие.

И когда позже, вслед за его смертью, я читал его некролог, написанный тем же Бестужевым, с указанием на то, что университетские лекции Соловьева не поражали красноречием, но в них чувствовалась необыкновенная сила; что они брали не блеском изложения, а сжатостью, твердостью убеждения, последовательностью и ясностью мысли, то определения эти казались мне тогда вдвойне понятными и вдвойне обоснованными. Они остаются понятными и обоснованными для меня и по сей час.

Я назвал Соловьева первостепеннейшим русским историком и, полагаю, имею к тому достаточно оснований. В русской историографии, т. е. в последовательном ходе научного изучения нашего прошлого, на всем его двухвековом протяжении сами собой намечаются два периода: досоловьевский и послесоловьевский. Один — когда, по-настоящему, научного изучения истории еще не существовало, когда представление об истории еще лишено было той историчности, без которой немислима никакая научная история; и другой период — когда именно наука была положена в основу изучения отдаленного прошлого. До Соловьева довольствовались одной внешней последовательностью в изображении событий, простым рассказом о том, что было. Каков бы ни был этот рассказ: сухой или живописный; интересный, возвышенно-патриотический, поучительный или равнодушный; спокойный или пристрастный — все равно, но в основе своей он был именно рассказом, не больше; и лишь с Соловьева наука истории, став на надлежащие рельсы, прежние хронологические, механически расположенные звенья слила в одну общую цепь, органически связала их одно с другим и нашла им логическую связь.

В самом деле, что было до Соловьева, или кто был до него? Татищев, Щербатов — полусырое собрание исторических данных. Карамзин — его «История государства Российского», произведение скорее литературно-художественное, чем историческое. Полевой — тот, по крайней мере, уже сознавал, что, строя здание, необходимо выходить из известных научных принципов; но самому ему не доставало ни сил, ни знания, чтобы в свете этих принципов осветить наше прошлое. Каченовский — его скепсис, к тому же субъективный, исходящий из предвзятых посылок, только разрушал, будучи органически бессилен создать что-либо положительное. Погодин — он немало сделал в области т. наз. «малой критики»; но его работа — это лишь *membra disjecta* (разрозненные части) лишь подготовительные кирпичи и камни для будущему зданию; к тому же, будущего архитектору приходилось не раз самые эти кирпичи и камни обтесывать совершенно заново.

Строители исторического здания в досоловьевский период еще не выработали отчетливого плана и представления о здании в его целом; верхний этаж у них не опирался на нижний, флигеля не были связаны с главным корпусом внутренними переходами, а фундамента, собственно говоря, и не ставилось никакого. И вот явился настоящий архитектор, он и фундамент подвел прочный, и этажи связал один

с другим, и флигеля не оставил стоять одинокими. Этим архитектором был Соловьев.

II

Среди историков-предшественников Соловьева самой видной фигурой выступит, конечно, Карамзин, и едва ли я ошибусь, сказав, что для многих он даже выше, известнее самого Соловьева. Хотя, по сравнению с последним, мы отделены от него на целых полвека дальше — ведь, если Соловьев ушел в могилу 50 лет назад, то совсем еще недавно мы вспоминали столетие смерти Карамзина — широким слоем публики автор «Истории государства Российского» все же ближе, знакомее, позволю себе выразиться — роднее Соловьева. Сравнение этих двух выдающихся историков поэтому напрашивается само собой, и я думаю, оно действительно поможет нам отчетливее выяснить значение труда самого Соловьева, раскрыть, что именно он сделал, какое наследие оставил нам после себя.

Карамзин прежде всего и больше всего журналист, писатель, стихотворец, беллетрист по призванию; он не историк уже по одному тому, что по своему образованию принадлежал к тому веку, когда отрицали самую историю, то самое, что составляет ее душу и сущность. Ведь, что такое история? В ее основание заложена идея развития, движения, прогресса, т. е. вечного, непрерывного изменения, перехода из одного состояния в другое, идея эволюции, органического роста. Рационализм XVIII века, как известно, смотрел на это иначе, и только со времен Вольфа, Нибура, Савиньи историография вышла на тот путь, на котором так плодотворно работает и по настоящую пору.

Взявшись за исторический труд, Карамзин остался, да и не мог не остаться прежним литератором, не мог переделать себя в историка; и надо лишь удивляться, как и без того много сделал он в этом направлении, как правильно учел важное значение многочисленных примечаний, приложенных к его рассказу, необходимость критического подхода к историческому материалу.

Для своего времени Карамзин дал очень и очень много: живой, интересный, полный драматических положений рассказ; блестящие характеристики отдельных личностей, изложенные легким, изящным, «карамзинским» языком. Как художник слова Карамзин дает нам яркие образы, живую смену событий; исторические деятели в его изложении живут, действительно, говорят, действуют. Лиризм красной нитью проходит через все повествование; горячее сочувствие к одним, негодование и слова, полные упрека, к другим. Вся книга овеяна чувством высокого патриотизма, что делает труд Карамзина и по сию пору не лишенным известного педагогического значения. Недаром «История государства Российского», при своем появлении, встретила такой сочувственный прием в широких кругах читающей России. Все, даже светские женщины, бросились читать книгу Карамзина. Карамзин, по выражению Пушкина, и стал Колумбом Древней России; некоторое время ни о чем ином не говорили, как об его «Истории».

Несомненная заслуга Карамзина в том, что он заинтересовал русское общество его прошлыми судьбами, сделал это прошлое достоянием массы; но уже в самую пору своего появления в свет, «История государства Российского» удовлетворила далеко не всех. Мало было одного рассказа, как бы живописен, интересен он ни был — ощущалась потребность не только проследить последовательную смену событий, но и уловить закономерность этой смены, открыть руководящую идею, основное начало, причинную связь между явлениями узнать, чем было вызвано это самое движение и рост.

Вот этого-то движения, роста «История государства Российского» и не подметила, можно сказать, совсем не почувствовала. У Карамзина уже первые князья такие же самодержцы, что и последующие цари московские. Личная воля, случайное совпадение являются решающим фактором. Оказался Ярослав Мудрый чадолюбивым отцом, не захотел перед смертью никого обделить, и вот Русское государство разбилось на уделы; а будь он похолоднее к детям, и мы не знали бы тех бесконечных, «маловажных для разума» раздоров, что превратили удельный период в подобие «дремучего леса», из которого не знаешь, как поскорее выбраться. Довольствуясь изображением деятельности государей, правительства и его органов, смены правительственных форм, Карамзин не расскажет нам, как и почему, например выросло Московское княжество; из его книги мы не узнаем, почему Иван

Грозный так резко изменился во вторую половину своего царствования, и ответа, почему именно Новгород, а не Москва или не Киев стал «своевольным» и «мятежным», тоже напрасно стали бы мы искать в его знаменитом труде.

А между тем, психологически, Иван Грозный — явление одинаково возможное, как в XVI, так и в XI или в XVIII веке; «мятежным» и «самовольным», с точки зрения Андрея Боголюбского, можно было назвать и старый Суздаль или Ростов. Справедливо замечает проф. Корсаков, что «все исторические личности поставлены у Карамзина вне условий времени, в которое они жили и действовали, а проявляют лишь психические свойства, добрые и злые, одинаково возможные у всех народов и во все времена». Это отсутствие внутренней логики в смене событий, неизбежности известных явлений и составляет самую слабую сторону «Истории государства Российской» с точки зрения новейших требований исторической науки.

Этот пробел и заполнил, на это существеннейшее требование науки и ответил Соловьев своею многотомною «Историей России с древнейших времен», равно как и целым рядом других трудов, являющихся или продолжением главного, или более детальным развитием отдельных частных вопросов.

III

Через все труды Соловьева красною нитью проходит основная мысль: любая народность есть такой же живой организм, что и отдельная личность, индивидуум: она тоже живет, т. е. тоже меняет свой внешний и духовный облик; она тоже растет, у нее тоже есть свои эпохи развития; старые ткани уступают место новым, свежим, одно состояние сменяется другим. Эти смены, вытекая из предыдущих, порождая последующие, органически связаны между собою, причем самый процесс смены совершается постепенно и незаметно, пожалуй, даже еще незаметнее, чем у отдельной личности. В самом деле, если не легко определить момент, когда именно отрок превратился в юношу, зрелый муж в старика, то, ведь, еще труднее найти точные грани, наблюдая жизнь большой человеческой группы: племени, нации. Момент перехода княжества Московского в государство Московское придется определять целыми десятилетиями, а смену родовых понятий государственным: когда замерли одни, когда народились другие — тут и десятилетий окажется недостаточно, особенно если мы захотим проследить новое явление в самом его зародыше, еще с той поры, когда о внешних признаках нечего и говорить, когда поэтому оно скорее угадывается, чем поддается реальному осязанию, или когда мы наблюдаем за явлением умирающим, прослеживая это умирание вплоть до последнего вздоха.

И если это так, если объект изучения историка есть живой организм, то задачей является — проследить этот процесс органической смены, уловить внутреннюю связь между явлениями, выявить законы, в силу которых совершается этот процесс и эти перемены; выявить, как выражался Соловьев, историчность исторических явлений, норму поведения и скрытый смысл совершившегося.

Для историка нашего времени это все азбучные истины, можно сказать, обязательный отправной пункт его научных работ; но в том и заслуга Соловьева, что, опираясь на выводы современной ему западноевропейской историографии, он сделал их достоянием историографии русской, ввел идею историчности в оборот нашей научной мысли и на примере, своим капитальным трудом блестяще доказал ее справедливость.

Посмотрим теперь поближе, что именно он сделал. Вслед за Эверсом Соловьев признал существование у нас родового быта, но пошел дальше Эверса: не ограничиваясь констатированием простого факта, он взял родовой быт за основу для построения целой схемы и уложил в нее все содержание русской истории. Постепенный переход родового быта в государственный; последовательное превращение племен, живших этим бытом, в княжества, а княжеств в единое государственное целое — вот, говорил Соловьев, основной смысл и содержание русской истории. Я не стану излагать здесь самой теории родового быта, предполагая основные положения ее достаточно всем известными, и прямо перейду к указанию на те исторические звенья, из которых, в логической связи, Соловьев создает непрерывную цепь последовательных событий, совокупностью коих определялось, в его представлении, самое содержание русской истории.

1. С появлением первых князей родовой быт пришел в движение. Прежняя неподвижность сменилась кипучею жизнью: князья собирают дань, рубят города,

вызывают желающих селиться, является надобность в ремеслах, возникает торговля, пустеют села; масса народа принимает участие в походах на Византию и возвращается не только с богатой добычей, но и с новой верой. Всколыхнулось сонное царство русских племен! Его разбудили «лучшие» люди того времени, т. е. храбрейшие, одаренные большею материальной силой.

2. Ближайший результат сказанного — исчезновение племен: их сменяют волости, княжения. Правительственный городской центр стягивает к себе окружное население.

3. Обширность территории, обилие князей, обилие княжеств, казалось, грозят полным распадом связей, только что возникших и еще недостаточно окрепших. От этой опасности спасают как раз те самые родовые отношения, которые дробили Русскую землю, давали право князьям иметь, каждому, свою долю в ней. Как могло выйти, что болезнь лечили тем самым средством, которое ее породило? Дело в том, что постоянная смена столов поддерживала общую связь, воспитывала население в сознании общих интересов. Да, Русскую землю можно дробить в порядке управления ею, но самые части суть части единого целого.

4. Княжеские усобицы, постоянный переход князей из волости в волость, бродячие дружины, следовавшие за своим князем — наглядное свидетельство того, что общество еще находится как бы в жидком состоянии, еще не успело окончательно осесть и перейти в более твердое.

5. Кочевые азиатские племена задерживают развитие общественной жизни; население Юга спасается и бежит на Северо-Восток, в Суздальский край. Киев в упадке, теряет свою притягательную силу и значение политического, торгового и культурного центра.

6. В Суздальском крае беглецы нашли давних выходцев из Новгорода и туземное финское население. Смешение дает новую русскую ветвь — великорусскую.

7. Условия жизни на Северо-Востоке иные, чем на Юге: на новом месте поселенцы встретили князя, хозяина земли, и сразу вступили в обязательные к нему отношения. Отношения эти и легли в основу будущего сильного развития княжеской власти на Севере.

8. Опираясь на новые города, на свои, суздальский князь тем самым вносил новое понятие об уделе. Прежнему общему родовому владению противопоставлена была собственность личная, чем был нанесен жестокий удар самому принципу родовых отношений.

9. Суздальский князь теперь не только старший в роде — он, кроме того, еще и материально сильный, он требует от младших князей безусловного повиновения, и точкой опоры в его требовании служит ему именно эта материальная сила, а не родственная связь, как раньше. Он видит в младших князьях не младших кровных братьев, а подручников. Здесь первый зародыш будущего государственного строя.

10. Начало новому порядку положил Андрей Боголюбский, перенеся столицу из Киева во Владимир. Его брат, Всеволод III, продолжал дело Андрея.

11. Победа в Северо-Восточной Руси новых городов над старыми еще сильнее подорвала начало родовое: она оказала решительное влияние на дальнейший ход событий не только здесь, но и в остальной России, так как Север получил теперь преобладающее значение.

12. Новый путь намечен был еще до появления монголов; новый флаг выкинут еще до их прихода. Поэтому их роль в создании Русского государства ничтожна: она ограничилась, самое большее, тем, что монголы не мешали развитию нового порядка и лишь косвенно содействовали его успехам. В борьбе московских князей с удельными князьями монголы служили им лишь простым орудием. Нельзя поэтому говорить об эпохе монгольской, или о периоде монгольском: такого периода русская жизнь не знала.

13. Родовые понятия теперь все более и более стареют, изживаются, и в процессе собирания С.-В. Руси московскими князьями, если какую роль они играли, то отрицательную: Московское княжество создавалось не при содействии их, а наоборот, вразрез с ними.

14. Монгольское иго порвало политическую связь русских областей: С.-В. Русь крепла, медленно, осторожно, но неуклонно шла к своей цели — к прекращению уделов и к превращению их в государство, и достигла этого при Иване III и его сыне; Русь же Южная и Западная, разоренная вконец татарами и Литвой, подпала под чужую власть.

15. Государственному организму, возникшему на берегах Москвы, предстояло решить ряд чрезвычайно важных и неотложных задач, как внутренней жизни, так и внешних отношений, и прежде всего, главнейших две: расправиться с татарами, обеспечить мирному населению спокойный, производительный труд; и второе — воссоединить Зарубежную Русь с основным ядром.

16. За решение первой задачи московские государи взялись тотчас же по свержении татарского ига (завоевание Казани и Астрахани). Преемники породолжали их дело, упорно продвигаясь на Юг, пока, наконец, Екатерине II не удалось окончательно и прочно утвердиться на берегах Черного моря.

17. Работу по воссоединению Зарубежной Руси (Литовской и Польской) пришлось проделать тоже длинному ряду поколений. При Екатерине II она была доведена почти до конца, но затем, к сожалению, приостановилась: при преемниках великой императрицы дело полного завершения не получило.

18. Разрешение этих двух главнейших задач с первых же шагов потребовало громадного напряжения народных сил. Между тем молодое государство вступило в жизнь поразительно бедным материальными средствами; страна преимущественно сельская, земледельческая, с ничтожной промышленностью, без природных границ, открытая врагу с севера, запада и юга, Московская Русь изначала осуждалась на постоянную черную работу, на изнурительную борьбу с внешними врагами — и чем беднее и реже было население, тем труднее доставалась эта борьба.

19. Нужды фиска, потребности военные повели к закреплению промышленного городского и сельского крестьянского люда, сделали их тяглыми. Прежние дружинники — «бояре и вольные слуги» — превращены в служилых людей. Отнимается у всех свобода передвижения; старательно закрепляются по возможности все.

20. Такой порядок вызывает реакцию: бега, закладничество тяглого населения, борьбу служилого класса за свои политические права. Беспokoйные элементы ищут свободы на окраинах государства и выявляются в опасную силу особенно в эпоху самозванцев: в Смутное время.

21. Восстание антигосударственных элементов оканчивается, однако, не в их пользу: инстинкт государственности, порядка, готовность купить этот порядок ценою каких угодно жертв восстанавливают нарушенное равновесие и обеспечивают дальнейший рост государства. Даже последующие вспышки, при всей их серьезности, — бунты Разина и Пугачева — не в силах пошатнуть устоев государства и лишь свидетельствуют о прочности их.

22. Но бедная материально Московская Русь не богата и духовными средствами. Просвещение приходится добывать на чужбине, а на пути к нему предварительно преодолеть серьезные затруднения, в полном смысле завоевывать его оружием в руках: иначе оно не давалось. Наши соседи с Запада усиленно подкладывали палки в колеса; им выгодно было оставить Россию невежественною; чем слабее она, тем легче использовать ее, как орудие своих планов. Но помеха немалая встретилась и у себя дома: приверженцы старины, не умея отличить духа от буквы, правды Божией от человеческой ошибки, кричали: «Западная наука — еретическая»; явился раскол.

23. Однако необходимость науки была признана и провозглашена торжественно; народ поднялся, готовый выступить на новый путь. Он только ждал вождя, и вождь этот явился — то был Петр Великий.

24. Теперь на XVIII век выпала задача усвоить европейскую цивилизацию, «окно» в которую открыл Петр. Это усвоение пошло двумя путями: при Петре усваивалась преимущественно материальная сторона, при Екатерине II — преобладает забота о духовном, нравственном просвещении. Один создавал тело, другая влагала в него душу.

25. В наше время, говорил Соловьев, — а он говорил это 60—70 лет назад — просвещение уже принесло свои плоды, и нам остается пожинать их, продолжая работу в указанном направлении — политического, национального самопознания и духовного просвещения.

Перечисленные мною 25 звеньев — это основные столбы, капитальные стены исторического здания, воздвигнутого Соловьевым. Кому из вас не знакома эта стройная, строго обдуманная схема, где одно звено логически связано с другим, предшествующим и последующим?! Соловьевская схема давно стала достоянием любого русского образованного человека, интересующегося судьбами своего род-

ного прошлого. Время исправило ее в отдельных частях, но основного стержня не тронуло, оставило его таким, как он есть, и вы по справедливости можете мне заметить, что я занимаюсь повторением старых, давно всем известных азбучных истин. Я же сознательно позволил себе задержать на них ваше внимание, полагая именно эту самую азбучность нагляднее показать, насколько глубоко соловьевское построение русской истории вошло в плоть и кровь нашего сознания, насколько кардинальные линии этого построения мыслятся нами теперь именно в том духе и направлении, какое некогда дал им наш великий историк. Соловьев доказал теорему и превратил ее в аксиому. Это ли не громадная заслуга? Это ли не завидное завоевание?

IV

Остановимся теперь с большей подробностью на наиболее характерных чертах его «Истории России с древнейших времен» — они полнее обрисуют нам физиономию Соловьева-историка.

1. Одна из важнейших заслуг его в том, что он первый внес в изучение русской истории принцип развития и постепенности в росте и смене как форм и содержания народного быта, уклада общественного, так и всей духовной жизни человека. Ничто не вырастает сразу. Семья, общество, церковь, государство — у всех есть свои стадии развития, у каждой формы, идеи есть свое начало, наступит и свой конец.

2. Соловьев первый из русских историков (совместно с Кавелиным, одновременно высказавшим ту же мысль) осмыслил все наше прошлое, объединив отдельные моменты и события одною общою связью. Для него нет эпох более или менее важных: все имеют одинаковый интерес и значение, как неразрывные звенья одной великой цепи. Из малого зачастую рождается великое, и потому пренебрегать малым значит рисковать тем, что неясным, а то и совсем непонятным останется и великое.

3. Старый взгляд, чуждый идеи органического развития, вел к делению русской истории на эпохи по признакам внешним и не всегда согласованным. У Шлецера, например, пять периодов: Россия рождающаяся, разделенная, угнетенная, победоносная и процветающая; у Карамзина — их всего три: система уделов, единовластие и изменение гражданских обычаев. Нечего доказывать искусственность и спорность первого определения: какая же Россия «победоносная» в XVI и XVII веке, — разве что в противоположность «угнетенной»? Не выдержана и карамзинская схема: ведь «единовластие» в России не исчезло и в период «изменения гражданских обычаев»! Но главное — этим определениям в корне чужд дорогой Соловьеву принцип органического роста, и наш историк реагировал на них категорическим отказом от всякого рода эпох и периодов вообще.

Вот что говорит он в предисловии к первому тому своей «Истории России»: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственными преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время».

Слова эти — ценный завет для русского историка. Они призывают помнить ту великую истину, что жизнь народа не есть механическая сумма периодов, а непрерывное проявление одной и той же творческой силы в различных только формах и под воздействием различных условий; что государственное общество есть тот живой организм, который от первого момента появления на свет вплоть до «последнего слова» своего творит одну и ту же работу, а потому расчленять его действительно неправильно и ненаучно.

4. Особенно ярко выдвинута у Соловьева роль государства в жизни народной:

1) Государство строилось долго, потребовало немало жертв для себя, но зато под его покровом русский народ выработал и сохранил свою самобытность и политическую самостоятельность.

2) Судьба преопределила русскому племени жить среди бедной, суровой природы; последняя была для него не матерью, а мачехой, требовала двойной, тяжелой, подчас прямо непосильной работы — и что же? Чувство государственности сплотило во имя общего блага разнородные элементы народные и вдохнуло в них силы, необходимые для преодоления невзгод жизни и победы в неравной борьбе.

3) Только государству — именно его олицетворению: сильной самодержавной власти — оказалась по плечу нелегкая задача осветить духовные потемки русского народа и, путем сближения с Зап. Европой, сделать ему доступным тот источник просвещения, от которого он отторгнут был злостным татарским игом.

4) И кто другой, как не государство; что иное, как не подчинение Частного Целому спасло русский народ от ига, от Азии вообще? А это стало возможным лишь с окончанием удельной розни, когда все сплотились вокруг общего стяга,— все равно, как сплывались: сознательно, охотно ли, или вынуждено, с близоруким малодушием оплакивая прежнюю обособленность.

5) То же государство сделало и дальнейший шаг по отношению Азии: победив вчерашних врагов, оно ввело их в круговорот русской жизни, приобщило к благам европейской (в данных условиях — общечеловеческой) культуры и тем выполнило великую историческую миссию, которою вправе гордиться всякий народ.

5. Ярko освещена у Соловьева и другая мысль: русский народ принадлежит к семье европейских народов; его история связана с их историей, особенно народов славянских и потому изучать ее изолированно нельзя. Перефразируя известное латинское выражение, Соловьев говорит: «Мы европейцы, и ничто европейское не может быть нам чуждо». Вот почему события русской истории у Соловьева постоянно освещены аналогиями из истории славянских, германо-романских народов, и не ради большей наглядности, а во имя того, что русский народ, оставаясь цельным и единым организмом, в то же время сам есть часть другого великого организма — европейского.

Переходя к частностям, можно указать на целый ряд положений Соловьева, ставших прочным завоеванием науки, как например:

1. Особенности государственного и общественного строя в Новгороде Великом выросли на чисто туземной почве, в силу условий, отсутствовавших в других областях Древней Руси.

2. Впервые Соловьевым выяснена историческая преемственность суздальских князей XII — XIII вв. и московских XIV — XV вв.

3. Преемственность идеи в поколении Даниловичей, тип «бесстрастных ликов» и основные условия возвышения Москвы тоже впервые отчетливо выяснены им.

4. Характер Ивана Грозного объяснен в связи с условиями и обстановкой его воспитания.

5. Объяснен политический смысл борьбы Ивана Грозного с боярами: идеал вольного дружинника отжил свой век, ему на смену пришел идеал государства.

6. Указана преемственная связь между стремлениями Грозного продвинуться к открытому морю и политическими задачами Петра Великого.

7. Впервые должное внимание обращено было на историю Западной Руси: то, что перед этим дал в тридцатых годах Устрялов в своем учебнике русской истории, было слишком недостаточно и сравнению подлежать не могло.

8. Соловьев прекрасно выяснил поступательное движение русского народа на Восток и роль России в жизни азиатских народов, показав, что борьба с Азией составляет одну из самых ярких и знаменательных страниц русской истории.

9. Выяснены были взаимоотношения Московского государства и Малороссии.

10. Выяснено значение Смутного времени: во-1-х, это борьба государственных и антигосударственных элементов, во-2-х, это исходная точка последующего преобразовательного движения.

11. Указана связь эпохи первых Романовых с временем Петра.

12. Выяснено историческое значение Петра Великого, что было особенно важной заслугой Соловьева: в пору ожесточенной борьбы западников со славянофилами, он твердо установил отсутствие какого-либо разрыва с московским периодом, показал, что реформа Петра была естественна и необходима, что между эпохами допетровской и послепетровской существует тесная связь.

13. Выяснил Соловьев и место, занимаемое в истории русской жизни царствованием Елизаветы Петровны: оно подготовило последующее царствование — екатерининское, выработало основы для него.

14. Наконец, выяснил Соловьев и значение царствование Екатерины II: он впервые ввел в должные рамки и преувеличенные восхваления и обрисовку теневых сторон, как личности императрицы, так и ее государственной деятельности.

В заключение позвольте, поделиться еще одной мыслью. «История России с древнейших времен» — труд строго научный; он обилует документальными данными; эти данные часто громоздки, трудно усвояемы; иногда они превращают книгу в собрание полусырого материала, а самый материал нередко требует от читателя довольно серьезной подготовки. Какое значение имеет такой труд для нас, обывателей, для широкой публики? Наука наукой, объективного восстановление факта — это одно; при всем том, вы не вытравите в человеке присущего взгляда на историю, как на «наставницу жизни». Он привык искать в ней наставления, поучения, непосредственной пользы, практического приложения к жизни. С этой стороны — удовлетворят ли нас труды Соловьева? Вполне.

«Цель художества есть идеал, а не нравоучение», — говорил Пушкин. Но отчего же его творчество не только прекрасно, но и поучительно? В чем дело? Дело в том, что, как это, на первый взгляд, может быть, ни странно, поучительным творчество Пушкина только потому и стало, что сам Пушкин, творя, совсем не задавался целями поучения; потому что, как справедливо выразился один литературный критик, «поэзия тогда поучает, когда она об этом не думает».

То же и наука. Она обладает таким же магическим даром поучать, не поучая. И если цель художника, по словам Пушкина, есть идеал, а не нравоучение, то, в применении к нашей дисциплине, этот тезис можно перефразировать так: «цель научного исторического труда есть истина, а не нравоучение», и достаточно выявить эту истину, чтобы она поучала, сама не думая о том.

* * *

Какую же истину выявил Соловьев?

1. Современная Россия — говорю современная, сегодняшней день не в счет, это лишь временная язва на теле, и время излечит ее — современная Россия: ее мощь, блеск и слава, великодержавный размах ее территории, влиятельный голос в международной жизни, ее мировое значение, мировая культура — все эти великие достижения — это плоды тысячелетней работы наших отцов и дедов. Великую Русь строили и построили они, наши отцы и деды. Это они вложили в нее свой труд и энергию, на их священных костях воздвигнуто здание Российской державы. Соловьев раскрыл нам потрясающую картину страшного напряжения сил, понадобившегося русскому народу для создания Великой России: вековечная борьба с Азией, начиная с колыбели до позднейших дней; со стороны Запада — напряженная борьба с соседями, старательно, эгоистически загораживавшими нам путь к просвещению; борьба с мачехой-природой, с собственной бедностью, так долго не позволявшей стать в уровень с баловнями родной матери. Все невзгоды преодолел русский народ, все вынес на своем горбу — живой, поучительный пример стойкости духа, готовности жертвовать личным благом для блага общего.

«История, — говорил Соловьев, — есть наука народного самопознания», и если мы эту науку усвоили; если мы, действительно, познали себя, как народ в его Целом и Едином, то, значит, и сознали свою связь с прошлым, свой нравственный долг беречь великое наследие, заботливо культивировать его, не давая распасться храмину, стоившей таких усилий и пожертвований. А раз это так, то сознать связь свою с прошлым не то же ли самое, что духовно обогатить себя, стать духовно мощным? Сознав эту связь, вы уже не бездомный пришелец, не случайный гость в этом мире — у вас нашлась прочная точка опоры, вы нащупали под ногами твердую почву и с бодростью смотрите на свое настоящее, с большей уверенностью глядите в глаза будущему.

Это ли не поучительная страница книги Соловьева?

2. Но книга Соловьева учит нас еще и другому: она воспитывает в нас чувство государственности. Наряду с картиной непомерных героических усилий, ценою которых русский народ отстоял свою самобытность и вырос в великую державу, Соловьев показал и доказал нам, что непомерные эти усилия принесли свой желанный плод лишь потому, что нашли государственную форму для своего проявления в жизни. Бедность страны, обширность территории, редкость населения, «жидкое», как выражался он, состояние требовали больше, чем где-либо и когда-либо сплочения вокруг одного центра, создания сильной власти, подчинения Частного Целому, — Государству.

Свое выражение государство нашло в самодержавии. В ту пору это была единственная творческая сила, которой по плечу могло быть решение очередных задач. Самодержавие не допустило «жидкость» разлиться и выйти из берегов; оно сконденсировало, собрало ее в твердое мощное тело. Пусть самодержавие отжило свой век, тем не менее, не признать за ним великой культурной, созидательной силы значило бы совершенно не уловить и не оценить значения одного из важнейших факторов нашего исторического прошлого.

3. Книга Соловьева вся овеяна чувством глубокого преклонения перед просвещением и культурой — это помогло ему, как историку, вскрыть и проследить тяготение, можно сказать, непрерывное, самого русского народа к культуре и просвещению, показать нам, как он начал тянуться к нему еще на заре своей жизни (Византия, христианство), как рвался к нему, освобождаясь от татарских цепей, как поборол вместе с Петром свою же собственную косность — печальное наследие этого самого ига; как, наконец, не побоялся отдаться, временно, даже в духовный плен Западу, и каких громадных успехов (мог бы добавить Соловьев, доживи он до наших дней, перед мировой войной) достиг он за последние десятилетия.

4. Красной нитью проходит в трудах Соловьев признание принципа жизненности, движения. Не бойтесь, говорит он, перемен; не задерживайте естественного роста: остановить ход жизни вы все равно не в состоянии; ваша задержка лишь исказит самый путь, но цели не достигнет. Одно дело уважать, охранять старину, если она еще не утратила своей жизнеспособности и морального права на существование, другое — искусственно поддерживать вдыханием кислорода, если она уже мертвеет. Потому что охрана жизнеспособной старины и поддержка молодых, здоровых ростков не только вполне совместима, но и желательна, необходима.

5. Наконец, впервые в трудах Соловьева, с надлежащей полнотой и обстоятельностью, выяснена была историческая роль Православной церкви как сотрудницы правящей светской власти и ее значение в жизни народной. Отовсюду окруженный иноверцами и иноплеменниками, настоящий остров среди океана различных народностей, враждебных и опасных, русский народ черпал в вере силы моральные; вера помогла ему пережить такие трудные моменты жизни, как время самозванцев в Смутную пору, объединив его в единую семью еще в самом начале его истории. Православие подготовило позднейшее единение государственное. Народ русский вырос в православии, спаялся с ним, и потому в наши печальные дни вера его тем более имеет право на наше уважение и на бережное обращение с нею.

Итак, чувство Государственности, Просвещение, Православие, Прогресс, не исключая традиций, и Традиции, не исключая прогресса, — вот основные устои русской жизни, как они сложились за эти 1 000 лет нашего исторического существования. Соловьев вскрыл эти устои и показал нам, что, если мы хотим быть верными своему прошлому, если мы, действительно, дети своих отцов, то на них, на этих устоях, должна строиться и наша современная жизнь.

Вот чему учит Соловьев, и вот почему его учение дает нам право видеть в нем не только ученого, не только кабинетного работника, но и деятеля общественного, воспитателя общества, проповедника вечных, неумирающих истин.

Деятель эпохи просвещенного абсолютизма И. И. Бецкой

А. Н. Ерошкина

Иван Иванович Бецкой прожил долгую и непростую жизнь, полную загадочности, взлетов и падений. Его отец, «последний русский боярин» генерал Иван Юрьевич Трубецкой, был пленен шведами в битве под Нарвой. Имея законной супругой урожденную И. Г. Нарышкину (дальнюю родственницу царицы Натальи Кирилловны), князь Трубецкой женился на сто-гольмской баронессе Вреде (Спарре). От этого не вполне законного брака 3 февраля 1704 г. появился на свет сын Иван ¹. Иван Иванович, считавшийся по законам XVIII в. незаконнорожденным, старался окутать тайной свое происхождение (Бецкой - усеченное от Трубецкой) и именовал себя всю жизнь польским шляхтичем Бецким, получившим образование в Париже.

Точные сведения об образовании Бецкого не обнаружены. Некоторые считают его выпускником Копенгагенского кадетского корпуса и студентом университетов в Або, Лейпциге, Париже. По воспоминаниям современника он был «воспитан с преизрядным учением», да много и не могло быть: отпрыски такого богатого и знатного рода, как Трубецкие, получали блестящее образование в соответствии «с предписаниями Великого преобразователя Петра» ².

Иван Бецкой поступил на службу в 1719 г. секретарем русского посольства в Париже. В 1728—1740 гг., служа в Военной коллегии, был в подчинении отца генерал-фельдмаршала сенатора И. Ю. Трубецкого, имея чины: в 33 года — майора, в 34 — подполковника, в 41 — полковника. В 1730 г. входил в число 165 лиц, подписавших челобитную, поданную при возведении на престол Анны Ивановны. В 1730-е годы подружился в Москве со своим родственником А. Д. Кантемиром, оказавшим сильное влияние на его воззрения. В награду за участие в дворцовых событиях 1740 г., утвердивших на престоле Ивана VI Антоновича, получил в 1741 г. место камергера при дворе герцога Голштинского.

В 1747 г., будучи активным сторонником французской группировки при дворе, Бецкой, подав в отставку, был отправлен Елизаветой в длительное путешествие по Европе: побывал во Франции, Германии, Испании, Нидерландах, Италии, Англии и пр., не раз общался с энциклопедистами, вошел в знакомство с Вольтером, Дидро, Руссо и возвратился в Россию лишь в апреле 1762 г. по вызову Петра III, а уже в июне был назначен директором Канцелярии от строения Ея Имп. Величества домов и садов. Во время дворцового переворота 28—29 июня 1762 г. оказался среди окружения свергнутого царя. Но Екатерина II, остро нуждавшаяся в знающих людях и всю жизнь весьма благоволившая к Бецкому, простила его и поручила ему контроль за подготовкой к своей коронации.

Именно Иван Иванович явился организатором празднеств в честь восшествия на престол Екатерины II с 29 января по 1 февраля 1763 г., помпезно названных «Торжествующая Минерва». Они должны были восславить просвещенную монархию, под скипетром коей расцветут искусства и науки и начнется Золотой век России, ознаменованный союзом

Ерошкина Алла Николаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела.

высшей власти и просвещенных философов, век Закона и Справедливости, век, в который «попраны будут пороки» и наказано зло. Свою главную миссию Бецкой видел в роли советника царицы по вопросам воспитания. В 1762—1779 гг. он был ее личным секретарем, в 1763—1790 гг. — главным попечителем Московского воспитательного дома, до 1792 г. — попечителем его Санкт-Петербургского отделения, где был создан опекунский совет. Кроме того, в 1764—1794 гг. он являлся попечителем общества благородных девиц, членом Совета при императрице и с 1765 по 1782 г. фактическим руководителем Сухопутного шляхетского кадетского корпуса³.

Труды Бецкого на всех постах, включая Академию художеств, где он был президентом в течение 30 лет, позволяют считать его не только видным деятелем эпохи просвещенного абсолютизма Екатерины II, но и как бы ее министром по вопросам просвещения. Когда царица выработывала собственную концепцию государственной власти, воззрения Бецкого, навеянные передовыми взглядами философов и писателей Д. Локка, Ж. Ж. Руссо, К. Фенелона, Я. А. Коменского, оказались для нее находкой. Они должны были утвердить в Европе мнение о Екатерине II как человеколюбивой и доброй монархине, заботящейся о воспитании и просвещении своих подданных.

Программным документом учебно-педагогической реформы Бецкого явился составленный им и высочайше утвержденный 22 марта 1764 г. Генеральный план «О воспитании юношества обоего пола», в котором он, в частности, писал, что основная задача педагогики — воспитание «новой породы людей», «новых отцов и матерей, которые б детям своим те же прямые и основательные правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, а от них дети передали б паки своим детям, и так следуя из родов в роды, в будущие веки». Эти новые люди должны были стать «прямыми гражданами полезного общества и служить оному украшением». В юношах следовало воспитать высокие нравственные начала, вселить в них «страх божий, возбудить охоту к трудолюбию и страх к праздности, научить пристойному поведению, учтивости, соболезнованию о бедных».

Но Бецкой считал, что воспитание «новой породы людей» возможно даже при сохранении крепостничества и абсолютизма, а цель воспитательной реформы видел в создании «нового общества». Воспитание должно было стать всеобщим. Что касается крепостных, то наиболее талантливых из них предполагалось освобождать от крепостной зависимости⁴. Чтобы воспитываемые не видели «людских пороков, неравенства, порабощения человека человеком, деспотии», предполагалось их с 2—5 лет и до 18—21 года помещать в закрытые воспитательные учреждения. Модель «нового общества» у Бецкого расплывчата и утопична, но достаточно однородна в социальном отношении. Он не признавал присущих Руссо отрицательных воззрений на всякое государство в принципе и считал его «вечной машиной общества», во главе которой должен стоять просвещенный монарх.

Первоначальный план Бецкого был таким: создать училище в Петербурге при Академии художеств и во всех губерниях империи — училища, а «для двухсот дворянских девиц — училище». Модель системы воспитания окончательно сформировалась у Бецкого лишь к 1772 году⁵. Сохранились (фонд Кабинета Ее Императорского Величества в РГАДА) черновики разработок программ для этих учебных заведений, писанные рукой Екатерины II, которая принимала в учебной реформе большое участие. Теперь воспитательные учреждения организовывались по сословному признаку: для дворянства — средние заведения по типу Воспитательного общества двухсот благородных девиц при Смольном монастыре и Сухопутного шляхетского кадетского корпуса; для «третьего чина» и более широких масс — воспитательные дома с низшим образованием при уклоне на «фабричные ремесла»; для наиболее талантливых мещан — училища со средним специальным (коммерческим, художественным, медицинским, педагогическим и пр.) образованием. Дворянские училища создавались на средства государства, мещанские — на «доброхотные подаяния граждан» с небольшими вкраплениями от казны (частичные доходы с клеймения карт и от различных зрелищ)⁶. В училищах для дворян на необыкновенную высоту предполагалось поднять преподавание общеобразовательных гуманитарных предметов.

В Воспитательном обществе двухсот благородных девиц при Смольном монастыре изучали четыре языка, историю, географию, искусства. В программе кадетского корпуса предусматривались, помимо гуманитарных, и технические дисциплины — арифметика, тригонометрия, механика, фортификация и пр. Мальчиков из воспитательных домов с достижением определенного возраста обучали ремеслам, девочек — рукоделию. Там рекомендовалось уделять воспитанию большее внимание, нежели образованию, причем воспитывать предполагалось на примере их духовных наставников (по Локку), в процессе трудовой деятельности (по Вольтеру), путем игры (по Фенелону) и с помощью наглядности (по Руссо), учитывая их

наклонности. Наконец, предписывалось отменить телесные наказания (по Монтескье)⁷. В основе же обучения повсюду, независимо от типа учебного заведения, лежала такая последовательность учебных дисциплин: чтение, письмо, благонравие, закон Божий. А уж затем шла дифференциация конкретных предметов.

Но идеи создания «нового общества» и «новых людей» в условиях абсолютизма и крепостничества оставались в определенной мере утопией. Екатерина II никогда не заходила речи ни о всеобщем воспитании, ни о создании однородного общества. Зато она, переработав одно из положений «Духа законов» Ш. Монтескье (хотя и писала в «Наказе» 1767 г.: «Невозможно дать общего воспитания многочисленному народу»), в последующих своих статьях подчеркивала, что детей нужно учить не только страху божьему, но и любви к тому отечеству, какое есть, и почтению к законам. На деле воззрения Бецкого претворялись в жизнь в немногочисленных воспитательных учреждениях и с весьма небольшим контингентом учащихся, среди которых вообще не было крестьян.

Наиболее полно его идеи были воплощены в Воспитательном обществе двухсот благородных девиц и в кадетском корпусе. Устав Смольного общества, созданного по примеру аналогичного французского в Сен-Сире, был утвержден 5 мая 1764 года. Кроме христианского благочестия в этом заведении его учащимся в течение 12 лет должны были прививаться светские добродетели: «повиновение начальствующим, взаимная учтивость, кротость, воздержание, пристойное в делах и разговорах поведение, чистое и добросклонное и простодушное сердце и напоследок благородным особам приличествующая склонность к великодушию». На таких же основах был преобразован кадетский корпус⁸. Имелось в виду дать России активных проводников идей просвещенного абсолютизма.

В Московский воспитательный дом должны были приниматься дети старше 3 лет (на деле ими часто оказывались подброшенные дети крепостных). Дом содержался на пожертвования, четверть доходов поступала от зрелищ, половина — от клеймения карт. Среди наиболее крупных жертвователей были Екатерина II (по 50 тыс. руб. ежегодно), вел. кн. Павел (по 20 тыс. руб. ежегодно) и Бецкой (единовременно 350 тыс. руб. в 1764 г. и 293 тыс. руб. в 1782 г.; кроме того, Бецкой завещал Смольному и кадетскому корпусу немалые суммы). 15 сентября 1770 г. были открыты аналогичные заведения в Петербурге и многих других городах России. На 250 тыс. руб., пожертвованных уральским заводчиком П. А. Демидовым, при Московском воспитательном доме было создано первое в России Коммерческое училище для купеческих детей⁹.

При подобных домах создавались фабрики: бумазейная, чулочная, ленточная, ниточная, кирпичная, сыромятная, шелковая и др., а при Петербургском воспитательном доме — родовспомогательное училище, в которое поступали на обучение воспитанницы. Задачи воспитания детей «третьего чина» преследовала также реформа Академии художеств, созданной в 1757 году. 4 ноября 1764 г. был утвержден ее устав, составленный Бецким. При ней создавалось училище. В него принимали детей с пяти лет любого звания по 60 человек в каждый набор через каждые три года. Их обучали в течение девяти лет различным художествам, а по окончании отдавали в «ремесла» либо оставляли в «высших классах», где обучали еще 6 лет. После выпуска они могли продолжить обучение за границей. В приходно-расходных книгах кабинетных денег Екатерины II средства на эти поездки шли отдельной строкой как важное государственное дело.

Бецким была также предпринята попытка создать свои педагогические кадры. При Воспитательном обществе двухсот благородных девиц и кадетском корпусе были образованы училища для мещанских детей, которые должны были обучаться по программе курса этих учреждений, а после выпуска — служить в них педагогами. Впрочем, Екатерина II настояла на сословном разграничении воспитанников: «Я нахожу крайне нецелесообразным девиц благородных смешивать с мещанками» — и даже в учебных классах потребовала дифференциации: «Музыка и танцы, будучи существенным требованием в воспитании девицы благородной, становится не только вредным, но и губительным для мещанок и может увлечь их в общество опасное для добродетели»¹⁰.

Царица активно извлекала пользу из пропаганды учебно-воспитательных учреждений Бецкого, а во время пребывания Дидро в России (1772—1774 гг.) попросила его перевести сочинения Бецкого на французский. Перевод под названием «Патриотические учреждения Екатерины II» был осуществлен Н. Г. Леклерком. Дидро отредактировал текст и опубликовал его в Нидерландах¹¹. Вскоре любимый Екатериною II Смольный стал местом паломничества иностранных гостей. Посетивший Смольный в 1777 г. шведский король Густав III подарил одной из воспитанниц кольцо с бриллиантом и завязал с ней многолетнюю переписку.

Светские показы смолянок стали с 1772 г. нормой, подробные отчеты о них давались в прессе ¹².

Выставочным был и Московский воспитательный дом. 21 апреля 1764 г., в день рождения Екатерины II, во всех церквях Москвы звонили в колокола, повсюду палили пушки. Утром на площади Успенского собора в Кремле собрались тысячи людей, в тот час крестили первенцев дома (Екатерину, Петра, Павла). А в специально выстроенный шикарный особняк Московского воспитательного дома иностранцы устремились «посмотреть на московскую диковину». В одном только 1784 г. там побывали экскурсии во главе с португальским послом, кардиналом Ласло, английским негодником Дж. Говардом, французским банкиром Ф. Маркизе, итальянским негодником А. Фильяном и мн. др.

Весьма выгодной для дворянства и верхушки купечества оказалась деятельность ссудных и сохранных касс, созданных при воспитательных домах, кадетском корпусе и Смольном обществе. Так, ссудная казна Шляхетского корпуса выдала барону Г. И. Строганову в 1774—1775 гг. 25 тыс., князю А. А. Нарышкину — 20 тыс., П. Б. Шереметеву — 50 тыс., К. Г. Разумовскому — 30 тыс. рублей. Разумовский в 1770 г. взял в Ссудной казне Московского воспитательного дома 30 тыс., в 1773 г. еще 30 тыс., в 1777 г. — 50 тыс., в 1779 г. — 25 тыс. руб. и не отдал. Судебные тяжбы в 1780-е годы пришлось вести этому дому с кн. Урусовым, М. П. Пушкиным, московским купцом И. Ливенцовым и тульским купцом И. Поповым ¹³.

После революции во Франции Екатерина II несколько охладела к идеям Бецкого, неизменно сохраняя благосклонность к нему лично. Злой иронией обернулась надпись на фронтонах воспитательных домов: «И вы живы будете». 89% принятых в них детей умирали, многие не достигши и двух лет. Проблема голода решалась следующим образом: чтобы дети не брали лишнего куска со стола во время обеда, обер-директор московского дома Г. Гогель велел зашить воспитанникам карманы. И воспитанники продолжали заполнять места на кладбище у Новоспасского монастыря. Из поступивших в Московский воспитательный дом 40600 детей в живых к началу 90-х годов XVIII в. осталось 4072. А попытки раздачи малолетних воспитанников по деревням тоже потерпели неудачу: к 1779 г. из 9 тыс. младенцев в живых осталось менее 1 тысячи ¹⁴. Детей били до смерти и нещадно обворовывали. А царица стала забывать об обещанных ею ежегодных 50-тысячных «доброхотных подаваниях».

Губернская реформа 1775 г. изменила функции воспитательных домов. Теперь целью признавалось не воспитание детей, а призрение их. Постепенно воспитательные дома становились кормушкой для лиц, желавших обогатиться за чужой счет. К грустным выводам пришел Бецкой и относительно Академии художеств. 2 мая 1783 г. на заседании Совета Академии он выступил с докладом о воспитании, где училищу была дана нелестная характеристика как порождающему «дух рабства, пороки, невежество, гордость, зависть, строптивость, буйность, празднотворение, хищный карьеризм... Достоин ли удивления, ежели выпускники, выйдя из училища, делают воспитанию поношения — такие воспитанники наносят бесславие государству». Доклад завершался на грустной ноте: «А ведь цель наша приготовить юношество к благонаравии. Где же оно?»

В кадетском корпусе процветали гулянки. Наглядный пример подавал внебрачный сын Екатерины II А. Г. Бобринский. Дневник кадета Бобринского, вернувшегося из Лейпцига (где он учился в том же пансионе, что и чуть раньше А. Н. Радищев), — это сплошная перепись балов и празднеств ¹⁵. Впрочем, он серьезно учился военному делу, а также прочим наукам — по настоянию своего отца Григория Орлова и под присмотром гувернера О. Дерибаса, который был женат на дочери Бецкого. Благоденствовало к концу XVIII в. лишь воспитательное общество двухсот благородных девиц при Смольном монастыре: там изменился учебный план в сторону внешних сторон воспитания, стали уделять больше внимания хорошим манерам, знанию языков, танцам.

Крушение планов Ивана Ивановича отразилось на его здоровье: в 1780-е годы он сильно заболел, потом его разбил паралич, он ослеп, а скончался 31 августа 1795 года. Г. Р. Державин откликнулся на его смерть одой: «Пресеклась, Бецкий, жизнь твоя... Пресеклась жизнь, но, справедлива, хвала твоя не умерла. Тех гроб, тех перст красноречива, о коих говорят дела».

Примечания

1. ЩЕРБАТОВ М. Н. О повреждении нравов в России. Лондон. 1858, с. 75.
2. МАЙКОВ П. М. И. И. Бецкой. СПб. 1904, с. 34—65; Русский мир, 1872, № 230; ЧОИДР, 1818, № 1, с. 108; НАШОКИН В. А. Записки. СПб. 1842, с. 95—97; Санкт-Петербургские ведомости, 1762, № 47. Существует предание, что Екатерина II являлась дочерью

- И. И. Бецкого. Оно опровергается, но не до конца, в исследовании В. А. Бильбасова «История императрицы Екатерины II» (Т. 1. СПб. 1890).
3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 16, оп. 29, д. 2, л. 6; ШТЕЛИН Я. Я. Сводный каталог русской книги XVIII в. Т. 3. СПб. Б. г., с. 409. С 1765 г. Бецкой — действительный тайный советник, в 1768 г. награжден орденом Андрея Первозванного, в 1782 г. — орденом св. Владимира.
  4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 16, № 12103; Российский государственный исторический архив (РГИА), № 759, оп. 10, д. 334, л. 15; ПЯТКОВСКИЙ А. П. Замечательные русские деятели: И. И. Бецкой. — Дело, 1867, №№ 4, 5, 7—9.
  5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 17, оп. 1, д. 270, ч. 2, с. 56; ПСЗ. Т. 16, №№ 11908, 12103, 12154, 12275; т. 17, №№ 12741, 12957.
  6. Исключение составляло училище при Академии художеств, содержавшееся за счет государства, причем 10 воспитанников в каждом возрасте Бецкой содержал за свой счет.
  7. Краткое наставление, выбранное из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества. СПб. 1766.
  8. Наказ императрицы Екатерины II. СПб. 1907, стб. 350—352; ПСЗ. Т. 16, №№ 12103, 12154; т. 17, № 12957.
  9. ПСЗ. Т. 17, № 12957 (хотя «Генеральный план» строго запрещал прием детей крепостных, но в нем существовала лазейка: детей, пробывших в доме свыше 5 лет и не затребованных хозяевами в эти годы, позже не отдавали. Подобные случаи были очень часты. РГИА, ф. 759, оп. 10, д. 332; Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ), ф. 127, оп. 75, д. 3, л. 11; ПСЗ. Т. 19, № 13916.
  10. РГИА, ф. 758, оп. 30, д. 30, 34, 41, 52; оп. 1, д. 34, лл. 1—3, 5—15; ПСЗ. Т. 16, № 12275; т. 17, № 12323; ПЯТКОВСКИЙ А. П. Ук. соч., № 5, с. 190.
  11. *Établissement patriotique de Catrine II, institutrice et legislatrice de ses sujets etc, etc, etc, ... Première partie.* Т. 1. S. 1. 1775; ВЕСКОЈ I. I. *Les Plans et les status des différents établissements ordonnés par Sa Majesté impériale Catherine II, pour l'éducation de la jeunesse, et l'utilité générale de son Empire.* Tt. 1—2. Amsterdam. 1775.
  12. Центральный исторический архив в Санкт-Петербурге (ЦИА), ф. 2, оп. 3, д. 19, л. 30; оп. 1, д. 73, л. 3; Санкт-Петербургские ведомости, 20.V.1772, № 45.
  13. РГИА, ф. 758, оп. 32, д. 1, лл. 243, 244 об.; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 314, оп. 1, д. 3341, л. 447; д. 3592, лл. 1—2; РГИА, ф. 759, оп. 10, д. 337, лл. 10, 15; ОР РГБ, ф. 711, оп. 1, д. 124, лл. 74—85; ЦИАМ, ф. 127, оп. 25, д. 200, лл. 1, 1 об.
  14. ЦИАМ, ф. 127, оп. 2, д. 168, л. 36; РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 355, л. 102 об.; РГИА, ф. 759, оп. 10, д. 354, л. 13.
  15. ОР РГБ, ф. 711, оп. 1, д. 124, л. 64; РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 355, л. 103; РГИА, ф. 789, оп. 20, д. 43, л. 50; ЦИАМ, ф. 127, оп. 2, д. 12, л. 57; д. 31, лл. 17—20; Русский архив, 1877, кн. 1, 2.

Закат Лиги Наций ¹

А. С. Ходнев

Заместитель Генерального секретаря Лиги Наций Ф. Уолтерс сравнивал атмосферу предвоенных месяцев 1939 г. в этой международной организации с состоянием человека, ожидавшего каждый день приговора о ссылке либо смерти ². Впрочем, сторонний наблюдатель едва ли смог бы заметить перемены в Женевском Дворце наций. Все органы Лиги продолжали работать в обычном ритме, чиновники готовили доклады и документы к очередным заседаниям и конференциям. В мае 1939 г. состоялась 105-я сессия Совета Лиги, в которой участвовали представители 15 стран. Президентом сессии был избран И. М. Майский ³.

Вскоре события заставили многих чиновников Лиги подумать о чемоданах и своей судьбе в случае начала всеобщей войны. Попытки создать систему коллективной безопасности закончились крахом. Германия, Япония и Италия, давно выйдя из Лиги, развязали себе руки для проведения агрессивной политики. США еще находились под влиянием идей изоляционизма. Политика Англии и Франции была непоследовательной. СССР вел переговоры с правительствами Англии и Франции и одновременно искал возможность договориться с Германией. Падала ценность принципов международного права, не соблюдались многие заключенные договоры.

Лига как международная организация, созданная для поддержания всеобщего мира, переживала глубокий кризис. Сокращалась ее политическая деятельность, практически не созывались конференции, не принимались необходимые решения. После 1 сентября 1939 г., с началом второй мировой войны, резко уменьшилось количество докладов, представлявшихся членами Лиги в ее Секретариат. Сказалось и введение военной цензуры. Пока еще функционировали телефонная и телеграфная связь, транспорт и почта. Часть статистики по экономическим и финансовым вопросам тоже продолжала поступать. Лигой были подготовлены к изданию документы для запланированной Всеевропейской конференции о жизни в сельской местности, ряд изданий по экономике и здравоохранению ⁴.

В сентябре 1939 г. правительство Румынии обратилось в Лигу за экспертной оценкой после того, как около 40000 польских солдат, спасаясь от немецких оккупантов, пересекли румынскую границу и были интернированы в районе дельты Дуная. Там было неблагоприятно из-за плохой воды и малярии, возникла возможность эпидемии. Эксперты Лиги пришли к выводу о желательности перемещения интернированных поляков в более экологически здоровую часть страны и улучшения санитарии в их лагерях.

Сложным вопросом явилось предстоящее сокращение аппарата Лиги. Начавшаяся война уменьшила отчисления стран-участниц в бюджет Лиги, ее финансовое положение стало трудным. Часть чиновников Международной службы была мобилизована и отозвана их правительствами. Другие еще оставались в Женеве. Для решения их судьбы разработали план

Ходнев Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского педагогического института.

сохранения работоспособности Секретариата. В мае 1940 г. Уолтерс, покидая свой пост, говорил: «Секретариат все еще занимает отведенное ему место в мире, и у него есть работа. После 21 года, проведенного в его рядах, я уверен, что если какая-либо реальная форма международного сотрудничества сохранится или будет построена после войны, общественное мнение и правительства призовут Секретариат сыграть в этом центральную роль»⁵.

Наметили временное освобождение чиновников с выплатой им трехмесячного содержания и выходного пособия, а отставным — компенсации. Уже осенью сократили многих служащих 1-го дивизиона и чиновников Секретариата. Но после вторжения немецких войск во Францию для сотрудников Лиги летом 1940 г. все резко изменилось: Секретариат в Женеве оказался изолированным, трудно было работать из-за отсутствия нормальной связи, транспорта и денег. Увольнение чиновников пошло лавинообразно. В апреле 1942 г. только 82 сотрудника Секретариата оставались на бюджете Лиги.

В первые месяцы второй мировой войны Лига Наций не выполнила своей задачи и даже не обсудила на Ассамблее или Совете сложившуюся ситуацию. Это было связано с прежней ее политической ролью, которая зависела от линии ведущих стран-участниц. Если их правительства занимали выжидательную позицию по отношению к агрессии Германии, Италии и Японии, то Лига повторяла их действия. А теперь правительство Швейцарии, стремясь сохранить нейтралитет, болезненно реагировало на давление со стороны фашистских держав, которые проводили бесконечные акции протестов, запугиваний и угроз нарушить нейтралитет Швейцарии, если она позволит руководящим органам Лиги малейшую критику в адрес Германии или Италии. Генеральный секретарь Лиги Ж. Авеноль рассматривал поэтому осенью 1939 г. возможность перевода Секретариата во французский г. Виши.

Последним крупным вопросом, который был поставлен перед Лигой Наций, явилась советско-финляндская война 1939—1940 годов. В его рассмотрении большую роль сыграл Авеноль. Этот человек придерживался консервативных взглядов, с 1916 по 1923 г. был представителем французской экономической миссии в Лондоне, потом перешел работать в Лигу Наций, где занял должность заместителя генерального секретаря и в 1933 г. дослужился до поста генерального секретаря. Авеноль с его нелюбовью не только к левым, но даже к либеральным политическим силам не помогал им, а в большинстве острых коллизий оставался пассивным наблюдателем событий или чинил бюрократические помехи движению дел⁶. Он находился в Париже, когда пришли известия о начале советско-финляндских военных действий. Он советовался с послом США У. Буллитом и послом Финляндии Х. Холма, как ему поступить. Авеноль подчеркивал, что даже Германия перед своей агрессией сохранила остатки благопристойности и вышла из Лиги Наций⁷. Идею исключения СССР из Лиги Авеноль согласовал с Холма и министерством иностранных дел Франции и заручился поддержкой представителя Аргентины в Лиге⁸.

Не все шло так гладко, как задумал Авеноль. Жертвы германской агрессии Чехословакия и Польша сохраняли свои представительства в Женеве и имели возможность обратиться к Лиге с просьбой обсудить их дела. Тогда германский МИД направил 4 декабря 1939 г. телеграмму своему посольству в Швейцарии с требованием заявить строгое предупреждение правительству Швейцарии в случае, если на Ассамблее Лиги «во время войны будут подняты вопросы Польши и Чехословакии, а Англия и Франция используют Совет и Ассамблею против Германии в целях пропаганды»⁹. И Швейцария заявила, что дебаты в Лиге должны быть ограничены русско-финляндским конфликтом. Неожиданно 9 декабря министр иностранных дел Финляндии Р. Холсти, посетив заместителя Авенюля, греческого дипломата Т. Агнидеса, заявил, что Финляндия не настаивает на исключении СССР из Лиги. Правительство Финляндии надеялось использовать Лигу Наций в качестве посредника для переговоров с СССР. Тут Авеноль решил нажать на Хельсинки через дипломатов США¹⁰.

Когда же правительство Финляндии само обратилось 3 декабря в Лигу с просьбой рассмотреть конфликт, СССР отказался использовать Лигу Наций в качестве посредника для переговоров. 5 декабря газета «Известия» поместила отклик министра иностранных дел СССР В. М. Молотова, который называл созыв Совета и Ассамблеи необоснованным, поскольку СССР вовсе не находился в состоянии войны с Финляндией, а наоборот, оказывал помощь Демократической Финляндской Республике (имелось в виду марионеточное правительство О. В. Куусинена на советской территории, в г. Териоки). СССР отказался участвовать в заседаниях Лиги. Это облегчило действия Авенюля.

На 14 декабря было назначено голосование по вопросу об исключении СССР из Лиги. В свою очередь «Известия» поместили 15 декабря заметку «Лига Наций на услужении англо-французского блока», а в корреспонденции из Женевы резко критиковалась позиция Великобритании, которая была названа главным организатором антисоветского сборища. Затем 16 декабря «Известия» напечатали сообщение ТАСС, в котором акция Лиги Наций

против СССР была названа незаконной по тем причинам, что Англия и Франция не имели права говорить об агрессии СССР, поскольку держали в своем подчинении громадные территории в Азии и Африке. Далее в сообщении говорилось, что СССР, избавившись от моральной ответственности за дела Лиги Наций, будет «иметь отныне свободные руки».

Ассамблея Лиги призвала все страны оказать Финляндии помощь. В течение декабря 1939 г. и января 1940 г. было получено из разных стран 25 положительных ответов¹¹. Правда, правительства некоторых стран не хотели оглашения информации об их действиях в помощь Финляндии. Например, скандинавские страны опасались контракции со стороны СССР. Авеноль предлагал, чтобы помощь продовольствием, медикаментами и пожертвования Красному Кресту шли через Женеву, а военная помощь должна была поступать через Париж и держаться в секрете. Всем здравомыслящим современникам было ясно, что советско-финляндская война есть не изолированный конфликт, а составная часть второй мировой войны. Тем не менее Лига Наций не приняла никаких решений, осуждавших главных агрессоров. А конфликт с Финляндией содействовал расширению войны. Германия сумела подготовить весеннее наступление на скандинавские страны и Францию, используя отвлечения внимания Запада к «странной войне» и затем к событиям в Финляндии. С другой стороны, Гитлер утвердился по окончании советско-финляндской войны во мнении, что СССР — колосс на глиняных ногах, с которым ему нетрудно будет справиться.

Весной 1940 г. Лига Наций оказалась в Женеве почти отрезанной от остального мира, работа Секретариата была затруднена, опять был поднят вопрос о переезде основных служб в другое место. Однако Авеноль принял решение остаться в Женеве, ссылаясь уже на швейцарское правительство, которое было против эвакуации Секретариата, поскольку она могла вызвать панику у населения нейтральной страны. Сам Авеноль жил в окрестностях Женевы, но на ночь уезжал в приграничный отель во Франции ради личной безопасности. В июне он осуществлял подготовительные шаги по переводу части служб в США, откуда поступило приглашение об их размещении в Принстонском университете. В августе 1940 г. директор экономического и финансового департамента Лиги А. Лавдэй приехал туда с семьей ближайшими сотрудниками. А к началу 1941 г. в Принстоне собралась группа экономистов, развернувшая прогнозирование экономического положения в мире после войны. Позднее эти прогнозы использовались практически, в том числе и органами ООН¹².

Судьба оставшихся в Женеве секций Секретариата складывалась хуже. Заместитель генерального секретаря Лиги, ирландец С. Лестер вел в 1939—1940 гг. дневник, в котором ряд страниц посвятил Авенолью. Тот в критический момент вел себя, как примадонна, а в целом занимал антибританскую позицию и признавал гегемонию Гитлера, считая войну оконченной и стремясь найти для себя новую нишу в германизированной Европе. Это мнение распространялось по коридорам Секретариата. В июле 1940 г., когда во Франции уже действовало коллаборационистское правительство маршала Петэна, Авеноль постарался найти контакт с консулом Германии в Женеве В. Краулем и провел очередное сокращение аппарата, уволив многих английских дипломатов. Однако в результате развернувшейся в Лиге внутренней борьбы 31 августа сам ушел в отставку. Обязанности генерального секретаря принял на себя Лестер и исполнял их вплоть до роспуска Лиги Наций, в апреле 1946 года.

«Наша работа,— писал он,— заключалась в том, чтобы поддерживать организацию в жизнеспособном состоянии и ждать исхода событий»¹³. Секретариат Лиги в 1940—1946 гг. был разбросан по разным странам. Небольшая группа лиц во главе с Лестером оставалась в женевском Дворце наций, туда же переехал председатель Международного суда. Международная организация труда обосновалась в Монреале. Глава финансового ведомства находился в Лондоне. Практически Лестеру нечем было заниматься. В 1943 г. он получил письмо от генерала де Голля, подтверждавшего членство Франции в Лиге Наций. Обострилась проблема беженцев. Международный комитет по делам беженцев возник еще в 1938 г. и действовал во главе с американским дипломатом Дж. Рубли параллельно соответствующему органу Лиги Наций. В феврале 1939 г. оба ведомства слились и работали далее под руководством Г. Эмерсона. В 1946 г. под его опекой оставалось более 1 млн. русских, армянских, испанских и ассирийских беженцев, а с возникновением ООН комитет нашел свое место в новой организации¹⁴.

Но надежды Лестера на то, что Лига сможет пригодиться после войны, не сбылись. Слишком сильным было разочарование мировой общественности в результатах ее деятельности. О ее слабости писал еще в феврале 1943 г. У. Черчилль¹⁵. Заместитель Лестера А. Кадоган сообщал из Лондона в июле 1944 г., что Россия не забыла своего исключения из Лиги Наций в декабре 1939 г. и отказалась сотрудничать с каким-либо из ее органов, а официальную позицию СССР выразил в апреле 1945 г. на конференции Объединенных Наций

в Сан-Франциско Молотов, который заявил, что Лига не справилась со своими задачами, обманула надежды тех, кто в нее верил, и «теперь никто не хочет восстанавливать бесславную Лигу Наций»¹⁶. США тоже не были заинтересованы в воссоздании организации, в которой они почти не участвовали¹⁷.

Однако ООН воспроизвела в своем Уставе структуру Статута Лиги и ее главных органов, хотя и внесла изменения в их компетенцию. Некоторые учреждения Лиги вошли в состав ООН почти без изменений. Сохранились Международная организация труда, Международный суд, а идея создания Экономического и социального совета родилась в Лиге еще накануне войны. Когда в октябре 1945 г. Устав ООН вступил в силу, 43 страны оставались членами Лиги, включая нейтральные государства, не присоединившиеся к Объединенным Нациям в годы войны.

8 апреля 1946 г. была созвана последняя Ассамблея Лиги в Женеве. С приветствием к ней обратился лорд Сесил, участник самой первой ее Ассамблеи. По его мнению, поражение потерпели не народы, присоединившиеся к Лиге, а их правительства. Он закончил свою речь словами: «Лига умерла. Да здравствуют Объединенные Нации!»¹⁸. За несколько дней делегаты решили вопросы, связанные с наследством Лиги: Лестера утвердили Генеральным секретарем, заслушали доклады Международной организации труда и Международного суда, приняли резолюции о передаче власти и функций Лиги в ООН, разделили между вносившими взносы странами резервный фонд Лиги, передали Дворец наций с библиотекой и архивом в ООН. 18 апреля Ассамблея проголосовала за прекращение существования Лиги Наций.

Примечания

1. В статье Г. И. Морозова «Лига Наций: взгляд через полвека» (Вопросы истории, 1992, № 2 - 3) деятельность Лиги в последние годы ее существования практически не затронута.
2. WALTERS F. P. A History of the League of Nations. Oxford. 1969, p. 801.
3. League of Nations, Official Journal, 1939, vol. 20, № 5—6, p. 243.
4. RANSHOFEN-WERTHEIMER E. F. The International Secretariat: a Great Experiment in Interpatational Administration. Washington. 1945, p. 371.
5. The League of Nations and the United Nations after Fifty Years: the Six Secretary-general. Newtown. 1972, p. 64.
6. BARROS J. Betrayal from Within: Joseph Avenol, Sec.-General of the League of Nations, 1933—1940. New Haven. 1969, pp. 18, 21.
7. BULLIT W. C. From Paris to the Department of State, November 30, 1939 (U. S. Department of State Files, Record Group 59, File 7600, 61/54. National Archives, Washington, D. C.). Выражаю признательность Институту имени Дж. Кеннона при Центре Вудро Вильсона (Вашингтон) за любезное предоставление возможности изучить материалы вашингтонских архивов.
8. BARROS J. Op. cit., p. 199; TITTMAN H. From Geneva to the Departament of State, February 14, 1940 (Ibid., File 500, C. 001/1494, Record Group 59).
9. The State Secretary to the Legation in Switzerland. In: Documents on German Foreign Policy, 1918—1945. Ser. B. Vol. 8. Lnd. 1954, pp. 395, 496.
10. TITTMAN H. Op. cit., C 001/1447.
11. League of Nations, Official Journal, 1940, vol. 21, № 1—2, pp. 11—17.
12. League of Nations, 1943, II, A. 4: Trade Relations between Free-Market and Controlled Economics. Geneva. 1943; League of Nations, 1944, II, A. 3: Food Rationing and Supply, 1943/44. Geneva. 1944; World Economic Survey, 1942/44. Geneva. 1945; League of Nations, 1945, II, A. 2: Economic Stability in the Postwar World. Geneva. 1945; League of Nations, 1946, II, A. 1: Conditions of Private Foreign Investments. N. Y. 1946; HILL M. The Economic and Financial Organization of the League of Nations. Washington. 1946, p. 43.
13. Lester to C. Gorski, June 25, 1958. In: BARROS J. Op. cit., Appendix, p. 268.
14. GRAHL-MADSEN A. The League of Nations and the Refugees: the League of Nations in Retrospect, N. Y. 1983, pp. 364 - 365.
15. Roosevelt and Chirchill: Their Secret Wartime Correspondence. Lnd. 1975, p. 311.
16. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). М. 1979, с. 123.
17. JOYCE J. A. Broken Star: the Story of the League of Nations (1919—1939). Swansea. 1978, p. 200.
18. CECIL. The League of Is Dead: Long Live the United Nations. Lnd. 1946, pp. 4—7.

Американский историк о первой российской революции

В. А. Муравьев, А. Д. Степанский

Абрахам Ашер, профессор университета, г. Нью-Йорк, известен как автор монографии «Павел Аксельрод и развитие меньшевизма»¹. Его первое обращение к истории российской революции 1905—1907 гг. состоялось в 1964 г., когда он опубликовал обзор документов австро-венгерского посольства о внутреннем кризисе в России в 1902—1906 годах². В статье «Советские историки и революция 1905 г.», как и в рецензируемом двухтомнике, Ашер отмечал, что «еще не существует всесторонней нарративной истории этого события ни на одном языке»³. По масштабам замысла и структуре рецензируемая двухтомная «Революция 1905 года» Ашера не имеет аналогов, что уже само по себе делает ее заметным событием в историографии⁴.

Этот труд можно считать вполне традиционным по проблематике. В нем представлены, пожалуй, лишь три темы, слабо отраженные в советской литературе: это террор (особенно левый), еврейский вопрос, хорошо известные в дореволюционной русской и в зарубежной историографии, а также вырастающая под пером автора в самостоятельный сюжет — восприятие русской революции ее зарубежными свидетелями.

В большинстве случаев Ашер предпочитает иметь дело не с литературой, а с источниками. Отсылки к трудам других ученых встречаются у него сравнительно редко. Приложенные к томам солидные библиографические указатели имеют как бы самостоятельную ценность. Обширная и разнообразная источниковая база двухтомника включает периодические издания всех направлений, труды партийных лидеров и общественных деятелей, почти всю сколько-нибудь значимую мемуаристику, публикации документов — российские и зарубежные. К сожалению, автор не работал в российских архивах, но зато широко использовал материалы дипломатических ведомств США, Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, документы Гуверовского института войны, революции и мира, а также и свидетельства других иностранцев, прежде всего журналистов.

Авторская концепция воспринимается как итог и развитие традиций либеральной западной историографии. Ашер признает большую ценность нашей литературы, поскольку она содержит огромный фактический материал, но подчеркивает, что к содержащимся в ней анализам и интерпретациям следует подходить с большой осторожностью. Его неприятие вызывают прежде всего положения о 1905 годе как «генеральной репетиции» Октября, о «гегемонии пролетариата» и руководящей роли большевиков в революции.

Однако концептуальное содержание советской историографии, особенно 80-х годов, нельзя все же сводить к указанным клише. Мимо внимания Ашера прошло одно важное

Муравьев Виктор Александрович — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; *Степанский Александр Давидович* — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

обстоятельство: в 70—80-е годы значительная часть наших историков занималась «небольшевистской» проблематикой революции. В этой сфере (история самодержавия, дворянства, буржуазии, земства, «непролетарских» партий и течений) были достигнуты значительные результаты. Трудно объяснить отсутствие даже в библиографических указателях Ашера названий ряда монографий о земском движении и народничестве той поры: работ Б. В. Ананьича — о займе 1906 г., А. В. Островского — о третьиунском перевороте и некоторых других.

Первый том — «Россия в смятении» — историографически значительно более традиционен, хотя именно здесь почти полностью сформулированы основы авторской концепции. Об этой традиционности свидетельствует структура тома, разделенного Ашером на три части: 1. Старый порядок в осаде; 2. Штурм власти; 3. Революция и реакция. Однако сама авторская концепция не укладывается в это, казалось бы, традиционное деление.

Происхождение революции — это один из немногих сюжетов, не вызывавших в прошлом крупных разногласий даже между полярно противоположными идеологическими и научными течениями в историографии. Коренную причину Ашер усматривает в экономической и социальной отсталости России (1, с. 18) ⁵, породившей к началу XX в. острейший социальный конфликт. Стране предстояло разрешить три принципиальных вопроса — конституционный («как могла бы быть изменена анахроническая политическая структура империи, чтобы ввести гражданские свободы и обеспечить перераспределение власти»), рабочий («как могло бы удовлетворение требований промышленного пролетариата улучшить его социальные и экономические условия»), крестьянский («как мог быть утолен земельный голод миллионов крестьян») (с. 40). Национальный вопрос в этот перечень Ашер не включает.

Он не разделяет кадетского взгляда на революцию 1905 г. как на конфликт самодержавия и «общества» (в узком смысле этого понятия). Для Ашера это конфликт двух России: «Страна казалось, разделена на два лагеря, один, защищающий старый порядок, и другой, настаивающий на фундаментальных изменениях» (с. 11). Дело, однако, неоднократно подчеркивает автор, главным образом в том, что силы и того, и другого лагеря были разобщены, «фрагментизированы». Именно с этим Ашер связывает, с одной стороны, колебания правительственного курса, а также то, что уже начиная с лета 1904 г. правительство постоянно проявляло нерешительность, было недалеким, нередко находилось в замешательстве, с запозданием и половинчато уступало натиску снизу. С другой стороны, все лидеры и группы «оппозиции» были разобщены в своих намерениях и видах, не было ни единства цели, ни согласия в отношении тактики. Оба лагеря «оказались неспособны на дерзкое и впечатляющее действие, необходимое, чтобы достигнуть быстрой и окончательной политической победы» (с. 42). Этим определился и затяжной характер революции, и ее недостаточная, с точки зрения участвовавших в ней сил, социальная и политическая результативность.

Ашер не ставил перед собой цели досконально исследовать экономическую, социальную структуры и менталитет российского общества в преддверии революции. Пожалуй, дело сейчас не в суждениях о соотношении теорий «двух» и «трех лагерей» в России: политическая направленность этих теорий доминирует над научным их содержанием, а споры по этому поводу, как показывает опыт, вырождаются в схоластику. Замечания автора по поводу «фрагментированного общества» побуждают вернуться к замятому в 70-е годы вопросу о многоукладности российского экономического строя и ее культурологических и политических последствиях.

Русско-японская война, по мнению Ашера, «не делала революцию неизбежной», ибо не была ни для России, ни для Японии «фундаментальным конфликтом национальных интересов». Но именно она создавала напряженность и предпосылки для приближения «политического переворота» (с. 43). Автор возвращается к высказанной еще в дореволюционной российской публицистике мысли, что революция, собственно говоря, началась с осени 1904 года.

Развивавшейся в нашей литературе многие годы идее гегемонии пролетариата в революции 1905 г. Ашер противопоставил схему последовательной смены трех ее фаз. Первая — со времени убийства В. К. Плеве до 9 января 1905 г. — характеризуется автором как фаза борьбы между сторонниками перемен и властями на политической арене. Использование правительством силы против народа открыло фазу насилия: «С одной стороны, власти оказались в смятении, с другой — беззаконное и массовое насилие в масштабах, незнакомых со Смутного времени начала XVII в., охватило Российскую империю в то время, как политический конфликт отошел на второй план». С 1906 г., полагает Ашер, Россия снова вступает в фазу политической борьбы, третью фазу, в которой продолжалось «правительственное насилие и насилие снизу» (с. 101).

Существенный признак первой фазы революции — формирование в России нового

политического климата. Как полагает автор, устранение Плеве — наиболее динамичной фигуры в правительстве в условиях, когда атмосфера в обществе была достаточно накалена, одновременно «обнажило глубину отчаяния в государственных делах» и новые возможности для агитации против правительства и войны. В результате колебаний правительства, и в частности министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского, с одной стороны, и широкой либеральной кампании, поддержанной интеллигенцией, студентами и рабочими, с другой — в России конца 1904 г. сложилась ситуация, которую Ашер сравнивает с положением во Франции во второй половине 1788 г.: «Как Людовик XVI решением о созыве Генеральных штатов срыл дамбы, сдерживавшие общенациональное движение против старого порядка, так торжественное провозглашение Николаем II умеренных реформ в 1904 г. (имеется в виду указ от 12 декабря 1904 г.— *Авт.*) вызвало волну оппозиционной активности против аристократии» (с. 57—58).

Анализируя вторую фазу революции, автор подчеркивает, что переход к насилию не был случайным (с. 98). Неизбежность его Ашер объясняет тем, что в условиях меняющегося политического климата попытка социальных низов выдвинуть свои требования (хотя и через гапоновскую организацию) натолкнулась на неадекватную реакцию перепуганной части верхов: «Беспардонный расстрел правительственными войсками невооруженного народа, несшего петицию своему монарху о «справедливости и заступничестве», разорвал психологические связи между правителями и многими управляемыми, связи, которые были неосознаны, но необходимы для поддержания порядка...» Следствием этого и стала атака на институты старого порядка (с. 206).

Ашер прослеживает процесс «барахтанья» правительства зимой и весной 1905 г. в условиях забастовок, неэффективности и неисполнения противоречивых его распоряжений, нарастания стихии. Бессилие властей порождало значительный рост преступности, на что рабочие в ряде крупных городов ответили формированием собственной милиции для борьбы с хулиганами и погромщиками (с. 130—133).

«Гражданские беспорядки» и рабочее движение, по мнению Ашера, конституировались как «наиболее драматичная, распространенная и сильная форма народного вызова правительству» (с. 136). Описание в книге забастовок, организации профсоюза, Советов и др., как и статистика рабочего движения существенно не расходятся с той, что содержалась в советской историографии. Однако оценивает автор эти факты по-иному. Он полагает, что рабочее движение фактически сводило на нет возможности бюрократии управлять страной. Вместе с тем, он считает, что положение о гегемонии рабочего класса в революции на протяжении всего 1905 г. не может быть подкреплено достаточными основаниями.

Во-первых, в течение первых девяти его месяцев рабочие, как и либералы, были дезорганизованы. Во-вторых, большая часть энергии рабочего движения направлялась на достижение экономических целей даже тогда, когда его «требования затрагивали политические условия». В-третьих, рабочее движение испытывало острый недостаток в «политическом фокусе». Либералы, эсеры, синдикалисты и др., справедливо считает Ашер, не имели солидных позиций в рабочем движении и рабочих организациях. Что же касается социал-демократов — и большевиков, и меньшевиков, и тех, что находились вне фракций, они «оставались в отдалении» от происходивших процессов, не оценив своевременно ни зарождавшиеся профсоюзы, ни Советы (с. 150—151). Вывод автора четок: выступления рабочих содействовали сдвигу влево части оппозиционного движения, подведя его к форме всеобщей стачки (с. 151).

В книге квалифицированно описаны масштабы и формы крестьянского движения. Ашер подчеркивает свое несогласие как с мнением о лояльности крестьян к режиму, так и с тезисом С. М. Дубровского, что оно развернулось под влиянием рабочих агитаторов (с. 161). При этом автор напоминает о предшествующих 1905 г. трех столетиях крестьянской борьбы.

Провал бездарных реформистских потуг правительства подвел страну к Октябрьской стачке: булыгинская эпопея радикализировала даже сравнительно большую группу «умеренных оппозиционеров», не имевших в виду ни социализма, ни покушения на царские prerogatives. Всеобщая стачка и манифест 17 октября еще раз основательно изменили политический климат страны. Именно в это время, полагает Ашер, рабочий класс «занял руководящее место в оппозиции старому порядку», ибо не был уже сосредоточен на одних только экономических требованиях (с. 242). Изменившаяся обстановка могла подвести Россию «к зреющему участию масс в политических процессах». Непреодолимым препятствием на этом пути стала глубокая разобщенность оппозиции, прежде всего ее радикальных и умеренных элементов.

По мнению автора, декабрьское восстание стало «последней надеждой радикалов» (с. 335). Ашер, как нам представляется, весьма близок к Н. А. Рожкову в оценке уровня

политического сознания участников Московского восстания: положение о том, что восставшие представляли наиболее сознательных рабочих, он оценивает как «политическую софистику» (с. 306—307). Раскол же между радикальными и умеренными элементами позволил правительству подавить восстание с жестокостью, вызвавшей «шок в общественном мнении». Либералы постарались дистанцироваться от сторонников силового решения проблем революции, которая вновь переходит в политическую фазу.

Название второго тома монографии можно перевести как «Власть перестроенная». Он посвящен второму периоду революции. Автор справедливо отмечает, что этот период слабо освещен как современниками, так и историками. Конечно, события и личности 1905 г. выглядят на первый взгляд более интересными и волнующими, чем то, что произошло в 1906—1907 годах. Во второй фазе революции не было взрывов массовой ярости, которые потрясали бы основы империи или заставляли самодержавие идти на уступки. Такие политические лидеры, как преемник С. Ю. Витте И. Л. Горемыкин и многие министры его кабинета, выглядели как фигуры «невдохновляющие» и даже «вообще некомпетентные». Две Думы известны больше бурными словопрениями, чем серьезными результатами.

Однако при более глубоком анализе, пишет Ашер, эти соображения оказываются несостоятельными. С одной стороны, продолжали играть свои роли многие ведущие деятели 1905 г. (Николай II, Витте, П. Н. Дурново, Д. Ф. Трепов, П. Н. Милюков). С другой стороны, появляются новые лидеры: А. Ф. Аладьин — у трудовиков, В. М. Пуришкевич и П. Х. Шванебах — у правых, ну и, конечно, П. А. Столыпин. Заслуживает пристального изучения и существенно изменившаяся обстановка. При сохранении прежних конфликтов политический пейзаж стал более сложным, чем в 1904—1905 годах.

В результате завоеваний первого периода революции политическая борьба фактически легализовалась, русские люди политизировались, и центр тяжести борьбы между оппозицией и правительством переносится с демонстраций, забастовок и уличных сражений на арену избирательных кампаний. Главным становится вопрос, будет ли осуществлен манифест 17 октября, означавший замену самодержавной системы конституционным порядком. По мнению автора, появление Думы, этого единственного заметного завоевания 1905 г., порождало новые конфликты, поскольку она не устраивала ни правых, ни левых.

Автор обращает внимание на существенные изменения в политической ориентации некоторых социальных групп: с одной стороны, поправление либерального дворянства и октябристской буржуазии под влиянием крестьянских беспорядков, с другой — политическая активизация крестьянства, его вызывающий всеобщее изумление энтузиазм в отношении Думы. Поддержку рабочими бойкота выборов в I Думу автор склонен объяснить не столько их революционным настроением, сколько отсутствием интереса к избирательной политике. Ашер полагает, что в стране сложилась обстановка всеобщего недоверия, что оказывало заметное влияние на весь ход событий.

Характеризуя основные различия между первым и вторым периодами революции, автор в то же время выявляет и общие для них моменты: волнения в городах и сельской местности, давление либералов на правительство, движение национальных меньшинств, упадок дисциплины в армии. Это сходство Ашер усматривает и в наличии неиспользованных альтернативных возможностей. К их числу он относит попытки компромиссов между реформаторами в правительстве и либеральным движением. Неудачи этих попыток заслуживают такого же внимания, как и деятельность революционеров. По словам автора, «только исследуя поведение и экстремистов и умеренных в оппозиции и в правительстве, можно понять, почему революция кончилась так, как она кончилась — победой старого порядка, которая не полностью аннулировала уступки, сделанные самодержавием» (II, с 2—3).

Ашер не проводит строгой хронологической грани между первым и вторым периодами революции. И в реальной действительности указанная грань не всегда была ярко выражена, особенно в тех регионах, где не было вооруженных восстаний. Да и в политике самодержавия декабрь 1905 г. едва ли являлся заметным рубежом.

Автор очень сжато рассказывает о политике правительства Витте и особенно о выборах в I Думу, что можно объяснить наличием в американской историографии специальных монографий на эти темы⁶. По мнению Ашера, в начале 1906 г. почти все политические лидеры России неправильно представляли себе настроение страны. Царь, несмотря ни на что, продолжал верить в преданность масс и надеялся, что ему удастся отказаться от обещаний, данных в манифесте 17 октября. Министр внутренних дел Дурново явно переоценивал роль политических репрессий. Витте считал, что крестьяне поддержат консервативных кандидатов на выборах.

Главным же дефектом политики Витте была ее двусмысленность, поскольку обещания установить порядок совмещались с явными беззакониями, и это порождало сомнения

в искренности премьера. Но и противники правительства ошибались в оценке обстановки. Кадеты долго разделяли убежденность Витте в консерватизме электората. Революционеры, в свою очередь, ожидали новых массовых выступлений, столь же интенсивных, как в 1905 году. Поэтому все политические силы были фактически шокированы неожиданным для них исходом выборов в I Думу.

Повествуя о массовых движениях периода I Думы, автор подробно рассказывает о выступлениях крестьян и рабочих, движении безработных, левом и правом терроризме, еврейских погромах, волнениях в армии. Эти события свидетельствовали, что «страсти 1905-го» еще сохранили свою силу, причем Дума так и не стала умиротворяющим фактором, что сказалось и на ее судьбе. История 72-дневного существования и разгрома I Думы изложена в книге довольно четко. Удивляет лишь явно недостаточное внимание автора к содержанию аграрной программы трудовиков, что, впрочем, вполне соответствует с неупоминанием им монографий Д. А. Колесниченко, В. Н. Гинева, Н. Д. Ерофеева. Между тем, данный сюжет имеет важнейшее значение для понимания истории России начала XX века. Именно стремление крестьянства получить всю землю, ярко выраженное первокурсниками трудовиками, оказалось главным фактором нестабильности, определившим в конечном счете и неуспех столыпинского умиротворения и позднее успех Октябрьской революции.

Значительное место в книге уделено характеристике личности и деятельности Столыпина. Ашер отмечает, что в последние десятилетия тема Столыпина как потенциального спасителя России от коммунизма была поднята в нашей стране антикоммунистическими интеллектуалами. Однако подход их идейного вождя А. И. Солженицына к жизни и деятельности Столыпина автор оценивает как «агиографический». Сам он склонен согласиться с теми, кто считал Столыпина «человеком действия», но с «ограниченным интеллектуальным горизонтом».

Рассматривая известное сравнение Столыпина с Бисмарком, Ашер пишет, что первый, в отличие от второго, не претендовал на самостоятельную роль и считал себя лишь исполнителем воли монарха. Он присоединяется к мнению мемуариста П. А. Тверского: если Бисмарк сочетал в себе мощный локомотив и машиниста, то Столыпин был только локомотивом. В книге подробно излагается мало известный в нашей литературе факт отклонения Николаем II весьма скромных предложений премьера о некотором ослаблении ограничения прав евреев.

Автор прав, полагая, что результаты выборов во вторую Думу «шокировали ультраконсерваторов, придворных советников царя и правительство» (с. 285). В книге обращено внимание на замедленность осуществления столыпинской реформы, связанную со сдержанным отношением к ней крестьянства. В результате «успокоения», к которому стремилось самодержавие, не было достигнуто даже к августу 1914 года.

Подводя итоги исследования, Ашер констатирует, что в ходе революции и оппозиция и власти вели себя совершенно «нереалистично» (с. 369). Оппозиция рассчитывала изменить существующую систему за одну ночь, а власти были убеждены, что смогут управлять страной так, как это делалось веками: деспотично и без учета интересов огромного большинства народа. Недостаток политической зрелости подрывал всякую попытку достичь разумного разрешения кризиса в обществе на основе компромисса. Эта всеобщая непримиримость являлась прежде всего следствием самодержавной системы власти, препятствовавшей появлению лидеров, обладавших политической проницательностью и независимым мнением. Непримиримость лидеров оппозиции проявлялась не только к властям, но и в отношениях друг с другом.

Неспособность освободительных политических движений (и тех социальных групп, которые они представляли) координировать свои действия помогла выжить старому порядку, который отнюдь не утратил умения бороться с революцией. За три года революции политическая система империи существенно изменилась. Даже деятельность Думы так и не свелась к простому штемпелеванию правительственных решений, что проявилось в ходе кризиса 1916—1917 годов.

В 1907—1917 гг. в России фактически существовала многопартийная система. Печать и легальные общественные организации функционировали в лучших условиях, чем до 1905 года. Хотя и в усеченном виде, завоевания первой российской революции существовали до самого падения империи. По мнению Ашера, Россия в 1907—1914 гг. еще не была гражданским обществом в западном смысле, но делала первые шаги в этом направлении. Октябрьская революция столкнула страну с этой дороги, но 75 лет спустя она переживает новый поворот, вдохновляемый теми же идеалами, которые воодушевляли оппозицию в 1905 году.

Примечания

1. ASHER A. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge (Mass.). 1972. Под редакцией Ашера издан также сборник документов: The Mensheviks in the Russian Revolution. Lnd. 1976.
2. The Coming Storm.— Survey: A Journal of Soviet and East European Studies, 1964, № 53.
3. ASHER A. A Soviet Historians and the Revolution of 1905. In: 1905. P. 1986.
4. ASHER A. The Revolution of 1905. Stanford (Cal.). Vol. 1: Russian Disarray. 1988. XVI + 424 p.; vol. 2. Authority Restored. 1992. XVI + 444 p.
5. Ашер обращает внимание на то, что в области экономики преодолеть эту отсталость в рамках старого порядка не могли никакие меры даже самых энергичных правительственных лиц. С. Ю. Витте. «редкий русский талант», «содействовал индустриализации России не потому, что верил, что модернизация желательна сама по себе, или что желал поднять уровень жизни в России. Он хотел трансформировать экономику России преимущественно ради прочности политической власти и величия государства» (с. 19).
6. См. EMMONS T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge (Mass.) — Lnd. 1983.

М. Н. ДЕНИСЕВИЧ. *Индивидуальные хозяйства на Урале (1930—1985 гг.)* Екатеринбург. 1991. 197 с.

Монография уральского ученого доктора исторических наук М. Н. Денисевича посвящена актуальным проблемам возникновения и развития индивидуальных (личных) приусадебных хозяйств сельчан и горожан с начала сплошной коллективизации до середины 80-х годов. В центре внимания автора — личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) колхозников. Исходный рубеж не случаен, ибо именно с конца 20-х — начала 30-х годов началось массовое создание приусадебных хозяйств загнанных в колхозы бывших единоличников, а одновременно ликвидировались индивидуальные хозяйства рабочих промышленных предприятий (их возрождение началось с конца 30-х годов и особенно интенсивно происходило в годы войны).

Достаточно трудным и противоречивым оказалось историографическое освоение этой темы: то ее в соответствии с установками партийных идеологов относили к числу запретных, то пытались втиснуть индивидуальные хозяйства в прокрустово ложе подсобного, этого безликого придатка общественного хозяйства, то подчеркивалась бесперспективность, неизбежность скорого отмирания этой «неправедной» формы хозяйствования, а затем, когда потребовалось дать «отпор» западной историографии по поводу феномена ЛПХ, особый акцент делался на то, что оно является органической частью общественного хозяйства и именно ему обязано своими успехами. Только в самые последние годы открылись возможности для объективного изучения этой темы.

Денисевич рассматривает приусадебные хозяйства как особый тип собственности (мелкой частной) и как вид сельскохозяйственного производства, основанного на индивидуально-трудовой (семейной) деятельности. Он усматривает их генетическую связь и известную преемственность с единоличным крестьянским хозяйством (трудовые

традиции, приемы и навыки, выработанные предшествующими поколениями, местный народный опыт, традиционная культура и др.) (с. 29). Выводы, имеющие принципиальное значение, автор делает на основе анализа многочисленных статистических данных, использования таких уникальных источников, ставших доступными в самые последние годы, как бюджетные обследования крестьянских дворов, похозяйственные книги сельсоветов, годовые отчеты колхозов и др. Данные производственного и социально-демографического характера сведены автором в более чем 70 таблиц.

Автор фундаментально обосновывает вывод о высокой экономической и социальной эффективности приусадебных хозяйств (особенно по сравнению с общественным), в основе которой лежат такие факторы, как материальный интерес, соединение в одном лице работника и хозяина, органическое слияние труда со средствами производства, высокая степень саморегуляции, составляющей необходимый элемент любой саморазвивающейся структуры, и др. При этом подчеркивается феноменальная живучесть, эластичность приусадебного хозяйства, его способность приспособиться к крайне неблагоприятным внешним воздействиям (с. 6, 151). В период Великой Отечественной войны приусадебные хозяйства оказались более стойкими к ее разрушительным последствиям, чем колхозы и совхозы. Именно они сыграли решающую роль в снабжении продуктами питания колхозников, многих из которых спасли от голодной смерти (с. 82—84, 87—88). Автор признает, что известное позитивное воздействие на приусадебное хозяйство оказало колхозно-совхозное производство, в основном лишь по линии использования достижений науки и передовой технологии (с. 29).

Материалы книги позволяют уточнить, а иногда и пересмотреть иные, порой слишком поспешные

суждения и выводы современной историографии. М. А. Безнин в недавно изданной монографии, посвященной крестьянскому двору, утверждал, что в результате аграрной политики, проводимой Н. С. Хрущевым, у нас завершился процесс «раскрестьянивания». «В деревне 50—60-х годов XX века,— пишет он,— завершилась тысячелетняя история российского крестьянства». Этот вывод аргументируется тем, что приусадебное хозяйство колхозника и юридически и фактически стало подсобным (и для общества и для крестьянской семьи), а колхозник превратился «в рабочего с огородом»¹. На Всероссийской научной конференции историков-аграрников в 1992 г. некоторые участники (в частности, О. М. Вербицкая) поддержали эту точку зрения². Денисевич убедительно обосновывает две позиции, ее не подтверждающие.

Во-первых, в 1953—1958 гг. в связи с рядом актов аграрного законодательства (освобождение личных хозяйств от обязательных поставок продукции государству, повышение закупочных цен на их продукцию, снижение налогов и др.) происходит «бурное развитие индивидуального сектора», значительно выросли показатели его валовой и товарной продукции. Во-вторых, кампания по ограничению и ликвидации личных хозяйств, начатая с конца 1959 г., не привела к резкому спаду производства в приусадебных хозяйствах, а «в 1966—1970 гг., после снятия ограничений с личных хозяйств и частичного осуществления экономической реформы, наблюдается рост производства всех видов сельскохозяйственной продукции» (с. 126).

А. П. Тюрина приводит данные по стране в целом, свидетельствующие о том, что приусадебные хозяйства колхозников и рабочих совхозов, хотя и были подрезаны в конце 50 — начале 60-х годов, однако, проявив свою уникальную способность к выживанию, на всем протяжении 60—70-х годов в целом функционировали стабильно и играли существенную роль в сельскохозяйственном производстве страны и колхозов, в бюджете крестьянской семьи³. А в «рабочего с огородом», если уж пользоваться этим термином, колхозник мог превратиться значительно позже, когда осуществился массовый перевод колхозников на гарантированную денежную оплату и она была доведена до уровня заработной платы рабочих совхозов (вторая половина 60—70-е годы). К тому же, говоря о конечной грани раскрестьянивания, следовало бы учесть и такой мощный фактор «внешнего раскрестьянивания», как ликвидация «неперспективных деревень» и ряд других моментов.

Исследование Денисевича не подтверждает эти заключения. По его мнению, на всем протяжении рассматриваемого в книге периода «личные хозяйства сельских жителей не были подсобными ни по их удельному весу и общей валовой продукции сельского хозяйства, ни по формированию совокупного дохода крестьянских семей, ни по их

роли в снабжении продуктами питания. Вплоть до сегодняшнего дня не считают подсобными приусадебные хозяйства и все их имеющие» (с. 28—29).

В книге, пожалуй, впервые в историографии, специально освещаются вопросы, связанные с развитием индивидуального и коллективного огородничества, а также животноводства горожан в годы войны и в послевоенные годы, выделением им земли для создания пригородных зон коллективных садов и огородов в конце 70-х — начале 80-х годов.

Нам представляется, что название книги недостаточно четко определяет исследуемую тему; вероятно, следовало пояснить, что речь идет о приусадебных хозяйствах колхозников, рабочих совхозов и горожан. К тому же сам термин «индивидуальные хозяйства» автор нередко применяет и по отношению к хозяйствам единоличников (см., напр., с. 29, 61).

Характеризуя период сплошной коллективизации как «массовый переход к приусадебным хозяйствам» (с. 10), Денисевич недостаточно учитывает, что постановления партии и правительства, уставы сельхозартели этих лет, в которых колхознику предоставлялось право на ведение ЛПХ, были полны неясности и противоречий, к тому же постоянно грубо нарушались как центральными, так и местными властями. Положение стало существенно меняться под давлением самого крестьянства только в годы второй пятилетки, особенно после принятия Примерного устава колхоза 1935 года⁴.

Автор фактически обошел такой вид индивидуального хозяйства, как подсобное хозяйство работников совхоза, имевшее свои особенности. В дальнейшем изучению нуждается история индивидуальных хозяйств рабочих совхозов и промышленных предприятий в конце 20-х — начале 30-х годов, когда они велись на основе частично сохраненного прежнего крестьянского хозяйства, а их субъектом являлся особый тип рабочего — «рабочий, связанный с землей». По данным переписи совхозов, проведенной осенью 1930 г., «связанными с землей» оказались 44% постоянных и 75% сезонных рабочих совхозов Союзасахара, 38% постоянных и 51% сезонных рабочих животноводческих совхозов и т. д.⁵. Эта проблема, поставленная в свое время В. З. Дробижевым, все еще не прояснена.

И. Е. ЗЕЛЕНИН

Примечания

1. БЕЗНИН М. А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950—1965 гг. Вологда. 1991, с. 228.
2. Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы научной конференции. Ч. 1. Вологда. 1992, с. 137.

3. ТЮРИНА А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни 1965—1980 гг. М. 1982, с. 172—185, 189.

4. См. Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. II, с. 55—58.

5. Труд в СССР. М. 1932, с. 83—90, 100—101.

R. DEBO. *Survival and Consolidation. The Foreign Policy of Soviet Russia 1918—1921*. McGill-Queen's University Press. Montreal — Kingston — Lnd.— Buffalo. 1992. 502 p.

Р. ДЕБО *Выживание и консолидация. Внешняя политика Советской России. 1918—1921*

Канадский историк Ричард Дебо на базе широкого круга источников, в том числе и из британских, немецких, французских и американских дипломатических, военных и правительственных архивов, многие из которых не известны российскому читателю, исследует внешнюю политику Советской России в период гражданской войны. Широко использованы также советские публикации тех лет, труды и воспоминания, личные архивы советских государственных и партийных деятелей — Л. Троцкого, В. Антонова-Овсеенко, Г. Чичерина, К. Радека, Л. Красина и др.

Дебо сумел найти новые интересные грани и неизвестные страницы в истории начального этапа становления советской внешней политики. Подробно проанализированы в его книге взаимосвязь революционного подъема в Германии и событий в России, политика большевистского руководства в отношении Прибалтики, Польши, Венгрии, Бессарабии, Украины, Северного Кавказа, советские мирные инициативы на переговорах с Великобританией, участие советской дипломатии в Парижской мирной конференции и т. д. Выводы автора в целом не имеют принципиальных отличий от принятых в последние годы в российской историографии положений.

Автор считает, что в указанный период большевики проявили искусный прагматизм и умение правильно определять приоритеты в своей политике, готовность идти на оправданный политический компромисс, разобщая оппонентов и приобретая союзников. В результате им удалось добиться главной цели — сохранить власть в своих руках. Советское правительство, подчеркивает Дебо, добилось невозможного — на месте бывшей царской возродить новую советскую империю, сплотив вокруг себя нацию. Победа большевиков в гражданской войне имела, как считает автор, прежде всего политический, а не военный характер. Настойчиво утверждается, что Ленин и его соратники «перехитрили» белых, которые ратовали за «единую и неделимую» Россию, в то время как большевики были готовы пожертвовать любой частью страны ради удержания власти.

Особый интерес представляет исследование автором становления и перипетий советско-

польских отношений, в частности причин, хода и итогов советско-польской войны 1920 года. Эта тема была долгое время запретной в отечественной историографии. По мнению автора, в тот период выявилась явная неспособность обеих сторон добиться качественных изменений в своих взаимоотношениях. Поход Ю. Пилсудского на Киев потерпел поражение в связи с изменением — не в пользу Польши — соотношения сил в Европе, главным образом, по причине победы большевиков в ходе гражданской войны.

Дебо утверждает, что Польша сыграла особую роль во внешней политике Советской России, послужив своего рода лакмусовой бумажкой в процессе формирования, а затем корректировки позиции Москвы в отношении Запада в те критические для советской власти годы. Он считает, что в 1919 г. планы большевиков в отношении Польши принципиально отличались от задач, выдвинутых Москвой в 1920 и затем в 1921 г., когда Советская Россия добивалась обретения статуса ведущей державы в Восточной Европе.

Автор приходит к выводу, что большевистское руководство строило свою «польскую» политику в зависимости от того, как складывались отношения с ведущими европейскими странами. К примеру, принимая решение о «смещении Ю. Пилсудского и установлении советской власти в Польше», В. И. Ленин и его окружение исходили не столько из идеи перманентной революции, сколько из необходимости использовать польский фактор для сближения с Германией. Хотя лидеры большевиков и сами не верили в вероятность длительного сохранения просоветского строя в Польше, продолжает автор, предполагалось все же, что «советская» Польша станет более уступчивой по вопросу своих западных приграничных территорий, переданных Польше по Версальскому договору. Таким образом, Дебо косвенно подтверждает распространенный в нашей историографии тезис, что во внешнеполитической стратегии Советской России немаловажное значение имел тогда так называемый германский фактор.

В. В. ТИМОФЕЕВ

Г. А. ГЕРАСИМЕНКО. *Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.)*. М. Ника. 1992. 350 с.

В течение длительного времени большинство, если не все проблемы революций 1917 г. изучались у нас в русле двух постулатов. Согласно первому, коренное изменение расстановки классовых сил после свержения самодержавия заключалось в том, что теперь за власть боролись только два лагеря — буржуазии и пролетариата. С первым постулатом был связан второй: в стране установилось двоевластие — Временное правительство и советы. Однако со временем возникало все больше сомнений в правильности этих постулатов. Первым подверглось обоснованной критике и пересмотру положение о двух лагерях, боровшихся в 1917 г. за власть. Сейчас уже большинство историков придерживается мнения, что на самом деле борьбу вели тогда не два, а три лагеря.

Третий лагерь в социальном отношении представляли слои, стоявшие между буржуазией и пролетариатом. С точки зрения расстановки партийных сил, — это партии меньшевиков и эсеров, которые было принято называть мелкобуржуазной демократией. Пусть непоследовательно, постоянно делая уступки кадетам, но они вели борьбу за власть, за демократию, как они ее понимали, и вели ее, в частности, через общественные исполнительные комитеты, возникшие после Февраля. Если говорить о расстановке партийных сил, то лагерей оставалось тоже три — кадеты, занявшие место монархии, мелкобуржуазная демократия, занявшая место кадетов, и, наконец, большевики, т. е. пролетарская демократия.

Возникает вопрос, за какую же власть выступал лагерь мелкобуржуазной демократии, ограничивался ли он поддержкой Временного правительства, выступал за полномочия Советов, или же выдвигал какую-то иную форму власти? На этот вопрос в известной степени отвечает книга профессора Российской академии управления доктора исторических наук Г. А. Герасименко.

Основываясь на обширном архивном материале, автор пришел к выводу, что кроме Советов и Временного правительства на власть претендовали общественные исполнительные комитеты. Существование их было скоротечным, они не сумели укрепиться как система и постепенно утратили свой авторитет и были вытеснены с политической арены органами Временного правительства и Советами, однако можно с уверенностью утверждать, что их деятельность была определенным этапом демократизации общества. Не случайно П. Н. Милюков в марте 1917 г. на совещании членов Государственной думы говорил, что в России сложилось многовластие.

Герасименко считает, что «исполнительные комитеты ...стали той общественно-политической формой, которая объединила все слои общества, заинтересованные в свержении самодержавия» (с.

115). Их возникновение опередило формирование Советов и других структур власти. Три четверти волостных общественных комитетов, наиболее массового звена этой структуры, были образованы в течение марта и лишь 25% — в первой половине апреля 1917 года. Проанализировав расстановку сил, автор делает вывод: «Таким образом, весной 1917 г. развернулась борьба за власть на местах по меньшей мере между тремя общественно-политическими институтами: исполнительными комитетами, комиссарами Временного правительства (этот институт, о котором раньше говорилось довольно мало и, как правило, лишь о действиях некоторых из них, представлен в книге весьма обстоятельно.— К. Г.) и Советами рабочих и солдатских депутатов» (с. 244).

Как показывает автор, роль той или иной структуры определилась не сразу. На местах, в отличие от центра, первое время после свержения монархии главным носителем власти оказались как раз общественные исполнительные комитеты. «Временное правительство стремилось привить институт комиссаров к общественным исполнительным комитетам, совместить оба эти института таким образом, чтобы комиссарам досталась реальная власть, а комитетам — призрачная сила общественного мнения» (с. 203—204). В своей оценке последнего Герасименко не совсем прав. В то время сила его не была столь уж «призрачной». Ведь в конце концов именно она (изменение настроения масс) привела к падению Временного правительства и утрате массовой поддержки партиями меньшевиков и эсеров. Другое дело, что правильно оценить умонастроения масс и на этой основе дать прогноз дальнейшего развития событий эти комитеты так и не сумели и в этом одна из причин поражения демократических партий и победы большевиков.

Несмотря на широкое распространение, «общественные исполнительные комитеты, — пишет Герасименко, — оказались на обочине истории... Комитеты «просмотрели» и Временное правительство, сделавшее ставку на земства и думы, и большевиков, идеалом которых были Советы» (с. 4). Но насколько адекватно отражает истинное положение вещей глагол «просмотрели»? Для Временного правительства, в котором главную роль играли кадеты, общественные исполнительные комитеты были излишне демократичны. Сами кадеты занимали ведущее положение лишь в губернских комитетах, но и там быстро утрачивали влияние. По мере вытеснения цензовых элементов все больший вес в них приобретали меньшевики и эсеры.

К сожалению, в книге не нашел достаточно полного отражения партийный состав различных звеньев системы общественных исполнительных комитетов — губернских, уездных, волостных,

сельских. Вероятно, возможности автора в этом отношении были ограничены, поскольку, в частности, по его словам, в сведениях о волостных комитетах редко указывается партийная принадлежность их членов. Тем не менее этот вопрос требует внимательного изучения, ибо межпартийная борьба, сложные взаимоотношения партий были одной из главных составляющих революционного процесса в 1917 году. Позиция комитетов не была однозначной — одни стояли на левом фланге, другие — на правом, третьи тяготели к центру. Соотношение этих группировок в книге до конца не выяснено, а ведь позиция того или иного комитета зависела и от его партийного состава.

Можно все же утверждать, что большинство комитетов, видимо, занимало центристскую позицию. Они в основном создавались интеллигенцией (об этом говорит даже само название ряда комитетов — «общественного спасения», «общественной безопасности», — заимствованное из эпохи Великой Французской революции, идеи которой были широко распространены среди российской интеллигенции), что также усиливало тяготение к центризму, свойственное средним слоям. Думается, этому сюжету стоило уделить больше внимания.

Третья глава «Общественные исполнительные комитеты в борьбе за власть» — одна из наиболее интересных в книге, хотя не очень ясно, почему автор назвал ее именно так. Разве борьба за свержение самодержавия, за устранение его органов на местах, о чем идет речь в первой главе, не является одной из форм борьбы за власть? Герасименко подчеркивает, что с решением этой первоначальной задачи связано само появление комитетов. Уже потом рамки их деятельности раздвинулись, и она стала охватывать все более широкий круг вопросов — от ареста местных черносотенцев до введения восьмичасового рабочего дня и установления минимума зарплаты и максимума цен на промышленные товары.

Среди этих вопросов особо следует выделить аграрный, к решению которого, как известно, крестьянские комитеты, особенно волостные, подходили с более радикальных, чем Временное правительство, позиций. Это не устраивало кадетов, стремившихся сохранить местное землевладение. В книге процитировано сообщение заведующего общим отделом Министерства внутренних дел Н. М. Тоцкого, что крестьянство тягу к земле совмещало с ожиданием Учредительного собрания. (с. 142). Автор не комментирует данный факт, хотя он того требует. Ведь такое совмещение сохранялось лишь до поры до времени. К тому же сами лидеры эсеров и меньшевиков признавали задержку с созывом Учредительного собрания одной из главных ошибок, стоивших им власти. Да, они уговаривали крестьянство подождать, но оно не очень поддавалось и требовало ускорить решение вопроса о земле. Подобные настроения нашли свое отражение в мерах, принимавшихся волостными

исполнительными комитетами. Герасименко отмечает, что они пытались отобрать пустующие частновладельческие земли, «выкуривали» помещиков и т. д. (с. 176). Не случайно В. М. Чернов, заняв пост министра земледелия, хотел еще до Учредительного собрания провести закон о передаче земли в ведение земельных комитетов, принятию которого противодействовали кадеты.

Следовательно, дело не столько в том, что Временное правительство «просмотрело» общественные исполнительные комитеты. Для него они были помехой. Они были слишком радикальны и могли помешать коалиции с буржуазией, с кадетами. Временное правительство через своих комиссаров, выполнявших функции губернаторов и исправников, оказывало давление на общественные исполнительные комитеты, стремилось всячески ограничить их функции и деятельность. Правительством Керенского было арестовано 2 тыс. членов волостных и сельских исполнительных комитетов.

Отношение Советов к исполнительным комитетам, как правомерно отмечает автор, было иным: Советы не навязывали им свою волю. Большевики вначале по-прежнему относились к общественным комитетам, принимали участие в их деятельности. Отношение изменилось после выдвижения лозунга «Вся власть Советам!». Центристская позиция большинства комитетов не устраивала большевиков, которым комитеты, бывшие прежде всего организациями средних слоев, были не нужны. Под воздействием большевиков и Советы охладели к общественным исполнительным комитетам. Впрочем это, вероятно, не единственное объяснение, и проблема требует более глубокого изучения.

Герасименко выделяет определенные этапы в истории общественных исполнительных комитетов: сначала власть на местах оказалась в их руках, они были первыми органами народовластия; затем она перешла к комиссарам Временного правительства, на следующем этапе Советы рабочих и солдатских депутатов развернули борьбу против тех и других. В общем, центристская позиция общественных исполнительных комитетов не принесла им успеха. Падение их престижа, сокращение сфер деятельности, констатирует Герасименко, связаны с июльским кризисом, когда страна оказалась на грани вооруженного восстания и обострение борьбы между правым и левым флангами повлекли за собой размывание, ослабление центра. Общественные исполнительные комитеты в ряде случаев даже прибегали к репрессивным мерам против леворадикальных элементов, но так и не приобрели поддержки справа. Более того, одним из условий возобновления правительственной коалиции кадеты поставили их ликвидацию.

Общественные исполнительные комитеты были вынесены на поверхность волной демократизации общества, поднявшейся после Февральской революции, однако эта структура так и не получила

полного развития. Возможно, при сохранении лояльных отношений с Советами система исполнительных комитетов способствовала бы дальнейшей демократизации общества, утверждению народовластия. Автор не дает исчерпывающего ответа на

этот вопрос. Его книга — первый крупный шаг в изучении малоисследованной, актуальной страницы нашей истории.

К. В. ГУСЕВ

Н. Г. ДУМОВА. *Либерал в России: трагедия несовместимости (исторический портрет П. Н. Милюкова)*. М. 1993. 240 с.

Книга ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН доктора исторических наук Н. Г. Думовой является первой частью задуманной ею трилогии, посвященной одному из выдающихся историков и политиков России П. Н. Милюкову. Автор стремится комплексно исследовать биографию Милюкова как ученого и политика, особенности формирования общественной мысли в пореформенный период, исторических судеб русского либерализма на рубеже двух веков. Тема монографии, ее основные сюжетные линии органически связаны с предыдущими работами Н. Г. Думовой¹.

Книга основана на широкой источниковой базе. Это прежде всего документы и материалы огромного личного фонда Милюкова, его научные труды, обширное публицистическое и эпистолярное наследие, мемуары. Впервые в научный оборот введены многие документы и материалы из архивов Англии и Франции, ранее не доступные отечественным исследователям. Тщательно проработаны материалы периодической печати, воспоминания многих современников Милюкова, широко использованы труды отечественных и зарубежных авторов.

Все это позволило не только расширить информацию о ранее мало известных сторонах жизни и деятельности Милюкова, но лучше «вписать» его деятельность в исторический контекст. Основные сюжетные линии монографии: среда и ее влияние на формирование личности Милюкова; вклад, сделанный им как в отечественную историческую науку, так и в общественную мысль; взаимосвязь его научной концепции с политической доктриной; изменения, происходившие в приоритетах, составивших основу его научной и политической деятельности.

Автор обращает внимание на природные дарования Милюкова, его склонность и умение делать оригинальные философские и социологические обобщения, выдвигать свежие идеи. Он владел многими иностранными языками, обладал глубокими познаниями в области литературы и искусства. В самых различных ситуациях он являл собой образец самодисциплины, самообладания, пунктуальности, зачастую доходившей до педантизма, сильно развитого честолюбия. Вместе с тем ему были свойственны упрямство, высокомерие, нежелание прислушиваться к чужому мнению, непреклонная

убежденность в своей правоте, переходящая подчас в догматизм и схоластику. Эти черты характера Милюкова подробно охарактеризованы в книге.

На обширном фактическом материале показана в ней атмосфера, царившая в 80—90-е годы в Московском университете, реконструированы содержание и организация работы студентов историко-филологического факультета в семинариях профессоров В. Ф. Миллера, Н. С. Тихонравова, В. И. Герье. Особенное значение для Милюкова имели семинары П. Г. Виноградова и В. О. Ключевского, в которых и определилась будущая проблематика его исследований. Много места отводит автор анализу методики работы Милюкова с источниками, его сотрудничеству в научных обществах, журналах, газетах, его отношениям с историками (С. Ф. Платоновым, А. С. Лаппо-Данилевским, Н. П. Павловым-Сильванским, В. И. Семевским), социологами, юристами, аграрниками (М. М. Ковалевским, С. А. Муромцевым, А. И. Чупровым и др.).

Труды Милюкова («Государственное хозяйство России в первой четверти XVII столетия и реформа Петра Великого», «Главные течения русской исторической мысли XVIII и XIX столетий», «Очерки по истории русской культуры» и др.) рассмотрены автором в контексте развития отечественной и зарубежной исторической науки и общественной мысли. В книге проанализирован вклад ученого в сокровищницу отечественной историографии, показано значение его работ для развития общественно-политического движения в России на рубеже двух веков, реакция широких кругов научной общественности на идеи, содержащиеся в этих трудах. Автор пишет также о многообразной педагогической и просветительской деятельности Милюкова.

Думова права, утверждая, что в 1892—1893 гг. в жизни Милюкова наметился поворот — от науки к политике (с. 135), хотя он и продолжал заниматься исследованием общественной мысли и общественного движения. Об этом, в частности, свидетельствует сборник статей «Из истории русской интеллигенции» (1902 г.), а также его книга на английском языке «Россия и ее кризис» (1905 г.), в основу которой был положен курс лекций, прочитанный в США.

В книге подчеркивается, что Милюков с самого начала своей деятельности занимал центристские

позиции. Разработанная им концепция исторического процесса явилась теоретической базой его как либерала нового типа. Думова повествует о том, как расширялись контакты Милюкова с лидерами «направленческих» журналов — «Русское богатство», «Русская мысль», «Вестник Европы» (В. А. Гольцевым, И. И. Янжулом, А. В. Пешехоновым, В. А. Мякотиним, Н. К. Михайловским и др.), а также с земскими деятелями (братья Долгоруковы, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, Д. Д. Протопопов и др.). Впрочем, круг контактов Милюкова был значительно шире, чем это представлено в книге. Имели место и связи с радикальными политическими деятелями («народоправцами», нелегальными народниками, «легальными марксистами» и т. д.). Сам Милюков признавал, что его позиция в конце XIX — начале XX в. нередко находилась на грани между легальностью и нелегальностью. Неслучайно он неоднократно подвергался арестам, о чем упоминает и автор. Об этом свидетельствует и нижегородская лекция Милюкова, послужившая поводом для его увольнения из Московского университета и высылки в Рязань.

Милюков был представителем новой генерации российских политиков, занявших ведущие позиции в начале XX века. Ему принадлежит одна из ведущих ролей в теоретической разработке идеологии нового либерализма, его программы и принципиально новой модели широкой либеральной партии в России.

В книге содержатся интересные сведения об

участии Милюкова в журнале «Освобождение», охарактеризована его позиция в период русско-японской войны, а также говорится о его участии в Парижской конференции оппозиционных и революционных партий в сентябре 1904 года. Что же касается авторской версии о причинах позднего (в апреле 1905 г.) возвращения Милюкова в революционную Россию, то следует все же иметь в виду, что в тот период (как, впрочем, и позднее, накануне февральских событий 1917 г.) ни Милюков, ни кто-либо из других политических лидеров не представляли еще ни масштабности надвигающихся перемен, ни их глубочайшего внутреннего смысла.

Книга насыщена подробностями из личной жизни Милюкова, благодаря чему облик этого выдающегося историка и политического деятеля обретает особую яркость и силу.

В. В. ШЕЛОХАЕВ

Примечания

1. См.: ДУМОВА Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М. 1982; е е ж е. Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции. М. 1987; е е ж е. Кончилось ваше время... М. 1990; ДУМОВА Н. Г., ТРУХАНОВСКИЙ В. Г. Черчилль и Милюков против Советской России. М. 1989; и др.

Е. Л. РУДНИЦКАЯ. *Русский бланкизм: Петр Ткачев*. М. Наука. 1992. 269 с.

Монография доктора исторических наук Е. Л. Рудницкой (Институт российской истории РАН) продолжает ее исследования о нелегальной демократической печати 60-х — начала 70-х годов XIX в.¹, заполняя пробел в изучении основных направлений народничества. Спокойно, трезво, держа в уме исторический опыт России XX в., не поддаваясь искушению легких публицистических параллелей, автор раскрывает путь П. Н. Ткачева, который выступает в книге как основатель и олицетворение русского бланкизма. Используя широкий круг источников, в том числе архивных и зарубежных, ставших доступными исследователям в последние годы, Рудницкая сумела создать цельную картину духовной и идейной эволюции Ткачева и в ряде случаев существенно уточнить принятые в историографии оценки.

Удачей автора является анализ начального этапа жизни Ткачева, формирования его как революционера и идеолога тоталитаризма. Типичный разночинец, выпавший из рамок традиционного общества и болезненно ощущавший свою неприкаянность в равнодушно-враждебном

мире, недоучившийся гимназист, едва ставший студентом и сразу же очутившийся в гуще антиправительственного движения 1861 г. в Петербурге, Ткачев проявил крайний радикализм. Семнадцатилетний первокурсник, выйдя из Петропавловской крепости, куда он попал за участие в студенческих беспорядках, выплескивает свою ненависть в стихах с призывами к ножу и топору «чтоб свой позор смыть кровью притеснителей» (с. 35) и находит, что «для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет» (с. 26).

Рудницкая отмечает несоответствие между личными качествами Ткачева, его природным добродушием и кровожадным содержанием проповедуемых им идей, но не дает этому объяснения, предоставляя читателю самому проделать небольшой опыт психоанализа, сопоставив раздвоение личности Ткачева, чрезвычайную революционную агрессивность мирного в быту человека с трудным детством (в возрасте четырех лет он лишился отца), отсутствием близких друзей в его жизни, неудачным браком и смертью в молодом возрасте в пси-

хиатрической лечебнице после четырехлетней тяжелой болезни.

Нетерпение Ткачева, его готовность к немедленному осуществлению революции любой ценой, не останавливаясь перед мистификациями и преступлениями, принципиальный макиавеллизм и аморализм, тесное сотрудничество с С. Г. Нечаевым, и вся его революционная теория, пропитанная духом насильственного волюнтаризма,— все это черты политического портрета русского бланкиста, раскрытые в монографии, по-видимому, были связаны с типом личности Ткачева, отражая психологию маргинальных слоев разночинской интеллигенции.

Ткачев интересен автору как последовательный приверженец радикализма, не боящийся доводить до конца выводы из избранной им философско-политической стратегемы. Выводы эти, как показано в книге, вели русский бланкизм к утверждению относительности морали (с. 55, 56), к провозглашению интеллигентско-революционного меньшинства всесильным творцом истории (с. 62), делающим революцию без народа и даже вопреки его «отсталым» мнениям (с. 207), к ставке на насилие в политической борьбе и упованию на государственную мощь в деле коммунистического переустройства общества (с. 126, 145).

Материалы, содержащиеся в книге, в том числе новые данные из фондов Департамента полиции, Гуверовского института войны, революции и мира и ряда документальных публикаций, позволили Рудницкой существенно пересмотреть бытующее в литературе мнение о изолированности Ткачева в России. Отдельная глава посвящена «Обществу народного освобождения», созданному русскими бланкистами. Вывод Рудницкой, что существование этого общества «не было фикцией», а «ткачевизм имел реальные основания в России» (с. 149), достаточно убедителен. Вместе с тем автор оговаривается, что бланкистские организации «в силу своей крайней законспирированности... не оставили заметного следа в российском революционном движении» (с. 207).

Тщательный разбор программных установок русского бланкизма, формулировавшихся на страницах ткачевского «Набата», и сопоставление их с развитием революционного движения в России позволили автору внести свой вклад в затянувшееся обсуждение историками связи идей Ткачева с практикой «Народной воли». Хотя в идейном плане, по словам Н. А. Бердяева, с которым Рудницкая солидарна, «Народная воля» есть победа Ткачева и над П. Л. Лавровым, и над М. А. Бакуниным², сходство программных установок, отмеченное многими исследователями³, сложилось «не под влиянием Ткачева, а в силу логики самого движения» (с. 189), и сопровождалось личным неприятием Ткачева членами Исполнительного комитета (ИК) «Народной воли».

Впрочем, автор напрасно оглядывается на историков, преувеличивающих различия между «великим» ИК (до марта 1881 г.) и заговорщической тактикой народовольцев эпохи упадка, якобы более близкой идеям Ткачева. Мнение о «демократизме» «Народной воли» 1879—1881 гг. основано на историографическом гипнозе В. Н. Фигнер, ухитрившейся с чисто женской непоследовательностью пронести свой демократизм через террор и не заметить противоположности декларируемых ею идеалов методам борьбы за них. Горячая защита Верой Фигнер демократизма ИК в мемуарах и статьях до сих пор довлеет над фактами (в том числе приводимыми Рудницкой, с. 187), свидетельствующими о близости позиций истинных вождей «Народной воли» А. Д. Михайлова, А. И. Желябова, Л. А. Тихомирова авторитарным планам Ткачева. Современники — П. Л. Лавров, Г. В. Плеханов — тоже сомневались в демократизме народовольчества.

Вызывает удивление приписывание авторства прокламации «Барским крестьянам» Н. Г. Чернышевскому после работ В. Ф. Антонова, доказавшего несовместимость ее текста, призывов к насильственной революции с мировоззрением Чернышевского⁴.

Все изложение в монографии подводит к мысли о глубокой близости ткачевства и большевизма, о духовном родстве этих революционно-насильственных течений в освободительном движении. Такая мысль появляется в книге дважды (в историографическом анализе в заключении). В. И. Ленин не зря говорил В. Д. Бонч-Бруевичу: «Ближе всех к нам Ткачев» и восхищался Нечаевым⁵ — он оказался достойным продолжателем дела русского бланкизма. Этим и объясняется особая важность исследования Рудницкой, способствующей более глубокому осмыслению истории русского революционного движения.

Д. В. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Примечания

1. См. РУДНИЦКАЯ Е. Л. Русская революционная мысль. Демократическая печать 1864—1873 годы. М. 1984.
2. БЕРДЯЕВ Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990, с. 59.
3. См.: VENTURI F. Il populismo russo. Vol. 2. Torino. 1952, p. 1100; ВОЛК С. С. «Народная воля». М. 1966, с. 244; ТВАРДОВСКАЯ В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1969, с. 176.
4. См.: АНТОНОВ В. Ф. Историческая концепция Н. Г. Чернышевского. М. 1983; его же. Н. Г. Чернышевский о пореформенной России.— История СССР, 1989, № 2.
5. См. SHUB D. Lenin: A Biography. Baltimore. 1971.

Незавершенная монография чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто (1918—1983) была задумана и начата еще в то время, когда имена и творчество русских историков, оказавшихся после революции и гражданской войны в эмиграции, замалчивались или «упоминались по преимуществу с бранными эпитетами» (с. 3). Составители и комментаторы собрали и подготовили к печати фрагменты этой рукописи, а также подготовительные материалы. Большой интерес представляют библиография трудов более чем 200 историков-эмигрантов, занимавшихся исследованием истории России до 1864 г., сведения об их архивах, биографии многих историков-эмигрантов, в том числе и написанные ими самими.

Вошедшие в книгу материалы, в том числе и главы незавершенной монографии, еще раз подтверждают, что историография русского зарубежья «не американское или европейское, а наше научное наследие» (с. 20). Книга позволяет глубже понять и осмыслить круг тем и проблем, занимавших историков-эмигрантов, их методологические позиции, яснее представить их связь с мировой и советской историографиями. В письме вдове В. Ф. Минорского Татьяне Алексеевне от 9 июня 1970 г. Пашуто писал: «Труды таких людей, как Владимир Федорович, а также Флоровский, Расовский, Острогорский, Соловьев, Мошин и целый ряд других,— открывают передо мной счастливую возможность заниматься историей настоящей науки» (с. 296).

По мнению автора, истоки зарубежной русской историографии — в дореволюционной русской науке (в частности, в школе В. О. Ключевского), однако он возражает тем западным исследователям (Г. Хельму, Р. Вильямсу), которые, как он пишет, готовы отрицать специфику зарубежной русской историографии, «видя в ней часть потока русской дореволюционной эмиграции, уходящей корнями в XIX век». Пашуто полагает, что «русская эмигрантская историография 1920—1945 гг. имеет свои закономерности возникновения, развития и упадка, органически связанные с нарастающим кризисом мирового капитализма» (с. 21).

Мысль эта, как и предложенная автором периодизация развития зарубежной русской историографии (1920—1929, 1929—1939, 1939—1945 гг.), не получила развития в сохранившихся частях незавершенной монографии. Однако есть все основания полагать, что практически почти до начала второй мировой войны русская зарубежная историография развивалась, в общем, в русле, проложенном еще до революции, и вряд ли уж так была связана с «общим кризисом капитализма». Она практически оказалась мало восприимчивой к влиянию новых западных историографических и методологических тенденций. К тому же и западная академическая среда в те годы не проявляла большого

интереса к трудам русских историков-эмигрантов. Пока живы были старшие ее представители, они стремились использовать в полной мере свои научные заделы и накопленные источниковые фонды. Немалую роль сыграло и то, что историки-эмигранты жили надеждами на возвращение на родину и были сосредоточены не столько на интеграции в западноевропейскую академическую общность, сколько на сохранении своей собственной и на переосмыслении в историческом контексте судеб России.

Разумеется, автор не мог не задаться вопросом о взаимодействии историков-эмигрантов с западными коллегами. В ряде случаев оно было успешным. Примером может служить издание в Англии основанных С. А. Коноваловым «Оксфордских славянских записок», которые выходят и поныне, став органической частью британского славяноведения (с. 23). Историки-эмигранты принимали участие в работе Международного комитета исторических наук, а на его VII конгрессе в 1933 г. выступили с изложением евразийской исторической концепции.

Пашуто попытался охарактеризовать научно-исследовательскую, педагогическую и издательскую деятельность историков-эмигрантов. Он предполагал также подробно разобрать теоретические концепции историков-эмигрантов. В книгу вошли две главы: «История России. Общие проблемы» и «Древняя Русь. Проблемы соборности». По мнению Пашуто, в зарубежной русской историографии прослеживаются две основные линии. Первая — теософская, представленная учеными, исходившими из философских теорий В. Соловьева и О. Шпенглера (Л. П. Карсавин, Р. Ю. Виппер), вторая — социологическая (Е. Ф. Шмурло, Н. М. Бицилли, А. В. Флоровский, А. А. Кизеветтер, А. Л. Погодин, А. Н. Фатеев, П. Н. Милюков, П. Б. Струве и др.).

Автор касается евразийских концепций русской истории (Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого), теоретических взглядов Кизеветтера, Бицилли, П. Е. Ковалевского, Ф. Н. Тарановского, Б. Бруцкуса. Хотя при этом и проявляется заметная осторожность в оценке их методологических позиций и даже старание от них отмежеваться, тем не менее из воспроизведенных в книге цитат видно, что Пашуто сам понимал актуальность и значимость выдвинутых историками-эмигрантами соображений насчет кризиса исторической науки и ее актуальных исследовательских задач.

Те из них, которые представляются ему справедливыми (как, например, Бицилли), он относит исключительно к «буржуазной науке». Между тем мысли Бицилли заслуживают особого внимания. Он призывал чутко следить за новыми методологическими тенденциями, вызревающими в самой исторической науке в ходе конкретно-исторических

исследований, а не привносимыми в нее извне — из сферы идеологии и политики, указывал на тяготение историков «ко все большей спиритуализации истории, или — что то же... ко все большему реализму в подлинном смысле слова» (с. 86). Бицилли констатировал, что историография переживает перелом критического свойства, выражающийся в «уменьшении трудов общего характера», «в крайней дифференциации науки», в вырождении ее в «микрографию». По его мнению, весь ход развития исторической мысли свидетельствует о все большем разрыве исторической науки, занятой поисками основ «исторического синтеза», с философией истории (с. 87).

В книге содержатся интересные сведения об отношении историков-эмигрантов к советской историографии. В 20-х годах, особенно их первой половине, некоторые советские историки участвовали в работе эмигрантских научных сообществ (например, в пражском Семинаре им. П. Н. Кондакова), но потом эти связи оборвались. Историки-эмигранты следили за тем, что происходит в советской исторической науке, отмечая ее достижения по некоторым исследовательским направлениям и остро реагируя на грубые проявления партийно-идеологического диктата. Соглашаясь в принципе с критикой М. П. Покровского в адрес эмигрантской историографии, Пашуто в то же время признает, что в «борьбе Покровского и его учеников с эмигрантскими концепциями были и промахи» (с. 92).

Автор упоминает о Е. Ф. Максимовиче, который считал, что «советская партийность науки — это доктрина плюс догма, ведущие к отрицанию свободы творчества». Отрицая «академизм» за его объективизм, указывал Максимович, сторонники

Покровского свели науку к журналистике, смешали популярный и научный уровни, сузили горизонты науки, свернули публикацию источников, относящихся к периоду феодализма, увлекшись критикой А. С. Лаппо-Данилевского, снизили источниковедческую технику, спутали логическое с историческим. Их работам, замечал Максимович, свойственны «эклектичность мысли», хотя они и кишат цитатами, низок уровень дискуссий, которым присуща заданность выводов (с. 92).

А. С. Изгоев упрекал советских историков в «душевной суши» экономического материализма. А. В. Флоровский подчеркивал ответственность историков-эмигрантов за судьбы русской историографии; указывал на необходимость обновления методов исследования, в том числе и для того, чтобы противопоставить нечто позитивное очевидной и препятствующей развитию мысли односторонности, присущей экономическому и классовому подходу, особенно когда он ставится в центр исторического исследования. Нужно, считал Флоровский, написать такую историю России, чтобы страна была показана со всех точек зрения — историко-хозяйственной, духовной и культурной, не упуская из виду ее полиэтничность, международное экономическое и политическое значение. Словом, надо достойно отразить историческое целое «русского мира», тождественного «стране России» (с. 94—95).

Рецензируемая книга открывает перед читателем новые страницы в истории отечественной исторической науки, неотъемлемой составной частью которой была зарубежная русская историография.

К. Е. РОГАЧЕВ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

С больной головы на здоровую

Собирая в архивах материалы о репрессированных командирах Красной Армии, я познакомился с перепиской между председателем Землячества красных партизан при ЦИК СССР Е. А. Щаденко и бывшими кубанскими партизанами, которыми он командовал в годы гражданской войны¹. Они обратились за помощью к своему «вождю» 25 января 1932 г. в трудную минуту: руководство Тацинского района (Северный Кавказ, ныне — Ростовская обл.) решило свести счеты с их боевыми соратниками — председателем колхоза «Путь Ленина» И. И. Шкоденко, секретарем партийной ячейки И. С. Родионовым, завхозом Я. В. Рудяковым, заведующим молочно-товарной фермой Е. Ф. Хоруженко, животноводом К. В. Лучковым.

15 января состоялся суд, и они, обвиненные в бесхозяйственности и расхищении имущества («не вели борьбу с эпидемическими заболеваниями и содержали телят и курей в необорудованных помещениях, в результате чего погибло до 100 голов телят и 22 тысячи племенной птицы»), приговорены были к двум годам лишения свободы. Между тем письма свидетельствуют о том, что районное руководство, олицетворявшее в глазах станичников коммунистическую партию и советскую власть, вопреки всем законоположениям, беззастенчиво обирало только что образованный в станице колхоз, получая продукты из его кладовой (колхозники такой возможности не имели), и это в то время, когда в стране существовала карточная система. Мысль авторов письма о сведении счетов и о том, что «вся районная верхушка брала в этом колхозе: муку, масло, мясо, сало и т. п.»², подтверждает приводимый ниже документ «Список на отпущенные продукты из кладовой колхоза «Путь Ленина» нижепоименованным лицам за наличный расчет: По закрытому киоску — сала 50 кг на сум-

му 75 руб.; ОГПУ Казначиевскому — сливочного масла 2 кг на сумму 6 руб., хлеба 24 кг на сумму 2,6 руб.; ОГПУ Афанасьеву — хлеба 15 кг на сумму 2,25 руб.; народному следователю Казакову — мяса 1 кг на суму 0,75 руб., хлеба 32 кг на сумму 4,8 руб., сливочного масла 1 кг на сумму 3 руб.; секретарю РК ВКП(б) Морозову — хлеба 42 кг на сумму 7,2 руб., мяса 1 кг на сумму 0,75 руб., сливочного масла 2,5 кг на сумму 7,5 руб.; председателю Райзо Пискунову — сливочного масла 2 кг на сумму 6 руб., муки 84 кг на сумму 13,2 руб.; члену бюро РК ВКП(б) Касимовскому — муки 45 кг на сумму 6,75 руб., хлеба 24 кг на сумму 3,6 руб.; прокурору Калашникову — муки 50 кг на сумму 7,5 руб., хлеба 12 кг на сумму 1,8 руб., мяса 1 кг на сумму 0,75 руб., курей 3 кг на сумму 1,5 руб.; предрайисполкома Букрееву — хлеба 25 кг на сумму 3,75 руб., сливочного масла 1 кг на сумму 3 руб.; управление милиции — хлеба 50 кг на сумму 7,5 руб.; нарсудье Макаренко — сливочного масла 1 кг на сумму 3 руб.; управление Госбанка Ковалеву — хлеба 72 кг на сумму 4,8 руб. Всего на сумму 349 рублей. Председатель управления колхоза Харитонов. Бухгалтер — Игуменцев. Счетоводы — Сергеева, Захаров. 26 января 1932 года»³.

В письмах, адресованных Щаденко и наркому по военным и морским делам, председателю Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилову, разоблачаются и бесчестные действия прокурора, числящегося в упомянутом списке: «Районный прокурор товарищ Калашников, который на суде выступал как государственный обвинитель, несколько раз провоцировал нас. Как-то за сутки до суда вызвал нас в кабинет и заявил, что дело ваше сойдет на нет, так как в сущности оно дутое. Обвинять я вас не буду, а передам общественному обвинителю Безсарову. Перед самым судом он нам заявил, что не

бойтесь этого процесса. Вы будете наказаны не более, как на шесть месяцев, в крайнем случае на один год [к] некоторым принудительным работам. Просил, чтобы мы во время суда не оглашали список, по которому выдавались продукты советско-партийным работникам района»⁴.

Судебный фарс состоялся, обвиняемых, безоговорочно поверивших прокурору, обманули, чтобы отвести удар от истинных преступников, которые фактически распоряжались в колхозе, как в своей вотчине, игнорируя правовые и этические нормы.

Как же отнестся к просьбе соратников Щаденко? Он не попытался разобраться в сути дела, помочь им, а наоборот полностью поддержал обвинения в их адрес. Его ответное письмо от 16 февраля полно демагогии. «Подлый прием, к которому пытались прибегнуть эти товарищи (осужденные.— М. Б.), оговорив и очернив весь райком и райисполком за то, что, якобы, они потворствовали пьянству, разложению и разбазариванию колхозного имущества (брали продукты),— пишет Щаденко,— возмутителен и антипартиен. Мало того, что они, разложившись, безответственно подошли к народному имуществу, разбазаривая продукты и скот, дискредитируя себя в глазах окружающего населения, они... пытаются дискредитировать в лице местных советских и партийных органов всю нашу Советскую власть и партию, не понимая того, что они делают этим сугубо контрреволюционное дело...

Понять дело так, что Советская власть и наша партия в лице пролетарского суда поступила со Шкоденко и другими несправедливо, это значит оправдать то безобразное ведение хозяйства, по существу безответственное мародерство, которое допускали Шкоденко и другие... Я требую, чтобы эти товарищи, которые справедливо осуждены Советской властью и партией, были бы осуждены всеми вами, ибо такие поступки без общественно-политического осуждения оставаться не могут... Пусть Шкоденко и другие прежде всего поймут и осознают свое преступление перед Советской властью и партией, пусть не клеветают на партию и власть, а докажут своим поведением, что они осознали свое преступление, и искупят вину,

работая в заключении. И только после этого может быть поставлен вопрос перед Советской властью об их помиловании... Вот мой ответ, который я считаю необходимо опубликовать в местной печати и проработать на партийных, комсомольских, краснопартизанских, колхозных и совхозных собраниях»⁵.

Такой ответ Щаденко не оправдал ожиданий станичников, и они покорились. «Твое письмо дало потрясение всему району,— писал 19 февраля Щаденко председатель землячества красных партизан станицы Тацинской Скрыпников (это он по просьбе Шкоденко вел всю переписку),— оно разбило все мнения отдельных товарищей в отношении суда над членами правления колхоза «Путь Ленина»... Но, товарищ Щаденко, ваш ответ на мое письмо сделал правильную оценку наших запросов, и мы этим удовлетворены, а лично мне — то мой авторитет в районе подорван... Ну часть тут моей вины есть, именно в том, что я не согласовал свое письмо, а сразу же направил вам»⁶.

Переписка характеризует и Щаденко, и людей, которые обратились к нему, своему бывшему командиру, члену Центральной контрольной комиссии ВКП(б) за помощью. Разительно изменилась позиция Скрыпникова, потому что вышестоящий начальник придерживался противоположного мнения. Переписка свидетельствует и о том, что уже в те годы в стране судебные инстанции и прокуратура руководствовались указаниями партийных органов и выполняли их волю. Насаждалось это такими приемами и методами, какие использовал в данном случае Щаденко.

*М. М. Бондарь,
полковник в отставке*

Примечания

1. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 24696, оп. 1, д. 23, лл. 324—334.
2. Там же, лл. 333—334.
3. Там же, л. 329.
4. Там же, лл. 333—334.
5. Там же, л. 324—327.
6. Там же, л. 332.

Зарубежные книги и журналы, поступившие в редакцию

Diplomatia Hungariae Antiquissima. Accedunt epistolae et acta ad historiam Hungariae pertinentia. Vol. I. Ad anno 1000 usque ad annum 1131. Edendo operi. Praefait G. Györffy. In aedibus Academiae Scientiarum Hungariae. Budapest. MCMXCII. 544 p. VI tab.

J. Heikkilä. *Kansallista luokkapolitikkaa. Sosiaalidemokraatit ja Suomen autonomian puolustus 1905—1917. SHS. Helsinki. 1993. 395 p.*

Исторически преглед (София). 1992, №№ 5, 6, 7, 8—9, 10.

Indice historico español (Barselona), Num. 68 bis. Indices del Vol. XIX (1973); Num. 74 bis. Indices del Vol. XXI (1975); Num. 77 bis. Indices del Vol. XXII (1976); Num. 83 bis. Indices del Vol. XXIV (1978).

A. Kan. *Nikolai Bucharin und die skandinavische Arbeiterbewegung. Mainz. Decaton Verlag. 1993. 220 S.*

Kasarmin aidan kahden puolen. Kaksisataa vuotta suomalaista varuskunrayhteisöä. J. T. Lappalainen (toim). SHS. Helsinki. 1993. 189 p.

Kotomaan koko kuva. Kirjotuksia elokuvasta ja 1930-luvun sosiaalhistoriasta. E. Katainet (toim). SHS. Helsinki. 1993. 232 p.

Die Protokolle des gemeinsamen Ministerrates des Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1867—1918. Bd. IV. 1883—1895. Bearb. von. I. Diószegi. Akadémiai Kiado. Budapest. 1993. S. 810.

Przegląd Zachodni (Poznań), 1992, № 2 (263), № 4 (265).

Revista istorica (Bucureşti). 1992, № 7—8. 9—10, 11—12.

K. Saarikangas. *Model Houses for Model Families. Gender Ideology and the Modern Dwelling. The Type-Planned Houses of the 1940s in Finland. SHS. Helsinki. 1993. 403 p.*

M. Takala. *Lex Dei — lex Politica Dei. Lex Politica Dein — teos ja Kaarle IX:n lainsäädäntö, SKHS, SHS. Helsinki. 1993. 292 p.*

West-östliche Spiegelungen. Hrsg. von Lew Kopelew. Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Hrsg. von D. Hermann. Wilhelm Fink Verlag. München. 1992. 648 S.; Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert. Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800—1871). Hrsg. von M. Keller. Wilhelm Fink Verlag. München. 1992. 948 S.

W. H. Zawadzki. *A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Stateman of Russia and Poland 1795—1831. Oxford. Clarendon Press. 1993. 374 p.*

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (Heidelberg — Berlin). 1993, № 3, 4, 5.

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February — March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: **A. B. Borodin** United Nobility and Agrarian Reform. **I. V. Mikhutina**. The USSR Through the Eyes of Polish Diplomats (1926—1931). Historical Profiles. **A. I. Nemirovskij**. John the Baptist. Reminiscences. Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. Materials of the Commission of Inquiry CC RSDRP on the Case of R. V. Malinovskij (May — November 1914). (Introduction by Ju. N. Amiantov and Z. N. Tikhonova). History and Fates. **A. I. Denikin**. The Essays of the Troubled Time in Russia. Historians of Russian Emigration. **E. F. Shmurlo**. **S. M. Solovjev** (Introduction by **S. G. Jakovenko**). People. Facts. Events. **A. N. Eroshkina**. **I. I. Betskoj** — a Public Figure of the Epoch of Educated Absolutism. **A. S. Khodnev**. Decline of League of Nations. Historiography. **Reviews on Books:** American Historian About The First Russian Revolution. **M. N. Denisevich**. Individual Farms in the Urals (1930—1985). **R. Debo**. Survival and Consolidation. The Foreign Policy of Soviet Russia 1918—1921. Montreal-Kingston-London-Buffalo. **G. A. Gerasimenko**. The First Act of People's Power in Russia: Public Executive Committees (1917). **N. G. Dumova**. Liberal in Russia: Tragedy of Incompatibility (A Historical Portrait of **P. N. Miljukov**). **E. L. Rudnitskaja**. Russian Blancism: **Petr Tkachev**. **V. T. Pashuto**. Historians Among Russian Emigration in Europe. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка без разрешения журнала «Вопросы истории» не допускается

«Вопросы истории» № 9, 1993.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор **Е. П. Лебедева**

Сдано в набор 06.07.93. Подписано в печать 03.09.93. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6. Уч.-изд. 20,25. Тираж 30 000. Заказ 3893. Индекс 70145

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории», ЦОО «САШКО»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий», 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на журнал
«Вопросы истории»
на первое полугодие 1994 года.

Стоимость подписки	на 1 месяц	— 100 руб.
(без доставки)	на 3 месяца	— 300 руб.
	на 6 месяцев	— 600 руб.

Подписной индекс журнала — 70145
(см. *Дополнение № 1 к каталогу «Газеты и журналы на 1994 год»*).

Вы можете оформить подписку непосредственно в редакции и там же получать журнал, то есть не платить за доставку.

Вы можете также приобрести в редакции или заказать, перечислив предварительно 120 руб. (цена книги плюс почтовые расходы), книгу «Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства».

Адрес редакции:

103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2.
Редакция журнала «Вопросы истории»
Челноковой О. К.

Рассылка книги осуществляется только на территории Российской Федерации.

Готовится к изданию сборник документов

«Петроградский Совет рабочих и солдатских
депутатов в 1917 году (протоколы, стенограммы,
отчеты, резолюции, постановления общих
собраний, секций, заседаний Исполнительного
комитета и фракций
27 февраля — 25 октября 1917 г.)»

*По вопросам приобретения для библиотек научных институтов
обращаться по адресу:*

191028, Санкт-Петербург, Моховая, 20, Издательство «Библиотека
«Звезды». Тел. 273-52-56.

Цена каждого тома — 1000 рублей. В свободной продаже будет
только 150 экземпляров.

Индекс 70145

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**